

Черниговский государственный педагогический университет
имени Т.Г.Шевченко

К.М. Ячменихин

**АРМИЯ И РЕФОРМЫ:
ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕН-
НИЯ
В ПОЛИТИКЕ РОС-
СИЙСКОГО
САМОДЕРЖАВИЯ**

Сіверянська думка

Чернигов
2006

ББК 51-541
Я 95
УДК 94(47)''18'': 338.245

Публикуется по решению ученого совета Черниговского государственного педагогического университета имени Т.Г. Шевченко (*протокол №11 от 30.06.2006 г.*)

Рецензенты

доктор исторических наук, профессор
А.И. Комиссаренко

доктор исторических наук, профессор
В.А. Дятлов

Ячменихин К.М.

Я 95 **Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия.** – Чернигов: «Сіверянська думка», 2006. – 444 с.

ISBN 966-7743-49-7

В монографии доктора исторических наук К.М. Ячменихина анализируются причины создания военных поселений в России, особенности их функционирования. Особое внимание уделяется социальной, административной и хозяйственной структуре этого уникального государственного института первой половины XIX в.

Книга предназначена для специалистов-историков, студентов и преподавателей гуманитарных специальностей, для читателей, интересующихся российской историей.

ББК 51-541
УДК 94(47)''18'': 338.245

ISBN 966-7743-49-7
2006

© К.М. Ячменихин,

Моему сыну – Вадиму
посвяща

ВВЕДЕНИЕ

*Еще видел я под солнцем:
место суда, а там беззаконие;
место правды, а там неправда*

Екклезиаст, гл. 3 (16)

В панораме бурных социально-экономических и политических событий первой половины XIX в. история военных поселений занимает особое место. Рассматриваемая эпоха, связавшая период просвещенного абсолютизма с Великими реформами 1860-х – 1870-х гг., примечательна тем, что именно в ней отразились и преломились все крайности российского абсолютизма: от попыток реформирования государственной системы на путях конституционализма до откровенно реакционных мер, затрагивающих все стороны общественной жизни.

Кризис государственной системы, который отчетливо стал проявляться после окончания Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, коснулся и святая святых государства – вооруженных сил. Развитие капиталистических отношений в западноевропейских странах, усиление межгосударственных противоречий повлекли за собой коренные изменения в стратегии и тактике ведения крупномасштабных войн. Для этого нужна была не столько большая кадровая армия, сколько значительные, хорошо подготовленные резервы, которые, как правило, могли быть созданы на основе всеобщей воинской повинности.

Сохранявшиеся в России крепостнические отношения консервировали рекрутскую систему и не позволяли перейти к эффективным принципам комплектования армии и ее резервов.

Вследствие этого правительство вынуждено было держать под ружьем около миллиона человек, что поглощало до 50% бюджета страны. В этих условиях Александр I и его окружение вынуждены были начать поиск выхода из сложившегося положения. В рамках существующей государственной системы подобные намерения могли вылиться только в паллиативные меры, реализованной формой которых и явилась система округов военных поселений.

Создание военных поселений означало значительную корректировку внутривластного курса страны. Правительство Николая I, в значительной степени реформировав поселенную систему, продолжило ее использование для создания надежной базы снабжения войск продовольствием и фуражом, а также для постоянного расквартирования войск. Следовательно, являясь одним из государственных институтов первой половины XIX в., военные поселения оказывали значительное влияние на формирование политического курса страны и особой ментальности у определенной части ее жителей.

Поэтому, на наш взгляд, представляется актуальным изучение военных поселений не только как особой формы организации армии, но и углубленное исследование их административно-хозяйственной структуры, установление органических связей реалий функционирования экономики военных поселений с социально-экономическим развитием страны. Следовательно, без детального изучения истории военных поселений невозможно адекватно оценить развитие Российской империи в первой половине XIX в. Кроме того, исследование форм и методов функционирования системы военных поселений должно способствовать выявлению особенностей политики самодержавия в условиях системного кризиса государства, ориентированного на сохранение крепостнических отношений.

Трудности изучения указанной проблемы заключаются в том, что за полувековой период существования военных поселений в их орбиту были включены обширные территории в различных регионах страны и почти все категории податного населения. Численность поселенных войск, права и обязанности различных категорий военных поселян, хозяйственная структура и методы управления военными поселениями не оставались постоянными, а претерпевали весьма сложную эволюцию.

Сложность и многофакторность истории военных поселений потребовали детального анализа как отдельных периодов их существования, так и различных регионов их дислокации, выявления их особенностей и специфики. Появление в последнее время таких работ позволило выйти на достаточно высокий уровень обобщений, и проанализировать историю военных поселений в комплексе.

Выражаю искреннюю благодарность за неоценимую помощь в подготовке настоящей монографии моим учителям – профессорам исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова Владимиру Александровичу Федорову и Ларисе Георгиевне Захаровой, а также коллегам по «цеху» – Татьяне Николаевне Кандауровой и Борису Борисовичу Давыдову. Большую помощь оказали мне сотрудники Российского государственного военно-исторического архива и Российской государственной публичной исторической библиотеки. Ценными для подготовки издания оказались замечания и предложения Владимира Александровича Дятлова, Аркадия Ивановича Комиссаренко, Сергея Владимировича Мироненко, Леонида Романовича Горланова. Неоценимую помощь при подготовке рукописи к изданию оказала Юлия Михайловна Примаченко. Огромное Вам всем спасибо!

Глава I. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ О ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ

Литература

Историография военных поселений включает значительное количество работ, отличающихся как по жанру, так и объему, но все они, как правило, касаются лишь отдельных сюжетов проблемы¹. Попытки Л.П. Богданова и В.А. Ананьева комплексно осветить историю военных поселений должны быть признаны неудачными, поскольку являются преимущественно компиляцией ранее изданных работ и сводятся к частностям, оставляя проблему открытой². На наш взгляд, главная причина того, что заявленные названия работ не соответствуют содержанию, заключается в том, что авторы из-

¹ Ячменихин К.М. Военные поселения в русской дореволюционной и советской историографии // Вестник Моск. ун-та. – 1985. – №3. – С. 63-71.

² Богданов Л.П. Военные поселения в России. – М.: АИО «Принт», 1992; Ананьев В.А. Военные поселения в России. – Автореф. дисс... канд.ист.наук. – Л., 1989.

бегают работы с архивными материалами, используя и весьма неудачно

интерпретируя известные и во многом сомнительные факты, почерпнутые из мемуаров современников военных поселений, опубликованных во второй половине XIX в.

Основы изучения истории военных поселений были заложены в дореволюционной историографии, где наряду с трудами общего характера³ и только попутно затрагивающих суть проблемы, мы находим ряд специальных работ, в которых рассматриваются вопросы управления и хозяйственного развития военных поселений⁴. Часть из них написана с использованием архивных материалов, которые были доступны авторам. Это, в основном, отчеты по военным поселениям, а также опубликованные материалы законодательного характера. Следует отметить, что А.Н. Петрову и П.П. Карцову присуще стремление к объективности в оценке военных поселений, что резко выделялось на фоне их негативного восприятия в обществе. Думается, что именно последнему удалось в значительной мере понять и оценить замыслы авторов и исполнителей идеи военных поселений, хотя избежать определенной апологии А.А. Аракчеева ему не удалось.

Не могли не затронуть отдельные сюжеты истории военных поселений историографы царствований Александра I и Николая I⁵, биографы А.А. Аракчеева и других государственных деятелей России первой половины XIX в.⁶, исследователи общественной мысли данного периода⁷. История военных поселений

³ Михеев З.С. История русской армии. Переходная эпоха (1815-1856 гг.). – Вып. IV. – М., 1911.

⁴ Петров А.Н. Устройство и управление военными поселениями в России // Граф Аракчеев и военные поселения. – СПб., 1871. – С. 87-193; Щербальский П.Г. Военные поселения и граф Аракчеев // Русский вестник. – 1871. – №10. – С. 485-536; Карцов П.П. О военных поселениях при графе Аракчееве // Русский вестник. – 1890. – №2. – С. 139-171; №3. – С. 82-113; №4. – С. 75-121.

⁵ Богданович М.И. История царствования императора Александра I и Россия в его время. – Т. V-VI. – СПб., 1868-1872; Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. – Т. IV. – СПб., 1898; Он же. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. Т. II. – СПб., 1903.

⁶ Кизеветтер А.А. Император Александр I и Аракчеев // Исторические очерки. – М., 1912; Он же. Аракчеев // Русская мысль. – 1910. – №11. – С. 42-72; №12. – С. 1-31; Кропотков Д.А. Жизнь графа М.Н.Муравьева. – СПб., 1874.

⁷ Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. – М., 1907; Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. – СПб., 1909.

Глава I. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ О ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ
с точки зрения методов и форм комплектования и обучения армии анализировалась в юбилейных сборниках, посвященных 100-летию Военного министерства⁸ и 100-летию Отечественной войны 1812 года⁹.

На наш взгляд, в дореволюционной историографии военных поселений можно условно выделить два периода: первый – конец 60-х – 80-е гг., второй – 90-е – начало XX в. Т.Н. Кандаурова, в принципе соглашаясь с такой периодизацией, предлагает выделить еще один, т.н. начальный, период их изучения – 1825 – 1860-е гг.¹⁰. Действительно, отдельные публикации как в России, так и в Западной Европе уже появляются в указанный период, но для того, чтобы проблема стала предметом научного исследования, необходимо было сформулировать теоретический подход к источниковой базе. По признанию же самой Т.Н. Кандауровой, на этом этапе «было только положено начало накоплению фактического материала, вводились в научный оборот некоторые статистические данные»¹¹.

Для первого периода характерно начало систематизации и теоретического осмысления архивных материалов и других источников (работы М.И. Богдановича, А.Н. Петрова, П.Г. Щербальского и других). В работах второго периода намечается тенденция выхода на концептуальный уровень обобщений, прослеживаются попытки интерпретации военных поселений как части внутренней политики правительства (работы Н.К. Шильдера, П.П. Карцова, А.А. Кизеветтера, великого князя Николая Михайловича и других). Немаловажным, на наш взгляд, является и тот факт, что историографический прорыв в изучении военных поселений связан с периодом разработки и реализации буржуазных реформ. Прагматическая задача исследователей заключалась, по-видимому, в том, чтобы на «отрицательном» примере военных поселений подтолкнуть правительство Александра II к проведению радикальных реформ в армии.

⁸ Щепетильников В.А. Комплектование войск в царствование императора Александра // Столетие военного министерства 1802-1902. – Т. IV. – Ч. I. – Кн. I. – СПб., 1902.

⁹ Мельгунов С.П. Правительство и общество после войны // Отечественная война и русское общество. – Т. 7. – М., 1912.

¹⁰ Кандаурова Т.Н. Херсонские военные поселения: 1817-1832 гг. (Административно-хозяйственная структура). – Автореф. дисс... канд.ист.наук. – М., 1990. – С. 10.

¹¹ Там же.

В современной отечественной историографии предпринималось несколько попыток проанализировать историографию военных поселений¹², некоторые из них, на наш взгляд, являются не совсем удачными. Думается, что это явилось следствием одномерного методологического подхода, присущего советской исторической науке, а также недостаточного знания источниковой базы проблемы. Так, например, Т.Д. Липовская причисляет историков охранительного направления М.И. Богдановича и Н.К. Шильдера к безоговорочным апологетам военных поселений. В действительности же, М.И. Богданович, который фактически первым обратился к научному изучению истории военных поселений в России, полагал, что их режим был обременительным для поселян, которые, якобы, не имели возможности «заниматься каким-либо посторонним промыслом». Более того, он утверждал, что «в государственно-экономическом отношении военные поселения вредны. Устройство их стоило весьма дорого, требовало большого ремонта и далеко не вознаграждало издержанных сумм продовольствием от земли военного поселения. В политическом отношении военные поселения, образуя особую касту, чуждую всему прочему населению империи, угрожали России такими же волнениями и опасностями, какие были последствием поселения легионеров в пограничных областях древнего Рима»¹³.

Аналогичных взглядов на военные поселения придерживался и Н.К. Шильдер, который подчеркивал, что в отношении военных поселений «идея государя была ошибочна не только в политическом, но даже в экономическом смысле», а режим военных поселений «представлял собой по существу своему новый вид крепостного права более ужасного, чем существовавшее»¹⁴. Следовательно, выводы Т.Д. Липовской не соответствуют действительности, поскольку искажается концепция отдельных авторов в вопросах оценки военных поселений. Можно предположить, что в данном случае сработал

¹² Липовская Т.Д. Социально-экономическое положение военных поселян на Украине (1817-1857 гг.). – Днепропетровск, 1982. – С. 4-13; Блашков Ю.А. Военные поселения на территории Белоруссии в первой половине XIX в. – Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Минск, 1984; Богданов Л.П. Указ. соч. – С. 3-10; Ячменихин К.М. Военные поселения в русской дореволюционной и советской историографии // Вестник Моск. ун-та. – 1985. – №3. – С. 63-171.

¹³ Богданович М.И. Указ. соч. – Т. VI. – С. 127, 367.

¹⁴ Шильдер Н.К. Указ. соч. – Т. IV. – С. 28, 40.

Глава I. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ О ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ
известный принцип полярности подходов к историческим явлениям в дореволюционной и советской историографии, которая не считала себя преемницей первой. Насколько этот методологический принцип неверен, мы убедимся на примере истории военных поселений. Для этого необходимо осмыслить историографический материал с позиций современного уровня методологии исторической науки, который настоятельно требует отхода от монистического взгляда на историю и утверждения подлинно плюралистического метода в познании исторического процесса, трактуемого как взаимодействие многих факторов объективного и субъективного характера.

Необходимо согласиться с А.Н. Бохановым, который утверждает, что человеческому сознанию в большей или меньшей степени свойственно модернизировать прошлое, исходя из оценок и мироощущения сегодняшнего дня¹⁵. Действительно, с вершины исторического опыта бывает трудно непредвзято оценивать те или иные исторические факты, деятельность исторических персонажей, объяснять мотивацию их поступков. Последующие знания вольно или невольно окрашивают реалии ушедших времен. Советская историография, четко разделив историю на черную и белую, исключила из процесса познания целые ее пласты. Эта участь не обошла и военные поселения, которые определялись как крайняя форма «феодально-крепостнического режима».

Не претендуя на полный охват проблемы и неоспоримость предлагаемых концепций, попытаемся в настоящей монографии непредвзято проанализировать историографию и историю военных поселений, поставив во главу угла исторический и историографический факт. Будучи субъектом познания, мы не можем претендовать на абсолютную объективность оценок рассматриваемых событий, явлений и процессов, поскольку разделяем постмодернистскую трактовку любого научного знания, как явления релятивного. Хотелось бы также заметить, что исторической науке до сих пор не удалось четко сформулировать универсальный закон исторического развития и выработать «единственно верные» критерии познания исторического процесса. Попытки современных авторов, разрабатывающих проблемы социальной истории, опираться на разнообразные методы

¹⁵ Боханов А.Н. Александр Иванович Гучков // Россия на рубеже веков: исторические портреты. – М., 1991. – С. 111.

познания, в том числе и марксистский, являются, на наш взгляд, наиболее перспективными в деле продвижения к истинному пониманию прошлого.

* * *

Проблемно-хронологический срез дореволюционной историографии проблемы показывает, что основное внимание исследователи уделяли анализу причин введения военных поселений и поиску их аналогов. Еще в 1825 г. первую попытку в данном направлении предпринял М.М. Сперанский¹⁶. Б.Б. Давыдов верно оценивает эту работу как пропагандистскую¹⁷, а А.В. Предтеченский убедительно доказал ее апологетичность¹⁸. Главная причина введения военных поселений, по мнению большинства авторов, была связана с тяжелым финансовым положением страны после Отечественной войны 1812 г., а также необходимостью сохранения значительной регулярной армии и облегчением рекрутской повинности податного населения. Автором идеи справедливо называется Александр I, а А.А. Аракчеев – ее ревностным исполнителем. Н.К. Шильдер и В.П. Никольский полагают, что форма организации военных поселений могла быть заимствована из работы французского генерала Ж. Сервана «*Sur les forces frontières des états*» (1809 г.), в которой обосновывается идея о возможности соединения военной службы с ведением хозяйства¹⁹. А.Н. Петров указывает на знакомство в России с ландверной системой Герхарда Шарнхорста в Пруссии, введенной после Тильзитского мира²⁰. Н.В. Путьята попытался доказать, что аналогом военных поселений в России (по форме организации) явились граничарские поселения Австрии на турецкой границе²¹.

¹⁶ Сперанский М.М. О военных поселениях. – СПб., 1825.

¹⁷ Давыдов Б.Б. Сперанский о военных поселениях в России (по материалам ЦГВИА СССР) // Советские архивы. – 1988. – №4. – С. 88.

¹⁸ Предтеченский А.В. Брошюра М.М.Сперанского «О военных поселениях» // Анатолий Васильевич Предтеченский. Из творческого наследия. – СПб., 1999. – С. 177-188.

¹⁹ Шильдер Н.К. Указ. соч. – Т. IV. – С. 23; Никольский В.П. Внутренний быт и состояние русской армии // История Русской армии и флота. – М., 1911. – С. 134.

²⁰ Петров А.Н. Указ. соч. – С. 88.

²¹ Путьята Н.В. Обзор жизни и царствование императора Александра I // Деятнадцатый век. – Кн. I. – СПб., 1872. – С. 485.

Немаловажное значение в дореволюционной историографии придавалось вопросу о начале формирования поселенной системы войск. Используя архивные материалы, Н.В. Путья, Г. Александров и ряд других авторов доказывали, что первый опыт введения военных поселений относится к кануну Отечественной войны, когда в Могилевской губ. была произведена попытка поселения запасного батальона Елецкого пехотного полка. За точку отсчета брался указ от 9 ноября 1810 г. (о поселении батальона) и не учитывался подготовительный период, который продолжался до весны 1812 г.²²

Был поставлен и начал изучаться вопрос о хозяйственной структуре и управлении военными поселениями. Аналитически он освещен только в указанной работе полковника генерального штаба А.Н. Петрова²³. На примере Новгородских военных поселений пехоты он попытался проанализировать структуру округа поселенного полка и схему его управления. П.П. Карцов и А.С. Лыкошин сосредоточили свое внимание на деятельности полковых и ротных комитетов, лишь попутно касаясь функционирования центральных органов управления военными поселениями²⁴. Таким образом, в дореволюционной историографии были заложены основы изучения данного сюжета. Вне поля зрения исследователей остались вопросы организации и функционирования центральных органов управления военными поселениями – Экономического комитета, штаба отдельного Корпуса военных поселений, Главного штаба е.и.в. по военному поселению и Департамента военных поселений Военного министерства. Не ставился вопрос о взаимодействии указанных органов управления с государственным аппаратом страны.

В 70-е годы XIX в. началось изучение экономики военных поселений, при этом исследователи, как правило, ограничивались лишь констатацией «экономических заведений», которые функционировали в Новгородских поселениях²⁵. Структура крестьянского хозяйства как в округах пехоты, так и в округах кавалерии не являлась предметом исследования. Поэтому

²² Федоров В.А. Солдатское движение в годы декабристов 1816-1825 гг. – М., 1963. – С. 26.

²³ Петров А.Н. Указ. соч. – С. 117-130.

²⁴ Карцов П.П. Указ. соч. // Русский вестник. – 1890. – №2. – С. 166-168; Лыкошин А.С. Военные поселения // Великая реформа. – Т. II. – М., 1911. – С. 86-97.

²⁵ Петров А.Н. Указ. соч. – С. 127.

некоторые авторы были склонны видеть причину неудачи военных поселений времен царствования Александра I не в неподготовленности и паллиативности самих преобразований, ухудшавших положение бывших крестьян, а в неверном выборе средств их реализации²⁶.

Большинство исследователей трактовало население округов как некую однородную в правовом и социальном отношении группу. Лишь П.П. Карцов предпринял весьма удачную, на наш взгляд, попытку выделить отдельные категории военных поселян – поземельную и строевую, не анализируя при этом социально-правовое положение каждой из них²⁷. Вообще для этого автора характерен высокий уровень использования архивных материалов, что способствует достаточно убедительной аргументации его концепции.

Дореволюционная историография не могла пройти мимо фактов сопротивления военных поселян насаждавшейся системе. Основное внимание было уделено восстанию 1831 г. в Новгородских поселениях пехоты, которое большинство авторов связывало с серией «холерных бунтов»²⁸. А.Г. Слезкинский, обнаружив в архивах неизданные подтверждения в отношении участников этого восстания, ограничился лишь подсчетом количественных данных, не предпринимая попыток разобраться в причинах и ходе восстания²⁹. Первым это сделал Е. Орлов, который опирался, в основном, на опубликованные источники личного происхождения. В своих оценках он не выходит за рамки общепринятой в то время концепции «холерных бунтов»³⁰.

Неверно решался вопрос о темпах развития поселенной системы. Так, принимая высочайшие указы о поселении пехотных и кавалерийских полков за их полное «водворение» (т.е. устройство), все без исключения исследователи пришли к выво-

²⁶ Н.Д.Н. Общий обзор преобразований по части устройства вооруженных сил России с 1856-1860 гг. // Военный сборник. – 1861. – №1. – С. 20.

²⁷ Карцов П.П. Указ. соч. // Русский вестник. – 1890. – №2. – С. 150.

²⁸ Шильдер Н.К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование..., С. 370-371; Карцов П.П. Указ. соч. // Русский вестник. – 1890. – №4. – С. 93; Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. Опыт исторического исследования. – М., 1999.

²⁹ Слезкинский А.Г. Бунт военных поселян в холеру 1831 г. По неудачным подтверждениям. – Новгород, 1894. – С. 37-87.

³⁰ Орлов Е. Бунт военных поселян в 1831 г. // Русский вестник. – 1897. – №2. – С. 122-143; №9. – С. 80-99; №11. – С. 137-161; №12. – С. 87-118; 1899. – №10. – С. 501-516; №11. – С. 89-103; №12. – С. 647-664.

Глава I. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ О ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ
ду о фантастически быстром поселении гренадерского корпуса, а также ряда уланских и кирасирских дивизий уже к концу царствования императора Александра I. Этот тезис практически без изменений был заимствован советской историографией, что привело к значительному искажению фактической истории военных поселений.

Анализ дореволюционной историографии военных поселений свидетельствует, что она накопила определенный фактический материал, касающийся истории военных поселений и заложила основы ее научного изучения. Была введена в научный оборот часть архивных материалов, источников личного происхождения, выделен ряд направлений в рассматриваемой проблеме. Однако, авторам не удалось определить место военных поселений в социально-экономической и политической структуре России первой половины XIX в. На наш взгляд, это является, прежде всего, следствием ограниченности источниковой базы исследований. Ко всему прочему, история военных поселений заканчивалось почему-то первыми годами правления императора Николая I (до восстания 1831 г.). Негативные, в основном, оценки военных поселений вытекали, как правило, из сугубо субъективных восприятий личных качеств и оценок государственной деятельности «главного над военными поселениями начальника» графа А.А. Аракчеева. В большинстве своем эти оценки были полностью заимствованы советской историографией.

Бросается в глаза и тот факт, что авторы обращались к истории военных поселений, как правило, в момент обострения социальных противоречий как в России, так и в странах Западной Европы. Во времена Великих реформ либерально настроенная историография специально хотела обратить внимание общественности на «реакционность» внутренней политики прошедших царствований. Именно этим можно объяснить позицию П.Г. Щербальского, видевшего в военных поселениях огромные военно-рабочие коммуны, где «человек переставал принадлежать себе и становился вещью той коллективной единицы, которую Фурье называл фалангой, а Аракчеев военными поселениями». Аракчеев же, по его мнению, был «сановным коммунистом», который «предубеждая социалистические теории нашего времени.., сделал все возможное для удовле-

ния материальным потребностям (так в тексте – К.Я.) и для благоустройства поселенной общины»³¹.

В западноевропейской литературе, так же как и в России, первые отклики на военные поселения появляются сразу при их массовом введении. В начале 1820-х гг. английский путешественник и публицист Р. Лайелль после посещения России, в том числе и военных поселений, опубликовал статью, а затем небольшую брошюру, в которой утверждал, что военные поселения «могут эффективно способствовать ускорению цивилизации во всей империи»³². Весьма оригинальной была его оценка роли императора и значимости военных поселений: «Если бы император Александр не сделал для своего государства ничего более, кроме сего огромного единственного учреждения, то уже заслужил бы стоять наряду с Петром Великим»³³. Отмечая хорошо налаженную систему подготовки кантонистов в военных поселениях, а также возможности значительного увеличения численности русской армии за счет самокомплектования поселенных войск, автор предостерегает западноевропейского читателя от легкомысленного отношения к этому новому явлению в политике русского правительства. Работа Р. Лайелля в значительной степени повлияла на концепцию А. Раббе и А. Эгрона, которые считали военные поселения одной из важнейших реформ правительства Александра I³⁴.

В советской историографии начало изучения истории военных поселений относится к 1920-м гг., когда происходило становление марксистско-ленинской исторической науки. В этот период появляются работы С.Я. Штрайха, С.Я. Гессена и А.А. Кункля, которые носили, преимущественно, научно-популярный характер и были призваны, в первую очередь, ознакомить широкие читательские круги с классовой борьбой в русской армии XIX в.³⁵ Вместе с

³¹ Щебальский П.Г. Военные поселения и граф Аракчеев // Русский вестник. – №10. – С. 495.

³² Lyall R. An Account of the Organization, Administration and Present State of the Military Colonies in Russia. – London, 1824.

³³ Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 247. – Л. 392 об.

³⁴ Rabbe A. Histoire d'Alexandre 1er, empereur de toutes Russies et de principaux evenements de son regne. – Bruxelles, 1826; Egron A.C. Vie d'Alexandre 1er, empereur de Russie. – Paris, 1826.

³⁵ Штрайх С.Я. Брожение в армии при Александре I. – Пг., 1922; Гессен С.Я. Солдатские волнения в начале XIX в. – М., 1929; Он же. Холерные бунты. –

Глава I. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ О ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ
тем, в них уже прослеживаются попытки дать оценку военным поселениям с позиций формационной теории.

Значительный вклад в разработку проблемы внесли работы О.Д. Багалей-Татариновой (дочери академика Д.И. Багалая), которая первой из советских исследователей положила начало широкому привлечению архивных материалов, касающихся данной проблемы, а также поставила вопрос о монографическом исследовании истории военных поселений³⁶. Накануне Великой Отечественной войны она завершила диссертацию о военных поселениях на Украине³⁷. Трагическая гибель исследовательницы в период оккупации Харькова не позволила завершить начатый труд. О.Д. Багалей-Татаринова разрабатывала, в основном, политические аспекты истории военных поселений, сюжеты, связанные с социально-экономическими вопросами, остались вне ее поля зрения.

В 30-е гг. основное внимание уделялось проблемам классово-борьбы в военных поселениях, эта же традиция была продолжена и в следующем десятилетии. Восстание 1831 г. в Новгородских поселениях анализируется в работах П.П. Евстафьева и М.В. Садовниковой³⁸. Работа П.П. Евстафьева написана с использованием широкого круга источников, данные из которой обильно цитируются в диссертации М.В. Садовниковой. Причины восстания оба автора видят, прежде всего, в «суровом аракчеевском режиме» военных поселений, не учитывая их значительную трансформацию в связи с реализацией «Положений» 19 ноября 1826 г. Рецензируя работу П.П. Евстафьева, С.Я. Гессен справедливо указывает на ряд ее недостатков, требуя при этом от автора разрешения невыполнимой на тот период задачи – исследовать историю воен-

М., 1932; Кункль А.А. Аракчеевская барщина. – М., 1927; Он же. Аракчеевщина. – М., 1929.

³⁶ Багалей-Татаринова О.Д. Нарис з історії військових поселень на Україні // Науковий збірник Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури. – Харків, 1925. – №5. – С. 63-96; Она же. Нариси з історії військових поселень на Україні. Проект військових поселень Аракчєєва 1817 р. // Там же. – №6. – С. 131-143.

³⁷ Багалей О.Д. История военных поселений на Украине. – Харьков, 1941 (Рукопись диссертации хранится в Российской Государственной библиотеке. Далее – РГБ).

³⁸ Евстафьев П.П. Восстание военных поселенцев Новгородской губернии в 1831 г. – М., 1934; Садовникова М.В. Восстание военных поселенцев в 1831 г. – Дисс... канд. ист. наук. – Баку, 1948.

ных поселений за весь период их существования и по всем регионам дислокации³⁹.

В 50-е – 60-е гг. значительный вклад в изучение военных поселян внес В.А.Федоров, который впервые ввел в научный оборот значительное количество материалов, хранящихся в РГВИА и архивах Украины⁴⁰. Он первым из советских историков предложил трактовать военные поселения как определенную форму «проявления государственного феодализма», как новую систему феодальных отношений между государством и крестьянами⁴¹. В.А. Федоров также предпринял попытку выделить некоторые категории военных поселян и исследовать их правовое положение⁴². Не могли не затронуть проблему военных поселений и историки, разрабатывающие общие проблемы социально-экономической и политической истории России и Украины первой половины XIX в.⁴³

Таким образом, советские историки, опираясь на новый массив источников и применяя формационную теорию при анализе классовой борьбы, практически заново изучили восстания в военных поселениях, выявили их определенную закономерность и определили их место в классовой борьбе указанного периода. Однако, данный метод, монистический по своему характеру, мало обращающий внимание на субъективные факторы исторического процесса, не позволил, на наш взгляд, правильно решить вопрос о причинах и последствиях этих выступлений. Исходя из господствовавшей в это время методологии, трудно ответить на вопрос: почему все волнения в округах военных поселений (за исключением восстания 1831 г.) происходили только в период формирования округов. На наш взгляд, единственной реальной их причиной была естественная реакция крестьянства и казачества на изменение их правового статуса.

³⁹ Гессен С.Я. П.П. Евстафьев. Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 г. // Исторический сборник. – 1954. – №3. – С. 362-364.

⁴⁰ Федоров В.А. Борьба крестьян России против военных поселений (1810-1818 гг.) // Вопросы истории. – 1952. – №11. – С. 112-124; Он же. Восстание военных поселян в Чугуеве в 1819 г. // Исторические записки. – 1955. – Т. 52. – С. 305-324.

⁴¹ Федоров В.А. Борьба крестьян России..., С. 115.

⁴² Федоров В.А. Солдатское движение в годы декабристов. 1816-1825 гг. – М., 1963. – С. 31.

⁴³ Окунь С.Б. История СССР. – Лекции. – Ч. 2. – Л., 1978. – С. 130-132; Гуржий І. Розклад феодально-кріпосницької системи в сільському господарстві України першої половини XIX ст. – К., 1954. – С. 113-114.

Причины создания военных поселений, их структура, управление, экономическая деятельность рассматривались советскими историками лишь в связи с изучением тех или иных аспектов социально-экономической и политической жизни России первой половины XIX в.⁴⁴ Фактический материал в основном заимствован из работ дореволюционных авторов. Его группировка и интерпретация приводили к тем же ошибкам, которые характерны для дореволюционной историографии: многократное завышение темпов развития военных поселений, удельного веса поселенных войск в составе армии, их привязка только к царствованию Александра I, недостаточно четкое выделение всех категорий военных поселенцев. Примечательно, что историки, как правило, старались оперировать только теми фактами, которые отражали отрицательные стороны истории военных поселений.

Н. Левинтов, правильно отмечая, что «существование военных поселений возможно лишь при наличии крепостного права в остальной части России», приходит к весьма спорному, на наш взгляд, выводу, что система военных поселений должна была способствовать разрешению крестьянского вопроса в стране⁴⁵.

Попытку комплексного исследования истории военных поселений предпринял известный советский историк А.В. Предтеченский. Обилие архивных источников, которые он только начал обрабатывать и кончина исследователя не позволили завершить начатое дело, однако, историк очень верно сумел определить направления исследования данной проблемы. В одной из глав своей незавершенной монографии о военных поселениях А.В. Предтеченский писал: «Советская историческая наука не может в характеристике военных поселений исходить из субъективного ощущения того зла, какое причинила народным массам политика Александра I и Аракчеева. Это зло должно быть принято во внимание исследователем, руководствующимся марксистско-ленинским методом, но исходным моментом в его

⁴⁴ Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. – М.-Л., 1957; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал России. – М., 1973.

⁴⁵ Левинтов Н. Военные поселения в России XIX в. // Исторический журнал. – 1940. – №6. – С. 115-124.

построениях оно быть не может». Предостерегая от возможной модернизации исторического процесса, он справедливо полагает, что только «объективный анализ феодально-крепостнического государства... является единственно правильным методом разрешения сложного вопроса о военных поселениях»⁴⁶.

В последние два десятилетия исследование истории военных поселений значительно активизировалось как на макро-, так и на микроуровнях с использованием обширного корпуса архивных материалов. Анализу подверглись как политические, так и социально-экономические аспекты истории поселения войск и таким образом была подготовлена достаточная научная база для создания работ обобщающего характера.

В исследовании истории военных поселений на территории

Беларуси Ю.А. Блашкову удалось проследить развитие идеи военных поселений в планах правительства Александра I, начало их функционирования, права и обязанности отдельных категорий военных поселян. Сделав упор на исследование проблемы возникновения первых поселений пехоты накануне Отечественной войны 1812 г. и реализации их «аракчеевской модели», автор, на наш взгляд, уделил недостаточное внимание их истории в период царствования императора Николая I⁴⁷.

Работы Т.Д. Липовской посвящены, в основном, истории поселений кавалерии в Слободско-Украинской (Харьковской) губернии. Автор проделала значительную работу по выявлению и систематизации архивных материалов, что позволило в определенной степени проследить динамику социально-экономического положения военных поселян на протяжении всей истории поселений кавалерии в указанном регионе. Анализируя реформу 1826-1827 гг. и ее последствия, Т.Д. Липовская правильно отмечает стремление «царского правительства сохранить военные поселения, приблизив их к статусу государственных крестьян»⁴⁸. Несомненной заслугой автора является детальный анализ различных форм борьбы военных поселян против изменения их социального статуса.

⁴⁶ Предтеченский А.В. Декабристы и военные поселения // Ученые записки / Горьковский государственный университет. – Серия «Историко-филологическая». – Горький, 1964. – Вып. 72. – С. 153.

⁴⁷ Блашков Ю.А. Военные поселения на территории Белоруссии в первой половине XIX в. – Автореф. дисс... канд.ист.наук. – Минск, 1984.

⁴⁸ Липовская Т.Д. Указ. соч. – С. 41.

Работа, однако, не лишена ряда существенных недостатков. Так, например, Т.Д. Липовская слишком односторонне интерпретирует фактический материал, касающийся материального положения поселян после проведения реформы 1826-1827 гг. Весьма спорной, на наш взгляд, является характеристика отрицательных последствий указанной реформы, а также форм собственности в военных поселениях. Утверждая, что частная собственность на средства производства в военных поселениях была уничтожена, автор, при этом, не называет форму собственности, на которой основывалось хозяйство военных поселян⁴⁹. Работа содержит значительное количество неточностей фактологического характера, в искаженном виде переданы названия работ ряда авторов⁵⁰. Кроме указанной работы, изданной в качестве учебного пособия по спецкурсу, Т.Д. Липовская опубликовала целый ряд статей источниковедческого характера⁵¹.

В работах А.С. Тургаева положено начало изучению истории округов пахотных солдат Новгородского и Старорусского уделов. Уделяя основное внимание сельскохозяйственному производству, автор оставляет вне поля зрения проблемы правового положения отдельных категорий пахотных солдат, управления и инфраструктуры округов⁵².

Интересное и оригинальное исследование истории поселений кавалерии в Херсонской и Екатеринославской губ. предпринято Т.Н. Кандауровой. При анализе хозяйственных структур ею использованы методы дескриптивной статистики, корреляционного анализа и статистический анализ динамических рядов с одновременным использованием методов аналитического выравнивания и получения трендов. Применение клиометрических методов в исследовании социально-экономической структуры округов кавалерии позволило полу-

⁴⁹ Липовская Т.Д. Указ. соч. – С. 80-81.

⁵⁰ Там же. – С. 6-8.

⁵¹ Она же. Годовые отчеты Департамента военных поселений как источник по социально-экономической истории военных поселений // Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории. – Днепропетровск, 1983. – С. 112-120; Она же. Классификация источников по истории военных поселений на Украине // Проблемы применения количественных методов анализа к классификации источников по отечественной истории. – Днепропетровск, 1988. – С. 102-106.

⁵² Тургаев А.С. Об урожайности хлебов в округах пахотных солдат Новгородской губернии (1832-1862 гг.) // Вестник Ленинградского ун-та. – 1984. – №20. – С. 100-103.

чить «скрытые» данные, на основе которых автор делает попытку переосмыслить ряд концептуальных положений, принятых в историографии военных поселений⁵³.

Т.Н. Кандауровой опубликована целая серия статей, касающихся различных сторон функционирования поселенной кавалерии, которые позволяют по-новому взглянуть на этот институт самодержавия первой половины XIX в.⁵⁴

Над проблемой реакции общественного мнения на введение военных поселений много и успешно работает Б.Б. Давыдов. Его работы позволяют в значительной степени скорректировать наши представления об отношении современников к военным поселениям⁵⁵.

Сюжеты, связанные с правовым положением, подготовкой и бытом кантонистов военных поселений разрабатывает В.К. Ячменихин⁵⁶.

С сожалением приходится констатировать, что ряд авторов, приступая к разработке проблемы военных поселений, не совсем четко представляет себе ее обширность и сложность. Именно этим можно объяснить почти одновременное появление работ с идентичными названиями⁵⁷, которые являются не совсем удачными компиляциями опубликованных публицистических и научных работ. Так, например, в небольшой по объему статье

⁵³ Кандаурова Т.Н. Херсонские военных поселения. 1817-1832 гг. (Административно-хозяйственная структура). – Автореф. дисс... канд.ист.наук. – М., 1990.

⁵⁴ Кандаурова Т.Н. Военные поселения в России в XIX веке как новая хозяйственная инфраструктура армии // Особенности российского земледелия и проблемы расселения. – Тамбов, 2000. – С. 142-156; Она же. Формирование самостоятельных хозяйств на основе военнопоселенной организации // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. – Вологда, 2001. – С. 143-156; Она же. Система землепользования в округах военных поселений кавалерии в XIX в. // Землевладение и землепользование в России. – Калуга, 2003. – С. 139-149.

⁵⁵ Давыдов Б.Б. Рецензия Ф.В.Булгарина на брошюру М.М.Сперанского «О военных поселениях» // Советские архивы. – 1990. – №3. – С. 79.

⁵⁶ Ячменихин В.К. Быт кантонистов военных поселений // Вестник Моск. унта. – Сер. 8. История. – 1997. – №4. – С. 72-84; Он же. Подготовка армейского резерва в военных поселениях // Україна і Росія в панорамі століть. – Чернігів, 1998. – С. 151-163.

⁵⁷ Мальцев Н.А. Военные поселения в России XIX века // Военно-исторический журнал. – 1992. – №12. – С. 2-7; Богданов Л.П. Военные поселения в России. – М., 1992; Ананьев В.А. Военные поселения в России. – Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Л., 1989.

Н.А. Мальцева можно насчитать до полусотни ошибок фактологического характера. Написана она, также как и работы В.А. Ананьева и Л.П. Богданова, практически, без использования архивных источников. Этим и объясняется низкий уровень теоретического подхода к используемым материалам, а также новизны исследований.

Автором настоящей монографии опубликован ряд работ, посвященных различным аспектам истории военных поселений, относящихся к различным периодам их существования и расположенных в различных регионах страны⁵⁸.

В новой и новейшей западноевропейской и американской историографии проблема военных поселений рассматривается лишь попутно в связи с исследованием внутренней и внешней политики России первой половины XIX в.⁵⁹ В большинстве своем – это не совсем удачные компиляции работ русских дореволюционных историков, отсюда и повторение тех же ошибок в изложении конкретной истории военных поселений. Так, например, в анализе причин введения военных поселений, в большинстве случаев, акценты смещаются во внешнеполитическую плоскость. Так, Т. Шиман полагает, что поселения имели целью противопоставить прусской системе всеобщей воинской повинности чисто русскую организацию комплектования армии для того, чтобы «без труда удовлетворять требованиям самой смелой политики»⁶⁰.

⁵⁸ Ячменихин К.М. Структура Новгородских военных поселений и их управление в 1818-1831 гг. // История СССР. – 1989. – №1. – С. 90-102; Он же. Военные поселения на Кавказе в 30 – 50-е годы XIX в. // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 8. История. – 1991. – №4. – С. 18-28; Он же. Социальный облик военного поселенца // Северо-Запад в аграрной истории России. – Калининград, 1991. – С. 71-79; Он же. Финансирование и бюджет военных поселений в России // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 8. История. – 1993. – №2. – С. 35-44; Он же. Экономический потенциал военных поселений в России // Вопросы истории. – 1997. – №2. – С. 34-48; Он же. Особенности землепользования и землевладения в округах военных поселений и пахотных солдат в первой половине XIX в. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Калуга, 2003. – С. 130-139.

⁵⁹ Curtiss G. The Russian Army under Nicolas I. – Ourham, 1965; Jenkins M. Grand Vizier of the Russian Empire. A Biography. – New-York, Diall Press, 1969; Riasanovsky N. Nicolas I and official nationality in Russia. – Los Angeles, 1959; Lincoln W.B. Nicolas I: Emperor an autocrat of all the Russias. – London, 1978.

⁶⁰ Шиман Т. Александр I. – М., 1908. – С. 109.

Французский историк Пьер Рен справедливо утверждает, что русская армия не была сокращена после войны с Наполеоном пропорционально армиям европейских государств. А так как венский и берлинский кабинеты неоднократно указывали на это русскому правительству, то Александр I решил поселить часть войск для того, чтобы формально сократить численность действующей армии⁶¹.

М. Палеолог обращает внимание на то, что хотя военные поселения вводились с «истинно христианскими замыслами», но план этот в смысле реализации был слишком нереален. Он, как и великий князь Николай Михайлович, полагает, что упорство Александра I в достижении своей цели объясняется тем, что император пришел к ней через религиозные искания и убеждения⁶². Эту концепцию разделяет и современный французский историк Дарья Оливье, которая полагает, что военные поселения явились результатом «религиозного дуализма» Александра I, когда тот, будучи главой православной церкви в своем государстве, в то же время «лихорадочно и безуспешно стремился к первохристианским идеалам». Гуманистические идеи, по ее мнению, пронизывают проект учреждения военных поселений, но при его реализации меры, употребляемые руководством, «самым бесчеловечным образом принесли только новые несчастья народу святой России и взбудоражили либеральные умы»⁶³. При этом она не отбрасывает и другие причины создания поселений: необходимость сохранения большой армии, экономические и финансовые последствия Отечественной войны 1812 г., попытку императора подчинить армию своей воле.

Марк Раев в работе о М.М. Сперанском⁶⁴ характеризует военные поселения как попытку Александра I реформировать принципы содержания и комплектования армии при сохранении крепостнической системы, но при этом ничего не говорит о механизмах ее реализации и даже не упоминает об участии М.М. Сперанского в кодификации законодательства, касающегося военных поселений.

В англо-американской историографии политической истории России первой половины XIX в. значительное внимание

⁶¹ Rain P. Un tzar edeologue Alexandre Ier (1777-1825). – Paris, 1913.

⁶² Paleologue M. Alexandre Ier un tzar enigmatique. – Paris, 1973.

⁶³ Oliver D. Alexandre Ier Prince des illusions. – Paris, 1973.

⁶⁴ Raeff M. Michael Speransky. Statesman of Imperial Russia. 2-nd Rev. Ed. – The Hague, 1969.

Глава I. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ О ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ
уделяется личности А.А. Аракчеева⁶⁵. И хотя в большинстве своем используются уже накопленные фактические данные и опубликованные

преимущественно источники личного происхождения, выводы некоторых авторов звучат весьма эвристично. В общих работах, касающихся различных аспектов социально-экономической и политической жизни страны, о военных поселениях, как правило, упоминается только вскользь в контексте внутренней политики Александра I и Николая I⁶⁶.

В настоящей монографии предпринимается попытка комплексного исследования административно-хозяйственной структуры военных поселений за все время их существования и по всем регионам дислокации. Мы видим свою задачу в том, чтобы, опираясь на имеющуюся историографию и привлекая как опубликованные, так и впервые вводимые в научный оборот источники, выработать целостную концепцию по рассматриваемой проблеме. При этом следует отметить, что некоторые проблемы: сопротивление военных поселян, оценка поселений современниками, развитие системы военно-учебных заведений в округах, формирование и использование резервных войск, комплектуемых на их базе лишь попутно затрагиваются в настоящем исследовании и ждут своей дальнейшей разработки. Нашу цель мы видим в исследовании наиболее «закрытых» сюжетов истории военных поселений, раскрывающих их внутреннюю закономерность и направления развития.

Источники

Источниковая база исследования истории военных поселений в России включает значительный массив как опубликованных, так и неопубликованных материалов. Часть из них уже

⁶⁵ Jenkins M. Arakcheev. Grand Vizier of the Russian Empire. A Biography. – New-York, 1969.

⁶⁶ Rappoport A. The curse of of Romanovs. A study of the lives and the reigns of two tsars Paul I and Alexander I of Russia. – London, 1907; Curtiss G. The Russian Army under Nicolas I. – Ourham, 1965; Pinter W. Mc. Kenzie. Russian economic under Nicolas I. – Ithaca. – Cornell univ press, 1967; Lincoln W.B. Nicolas I: Emperor an autocrat of all the Russia. – London, 1978.

введена в научный оборот, особенно современными исследователями.

Основной корпус письменных источников и изобразительных материалов сосредоточен в фондах РГВИА. В фонде Департамента военных поселений (ф. 405) отложилась основная делопроизводительная документация центральных органов управления военными поселениями: штаба отдельного Корпуса военных поселений (1810-1831 гг.), Экономического комитета военных поселений (1817-1835 гг.), а также самого Департамента военных поселений (1832-1856 гг.). Материалы фонда позволяют проследить процесс зарождения, развития и ликвидации военных поселений, выяснить характерные особенности управления и хозяйственной структуры на различных этапах существования этого государственного института, проследить динамику сельскохозяйственного производства и других отраслей экономики, а также численность основных категорий жителей округов.

Во многом работа исследователя облегчается тем, что в органах управления военными поселениями очень бережно и скрупулезно относились к текущей документации, понимая, по-видимому, что она является не только инструментом исполнения и контроля, но и исторической памятью. Так, например, в 1846 г. в Департаменте производилась большая работа по сбору материалов, относящихся к начальному периоду истории военных поселений, т.е. ко времени до образования штаба отдельного Корпуса военных поселений⁶⁷. А тот факт, что во главе архива Департамента военных поселений находился чиновник классом не ниже коллежского советника, говорит сам за себя.

Особую ценность представляют материалы статистических обследований волостей накануне их передачи в военное ведомство. Они дают возможность определить, так сказать, «стартовые возможности» каждого из округов и на этой основе получить динамику хозяйственных и демографических показателей, а также сравнить материальное положение военных поселенцев в различные периоды истории военных поселений. Их ценность заключается еще и в том, что они достаточно репрезентативны и точны, поскольку чиновники ведомств, принимавшие и передававшие эти земли, не были заинтересованы в

⁶⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 626. – Л. 30 об.-31.

Глава I. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ О ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ
искажении данных, а взаимный контроль с обеих сторон и вовсе исключал такие возможности.

Долгое время этот обширный фонд (более 80 тыс. единиц хранения) не был обработан и описан. Лишь в 1969-1972 гг. корпус материалов был систематизирован по структурно-хронологическому принципу, что значительно облегчило работу исследователей.

В фонде ВУА (Военно-ученый архив) в коллекции «Военные поселения» (ф. 411) хранится большое количество картографического и графического материала: карты, планы округов военных поселений, чертежи и рисунки различных сооружений, которые были там возведены.

При написании работы были использованы материалы объединенных фондов управлений и штабов округов военных поселений и пахотных солдат Новгородского (ф. 398) и Старорусского (ф. 399) уделов, а также фонда Управления округами пахотных солдат Новгородской, Витебской и Могилевской губ. (ф. 397). Эти источники позволяют проследить динамику численности населения округов, уточнить некоторые детали хозяйственного развития, изменение прав и обязанностей пахотных солдат. Сведения о пахотных солдатах, занимающихся торговлей, позволяют судить о степени имущественной дифференциации в их среде. Несомненный интерес представляют отчеты и другая документация всевозможных комиссий, которые производили обследования хозяйственного состояния округов военных поселений и пахотных солдат.

После ликвидации военных поселений и округов пахотных солдат в конце 1850-х гг. была создана специальная комиссия, в задачу которой входила систематизация и «чистка» архивов всех уровней управления военными поселениями. Текущая документация низовых органов управления была практически уничтожена, поэтому сохранившиеся материалы носят фрагментарный характер. Возможно именно тогда и были уничтожены посемейные списки поселенных батальонов, которые нам так и не удалось разыскать.

Определенный корпус источников, касающихся истории военных поселений, отложился в фондах Российского государственного исторического архива (далее – РГИА). Военные поселения, при всей их административной замкнутости, были связаны служебной перепиской со многими высшими и цен-

тральными органами управления, которая отложилась в фондах Министерства финансов: ф. 379 (Департамент государственных имуществ), ф. 571 (Департамент разных податей и сборов); фондах Министерства внутренних дел: ф. 1285 (Департамент государственного хозяйства и публичных зданий), ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной), фонде Собственной е.и.в. канцелярии (1409). Большой интерес в связи с изучением заключительного этапа истории округов пахотных солдат представляют материалы фонда Главного управления уделов (ф. 515).

Часть материалов, отложившихся в результате функционирования округов кавалерии, сосредоточены в фондах Центрального государственного исторического архива Украины в г. Киеве (далее – ЦГИА Украины). И хотя некоторые из них дублируют документацию центральных органов управления военными поселениями, эти материалы представляют несомненный интерес при разработке истории поселений в Киевской и Подольской (ф. 445), Херсонской (ф. 1316), Слободско-Украинской (ф. 1322, 1323, 1325, 1351, 1352, 1353) губерниях. Сохранившиеся в указанных фондах посемейные списки поселенных и резервных эскадронов позволяют реконструировать модель крестьянского хозяйства, выявить ее сходство и отличие от хозяйственной модели в округах пехоты и пахотных солдат.

В работе использованы материалы, отложившиеся в фондах Государственного архива Новгородской области (далее – ГАНО)⁶⁸, которые сосредоточены в фондах: Канцелярии новгородского губернатора (ф. 138), Новгородского губернского правления (ф. 139), а также Грузинской вотчины А.А. Аракчеева (ф. 581).

Часть документов законодательного и статистического характера была опубликована в типографии штаба отдельного Корпуса военных поселений (впоследствии – Департамента военных поселений)⁶⁹, а также вошла в Полное Собрание Законов

⁶⁸ Большая часть документов, касающихся военных поселений, была передана в РГВИА, а также утрачена в период Великой Отечественной войны.

⁶⁹ См., например: Проект учреждения о военном поселении регулярной кавалерии. – Ч. 1-3. – СПб., 1817-1823; Проект учреждения о военном поселении пехоты. – Ч. 1-3. – СПб., 1817; Положение о полном составе поселенного пешего полка и его обязанностях. – СПб., 1826; Положение о военном поселении регулярной кавалерии. – СПб., 1827; Положение о преобразовании Департамента военных поселений Военного министерства. – СПб., 1835; Положение о военном поселении пешей артиллерии. – СПб., 1826; Положе-

Глава I. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ О ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ
Российской Империи (далее – ПСЗ). Во время ревизии архива Департамента военных поселений в 1846 г. обнаружилось, что 339 печатных и 521 рукописных указов и рескриптов не вошли в ПСЗ⁷⁰. Некоторые архивные материалы были опубликованы в юбилейном издании, посвященном столетию Военного министерства, а также в работах М.И. Богдановича, Н.К. Шильдера и ряда других исследователей⁷¹. Археографический уровень этих публикаций желает оставлять лучшего даже для своего времени.

Весьма интересные материалы отложились в фондах личного происхождения. В первую очередь нас интересовали источники, связанные с жизнью и деятельностью А.А. Аракчеева. К сожалению, единый фонд, где они были бы сосредоточены, отсутствует. Дело в том, что после его смерти в апреле 1834 г., по распоряжению императора⁷², часть его обширной библиотеки и архива была передана в Новгородский графа Аракчеева кадетский корпус, а часть была продана с аукциона. Впоследствии корпус был переведен в Нижний Новгород, при этом часть материалов его библиотеки была утрачена, некоторые из них осели в частных коллекциях. Вот почему источники, связанные с жизнью и деятельностью А.А. Аракчеева, оказались рассеянными по многочисленным архивохранилищам Российской Федерации⁷³.

Отдельные материалы, связанные с историей военных поселений: записки, именные указы, копии всевозможных документов и др. сосредоточены в фондах В.В. Погодина (РГВИА, ф. 265), князей

ние о корпусе инженеров военных поселений. – СПб., 1831; Правила для отделений военных кантонистов. – СПб., 1824; Положение о военном поселении на Кавказе. – СПб., 1839; Образование Департамента военных поселений. – СПб., 1843; Отчет по военным поселениям за 1822 г. – СПб., 1823; Отчет по военным поселениям за 1823 г. – СПб., 1824; Отчет по военным поселениям за 1825 г. – СПб., 1826.

⁷⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 626. – Л. 33-38.

⁷¹ См.: «Проект Положения поселяемому батальону Елецкого пехотного полка» 1815 г. (Богданович М.И. Указ. соч. – Т. V); Именные указы о первоначальном поселении войск в Новгородской губ., «Общее обозрение капиталов военных поселений за 1818-1823 гг.», переписка А.А.Аракчеева с ген.-майором С.И.Маевским (Петров А.Н. Указ. соч.); Брошюра М.М.Сперанского «О военных поселениях», духовные завещания А.А. Аракчеева (Карцов П.П. Указ. соч. // Русский вестник. – 1890. – №4).

⁷² А.А. Аракчеев не оставил по этому поводу завещания.

⁷³ Герасимова Ю.И. Архив А.А.Аракчеева // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В.И.Ленина. – М., 1980. – С. 56-80.

Васильчиковых (РГИА, ф. 651), Н.К.Шильдера (ОР РНБ, ф. 859), А.Я. Стороженко (ЦГИА Украины, ф. 261).

Классифицируем источники по типам, родам и видам, поскольку именно видовое происхождение источника является наиболее устойчивым критерием для этой операции. В работе использованы два типа источников: письменные и изобразительные. Первые, в свою очередь, можно подразделить на документальные и нарративные. В массиве документальных источников выделяются своей полнотой и репрезентативностью материалы законодательного характера. Некоторая их часть вошла в ПСЗ и Свод Военных Законов. Этот вид источников включает: высочайшие указы, рескрипты, всеподданнейшие подтвержденные доклады и записки. Следует отметить, что на начальном этапе создания военных поселений всеподданнейшие рапорты исходили не только от А.А. Аракчеева, но и от отрядных и дивизионных командиров. Эти документы несут информацию о внутренних закономерностях развития системы военных поселений, органов управления и экономики округов пехоты и кавалерии. Высочайшие указы и всеподданнейшие доклады собраны в отдельные единицы хранения и отложились в подлинниках за весь период существования военных поселений. На некоторых из них есть карандашные пометы Александра I и Николая I. Наибольшее количество всеподданнейших докладов, которые, как правило, содержали те или иные «положения» по военным поселениям, относятся к «аракчеевскому» периоду, когда начался процесс складывания административной и хозяйственной структуры округов.

Одним из видов источников, несущих интересную и достаточно проверенную информацию, являются отчеты по отдельным отрядам, дивизиям и корпусам. Первым был составлен отчет по округам 1-й гренадерской дивизии за 1821 г., а начиная с 1824 г., стали составляться общие отчеты по всем поселениям как кавалерии, так и пехоты. Отчеты за 1824 и 1826 гг. были напечатаны в типографии штаба Отдельного корпуса военных поселений тиражом 200-250 экземпляров, которые А.А. Аракчеев часто использовал для популяризации идеи военных поселений в высших кругах российского общества.

Отчеты содержат значительный статистический материал как демографического, так и экономического характера. Это позволяет провести сравнительный анализ уровня развития отдельных округов, выявить общие закономерности и особенности

Глава I. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ О ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ
функционирования каждого из них. Данные отчетов охватывают многие стороны повседневной жизни военных поселений: строевую службу, сельскохозяйственное производство, занятия промыслами и торговлей, строительство, быт и др. Серьезным недостатком этого вида источников является отсутствие в них данных о так называемой действующей части военных поселений (см. следующую главу), а также фрагментарность сведений о сельскохозяйственных занятиях военных поселенцев. В постарачеевский период истории военных поселений отчеты не печатались, поскольку Николай I не считал нужным пропагандировать их идею.

По характеру информации к данному виду источников примыкают «подготовительные материалы к отчетам», которые позволяют проследить принципы их составления. Окончательный вариант отчета формировался в одном из отделений штаба Корпуса военных поселений, а позже – Департамента военных поселений – на основе докладных записок командиров отдельных поселенных подразделений и начальников других отделений штаба. Иногда встречаются расхождения в количественных данных первичных материалов и самих отчетов. Они касаются, в основном, сведений о смертности, побегах, урожайности и т.п. При таких расхождениях нами использовался первичный документ, поскольку он составлялся непосредственным руководителем и при существовавшей системе контроля более точно отражал действительность. Зачастую такие расхождения были следствием механических ошибок при переписывании.

Универсальным видом источников являются собственно статистические отчеты, которые в связи с теми или иными обстоятельствами составлялись центральными органами управления военными поселениями. Так, например, в 1829 г., по просьбе известного ученого К.И.Арсеньева, были собраны обширные статистические сведения о демографических и экономических процессах в военных поселениях. Эти материалы он затем использовал во время преподавания статистики Российского государства наследнику престола – великому князю Александру Николаевичу⁷⁴. В 1848-1849 гг. аналогичные сведения собирались и систематизировались для действительного члена Императорской Академии наук, действительного статского со-

⁷⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 1463.

ветника П.И. Кеппена, который включил их в свои работы по демографии⁷⁵. Необходимо подчеркнуть, что подобные сведения представлялись только с высочайшего изволения.

Особую группу в данном виде источников составляют отчеты о смотрах поселенных войск и округов пахотных солдат. Они отличаются обильным количеством разнообразной информации по демографии, экономике и быту округов военных поселений, в том числе они содержат сведения о посевах, урожаях, торговых оборотах и бюджете поселений. В них мы находим информацию о миграционных процессах внутри округов, политике правительства по переселению жен и детей к военным поселениям. К сожалению, эти отчеты сохранились не за все годы.

Статистические материалы, поступавшие в Экономический комитет военных поселений, позволяют проследить динамику строительных работ в округах, их бюджет, функционирование различных «заведений»: конных заводов, пароходов, лесопильных, кирпичных, мукомольных и других заводов. Несомненный интерес представляют документы, в которых отразился процесс приобретения у помещиков земель для округов военных поселений, а также выкупа детей поселян и солдат действующих эскадронов и батальонов.

Бюрократический аппарат органов управления военными поселениями различных уровней породил огромное количество делопроизводственной документации: отношений, рапортов, предписаний, приказов, «журналов» всевозможных комитетов, создававшихся для решения тех или иных вопросов. Одним из таких источников являются журналы Совета Главного над военными поселениями начальника, которые позволяют проследить механизм принятия решений по различным вопросам, связанных с административно-хозяйственным функционированием военных поселений: разработкой новых проектов и положений, приобретением крупных земельных участков, строительством заводов, утверждением отчетов и т.п. Делопроизводственная документация позволяет произвести точную датировку тех или иных событий, раскрывает приемы и методы управления военными поселениями, профессиональные качества отдельных офицеров и чиновников, степень исполнительской дисциплины. Делопроизводственная документация руководителей строительных работ генерал-майора Л.Л. Карбоньера и пол-

⁷⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 6010. – Л. 1-30.

Глава I. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ О ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ
ковника А.Я. Фабра⁷⁶ позволяет проследить динамику строительных работ, которые наиболее интенсивно велись в первые два десятилетия существования военных поселений.

Значительная часть делопроизводственной документации посвящена обучению и воспитанию кантонистов, деятельности военно-сиротских отделений, батальонов, полубатальонов и рот военных кантонистов. Учебные планы военно-учительского института, ротных и эскадронных школ дают возможность оценить эффективность методики обучения и воспитания кантонистов. Рапорты и предписания полковых и бригадных командиров, дивизионных начальников содержат сведения о дислокации поселенных войск, участии солдат в строительных и мелиоративных работах, добыче, изготовлении и транспортировке строительных материалов.

Поражает пунктуальность ведения документации: «дела», связанные с решением тех или иных вопросов, включали не только входящие, но и копии исходящих бумаг, что в значительной степени облегчает исследование тех или иных сюжетов истории военных поселений.

Следующим типом источников являются материалы изобразительного характера: карты, планы округов военных поселений, схемы и чертежи зданий и сооружений, которые дают наглядное представление о дислокации военных поселений, занимаемых площадях, их облике. Этот тип источников позволяет судить о планах (в том числе и нереализованных) создания военных поселений в различных регионах страны. Для истории архитектуры и строительного дела несомненный интерес представляют планы, фасады и разрезы различных зданий и сооружений. Часть их была литографирована⁷⁷, а также использована в виде иллюстраций в работах И.Г. Фабрициуса и В.И. Пилявского⁷⁸.

⁷⁶ Краткие сведения о генералах, офицерах и чиновниках, служивших по ведомству военных поселений, а также в других государственных органах, см.: в Приложении II – «Указатель имен».

⁷⁷ Атлас строениям в полковом масштабе и в поселенных ротах гренадерского Его Величества Короля Прусского полка с приложением карты всего округа и планов расположений полкового штаба и поселенных рот. – СПб., 1829.

⁷⁸ Фабрициус И.Г. Военные поселения // Столетие Военного министерства 1802-1902. – Т. VII. – Ч. I. – Кн. IX. – СПб., 1902. – С. 497-598; Пилявский В.И. Новгородские военные поселения (историко-архитектурный очерк) // Новгородский исторический сборник. – Новгород, 1959. – Вып. 9. – С. 119-154.

Для изучения истории военных поселений несомненную ценность представляет и такой род письменных источников, как материалы личного происхождения: мемуары, письма, записки, публицистика и т.д. Значительная их субъективность заставляет относиться к информации, которую они содержат, весьма осторожно и критично, перепроверяя ее другими видами источников. Некоторые из них достаточно известны и неоднократно использовались исследователями, другие мало изучены и не вводились еще в научный оборот. Даже краткий обзор этого вида источников свидетельствует, насколько проблема военных поселений волновала их современников. Опубликованы и детально исследованы записки М.Б. Барклая де Толли и И.И. Дибича, «Взгляд на военные поселения» неизвестного автора и ряд других. Все они в большей или меньшей степени были противниками идеи военных поселений. Начато изучение записок Ф.О. Паулуччи, Н.П. Румянцева, А.В. Храповицкого, Д.В. Давыдова, которые выступали в их защиту⁷⁹.

В фонде Н.К. Шильдера (ОР РНБ) нами разысканы воспоминания бывших военных поселян 1-й грендерской дивизии, которые были записаны неким П.П.Р. в середине 1870-х гг. в Новгородской губ.⁸⁰ П.П.Р. в пояснительной записке сообщает, что большая часть фактов, дополнений и пояснений была ему сообщена Т.М.М-вым, который служил унтер-офицером в грендерском графа Аракчеева поселенном полку (1-я грендерская дивизия) и после восстания 1831 г. был сослан в отдельный Финляндский корпус. Т.М.М-ов ссылается на опубликованные в 1876 г. воспоминания А.К. Гриббе, следовательно, запись его рассказа была произведена не ранее этого года.

Ценность подобной информации заключается в том, что она исходила непосредственно от самих военных поселян. Немаловажным является и тот факт, что П.П.Р. при записи сумел сохранить живой разговорный язык, метко характеризующий те или иные факты и явления жизни военных поселений. Естественно, что рассказчик обращает особое внимание на бытовые мелочи и не способен на широкие обобщения ввиду неинформированности, но именно эти мелочи позволяют порой более

⁷⁹ Кандаурова Т.Н., Давыдов Б.Б. Военные поселения в оценке современников // Вестник Моск. ун-та. – 1992. – №2. – С. 44-55.

⁸⁰ К сожалению, нам не удалось установить, кто скрывался под этим криптонимом.

Глава I. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ О ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ
точно судить об отдельных аспектах истории военных поселений, чем материалы официального происхождения.

Сохранилась и частично издана переписка А.А. Аракчеева с Александром I, М.М. Сперанским, генералами П.М. Волконским, И.И. Дибичем, С.И. Маевским и др.⁸¹ Значительное количество этого вида источников еще не вводилось в научный оборот, хотя именно они (также как и мемуары) позволяют глубже проникнуть в психологические, субъективные факторы той или иной проблемы. Игнорирование их, также как и возведение в доминанту, обедняет познание исторического процесса.

Во второй половине XIX в., т.е. в период, когда было положено начало научному изучению проблемы, было опубликовано большое количество воспоминаний генералов, офицеров и чиновников, служивших в военных поселениях. Не все они равноценны по объему, качеству и достоверности передаваемой информации. Наиболее ценными из них, на наш взгляд, являются воспоминания начальника Старорусского отряда военных поселений генерал-майора С.И. Маевского, начальника артиллерийских рот и военно-строительных батальонов в округах пехоты генерал-лейтенанта А.Х. Эйлера, штабс-капитана поселенного гренадерского графа Аракчеева полка А.К. Гриббе, адъютанта А.А. Аракчеева инженер-штабс-капитана А.И. Мартоса (сына известного скульптора И.П. Мартоса) и офицера свиты е.и.в. по квартирмейстерской части, некоторое время исполнявшего должность обер-квартирмейстера отдельного корпуса военных поселений, Е.Ф. фон Брадке⁸². Именно эти, наиболее доступные в то время источники, легли в основу большинства исследований, что и привело к значительной субъективизации, а следовательно, и искажению истории военных поселений. Особенно критически, на наш взгляд, следует подходить к оценкам и выводам, содержащихся в мемуарах и записках тех лиц, которые по роду службы нередко

⁸¹ Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807 по 1829 гг.) / Под ред. Н.Дубровина. – СПб., 1883. – С. 168-446.

⁸² Маевский С.И. Мой век или история Сергея Ивановича Маевского // Русская старина. – 1873. – №8. – С. 125-167; №9. – С. 253-305; №10. – С. 427-464; №11. – С. 754-781; Эйлер А.Х. Записки // Русский архив. – 1880. – №2. – С. 339-399; Гриббе А.К. Новгородские поселения // Русская старина. – 1885. – №1. – С. 127-152; Мартос А.И. Записки // Русский архив. – 1893. – №8. – С. 449-542; фон Брадке Е.Ф. Автобиографическая записка // Русский архив. – 1875. – №1. – С. 13-53.

вступали в конфликт с А.А. Аракчевым (например, А.И. Мартос) и рассчитывавших на моральный реванш хотя бы в своих воспоминаниях.

Достаточно много такой литературы посвящено событиям, связанным с восстанием военных поселян в 1831 г. Как правило, авторы описывают отдельные эпизоды, свидетелями которых они были, но даже в совокупности своей они не дают полной картины событий⁸³.

Литературные памятники, связанные с историей военных поселений, представлены историко-художественными произведениями Н.Г. Богословского (Словского) и В.Н. Никитина⁸⁴. Художественная ценность их произведений невысока, заслуживает внимания, в основном, описание быта военных поселян и кантонистов. Н.Г. Богословский собирал материалы по истории Новгородских военных поселений и публиковал их в издаваемом им Новгородском сборнике⁸⁵.

Единственным, по-видимому, видом источников, в которых не нашла своего отображения история военных поселений, является публицистика. Это объясняется тем, что по распоряжению Александра I, исходившего из необходимости ограничения информации о военных поселениях, в печати были запрещены какие бы то ни было публикации о них⁸⁶. Даже Ф.В. Булгарин, попытавшийся опубликовать в «Северной пчеле» хвалебную рецензию на брошюру М.М. Сперанского «О военных поселениях», получил категорический отказ⁸⁷.

Таким образом, можно констатировать, что источниковая база исследования истории военных поселений весьма обширна и репрезентативна, что позволяет реализовать основную цель настоящей работы – проанализировать административно-хозяйственную структуру военных поселений за весь период их

⁸³ Заикин Н. Бунт военных поселян в 1831 г. // Заря. – 1869. – №9. – С. 158-166; Морошкин М.Я. Бунт военных поселян в 1831 г. // Русская старина. – 1870. – №3. – С. 281-291; Зубов П.А. Эпизод из бунта военных поселян в 1831 г. // Там же. – 1870. – №6. – С. 601-603; Лукинский В. Бунт в военных поселениях в 1831 г. // Там же. – 1879. – №8. – С. 731-738; Матвеев Н.Е. Бунт в Старой Руссе // Там же. – 1875. – Т. 35. – С. 385.

⁸⁴ Словский (Богословский Н.Г.) Рассказы о былом. Времена военных поселений. – Новгород, 1865; Он же. Аракчевщина. – СПб., 1882; Никитин В.Н. Многострадальные. – СПб., 1895.

⁸⁵ Новгородский сборник. – Новгород, 1865. – Т. 1-5.

⁸⁶ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 330. – Л. 677 а.

⁸⁷ Давыдов Б.Б. Рецензия Ф.В.Булгарина на брошюру М.М.Сперанского «О военных поселениях» // Советские архивы. – 1990. – №3. – С. 79.

Глава I. ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ О ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЯХ
существования и по всем регионам дислокации. Большинство архивных материалов вводятся в научный оборот впервые, особенно это касается статистических данных за постаракчевский период истории военных поселений. Для большей наглядности и удобства восприятия часть цифровой и иной информации сведена в таблицы, помещенные в Приложении I. Основные источники и литература вынесены в подстрочные примечания.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК

§1. Мотивы и цели создания. Поиски формы

В истории России первая половина XIX века занимает особое место. В это время институты самодержавия подверглись серьезным испытаниям на прочность. Уже в начале века Александр I осознал, что без серьезного реформирования система долго просуществовать не сможет. Преобразование высших и центральных органов управления, неудавшиеся реформы М.М. Сперанского, подготовка конституционного проекта свидетельствуют о попытках самодержавия модернизировать государственный строй, приспособить его к быстро изменяющимся историческим реалиям. Возможно, С.В. Мироненко несколько форсирует события, утверждая, что именно в этот период начи-

нается «так и не получившее полного завершения превращение монархии феодальной в монархию буржуазную»⁸⁸. Однако, следует признать, что Александр I априори ощущал потребность хотя бы в паллиативных мерах, чтобы снизить накал противоречий в государстве и избежать системного кризиса.

Процесс поиска путей выхода из критической ситуации именно паллиативными методами был характерен для внутренней политики России первой половины XIX в. Причем поиск этот происходил во всех общественных лагерях, но только правительственный лагерь имел возможность (насколько позволяла ситуация) реализовывать задуманное, отвергать, предлагать и экспериментировать, постоянно балансируя между необходимым и возможным.

Кризис политической системы был во многом порожден обострением социально-экономических противоречий. После окончания наполеоновских войн экономика страны находилась в тяжелом положении: районы, составившие театр военных действий, были в значительной степени разорены, заметно сократился объем производимой продукции, переживала кризис финансовая система⁸⁹.

Поскольку наличие крепостничества не позволяло ввести всеобщую воинскую повинность и сократить регулярную армию, постольку ассигнования на ее содержание в этот период поглощали львиную долю бюджета. Среди европейских держав Россия занимала одно из ведущих мест как по абсолютной величине военных ассигнований, так и по их доли в государственном бюджете⁹⁰.

По мнению сенатора В.В.Погодина, это было связано с тем, что численность армии «в отношении к общему числу народа превосходит у нас слишком вдвое ту пропорцию, в которой Армии состоят в прочих первостепенных государствах Европы...»⁹¹ Следующие данные подтверждают справедливость это-

⁸⁸ Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XX в. – М., 1989. – С. 3.

⁸⁹ Сироткин В.Г. Финансово-экономические последствия наполеоновских войн и Россия в 1814-1824 гг. // История СССР. – 1974. – №4. – С. 46-62.

⁹⁰ Лапин В.В. Военные расходы в России в XIX в. // Проблемы социально-экономической истории России. – СПб., 1991. – С. 150.

⁹¹ РГВИА. – Ф. 256. – Оп. 1. – Д. 95. – Л. 1. Копия докладной записки В.В.Погодина о численности и составе русской армии в 1821 г.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК
го вывода: в России один военнотружущий приходился на 45 жителей (списочный состав армии – около 1 млн. человек, численность населения – около 45 млн. душ обоего пола). В Англии это соотношение составляло 1:140, во Франции – 1:110, Австрии – 1:100, Пруссии – 1:68⁹². Как мы видим, уровень милитаризованности общества был высоким не только в годы правления Николая I. Кроме прямых бюджетных ассигнований, содержание армии, особенно в постоянной и транспортной повинностях, тяжелым бременем ложилось на плечи населения. Переход на постоянное расквартирование войск, т.е. на казарменное положение, был в тот период также невозможен, поскольку потребовал бы огромных финансовых и людских затрат. Нужно было избрать такой путь, такой вариант, который, не изменяя политическую форму государства, способствовал бы удешевлению комплектования и содержания армии.

Сохранение незыблемыми феодальных основ государственной системы предопределило консервацию старого способа комплектования армии на долгие годы⁹³. Это вызывало протесты со стороны крестьянства. Необходимо учитывать, что рекрутские (зачастую и т.н. «усиленные») наборы подрывали производительные силы страны, лишали помещиков и государство значительного количества рабочих рук. Ко всему прочему, частые рекрутские наборы, как правило, не выполнялись в полной мере. В первой четверти XIX в. количество податного населения, которое было обязано поставлять рекрутов, определялось цифрой 17 млн. душ, однако, по возрасту и состоянию здоровья эта цифра едва достигала 3 млн.⁹⁴

Обеспечение армии (жалованье, обмундирование, снабжение амуницией и техникой) достаточно наглядно иллюстрируется следующими показателями: если на содержание миллионной российской армии ассигновалось до 160 млн. фран-

⁹² Там же. – Л. 1 об.

⁹³ Корнилов В.А. Консервативные проекты перестройки рекрутской повинности в первой трети XIX в. (К вопросу о взаимодействии общественного мнения и политики царизма) // Из истории общественно-политической мысли XIX в. – М., 1985. – С. 3-20.

⁹⁴ РГВИА. – Ф. 265. – Оп. 1. – Д. 95. – Л. 1 об.

ЯЧМЕНИХИН К.М.

ков в год, то французская армия (240 тыс. человек) обходилась в 200 млн. франков⁹⁵.

Александр I прекрасно осознавал, что за время Отечественной войны и заграничных походов в армии значительно ослаб дух парадомании и экзерцирмейстерства, изменилось сознание значительной части солдат и офицеров. Трещина между монархом и его любимым детищем постоянно увеличивалась, армия переставала быть послушным орудием в его руках. Все это побуждало правительственные круги начать поиск новых путей комплектования и содержания армии. Намечаемая реформа, как и многие другие, проводимые сверху, не могла быть радикальной и должна была вылиться в ряд паллиативных мер, которые в той или иной степени могли, и только на некоторое время, снять возникшие противоречия. Степень паллиативности зависела от того, насколько твердо и уверенно чувствовало себя в данный момент правительство. Одной из таких реформ был перевод части войск на самокомплектование и самообеспечение продовольствием и фуражом.

Первые опыты в данном направлении проводились в 1810-1812 гг., но тогда, как будет показано ниже, схема создания поселений в значительной степени отличалась от той, которая была принята в послевоенный период. Летом 1810 г. император, в знак примирения с А.А. Аракчеевым, посетил его Грузинское имение в Новгородской губ.⁹⁶ и был поражен организацией хозяйства и бытом крестьян. Думается, что именно эта поездка и натолкнула его на мысль о «поселении» армии на землю. В июле 1810 г. начальник 2-й пехотной дивизии генерал-майор Н.И. Лавров получил предписание прибыть в Витебскую и Могилевскую губернии для определения мест для будущих округов военных поселений ряда пехотных полков. Одновременно в Елецком мушкетерском полку начался тщательный отбор солдат для перевода в военное поселение. 10 ноября 1810 г. последовал указ о поселении запасного батальона этого полка в Бобылецком старостве Климовичского уезда Могилевской губ.⁹⁷ Непосредственная подготовка округа к поселению войск возлагалась на генерал-майора Н.И. Лаврова (его штаб располагался в

⁹⁵ Там же. – Л. 3.

⁹⁶ Ячменихин К.М. Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы. – М., 1997. – С. 38.

⁹⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 460-461 об.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК
г. Слониме), общее руководство вверялось графу
А.А. Аракчееву.

Отрабатывались два варианта поселения пехотного полка. Первый: поселить всех солдат и унтер-офицеров полка, которые должны были совмещать военную службу с земледельческим трудом. Второй: поселить один батальон полка, составить для него специальное «Положение», которое регулировало бы эти два, весьма далекие друг от друга, рода деятельности. Главной обязанностью поселяемого

батальона становилось снабжение двух других («действующих») батальонов полка продовольствием и постоянными квартирами. Принятие второго варианта и предопределило, по видимому, начало массового формирования запасных батальонов и эскадронов, которые впоследствии стали основой, ядром округов военных поселений.

Сразу возникла сложная проблема: как поступить с местными жителями? Перевести их в разряд военных поселян-хозяев, присоединив их к таковым из запасных батальонов, или выселить за пределы округов военных поселений? В 1810 г. было принято решение отселить жителей Бобылецкого староства (667 семейств, включавших 2033 ревизских души и проживавших в 18 деревнях) в Новороссию⁹⁸. Эту операцию предполагалось завершить к весне 1811 г. с тем, чтобы поселяне успели сделать пробные засева полей, однако, из-за плохой подготовки и отсутствия достаточного количества средств сделать это в намеченные сроки не удалось. Следует обратить внимание на тот факт, что министр внутренних дел О.П. Козодавлев был фактически отстранен от руководства переселением крестьян, поскольку все вопросы координировал сам А.А. Аракчеев. Переселение проводилось зимой 1812 г., очень поспешно и было сопряжено для крестьян с большими трудностями, в результате – они лишились части рабочего и продуктивного скота, а также значительного количества имущества.

Лишь в феврале 1812 г. началось введение запасного батальона (командир – майор Ф.Л. Насекин) в округ поселения и его обустройство. Елецкий полк с конца 1810 г. стоял постоем как в самом Бобылецком старостве, так и в прилегающих селениях. Часть имущества переселяемых крестьян (скот, домашняя

⁹⁸ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 187.

утварь) была закуплена казной и передана в пользование военных поселян. В течение весны 1812 г. поселяне сумели провести посев яровых хлебов и построить некоторое количество жилья. Начавшаяся Отечественная война прервала эксперимент. Батальон майора Ф.Л. Насекина выступил к Смоленску на соединение с отрядом Ф.Ф. Винценгероде. В составе левого фланга армии он принимал участие в Бородинском сражении, а также в боях у Тарутино, под Красным и Вязьмой. Из Белостокской области в марте 1813 г. он был возвращен в округ поселения⁹⁹. Из похода возвратились 7 унтер-офицеров и 66 рядовых (по штату батальон включал 40 унтер-офицеров и 660 рядовых)¹⁰⁰.

Хозяйственное обустройство округа проходило очень медленно и трудно, поскольку во время военных действий он был разорен неприятелем, а затем и крестьянами соседних деревень. Кроме того, изменилось штатное расписание армейских подразделений: теперь батальон должен был включать 1 тыс. нижних чинов. Для укомплектования поселения сюда направлялись рекруты со всей Могилевской губ. В 1814 г. генерал-инспектор всей пехоты и артиллерии генерал от артиллерии граф А.А. Аракчеев совместно с майором Ф.Л. Насекиным разработал «Положение поселяемому батальону Елецкого пехотного полка»¹⁰¹. Необходимость в таком документе была вызвана тем, что требовалось четко обозначить основные права и обязанности поселян, тем более, что некоторые из них начали проявлять недовольство ввиду отсутствия ясности в их социальных и имущественных правах. В этом же году начались землеустроительные работы и индивидуальное наделение поселян землей, это позволило провести посев озимых, а весной 1815 г. – яровых хлебов. После уборочных работ, в сентябре месяце, поселяне-хозяева были переведены на кантонир-квартиры для проведения строевых занятий. Следовательно, от «фронта» они были освобождены на очень незначительный промежуток времени. В этом же году началось активное переселение к ним жен и детей, а в 1816 г. в округ был введен один из действующих батальонов полка для оказания помощи в сельскохозяйственных работах.

⁹⁹ Там же. – Л. 6-7.

¹⁰⁰ Там же. – Д. 10. – Л. 593, 595.

¹⁰¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 130-135.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК
Второй батальон не удалось разместить ввиду отсутствия достаточного количества жилых помещений¹⁰².

В феврале 1816 г. А.А. Аракчеев получил рапорт майора Ф.Л. Насекина, в котором обосновывалась идея, что при создании новых поселений не следует отселять местных жителей, поскольку проще и дешевле включать их в состав поселенных батальонов и тем самым, за счет их имущества, укреплять хозяйственную базу округов. Это, в свою очередь, должно было в значительной степени снизить государственные расходы¹⁰³. Следовательно, опыт создания первого поселения в Белоруссии эмпирическим путем предопределил схему округов, которые впоследствии стали создаваться в массовом масштабе.

Первые положительные (по мнению А.А. Аракчеева) опыты поселения войск, а также причины социально-экономического характера (о чем говорилось выше) предопределили переход к массовому созданию военных поселений. Следует заметить, что в историографии давно утвердилось мнение о том, что инициатором военных поселений Александр I, а А.А.Аракчеев поначалу был их противником. Авторы при этом не ссылались на какие-либо источники. Нам удалось разыскать «Записку» графа А.А. Аракчеева Александру I о реформе армии, датированную 1815 г., в которой он прямо высказывается против введения военных поселений¹⁰⁴. Таким образом, этот факт можно считать окончательно доказанным.

Вопрос о введении военных поселений решался в узком кругу, куда, кроме императора и А.А. Аракчеева, входили генерал-лейтенант А.П. Ермолов, генерал-майор граф И.О. Витт, чиновники Собственной е.и.в. канцелярии статские советники И.Ф. Самбурский и А.И.Персидский¹⁰⁵. И.Я.Мирошников ошибочно полагает, что для выработки проектов создания поселений был образован особый штаб («главный совет»), в который якобы входили полковник П.А. Кленмихель, генерал-майоры С.И. Маевский и Ф.Е. Бухмейер, а также М.М. Сперанский¹⁰⁶.

¹⁰² Там же. – Д. 4. – Л. 120.

¹⁰³ РГИА. – Ф. 1409. – Оп. 1. – Д. 1536. – Л. 2-5 об

¹⁰⁴ Ячменихин К.М. «Во внимании к пользам государственным...» (Записка графа Аракчеева Александру I о реформе армии 1815 г.) // Исторический архив. – 2000. – №6. – С. 4-20.

¹⁰⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 150. – Л. 41, 160 об.

¹⁰⁶ Мирошников И.Я. Восстание военных поселян Слободской Украины 1817-1829 гг. – Дисс. канд.ист.наук. – Киев, 1943. – С. 36.

История России не знает «совета» в таком составе. Все, что было связано с планами создания военных поселений, никогда не обсуждалось ни в одном правительственном органе, поэтому в источниках не сохранились прямые указания на их аналоги как в российской, так и всемирной истории. Почему о данном факте истории военных поселений можно говорить лишь предположительно.

С большой долей уверенности можно утверждать, что Александр I был знаком с планами Павла I, изложенными в «Рассуждении о государстве вообще» (1774 г.), которые в отношении армии сводились к следующему: необходимо отказаться от наступательных войн и готовиться лишь к войнам оборонительным. Для этого сосредоточить на границах империи четыре армии: против Швеции, Турции, а также Пруссии и Австрии; четвертую армию развернуть в Сербии, а все прочие полки расквартировать внутри страны в постоянных местах дислокации, получать рекрутское пополнение и продовольствие от местных жителей. В дальнейшем предполагалось вовсе отказаться от рекрутских наборов, комплектуя армию из солдатских детей. Поселяемые таким образом полки должны были получить одинаковые штаты, четкие уставы и инструкции. Согласно «Рассуждениям» в армии вводилась строгая регламентация всей жизни, начиная с «мудрых вещей» и кончая строем.

Стремление Павла I насадить в русской армии бóльшую дисциплину, вплоть до мелочной регламентации, можно рассматривать как своеобразный противовес бесконтрольности командиров полков екатерининских времен, особенно последнего десятилетия царствования, которые зачастую рассматривали вверенные им подразделения как источники дополнительных расходов. По свидетельствам современников, за счет разнообразных махинаций с рекрутскими наборами, сдачей солдат в наем, ремонтом лошадей, манипуляцией с солдатской кассой и т.п., командир кавалерийского полка мог положить себе в карман до 25 тыс. руб. ежегодно, а командир пехотного – до 10 тыс. О.И. Киянская убедительно доказала, что даже такие «пламенные революционеры» как П.И.Пестель не брезговали подобными вещами¹⁰⁷. Идея Павла I о повсеместном переводе армии на казарменное расквартирование и замене рекрутов солдатскими

¹⁰⁷ Киянская О.И. Павел Пестель: офицер, разведчик, заговорщик. – М., 2002.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК
детьми вполне могла быть заимствована его сыном – императором Александром I.

Мог также учитываться исторический опыт создания поселений на пограничных линиях в Поволжье и на Украине в XVIII в., о которых писал князь М.М. Щербатов, уже в то время критически оценивавший возможности комплектования армии на основе рекрутских наборов. Он полагал, что эти поселения возникли ввиду необходимости охраны протяжных границ при малочисленном населении и сложности передислокации крупных масс войск на большие расстояния¹⁰⁸. Задолго до создания военных поселений М.М. Щербатов предсказал некоторые их особенности: проживание поселян в специально выстроенных для них домах, государственные ассигнования на первоначальное обзаведение хозяйством, отбор в поселяне-хозяева преимущественно бывших крестьян и только женатых, организация школ для солдатских детей. Ликвидацию рекрутских наборов он связывал с переходом поселенных войск на принцип самокомплектования¹⁰⁹.

В конце XVIII ст. поселения формировались первоначально из отставных нижних чинов, которые «от данной им земли отправляли по нарядам конную пешую службу и тамошние пограничные места защищали и охраняли от неприятельских набегов»¹¹⁰. Однако, поселения эти были непостоянными, поселяне часто переходили с одного участка на другой, землей они наделялись индивидуально и составляли такую категорию служилых людей как однодворцы.

С развитием регулярной армии роль ландмилицких формирований постоянно падала и к концу XVIII ст. большая их часть составляла особую категорию военно-земледельческого сословия – «пахотные солдаты», которые не платили государственных податей. Их главной обязанностью была поставка рекрутов: одного из сыновей они имели право оставить в семье для помощи в ведении хозяйства, остальные поступали на службу, которая продолжалась 15 лет¹¹¹. Таковым был исторический опыт внедрения «оседлости» солдат и отставных нижних чинов

¹⁰⁸ Щербатов М.М. Мнение о поселенных войсках // М.М.Щербатов. Неизданные сочинения. – М., 1935. – С. 64.

¹⁰⁹ Там же. – С. 74.

¹¹⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 247. – Л. 624 об.

¹¹¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 247. – Л. 636.

к началу XIX в. Эти сведения, несомненно, были известны императору.

Генерал-майор В.Ф. Ратч (собирал сведения о военных поселениях), со слов А.П. Ермолова, сообщает, что активные совещания у императора по вопросу создания военных поселений в массовом масштабе происходили в конце 1815 – первой половине 1816 гг. Александр I предлагал поселить войска вдоль западной границы, а за основу взять принцип организации казачьих полков. А.А. Аракчеев активно возражал, мотивируя это тем, что в данный момент отсутствует вероятность «хищнических набегов» со стороны западноевропейских государств, «каким в старину подвергались казаки, поселенные на границе», следовательно, в такого рода поселениях будет преобладать сельский элемент в ущерб военному¹¹².

В итоге многочисленных дискуссий было принято решение поселить пехотные полки в районе Новгорода по направлению к Витебску и Могилеву, а кавалерийские – на Украине, осуществив прикрытие западных границ в полосе 1-й (пехота) и 2-й (кавалерия) Армий. Когда встал вопрос о конкретных методах реализации данного плана, А.П. Ермолов предложил фактически (в развитие идей Павла I) назначить войскам постоянные квартиры, предоставив им полную свободу «сливаться с населением страны»¹¹³. Под давлением А.А. Аракчеева этот вариант был отвергнут и принято решение о создании территориальных военных поселений в виде замкнутой единицы – округа поселения отдельного пехотного или кавалерийского полка.

Тогда же все полномочия по созданию и руководству военными поселениями были возложены на А.А. Аракчеева, который уже имел определенный опыт в этом деле. Ему было поручено подготовить «проект учреждения» военных поселений, который должен был основываться на следующих принципах: «1. Образовать особое военно-земледельческое сословие, которое могло бы собственными средствами содержать постоянную армию и комплектовать ее без участия и отягощения остального населения и тем удовлетворить виды государственного хозяйства в уменьшении издержек на содержание войск; 2. Дать войскам прочную оседлость и улучшить их быт в то время, когда лета и силы не позволяют нести службу и 3. Прикрыть За-

¹¹² ОР РНБ. – Ф. 859. – Картон 31. – №17. – Л. 53.

¹¹³ Там же.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК
падное пограничное пространство от неприятеля и иметь возможность сосредоточить армию на театре войны»¹¹⁴.

На наш взгляд, П.П.Евстафьев справедливо указывает на значительное сходство военных поселений в России с австрийскими граничарскими поселениями в Трансильвании на турецкой границе в количестве 17 полков, история которых к началу XIX в. насчитывала уже 200 лет¹¹⁵. Аналогия заключается в наличии у каждого поселенного полка своего территориального округа, самообеспечении продовольствием и самокомплектовании, сочетании военной службы с занятиями сельским хозяйством. Главное же отличие граничарских поселений от российских заключалось в том, что первые не делились на поселенную и действующую части.

Несомненно, что некоторые высшие офицеры русской армии были знакомы со структурой поселений в Австрии, хотя правительство этой страны и старалось затруднить доступ к ним иностранцев. Русским всегда импонировали рослые и статные граничары, преданные своему делу и не боявшиеся никаких опасностей¹¹⁶. В 1816 г., по распоряжению императора, были собраны необходимые сведения об этих поселениях, которые затем легли на стол А.А. Аракчееву¹¹⁷.

Неудачными, на наш взгляд, являются попытки сравнивать военные поселения России XIX в. с ландверной системой Г.-И.Д. Шарнхорста в Пруссии, который по праву считается отцом всеобщей воинской повинности и создания значительных обученных резервов, а также со шведской моделью поселений – «indelta». Ландвер как система второочередных войсковых формирований из военнообязанных запаса второй очереди появляется вначале в Австрии в 1808 г., а в 1813 г. была принята в Пруссии для обозначения ополчения, выставляемого территориальными округами для полевой службы. В 1814 г. ландвер стал частью вооруженных сил как категория запаса, в которую зачислялись военнообязанные в возрасте 27-29 лет после отбывания ими действительной службы и пребывания в запасе первой очереди. Н.К. Шильдер утверждал, что Александр I воспринял идеи французского генерала Сервана, изложенные им в работе

¹¹⁴ ОР РНБ. – Ф. 859. – Картон 31. – №17. – Л. 54 об.-55.

¹¹⁵ Евстафьев П.П. Указ. соч. – С. 41.

¹¹⁶ Деница. Славянское обозрение. – 1843. – Ч. III. – С. 70.

¹¹⁷ РГВИА. – Ф. 154. – Оп. 1. – Д. 115. – Л. 9-15.

«Пограничные силы государства» (1809)¹¹⁸. Справедливости ради, необходимо отметить, что часть этих идей могли быть реализованы при поселении Елецкого полка, однако, они совершенно отсутствуют в схеме поселений, созданных после 1816 г.

В самой России не было недостатка в проектах по сокращению расходов на содержание и реорганизации армии, поданных различными лицами и в различное время. Поток их особенно увеличился в первые годы после начала массового введения военных поселений¹¹⁹. Это было связано с тем, что в сентябре 1816 г. император посетил округ поселения Елецкого пехотного полка, после чего часть общества получила хоть какую-то информацию об этом, поскольку раньше о нововведении знал только ограниченный круг лиц¹²⁰. Вот почему, если раньше подобные проекты носили достаточно общий характер, то теперь в них обосновались те или иные варианты поселения войск. Среди авторов проектов мы находим имена известных государственных деятелей: Н.С. Мордвинова, С.С. Уварова, И.А. Тутолмина, Е.Ф. Канкрин. Так, например, в 1831 г. Е.Ф. Канкрин представил императору записку «О способах водворения и оседлости нижних воинских чинов»¹²¹. Это было связано с тем, что декларированная в проекте военных поселений социальная защита отставных солдат на практике не выполнялась.

Полагаем, что Т.Н. Кандаурова, вслед за некоторыми исследователями¹²², необоснованно приписывает один из таких проектов генерал-майору Н. Русанову. Настораживает значительный объем документа, составление которого было не под силу одному человеку. Проведенный нами анализ архивных материалов позволяет скорректировать это утверждение. После смерти Александра I бумаги из его служебного кабинета, касающиеся вопросов создания и функционирования военных поселений, были переданы в штаб отдельного Корпуса военных поселений. Среди прочих находилась папка, озаглавленная следующим образом: «Бумаги, полученные от генерал-майора Ру-

¹¹⁸ Шильдер Н.К. Император Александр I... – Т. IV. – С. 23-24.

¹¹⁹ Кандаурова Т.Н. Военные поселения в России... – С. 62-63.

¹²⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 591.

¹²¹ Там же. – Оп. 2. – Д. 12000. – Л. 1.

¹²² Евстафьев П.П. Указ. соч. – С. 35-37; Липовская Т.Д. Социально-экономическое положение военных поселен... – С. 4.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК
санова»¹²³. В ней находился документ под названием «Учреждение, которым поставляется.., на каком основании и с какими со стороны казенной пособиями заведутся поселения на пустопорожних землях, которые даны будут в потомственное владение тем из отставных нижних чинов, кои поселятся на оных». В конце документа приложена записка Н. Русанова и Ф.Ф. Буксгевдена, из которой становится ясно, что этот проект был составлен Военской комиссией около 1803 г., а Н. Русанов как член комиссии был только одним из ее авторов.

Первые намеки на желание императора ввести военные поселения в массовом масштабе прозвучали в известном манифесте 30 августа 1814 г. по случаю окончания военной кампании против наполеоновской Франции. В манифесте, кроме всего прочего, обещались оседлость войскам, а заслуженным воинам – обеспеченная старость¹²⁴. В течение 1816 г. шла интенсивная работа по составлению проектов «Учреждения» поселений пехоты и кавалерии, которые были опубликованы отдельными брошюрами в 1817 г.¹²⁵ Бросается в глаза следующая деталь: как правило, подобные документы публиковались после их утверждения императором. В конкретном случае подпись императора отсутствует, и нам пока не удалось разыскать материалы, которыми бы подтверждалась «законность» этих «учреждений». Однако, вся законодательная база военных поселений до 1826 г. будет строиться, исходя из неутвержденных, а следовательно, незаконных документов.

О.Д. Багалеи-Татарина попыталась установить автора этого обширного и весьма насыщенного всевозможными декларациями документа, однако, это ей не удалось¹²⁶. П.П.Евстафьев называет его проектом А.А. Аракчеева, не поясняя при этом, – был ли граф его автором или только руководил процессом создания¹²⁷. Анализ служебной переписки А.А. Аракчеева позволяет утверждать, что авторами этого, как и многих других

¹²³ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 404. – Л. 259-374 об.

¹²⁴ ПСЗ. – Т. XXXII. – №. 25671.

¹²⁵ Проект учреждения о военном поселении пехоты. – Ч. I-III. – СПб., 1817; Проект учреждения о военном поселении регулярной кавалерии. – Ч. I-III. – СПб., 1817-1822.

¹²⁶ Багалий-Татарина О.Д. Нариси з історії військових поселень на Україні. Проект військових поселень Аракчєєва 1817 р. // Наукові записки Харківської науково-дослідної катедри історії Української культури. – Харків. – 1927. – №6. – С. 131-143.

¹²⁷ Евстафьев П.П. Указ. соч. – С. 41-43.

документов законодательного характера, касающихся военных поселений, были чиновники Собственной е.и.в. канцелярии военные советники И.Ф. Самбурский и А.И. Персидский, которые были переведены сюда по настоянию А.А. Аракчеева в декабре 1815 г. Это подтверждается его всеподданнейшим докладом от 19 ноября 1822 г., где он писал: «Ваше Императорское Величество, приняв решительность на утверждение военных поселений, для Государства полезных, изволили сообщить мне план предположения Вашим, по коим поселение должно было воспринять свое начало и дальнейшее существование, и повелели составить проект учреждения. Чтоб совершить работу сию, я должен был назначить чиновника и избрал к оному военного советника Самбурского. Самбурский занимается под моим руководством с 1816 г. и все учреждения о военном поселении суть труды его, а Ваше Величество, читая их, к похвале Самбурского, изволили неоднократно объявлять по оным свое удовольствие»¹²⁸. Разделы «учреждения», касавшиеся вопросов обучения и воспитания кантонистов, могли быть написаны генерал-майором Е.К. Сиверсом, большим знатоком и поклонником западноевропейских форм и методов в этой области и активно сотрудничавшим с А.А. Аракчеевым в данной области.

Предметом специального исследования может стать проблема отношения современников к военным поселениям, его основы уже заложены в исторической науке¹²⁹. Неоднозначность ее заключается в том, что реакция общественности была далеко неоднозначной. Известно, что идея военных поселений имела достаточно влиятельных и компетентных противников, например, в лице М.Б.Баркляя де Толли, И.И. Дибича и ряда других государственных деятелей¹³⁰.

Резко отрицательную характеристику системе военных поселений дал автор записки «Взгляд на военное поселение», опубликованной в приложении к работе В.В. Щепетильникова. Т.Д. Липовская полагает, что ее автором был некий адъютант

¹²⁸ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 151. – Л. 29.

¹²⁹ Корф М.А. Жизнь графа Сперанского. – СПб., 1861; Предтеченский А.В. Декабристы и военные поселения.; Кандаурова Т.Н., Давыдов Б.Б. Военные поселения в оценке современников...

¹³⁰ Записки М.Б.Баркляя де Толли и И.И.Дибича // Военный сборник. – 1861. – №6. (РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 507. – Л. 3-58).

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК
штаба военных поселений¹³¹. Типологический и сравнительный
анализ бумаг из фонда
князей Васильчиковых (РГИА, ф. 651) позволяет утверждать,
что

автором этой секретной записки был генерал-адъютант князь И.В. Васильчиков, который сопровождал императора во время инспекции округов военных поселений в 1826 г. и изложивший свое мнение на основании собственных впечатлений. Несомненно, что И.В. Васильчиков и до этого по долгу службы как командир Гвардейского корпуса имел о них достаточно информации; цель же данной записки, по-видимому, заключалась в том, чтобы подтолкнуть императора (который в это время проявлял колебания) к более решительным шагам относительно военных поселений.

Часть генералитета русской армии (Е.Ф. Канкрин, А.П. Ермолов, Д.В. Давыдов и др.) выступали в защиту военных поселений. Они имели сторонников и в среде высшей бюрократии (В.П. Кочубей, П.П. Лопухин, П.Н. Румянцев и др.)¹³². М.И.Богданович полагает, что они хвалили военные поселения из лести, заискивая перед императором¹³³. Следует подчеркнуть, что многие из них неоднократно бывали в округах военных поселений и знали о них не понаслышке. А.А. Аракчеев особенно любил показывать округа 1-й гренадерской дивизии, расположенные на живописных берегах Волхова.

Не обошли военные поселения своим вниманием и иностранцы, которые хотели привлечь внимание общественности Западной Европы к этому своеобразному институту российского самодержавия, способного, по их мнению, значительно увеличить военный потенциал государства¹³⁴. Некоторые из них – маршал Мармон, А. Гакстгаузен, А. де Кюстин и др. – в разные

¹³¹ Липовская Т.Д. Социально-экономическое положение военных поселеня... – С. 30-31.

¹³² Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I... – С. 196.

¹³³ Богданович М.И. Указ. соч. – Т. VI. – С. 117-118.

¹³⁴ Багалея-Татарина О. Французские дипломаты и публицисты о русских и украинских военных поселениях первой половины XIX столетия // Науковий збірник Харківської науково-дослідної катедри історії української культури. – Харків, 1927. – №5. – С. 114-115.

годы побывали в поселениях кавалерии и составили о них достаточно хвалебные отзывы¹³⁵.

Исследование этого сюжета осложняется тем, что по известным причинам отсутствуют публикации на эту тему в российской периодической печати того времени. Можно только предположить, что большинство дворянства было настроено по отношению к ним отрицательно. Во-первых, самодержавие, опираясь на замкнутую военно-земледельческую касту, вполне могло обходиться в определенных ситуациях и без его поддержки; во-вторых, дворянство явно не могло желать массового вооружения народа. Самодержавие, естественно, не могло не учитывать настроений своей основной социальной опоры, что нашло отражение в значительных отступлениях правительства Николая I от первоначальных принципов организации военных поселений.

Таким образом, приступая к созданию военных поселений в массовом масштабе, правительство Александра I преследовало ряд социально-экономических и политических целей. Причем, если некоторые из них были открыто декларированы и довольно быстро реализовались, то часть была искусно завуалирована строками проектов и могла быть осуществлена только спустя значительное время. Историческая практика затем показала, что масштабы задуманного не совпадали с возможностями государства как в финансово-экономическом отношении, так и не соответствовали быстро изменяющейся политической ситуации. Вот почему многие проекты так и не были реализованы, и тем более, грандиозный план по поселению всей российской армии.

Введение военных поселений можно и нужно рассматривать как определенную коррекцию внутривнутриполитического курса самодержавия. В случае успеха должны были значительно сократиться государственные расходы, ликвидироваться рекрутские наборы в мирное время и тем самым ускориться развитие производительных сил. Созданием достаточно зажиточного военно-земледельческого сословия самодержавие могло расширить свою социальную базу. Военно-стратегические цели заключались в надежном прикрытии границ, сокращении объе-

¹³⁵ Путешествие маршала Мармона, герцога Рагузского в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию... – Т. I. – СПб., 1840. – С. 161; Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. – Т. II. – М., 1870. – С. 159-160.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК
мов и расстояний передислокации войск и созданию надежной
базы подготовки и обеспечения войск в случае военных дейст-
вий. Войска получали постоянные квартиры (прототип казар-
менного расквартирования армии), чем ликвидировалась
постоянная повинность.

По вопросу об аналогах военных поселений можно пред-
положить, что их первоначальная идея возникла путем синтеза
ряда черт поселений русской армии XVIII в. (помощь государ-
ства при первоначальном устройстве хозяйства и строительстве
жилья), граничарских поселений (поселение регулярных войск,
самокомплектование, сочетание военной службы с хозяйствен-
ной деятельностью, отсутствие земельных наделов у офицерско-
го состава), а также первого опыта поселения войск в
Могилевской губ. накануне и сразу после Отечественной войны
1812 г.

А.А. Аракчеев слегка лукавил, заявляя, что «...занимаясь
сам устройством в звании главного начальника с самого откры-
тия военных поселений, я не имел ввиду никаких примеров и
образцов, действовал единственно по высочайшим наставлени-
ям, коих удостаивали меня лично Ваше Императорское Величе-
ство. Руководимый сими наставлениями, я должен был не
только входить, по каждому предмету во все подробности, но,
так сказать, изобретать самые предметы и обеспечивать буду-
щее существование оных новыми положительными правилами»¹³⁶. Однако, он был совершенно прав, когда в 1823 г. писал
императору: «Устройство военных поселений, по принятым для
оного основаниям, есть дело новое у нас и небывалое, кажется, в
других государствах»¹³⁷.

Приступая к созданию системы военных поселений и чет-
ко представляя, чего оно ожидает в ходе реализации этого пла-
на, правительство Александра I, тем не менее, не совсем ясно
представляло пути реализации задуманного. Именно этим мож-
но объяснить их неоднократное реформирование впоследствии
и постоянную либерализацию их функционирования. Но слово
было сказано. Началась грандиозная эпопея создания военных
поселений.

¹³⁶ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 151. – Л. 431.

¹³⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 151. – Л. 431

§2. Основные периоды истории военных поселений

В 1816-1817 гг. наступает решающий момент в истории военных поселений: начинается массовое поселение войск. Закончился подготовительный период (1810-1816 гг.), который ознаменовался первым, опытным поселением Елецкого пехотного полка и выработкой общих принципов формирования структуры поселенной системы войск.

Логика развития событий подсказывала, что пехоту необходимо поселить в Могилевской и Витебской губ. и тем самым как бы географически продолжить поселение Елецкого полка. Действительно, в августе 1816 г. начальник 11-ой пехотной дивизии, в состав которой входил этот полк, генерал-лейтенант Цвилинев получил предписание осмотреть территорию Могилевской губ. для выбора мест для округов поселений¹³⁸. Следует отметить, что подобная процедура всегда была сопряжена с большими трудностями, поскольку необходимо было учесть такие факторы, как наличие достаточного количества удобных государственных земель, строевого и дровяного леса, мужского населения, годного к строевой службе и многое другое.

В сентябре этого же года император посетил округ поселения Елецкого полка и остался доволен ходом его создания. Если раньше он знал о положении дел только из рапортов А.А. Аракчеева, то теперь он воочию убеждался не только в возможности, но и необходимости перевода хотя бы части армии на положение поселенной. Правда, сразу же пришлось отказаться от поселения войск в Могилевской губ., поскольку здесь практически отсутствовал фонд свободных государственных земель. Генерал-лейтенантом Цвилиневым и полковником Тургеневым были обследованы некоторые казенные волости Смоленской губ. Во всеподданнейшем рескрипте они докладывали, что здесь «грунт земли особо преимущественнее противу староств Могилевской губ., равномерно и крестьяне хотя во время нашествия неприятеля имели чувствительное разорение, но за всем сим в хозяйстве зажиточнее белорусцов, почему и

¹³⁸ Там же. – Д. 4. – Л. 314-315.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК
военные поселения более могут иметь способов к заведению и
усовершенствованию хозяйства»¹³⁹.

Однако, для поселения пехоты выбор все-таки пал на Новгородскую губ., кавалерию было решено поселить в Слободско-Украинской и Херсонской губ. Обосновывая это решение, Александр I в письме начальнику Главного штаба е.и.в. генерал-адъютанту князю П.М. Волконскому писал: «Места, лежащие по бывшей Украинской линии, начиная от г. Изюма и реки Донца, и простираясь через Константиноград и местечко Царицынку до реки Днепра и Алексополя, представляют нарочитую удобность для военного поселения. На всем этом пространстве жители составляли некогда сами ландмилицкие полки, сохранили еще дух воинский и мало имеют в землеустройствах своих чересполосных помещичьих владений»¹⁴⁰. Именно наличие фонда государственных земель, а значит и большого количества государственных крестьян и казаков стало определяющим в выборе мест поселения, поскольку именно они должны были составить строевой костяк военных поселений.

В указанных регионах хорошо было развито земледелие и скотоводство, торговля и промыслы. Все территории располагались в умеренной климатической зоне, за исключением южных уездов Херсонской губ. Во всех трех губерниях наблюдалась исторически сложившаяся преемственность в землепользовании, относительно высокий уровень земледелия (в южных уездах Херсонской губ. жители занимались преимущественно скотоводством), и зажиточности жителей. Так, например, большая часть Новгородской губ. уже в начале XIX в. имела освоенность до 70% и выше, значительную плотность населения, качество почвы здесь чаще оценивалось как хорошее и среднее, реже встречались скудные почвы¹⁴¹.

На территориях, отходивших под округа кавалерии, преобладали черноземы, мало было чересполосных помещичьих владений. Значительным недостатком этого региона было слабое обеспечение строевым лесом, потребности в котором восполнялись вследствие либо доставкой из других мест, либо разведением новых лесов. Новгородская губ., напротив, была богата строевыми лесами, обладала развитой системой водных и

¹³⁹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 151. – Л. 511.

¹⁴⁰ Сборник исторических материалов, извлеченных из Собственной е.и.в. канцелярии. – Вып. V. – СПб., 1892. – С. 68.

¹⁴¹ Жекулин В.С. Историческая география. – Л., 1982. – С. 143-160.

сухопутных коммуникаций¹⁴². Учитывались также и военно-стратегические факторы: прикрытие границ, основные операционные направления предполагаемого развития военных действий, дислокация войск 1-й и 2-ой Армий, в полосу которых входили военные поселения. Немаловажную роль играл и национальный состав, поскольку руководство стремилось к его однородности в отдельных воинских формированиях.

Поскольку было принято предложение командира поселенного батальона Елецкого пехотного полка подполковника Ф.Л. Насекина о смешанном составе поселенного батальона, т.е. состоящем как из местных жителей, так и солдат, поскольку было решено создать на базе вторых батальонов полков так называемые «кадры» (некомплектные подразделения) в составе 600-700 нижних чинов, которые должны направляться к местам будущего поселения. Затем они доукомплектовывались местными жителями до штатного состава (1000 нижних чинов), и таким образом формировался пехотный поселенный батальон. По мере своего поселения (налаживание сельскохозяйственного производства, строительство жилья, создание определенной инфраструктуры округа) каждый такой батальон («поселенный») должен был принять «на постой», т.е. обеспечение продовольствием, фуражом и рекрутами, два остальных батальона полка, которые назывались «действующими»¹⁴³.

Поселение пехоты должно было начаться с полков 1-ой гренадерской дивизии. Выбор этот также не был случаен, поскольку гренaдеры, как и гвардия, относились к элите русской армии и именно ее император хотел в первую очередь обеспечить постоянными квартирами (гвардия находилась на казарменном положении). 5 августа 1816 г. последовало несколько высочайших указов о назначении второго батальона гренaдерского графа Аракчеева полка 1-й гренaдерской дивизии для поселения в Высоцкой волости Новгородского уезда¹⁴⁴. В рескрипте на имя Новгородского гражданского губернатора Н.Н. Муравьева говорилось, что волость изымается из ведения гражданских властей и переходит под юрисдикцию военного ведомства; крестьяне переставали платить государственные по-

¹⁴² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 16. Большое описание волостей Новгородской губ. (1817 г.); Истомина Э.Г. Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX вв. – М., 1982. – С. 134.

¹⁴³ В это время полки были трехбатальонного состава.

¹⁴⁴ ПСЗ. – Т. XXXIII. – № 26389.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК дати и судились военным судом¹⁴⁵. Причем даже Н.Н. Муравьеву не сообщались истинные цели передислокации батальона, объяснив это недостатком казарм в С.-Петербурге.

В отечественной историографии до последнего времени преобладала концепция о фантастически быстрых темпах создания военных поселений¹⁴⁶. Начиная с М.И. Богдановича, в научный оборот были введены данные о поселении якобы к концу царствования императора Александра I 90 батальонов пехоты, 120 эскадронов кавалерии, 3 артиллерийских бригад и одного саперного батальона¹⁴⁷. Ниже мы убедимся, что это было далеко не так.

Прежде всего, исследователи не учитывали, что между введением кадра того или иного полка на место поселения и началом самого обустройства округа (т.е. изданием специальной «высочайшей грамоты») проходил достаточно продолжительный промежуток времени. В это время происходила как бы взаимная адаптация солдат и крестьян к новым условиям жизни. Так, например, гренадерский графа Аракчеева полк и крестьяне Высоцкой волости «с их землями» получили такую грамоту только 18 апреля 1817 г., после чего и началось, собственно, создание первого в гренадерской пехоте округа поселения¹⁴⁸. В этом же году началось поселение остальных пяти полков 1-й гренадерской дивизии¹⁴⁹.

На начальном этапе создания округа поселения, по мнению А.А. Аракчеева, первоочередная задача состояла в быстром «обмундировании» коренных жителей и разделении их на «классы», согласно возрасту и годности к строевой службе. Действия военных властей вызвали незамедлительную реакцию со стороны крестьян, которая вылилась в массовые неповиновения, побегии, подачи жалоб и т.п.¹⁵⁰. Особенно ярко это проявилось в Высоцкой и Холынской волостях. В остальных округах

¹⁴⁵ РГИА. – Ф. 379. – Оп. 1. – Д. 163. – Л. 2.

¹⁴⁶ Окунь С.Б. Указ. соч. – С. 63-64; Липовская Т.Д. Социально-экономическое положение военных поселян... – С. 19; Мироненко С.В. Указ. соч. – С. 212.

¹⁴⁷ См.: Богданович М.И. Указ. соч. – Т. IV. – С. 113; Щебальский П.Г. Указ. соч. – С. 488; Карцов П.П. Указ. соч. // Русский вестник. – 1890. – №3. – С. 110.

¹⁴⁸ ПСЗ. – Т. XXXIV. – №26803.

¹⁴⁹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 17, 18, 19, 20, 21. Грамоты на поселение гренадерских полков: Перновского, императора Австрийского, короля Прусского, 1-го и 2-го карабинерных.

¹⁵⁰ Федоров В.А. Борьба крестьян России... – С. 116-120.

эта процедура протекала относительно спокойно¹⁵¹. Округа 1-й гренадерской дивизии компактно расположились в бассейне рек Волхова, Мсты и Мшаги.

В мае 1816 г. последовал указ на имя инспектора артиллерии генерала от артиллерии, барона П.И. Меллера-Закомельского о выборе и подготовке мест для создания военных поселений артиллерии. В виде первого опыта был избран Охтенский пороховой завод под С.-Петербургом. Общее руководство осуществлял А.А. Аракчеев, непосредственным исполнителем был назначен начальник завода подполковник Д.Ф. Кандыба¹⁵². Подготовительный период здесь растянулся на 5 лет, поскольку необходимо было не только построить дома для поселян, но и расчистить необходимое количество земли под пашню и луга, поскольку свободных угодий здесь было очень мало. К 1824 году на заводе было поселено только две роты, численностью 40 поселян-хозяев в каждой, занимавшихся сельским хозяйством, и 80 поселян-хозяев – мастеровых, которые в свободное от работы на заводе время (два дня в неделю) могли изготавливать ремесленные изделия на продажу. Поселенная рота принимала на постой и обеспечение продовольствием 120 постояльцев (по одному на поселянина-хозяина) из мастеровых рот завода¹⁵³. В 1823 г. началось обустройство третьей, последней, поселенной роты.

Весной 1817 г. вблизи округа поселения Елецкого пехотного полка, на землях бывшего Ануфриевского монастыря, началось создание округа поселения Полоцкого пехотного полка 11-й пехотной дивизии¹⁵⁴.

Во второй половине этого же года стали создаваться округа

3-ей (переименованной позже во 2-ю) уланской дивизии в Змиевском, Волчанском и Изюмском уездах Слободско-Украинской губ. в составе четырех полков¹⁵⁵. Основу поселения составили Чугуевское казачье войско и государственные крестьяне указанных уездов. Командиром поселенной дивизии был назначен ге-

¹⁵¹ ОР РНБ. – Ф. 859. – Карт. 20. – №1. – Л. 32. Воспоминания бывшего поселянина гренадерского императора австрийского полка Герасима Родионова.

¹⁵² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 13.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 476.

¹⁵⁵ ПСЗ. – Т. XXXIV. – №26772, №26803, №27190.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК
генерал-лейтенант Г.И. Лисаневич, отличившийся впоследствии жестоким подавлением восстания Чугуевского уланского полка в 1819 г. В том же, 1817 г., началось поселение второй бригады Украинской уланской дивизии и Бугского казачьего войска в Херсонской губ., которые составили Бугскую уланскую дивизию четырехполкового состава¹⁵⁶. Малороссийские казачьи полки, таким образом, были ликвидированы, а их жители стали военными поселянами в составе регулярных войск.

При организации поселений кавалерии А.А. Аракчеев предложил использовать те же методы и формы, как и в округах пехоты. В этом вопросе он нашел серьезного оппонента в лице генерал-майора И.О. Витта, которому была поручена организация поселений в Херсонской губ. Однако, по настоянию императора, А.А. Аракчеев был вынужден привлечь его вместе с Г.И. Лисаневичем и атаманом бугских казаков полковником князем Н.Р. Кантакузиным к составлению «учреждений» о поселении кавалерии. Во время работы над ними вновь возникли трения между А.А. Аракчеевым и И.О. Виттом по вопросам, касающимся структуры поселений кавалерии. В конфликт вмешался император, И.О. Витту было разрешено не только подавать замечания по поводу проектов поселения кавалерии, но и входить с подобными представлениями непосредственно к императору¹⁵⁷.

Рассмотрим схему округа поселения пехотного и кавалерийского полков. По штатному расписанию, поселенный батальон включал четыре роты, которые отстраивались отдельными поселками. Каждая рота, за исключением нижних чинов, которые относились к разряду непоселенных (фельдфебели, каптенармусы, музыканты, мастеровые и т.п., всего в батальоне – 80 человек), включала 12 поселенных унтер-офицеров и 216 рядовых. Рота подразделялась на четыре отделения (капральства) по 3 унтер-офицера и 54 рядовых в каждом, а отделение – на три десятка по одному унтер-офицеру и 18 рядовых.

Для жительство поселяно-хозяев возводились специальные «дома-связи» с надворными хозяйственными постройками. В доме на два входа проживало четыре семьи; семья поселенного унтер-офицера занимала половину дома. Солдаты действующих батальонов (по два на каждого поселянина-хозяина) располага-

¹⁵⁶ Там же. – №27881.

¹⁵⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 509. – Л. 2 об.-3.

лись либо в мезонинах, либо в нижних комнатах вместе с хозяевами. Таким образом, десяток занимал 5 домов, отделение – 15, а весь ротный поселок состоял из 60 домов. В центре его располагался ротный штабной комплекс, который включал помещение для ротного комитета, школу, часовню и ряд хозяйственных построек.

В 1818-1819 гг. в округах 1-й гренадерской дивизии началось строительство полковых штабных комплексов и ротных поселков. По предложению А.А. Аракчеева, с целью сокращения государственных издержек были сформированы 5-й и 6-й военно-рабочие батальоны. На места строительных и мелиоративных работ были переведены кадры вторых батальонов 2-й и 3-й гренадерских, а также ряда пехотных дивизий 1-й Армии. Вместе с поселенными батальонами 1-й гренадерской дивизии они были сведены в Новгородский отряд военных поселений под командованием генерал-майора Б.Я.Княжнина. Подобная форма соединения была временной мерой и предусматривалась для более оперативного руководства подразделениями, сведенными из разных воинских частей. Она просуществовала до того времени, когда поселенные войска приняли форму членения, принятую в русской армии того периода.

При формировании округов 1-й гренадерской дивизии было выдержано относительное равенство в отношении численности коренного населения и кадров вторых батальонов по каждому округу (см.: Табл. 1). Эта цифра колебалась от 3,7 до 4,6 тыс. человек. Исключение составлял лишь округ поселения гренадерского графа Аракчеева полка, в котором проживало лишь 2,6 тыс. человек. Следовательно, территория одной волости составляла округ поселения одного пехотного полка.

В 1825 г. население каждого округа этой дивизии составляло, в среднем, около 5 тыс. человек, за исключением округа гренадерского короля прусского полка, часть коренных жителей которого была переведена в округ поселения саперного батальона (см.: Табл. 2). При подсчетах не учитывались составы действующих батальонов, поскольку не все они были введены в округа поселений своих полков. Значительный прирост населения в округах гренадерских наследного принца прусского и графа Аракчеева полков явился результатом большого количества браков солдат с местными крестьянками, а также следствием интенсивного перевода нижних чинов из непоселенных

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК пехотных и кавалерийских подразделений, которые были родом из волостей, где были развернуты округа поселений. В целом, население округов 1-й гренадерской дивизии за 1818-1825 гг. увеличилось на 22%, в том числе, за счет естественного прироста не более, чем на 8%. Следовательно, мнение о том, что округа были сформированы за 1816-1818 гг.¹⁵⁸, является ошибочным, поскольку в это время процесс только начинался. Этот вывод касается и округов кавалерии.

На наш взгляд, окончательное поселение полка происходило только после присоединения действующих батальонов (эскадронов) к поселенному, что не учитывалось большинством исследователей. А это, в свою очередь, зависело от темпов хозяйственного обустройства округов. Так, например, в округах 1-й гренадерской дивизии, где планировалось построить ротные поселки во всех округах, за год возводилось не более двух поселенных рот (постепенно эти темпы снижались). Первыми, 31 октября 1820 г., в округ поселения своего полка вошли действующие батальоны гренадерского графа Аракчеева полка¹⁵⁹. Но в конкретном случае необходимо учитывать особую опеку графа А.А. Аракчеева, который считал округ поселения полка своего имени эталоном для всех военных поселений. Полное поселение 1-й гренадерской дивизии, с учетом всех перечисленных факторов, закончилось только в 1826 г.

По мере устройства полковых округов началось поселение вспомогательных подразделений дивизии. С мая 1820 г. при каждом поселенном батальоне начали формироваться поселенные фушштатские роты¹⁶⁰. Подобные подразделения в кавалерии стали создаваться несколько позже, после утверждения в феврале 1825 г. «Положения о поселенных фушштатских ротах кавалерийских полков»¹⁶¹. В обязанности этих подразделений входило формирование обоза во время военных действий, ремонт снаряжения батальона или эскадрона, перевозка строительных материалов и т.п.¹⁶² Фушштатская рота состояла из четырех

¹⁵⁸ Евстафьев П.П. Указ. соч. – С. 63-64; Левинтов Н. Военные поселения в России в XIX в. // Исторический журнал. – 1940. – №6. – С. 117.

¹⁵⁹ Приказы Главного над военными поселениями начальника. – Б.М. и Б.г. – Приказ от 31 октября 1820 г. – №169.

¹⁶⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 241-307.

¹⁶¹ Положение о поселенных фушштатских ротах для поселенных кавалерийских полков. – СПб., 1825.

¹⁶² Т.Д. Липовская ошибочно полагает, что главной обязанностью фушштатских рот было обеспечение действующих эскадронов продовольствием

отделений: отделения поселян-хозяев, действующего, мастерского и резервного. Первое и последнее отделения составляли территориальный округ фурштатской роты и в боевой поход не выступали. По штатному расписанию в роте числились: фельдфебель, 3 унтер-офицера, 48 рядовых и два жандарма. Последние выполняли обязанности военной полиции.

В апреле 1822 г. было утверждено «Положение о поселении саперного батальона гренадерского корпуса»¹⁶³. Для его поселения отводилась часть земель округов короля прусского и наследного принца прусского полков. Округ состоял из двух поселенных саперных рот по 6 поселенных унтер-офицеров и 108 поселян-саперов в каждой, которые принимали на постой и обеспечение продовольствием четыре действующие роты.

В первой половине 1819 г. в Херсонской губ. началось поселение 3-ей уланской дивизии¹⁶⁴. (В августе 1818 г. 3-я уланская дивизия в Слободско-Украинской губ. была переименована во 2-ю, а Украинская уланская дивизия в Херсонской губ. – в 3-ю уланскую дивизию)¹⁶⁵. Эта операция производилась в несколько этапов: в 1819 г. началось водворение 4-го, в 1820 г. – 3-го, а в 1821 г. – 1-го и 2-го украинских полков этой дивизии¹⁶⁶. Во время инспекционной поездки по округам дивизии в 1823 г. А.А. Аракчеев сделал ряд замечаний командиру дивизии генерал-майору И.Е. Трошинскому о «неудобстве в сделанном разделении полков и эскадронов и в выборе мест для полковых штабов». Укол, естественно, был предназначен в первую очередь И.О. Витту, по проекту которого осуществлялось поселение данной дивизии. По настоянию А.А. Аракчеева, была создана специальная комиссия, которая в течение 1824 г. занималась упорядочиванием поземельного устройства округов дивизии при помощи передачи селений из одного округа в другой, а также ликвидацией некоторых из них.

3-я и Бугская уланские дивизии совместно с рядом прикомандированных подразделений составили Херсонский отряд военных поселений под командованием генерал-майора графа И.О. Витта. Такой же отряд под командованием генерал-

(Липовская Т.Д. Социально-экономическое положение военных поселян... – С. 19.).

¹⁶³ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 121. – Л. 110-119 об.

¹⁶⁴ Там же. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 11. – Л. 63-64.

¹⁶⁵ ЦГИАК Украины. – Ф. 1353. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 54.

¹⁶⁶ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 300. – Л. 276.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК лейтенанта Г.И. Лисаневича был сформирован на базе 2-й уланской дивизии в Слободско-Украинской губ.

Процесс поселения и схема кавалерийского полка отличались от пехотного¹⁶⁷. Поселенный кавалерийский полк включал 6 действующих, 3 поселенных и 3 резервных эскадрона. Седьмые запасные эскадроны были ликвидированы¹⁶⁸. На территорию поселений не вводились кадры полков, как это было в случае с пехотными полками. Согласно «Учреждению о военном поселении регулярной кавалерии» (СПб., 1817-1822), в трех поселенных эскадронах состояло 573 поселянина-хозяина (по 191 в каждом), такое же количество помощников хозяев должно было числиться в резервных эскадронах. Поселенные и резервные эскадроны принимали на постой 6 действующих, и, таким образом, каждое поселянское хозяйство, состоявшее из поселянина-хозяина и его помощника, должно было обеспечивать продовольствием и фуражом двух солдат и их лошадей из действующих эскадронов. Усиление хозяйств в кавалерийских округах за счет введения категории помощников обуславливалось более дорогим содержанием кавалериста, чем пехотинца.

Первоначально поселенные и резервные эскадроны планировалось сформировать из солдат, призванных на службу из тех мест, где создавались военные поселения кавалерии, а также из коренных жителей на основе «Проекта учреждения о военном поселении регулярной кавалерии» и «Правил о переходе коренных жителей в военное поселение округа военного поселения кавалерии». Однако, таких солдат оказалось очень мало, в связи с чем было принято решение сформировать поселенные и резервные эскадроны преимущественно из коренных жителей.

Эти принципы формирования кавалерийских поселений, предложенные И.О. Виттом, позволяли значительно ускорить перевод кавалерийского полка на самообеспечение продовольствием и фуражом, поскольку его хозяйственная база доставалась военному поселению уже в готовом виде. Кроме того, в округах кавалерии, особенно в Херсонской губ., почти полностью отказались от строительства поселков для поселенных и

¹⁶⁷ Ячменихин К.М. Структура Новгородских военных поселений и их управление в 1818-1831 гг. // История СССР. – 1989. – №1. – С. 93.

¹⁶⁸ ПСЗ. – Т. XXXIV. – №27083. Л.Г.Бескровный ошибочно полагает, что поселения кавалерии были созданы на базе запасных эскадронов уланских и кирасирских полков (См.: Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. – М., 1973. – С. 22).

резервных эскадронов, что позволило почти сразу вводить действующие эскадроны в округа поселения. Именно эти факторы и обусловили весьма быстрое (в течение 2-3 лет) обустройство кавалерийского округа. При этом, правда, значительно терялась боеспособность поселенных и резервных эскадронов, поскольку обучение кавалериста требовало значительного времени.

Следовательно, поселение уланских дивизий также не было одномоментным актом. Так, например, при создании округов поселений Бугской уланской дивизии территория Бугского казачьего войска вначале изымалась из гражданского управления, а затем уже формировались округа самой дивизии, полки которой получили грамоты на поселение в конце 1817 г. Украинская (впоследствии 3-я) уланская дивизия вначале была передана в подчинение Главному над военными поселениями начальнику (декабрь 1817 г.) и расположилась квартирами на территории будущих поселений, а уже затем только началось обустройство округов, которое заняло около трех лет.

Территория трех поселенных и трех резервных эскадронов составляла округ поселения своего полка. В свою очередь, поселенная кавалерийская дивизия состояла из четырех поселенных полков, а придаваемые ей две конно-артиллерийские роты располагались вне округов ее поселения¹⁶⁹. И.О. Витту пришлось приложить максимум усилий для того, чтобы убедить императора отступить при поселении кавалерии от аракчеевской модели. Тем самым он нажил врага в лице А.А. Аракчеева, поскольку тот никогда не смог согласиться с тем, что в поселенных и резервных эскадронах не будет поселян-хозяев и их помощников из солдат, которые, по его мнению, и должны были совершенствовать строевые качества поселенных и резервных подразделений.

В конце 1821 г. на базе государственных селений Александрийского и Елисаветградского уездов Херсонской и Верходнепровского уезда Екатеринославской губерний началось создание поселений 3-й кирасирской дивизии¹⁷⁰. Поселение тяжелой кавалерии осуществлялось на несколько другой основе, чем легкой. В данном случае кадры полков (36 унтер-офицеров, 6 трубачей и 348 рядовых) при полном комплекте офицерского состава, вместе со вспомогательными подразделениями вводи-

¹⁶⁹ РГВИА. – Ф. 37. – Оп. 1/191. – Св. 10. – Д. 117. – Л. 9 об.-10.

¹⁷⁰ ПСЗ. – Т. XXXVII. – №28832, №28834, №28835.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК
лись на территорию будущих округов, а затем на их базе формировались три поселенных и три резервных эскадрона. Переход коренных жителей в состав округов 3-ей кирасирской дивизии начался 1 января 1822 г. По плану, предложенному И.О.Виттом, они, совместно с кадрами полков, должны были в течение трех лет обустроить округа и подготовиться к приему действующих эскадронов, которые сразу бы получали от них продовольствие и фураж. Таким образом должно было сократиться время между вводом действующих подразделений на территорию округов и их переходом на самообеспечение, значительно сокращались государственные расходы на хозяйственное обустройство округов и строительство. По расчетам И.О. Витта, такая операция позволила бы сэкономить при поселении кирасирского полка до 275 тыс. руб., а всей дивизии – до 1,6 млн. руб. в год¹⁷¹. Такие цифры не могли не понравиться Александру I, который был явно обескуражен значительными затратами на поселение 1-й гренадерской дивизии и желал хотя бы частично компенсировать их при поселении кавалерии¹⁷².

Однако, на практике подготовка округов для ввода действующих эскадронов несколько затянулась ввиду того, что не хватало войск на строительных работах, а низкие урожаи в данный период не позволили создать необходимые запасы фуража. Так, например, в 1824 г. значительные площади зерновых были уничтожены саранчой. С целью оказания помощи округам была создана специальная комиссия, которая провела инспекционную проверку и предложила продлить подготовительный период на один год, т.е. до конца 1825 г.¹⁷³

В феврале 1824 г. было принято решение о создании округов поселения 2-й и 3-ей гренадерской дивизий в Старорусском уезде Новгородской губ. А.А. Аракчеев и командование поселенными войсками вынуждены были учесть опыт создания поселений, в том числе и кавалерии, поэтому кадры вторых батальонов, которые вводились на территорию округов, были значительно сокращены. Основную массу поселян-хозяев составили коренные жители, которым за два года до этого был запрещен переход в мещанство и купечество. Вторые батальоны

¹⁷¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 3. – Д. 301. – Л. 6 об.

¹⁷² Там же. – Оп. 1. – Д. 509. – Л. 3 об.

¹⁷³ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 337. – Л. 331-789.

полков этих дивизий совместно с подразделениями, находившимися там на строительных и мелиоративных работах, составили Старорусский отряд военных поселений под командованием генерал-майора С.И. Маевского. Город Старая Русса был выведен из-под юрисдикции гражданских властей и получил статус «военного города»¹⁷⁴, хотя по «делам магистрата, тяжёбных и уголовных дел, по делам градской думы и по части казенных податей и сборов» он оставался подведомственным губернским учреждениям¹⁷⁵.

Опыт создания военных поселений подсказывал, что городам, оказавшимся на территории военных поселений, гораздо проще изменить юридический статус, чем отселять значительное количество людей (как это было с городами Чугуевым, Вознесенском и Новомиргородом), поскольку «по плану, принятому об оседлости войск, люди, не вошедшие в число военных поселян округов их поселения, не могут иметь жительства в сих округах, но должны переселяться из оных в другие места...»¹⁷⁶ Кроме того, что подобные акции требовали больших материальных затрат, они зачастую вызывали упорное сопротивление жителей, выливавшееся в вооруженные восстания, как это случилось в Чугуеве в 1819 г.

В 1824 г. вторые поселенные батальоны были переименованы в третьи, а действующим присваивались первый и второй порядковые номера. В июне этого же года были утверждены правила о формировании четвертых (учебных) батальонов в поселенных полках, в которых кантонисты старшего возраста должны были проходить подготовку перед поступлением на службу в действующие батальоны¹⁷⁷.

В марте 1824 г. в округа поселений Старорусского отряда приехал А.А. Аракчеев, чтобы лично руководить «обмундированием» коренных жителей. Столь быстрый переход к конкретным мерам был обусловлен тем, что вторые батальоны поселяемых здесь дивизий еще с 1818 г. находились на строительных работах в округах 1-й гренадерской дивизии, а зимние квартиры имели в Старорусском уезде. Поэтому местные жители «прошли» как бы психологическую подготовку к вероятному

¹⁷⁴ Там же. – Д. 247. – Л. 1183.

¹⁷⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 6933. – Л. 269.

¹⁷⁶ Там же. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 549.

¹⁷⁷ Там же. – Д. 226. – Л. 445-464.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК (а они это прекрасно осознавали) переводу в военные поселения. Вероятно этим можно объяснить их более или менее спокойную реакцию на изменение их правового статуса. Кроме того, А.А. Аракчеев отдал приказ и ревностно наблюдал за его исполнением, согласно которому запрещались телесные наказания коренных жителей, употребление их на общественные работы без разрешения отрядного командира, а офицерам «требовать что-либо от военных поселян безденежно». Этим же приказом поселянам разрешалось «оставаться при своих занятиях и производить свои работы и торговлю»¹⁷⁸.

И все же в процессе «обмундирования» крестьяне, особенно зажиточные, проявляли недовольство, особенно их возмущало бритье бород. В рапорте от 18 августа 1824 г. С.И. Маевский докладывал А.А. Аракчееву, что крестьяне Борис Федоров (округ 6-го карабинерского полка) и Федор Алексеев (округ Таврического гренадерского полка), имевшие по 5 лошадей и 11 коров, категорически отказались брить бороды и надевать форму¹⁷⁹. С целью запугивания крестьян, а также, чтобы избавить округ от малоимущих семей, была применена такая жестокая мера, как рассасирование, в результате чего за пределы округов было отселено до 1,7 тыс. жителей обоего пола¹⁸⁰. В округах кавалерии отселение носило совершенно иной характер. Так, например, чиновники и офицеры бывшего Бугского и Чугуевского казачьих войск, купцы, мещане и другие жители городов и округов поселений, подлежали «депортации» за их пределы. Компенсацию и участки земли (до 60-ти десятин) на новых местах жительства получали, в основном, только офицеры и их вдовы.

18 февраля 1825 г. был подписан указ о поселении 2-й кирасирской дивизии в Купянском, Изюмском (Слободско-Украинская губ.) и Старобельском (Воронежская губ.) уездах. Это был последний указ о поселении войск, подписанный Александром I¹⁸¹. Для удобства формирования округов данной дивизии Старобельский уезд был передан в состав Слободско-Украинской губ. Ближайшее расстояние до округов 2-й уланской дивизии составляло 50 верст. В данном случае не удалось создать относительно компактное поселение дивизии, а округ

¹⁷⁸ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 247. – Л. 186-188 об.

¹⁷⁹ ГА Новгородской области. – Ф. 581. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 11-12.

¹⁸⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 332. – Л. 70-71.

¹⁸¹ Там же. – Ф. 1. – Оп. 1. – Т. 3. – Д. 5797. – Л. 2-3.

поселения Псковского кирасирского полка вообще располагался в 30 верстах от остальных.

В отечественной историографии до последнего времени преобладало мнение, что к концу царствования Александра I численность населения округов военных поселений составляла треть армии (374480 человек) и там было поселено 148 батальонов пехоты, 240 эскадронов кавалерии, 38 фуражнических рот и 14 бригад артиллерии¹⁸². По данным В.В. Щепетильникова и Л.П. Богданова, строевой состав военных поселений насчитывал до 160 тыс. человек¹⁸³. Такая разница в количественных данных, а также отнесение к поселенным войскам значительного количества подразделений, происходит, на наш взгляд, ввиду неправильного понимания исследователями таких понятий, как «поселенные войска», «Отдельный Корпус военных поселений» и «военные поселяне». Впервые в научный оборот указанную численность военных поселян (374480 чел.) ввел М.И. Богданович, позаимствовав ее из отчета по военным поселениям за 1825 г. При этом автор не обратил внимание на то, что в эту цифру были включены все жители округов без различия пола и возраста. Парадокс же заключался еще и в том, что эта цифра не включает солдат действующих батальонов и эскадронов. (Подробный анализ численности поселенных войск будет произведен в третьей главе).

На наш взгляд, к категории поселенных можно отнести лишь те подразделения, которые имели территориальный округ поселения, перешли (либо ставили своей задачей подобный переход) на собственное обеспечение продовольствием и фуражом, а также комплектовались кантонистами своих округов. Начальник штаба отдельного Корпуса военных поселений генерал-майор П.А. Клейнмихель в приказе от 1 сентября 1820 г. разъяснял, что «только водворенные батальоны должны именоваться поселенными»¹⁸⁴. Принимая во внимание эти критерии, по нашим подсчетам, к поселенным войскам можно отнести к 1826 г.: 20 поселенных и 12 действующих батальонов, а также

¹⁸² Богданович М.И. Указ. соч. – Т. VI. – С. 113; Бескровный Л.Г. Указ. соч. – С. 37; Окунь С.Б. Указ. соч. – С. 107-108; Мироненко С.В., Указ. соч. – С. 212.

¹⁸³ Щепетильников В.П. Комплектование войск в царствование императора Александра I... – С. 114; Богданов Л.П. Военные поселения // Вопросы истории. – 1980. – №2. – С. 181.

¹⁸⁴ Приказы Главного над военными поселениями начальника... – №23.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК
60 поселенных, 60 резервных и 72 действующих эскадрона, всего – 192 подразделения (см.: Табл. 3). Эти данные значительно меньше, чем употребляемые в историографии.

Сосредоточенные же, например, в Новгородской губ. кадры шестидесяти батальонов 1-го, 2-го и 3-го пехотных корпусов, три военно-рабочих батальона и 14 артиллерийских рот (а не отряд, как принято в историографии) не могут быть отнесены к категории поселенных, поскольку они не имели округов поселения (т.е. не имели «оседлости»), хотя и подчинялись А.А. Аракчееву и числились в командировке при отдельном Корпусе военных поселений. Как указывалось выше, они использовались на строительных и мелиоративных работах и со временем могли быть переведены в разряд поселенных. В пользу такого предположения свидетельствует тот факт, что по приказу А.А. Аракчеева, эти подразделения комплектовались преимущественно из солдат, имевших навыки сельскохозяйственного труда, физически здоровых и «беспорочного поведения»¹⁸⁵. В 1825 г. численность войск, занятых на различных работах только в округах 1-й гренадерской дивизии, составляла 40 тыс. нижних чинов¹⁸⁶.

В связи с революционными событиями в ряде стран Западной Европы, в 1820 г. на базе вторых батальонов пехотных полков была сформирована Резервная армия в составе четырех корпусов¹⁸⁷. Армия была переведена в состояние повышенной боевой готовности, а часть ее выдвинута к западным границам империи. В апреле 1821 г., после подавления революции в Пьемонте, Александр I приказал остановить движение войск и вернуть их в округа поселения. В 1823 г. на базе поселенных полков началось формирование Резервной кавалерии. Впоследствии резервные войска принимали активное участие в русско-турецкой войне 1828-1829 гг., подавлении польского восстания 1830-1831 гг., Крымской войне.

Заканчивая анализ развития поселенной системы войск в царствование императора Александра I, необходимо упомянуть и о ряде неосуществленных проектов. Еще в 1816 г. генерал от

¹⁸⁵ РГВИА. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 8. – Л. 183. «Правила, коими должны руководствоваться полки при отправлении своих вторых батальонов в состав корпуса поселенных войск, в дополнение в Высочайше утвержденным 8 мая 1817 г.».

¹⁸⁶ Там же. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 412. – Л. 12.

¹⁸⁷ Там же. – Д. 97. – Л. 2.

артиллерии П.И. Меллер-Закомельский получил предписание обследовать не только Охтинский пороховой завод, но и другие заводы и арсеналы подобного профиля для создания на их базе военных поселений. В 1818 г. была предпринята попытка составить проект поселения кавалерии в Острожском уезде Воронежской губ.¹⁸⁸ Через два года этот проект был передан А.А. Аракчееву во время его инспекционной поездки по поселениям, дислоцированным в Слободско-Украинской губ., однако, он не был реализован. Характерным является и тот факт, что новые поселения должны были создаваться в регионах, наиболее благоприятных для ведения сельского хозяйства. Это позволило бы при минимальных издержках быстро переводить войска на самообеспечение продовольствием и фуражом.

Утопичной оказалась и идея поселения всей регулярной кавалерии в составе 64-х полков, которая прорабатывалась с 1819 г. Ее реализация позволяла экономить ежегодно до 15 млн. руб. ассигнациями. Но для этого требовалось перевести в разряд военных поселян 256 тыс. душ государственных крестьян¹⁸⁹. И хотя в 1822 г. император писал А.А. Аракчееву: «Пришли мне общую карту предполагаемого поселения всей армии...»¹⁹⁰, однако, уже тогда, на наш взгляд, становилось очевидным, что реализация этой идеи может затянуться на долгие годы и потребует колоссального напряжения государственного бюджета. Эйфория первых успехов начала проходить и темпы создания поселений к концу царствования Александра I стали ощутимо замедляться.

Одной из причин этого, на наш взгляд, являлось существование помещичьего землевладения. Поскольку фонд государственных земель в районах предполагавшихся поселений был ограниченным, требовалась покупка их у частных лиц, что было слишком дорого. В связи с этими обстоятельствами, вероятно, и не был реализован утвержденный в 1823 г. план поселения войск в Ярославской и Владимирской губ.¹⁹¹ Трудности, связанные с созданием военного поселения на Охтенском пороховом заводе, сняли, по-видимому, вопрос о создании поселений на

¹⁸⁸ Там же. – Д. 50. – Л. 2.

¹⁸⁹ РГВИА. – Ф. ВУА. – Д. 17628. – Л. 11-11 об.

¹⁹⁰ РГИА. – Ф. 1409. – Оп. 1. – Д. 34. – Л. 88.

¹⁹¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 301. – Л. 162-162 об.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК
Штетенском (Черниговская губ.) и Казанском пороховых заводах¹⁹².

В пользу того, что военные поселения стали важным фактором внутренней, а отчасти и внешней, политики, свидетельствует тот факт, что сразу после вступления на престол Николай I должен был сформулировать свое отношение как к данному государственному институту, так и самому А.А. Аракчееву, олицетворявшему определенное направление во внутренней политике. В рескрипте на его имя от 19 декабря 1825 г. император писал: «Императору Александру Павловичу благоугодно было учредить военные поселения для пользы государства нашего... Предполагая и вменяя себе в обязанность поддержать устройство начатого дела, я надеюсь, что вы будете мне вспомоществовать в оном»¹⁹³. При всем своем негативном отношении к А.А. Аракчееву как человеку, а вследствие этого и к военным поселениям, новый император не решился на их ликвидацию. Почему? Он был достаточно хорошо информирован о состоянии военных поселений, их дороговизне (к 1826 г. общие государственные расходы на их устройство составили 85 млн. руб. ассигнациями)¹⁹⁴, низкой рентабельности и т.п. И, тем не менее, он избрал путь реформирования системы, и таким образом повышения ее эффективности. Объективно, на данном этапе идея военных поселений себя еще не исчерпала, поскольку, будучи гипертрофированным выражением государственного регулирования социально-экономических процессов, давала некоторые положительные результаты.

Реформирование поселений предполагало, прежде всего, отступление от их аракчеевской модели. В первую очередь было решено преобразовать поселения пехоты, где организационный период слишком затянулся, вследствие чего переход на самообеспечение продовольствием проходил очень медленно и болезненно, особенно в округах, расположенных в Могилевской губ. Решить эту проблему можно было только за счет увеличения производительности поселянского хозяйства. В свою очередь, этого можно было достичь только при освобождении поселян-хозяев от выполнения несвойственных им функций и, в первую очередь, от строевой службы. Уже через год после воца-

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Там же. – Д. 328. – Л. 652-652 об.

¹⁹⁴ Там же. – Ф. ВУА. – Д. 17028. – Л. 28-31 об.

рения Николая I, 19 ноября 1826 г. (эта дата – годовщина смерти Александра I – была выбрана, по-видимому, не случайно), было утверждено и объявлено в войсках (причем, сделано это было с большой помпой) «Положение о полном составе поселенного пешего полка и его обязанностях»¹⁹⁵, а 5 мая 1827 г. было подписано «Положение о военном поселении регулярной кавалерии»¹⁹⁶.

Основные положения данной реформы в строевом отношении можно свести к следующим моментам. Состав поселенных и действующих подразделений выравнивался в численном отношении за счет удвоения количества поселян-хозяев. Каждый поселенный пехотный полк включал теперь два действующих, резервный и поселенный батальоны, а кавалерийский – 6 действующих, 3 резервных и 3 поселенных эскадрона. Военные поселяне-хозяева (в кавалерии и их помощники) освобождались от строевой службы, и каждый из них должен был содержать продовольственным обеспечением одного постояльца из действующих подразделений. П.П. Евстафьев и Т.Д. Липовская трактуют увеличение численности поселян-хозяев как ухудшение их материального положения, не учитывая, что одновременно происходило увеличение площади округов¹⁹⁷.

Увеличить поземельный состав округов можно было только за счет перевода в военные поселения значительного количества государственных, а где возникала необходимость – удельных и владельческих крестьян. Сделать это в короткие сроки было невозможно, поэтому было решено создать на территории округов 2-й и 3-й гренадерских дивизий округа 2-й и гренадерской артиллерийской дивизий. В связи с этим начальнику Главного штаба е.и.в. И.И. Дибичу было предписано: «...в округах 2-й и 3-ей гренадерских дивизий и округе военных работников образовать округа 2-й гренадерской и гренадерской артиллерийской дивизий. После сего наименование поселенных батальонов 3-й гренадерской дивизии уничтожить»¹⁹⁸. Дело в том, что территория округа гренадерской артиллерийской дивизии была значительно меньше площади округов 3-ей гренадерской дивизии и таким путем был решен вопрос не только об

¹⁹⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 383. – Л. 359-391.

¹⁹⁶ Положение о военном поселении регулярной кавалерии. – СПб., 1827.

¹⁹⁷ Евстафьев П.П. Указ. соч. – С. 81; Липовская Т.Д. Социально-экономическое положение военных поселян... – С. 32.

¹⁹⁸ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 383. – Л. 409.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК удвоении личного состава поселенных батальонов 2-й гренадерской дивизии, но и ее территории.

Труднее этот вопрос решался в округах 1-й гренадерской дивизии. Здесь удалось расширить только территорию двух карабинерных полков за счет присоединения к военным поселениям двух удельных волостей – Коростынской и Бурегской. Ради реализации реформы Николай I пожертвовал даже частью доходов императорской фамилии. Округа гренадерских полков этой дивизии так и не были укрупнены ввиду отсутствия резерва государственных и удельных земель в непосредственной близости от них. Следовательно, в округах пехоты за счет ликвидации округов 3-ей гренадерской дивизии не произошло заметного увеличения площади поселений и численности их жителей.

В округах кавалерии реформирование происходило дольше и болезненнее, поскольку присоединяемые к ним государственные и удельные земли зачастую располагались чересполосно с частными владениями, что затрудняло формирование земельного состава на новых основаниях.

В ноябре 1828 г. было утверждено «Положение» о новом устройстве поселений 2-й уланской и 2-й кирасирской дивизий в Слободско-Украинской губ., разработанное особым комитетом. Поскольку удвоить численный состав поселенных и резервных эскадронов было невозможно, т.е. довести его до 1146 человек в полку, было принято решение «иметь в каждом полку по 778 хозяев и по 708 комплектных помощников»¹⁹⁹. Следовательно, численность поселян-хозяев и их помощников увеличивалась только на ¼. Основываясь на таком штате и соответствующем количестве земли, было решено на базе прежних четырех уланских полков – Белгородского, Чугуевского, Борисоглебского и Серпуховского – образовать округа первых трех с присоединением к первому ряду селений Волчанского уезда, а округ Серпуховского полка образовать заново. Его территория располагалась по правому берегу р. Донца в непосредственной близости от округа Борисоглебского полка. В состав этого округа вошли государственные селения Змиевского и Изюмского уездов, в т.ч. и Шебелинка, где в 1829 г. произошло восстание крестьян, протестовавших против перевода их в военное поселение. Всего вновь переводилось в округа поселения 2-й улан-

¹⁹⁹ Там же. – Оп. 2. – Д. 3643. – Л. 75.

ской дивизии 8354 ревизских души²⁰⁰. В 1830 г. к округу Серпуховского полка отошел еще целый ряд селений по левому берегу р. Донца. В марте 1830 г. селения, где располагались полковые штабы этой дивизии, получили новые наименования: слобода Печенега была переименована в Новый Белгород, слобода Андреевка – в Новый Борисоглебск, слобода Балаклея – в Новый Серпухов.

Согласно указу от 17 ноября 1828 г. новое устройство получили округа 2-й кирасирской дивизии. Строевой состав поселенных и резервных эскадронов в ней также увеличился на ¼. На базе округов четырех кирасирских полков – Екатеринославского, Глуховского (переименован в полк Великого Князя Михаила Павловича), Астраханского и Псковского – были образованы новые округа первых трех полков с «добавлением к ним смежных казенных селений и хуторов Купянского и Старобельского уездов»²⁰¹. Округ Псковского кирасирского полка был создан заново на базе «казенных селений и хуторов по обеим сторонам р. Айдара, выше г. Старобельска... Промежуток между сим округом и округами Архангельским и Екатеринославским – от 9 до 30 верст»²⁰². Также, как и в округах 2-й уланской дивизии были переименованы селения, в которых располагались полковые штабы: селение Сватова Лучка – в Новый Екатеринослав, слобода Кременная – в Новый Глухов, слобода Новотроицкая – в Новую Астрахань, слобода Осиповая – в Новый Псков.

Аналогичные процессы происходили в округах кавалерии, расположенных в Херсонской и Екатеринославской губ. Здесь наблюдался, в основном, процесс увеличения площади округов, в итоге она возросла более, чем на треть. Население же значительно выросло только в округах Бугской уланской дивизии (см.: Табл. 4), в остальных округах этот рост был незначительным. В целом, за счет преобразований, происходивших в 1827-1830 гг., население округов увеличилось на 46,6%. Во время этих мероприятий командование округами старалось свести переселение жителей с одного места на другое до минимума с целью сохранения экономического потенциала поселянских хозяйств.

²⁰⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 3643. – Л. 75.

²⁰¹ Там же. – Л. 79.

²⁰² Там же.

В декабре 1828 г. города Елисаветград и Ольвиополь получили статус военного города «на тех самых основаниях и «правилах», кои даны в сем отношении г. Старой Руссе»²⁰³. Впоследствии г. Ольвиополь был переведен в разряд заштатных городов, которые входили в состав военных поселений (Чугуев, Вознесенск, Новогеоргиевск и Новомиргород). По численности населения (см.: Табл. 5) это были средние города России, жители которых, в основном, занимались ремеслом и торговлей.

Вернемся к процессу реализации реформы 19 ноября 1826 г. По новому штатному расписанию в поселенных батальонах должно было состоять теперь по 1824 поселянина-хозяина, в т.ч. 96 поселенных унтер-офицера. Непоселенные нижние чины переводились в резервные батальоны. В связи с отменой строевой службы в поселенной части округов, значительно сократился ее офицерский состав. Здесь, преимущественно, оставлялись только те офицеры, которые «должны соединять в себе отличную нравственность и знания в хозяйстве», а также те, кто «по летам службы имеют право на некоторое успокоение в составе поселенного батальона после строевых трудов военных»²⁰⁴.

Резервные батальоны пехотных полков, которые в строевом отношении должны были заменить поселенные, включали по 240 рядовых из старослужащих солдат и по 552 кантониста старшего возраста. Согласно положению от 5 мая 1827 г. поселенные и резервные эскадроны в тяжелой кавалерии включали, соответственно, 402 поселянина-хозяина и столько же помощников, в легкой кавалерии – 312 поселян-хозяев и столько же помощников²⁰⁵. На практике, когда началась реорганизация округов поселения кавалерии, командование, как было сказано выше, вынуждено было сократить списочный состав поселенных и резервных эскадронов в кирасирских полках до 362 поселян-хозяев и столько же помощников, в уланских – до 259 поселян-хозяев и столько же помощников.

В связи с первым опытом поселения артиллерийских подразделений в Новгородской губ., в 1826 г. было утверждено «Положение о военном поселении пешей артиллерии»²⁰⁶, которое было разработано генерал-майором А.Х. Эйлером еще в

²⁰³ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 537. – Л. 186-186 об.

²⁰⁴ Положение о полном составе поселенного пешего полка и его обязанностях. – СПб., 1826. – §§26, 27.

²⁰⁵ Положение о военном поселении регулярной кавалерии... – С. 62.

²⁰⁶ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 383. – Л. 435-446.

1823 г. при участии члена Совета при Главном над военными поселениями начальнике майора Г.С. Батенькова. В то время удалось убедить императора в нецелесообразности поселения артиллерии, поскольку это было сопряжено с трудностями в обучении поселян из коренных жителей артиллерийскому делу²⁰⁷. Теперь, когда началось отделение поселенной части от строевой и поселяне-хозяева переставали нести воинскую службу, создание такого поселения становилось делом вполне реальным.

Хозяйственным ядром поселенной артиллерийской дивизии являлась поселенная артиллерийская бригада, которая формировала округ поселения дивизии. По мере своего хозяйственного обустройства она должна была принять на постой, продовольственное обеспечение и комплектование 1-ю, 2-ю и 3-ю гренадерские артиллерийские бригады. Поселенная бригада включала шесть поселенных артиллерийских и одну фурштатскую роты. По штатному расписанию в роте числилось 504 поселянина-хозяева. 10 февраля 1827 г. император подписал грамоты на население полков 2-й гренадерской дивизии (дивизионный начальник – генерал-лейтенант П.А. Полуектов) в Старорусском уезде на новых основаниях. Одновременно началось поселение гренадерской артиллерийской дивизии (командующий артиллерией гренадерского корпуса генерал-лейтенант А.П. Никитин).

В 1827 г. на базе поселенных батальонов Елецкого и Полоцкого пехотных полков был создан округ поселения 2-й пионерной бригады. На следующий год было принято решение о создании округа 1-й пионерной бригады в Динабургском старосте Витебской губ. Осенью 1828 г. поселенные инженерные войска были сведены в отряд. Необходимо отметить, что подготовительные работы по поселению 1-й пионерной бригады осуществлялись в обстановке строгой секретности, поскольку у властей были веские основания опасаться проявлений резкого недовольства местных жителей. В связи с образованием округов пионерных бригад округ поселения саперного батальона был преобразован в округ резервной роты и присоединен к округу гренадерского короля прусского полка²⁰⁸.

²⁰⁷ Эйлер А.Х. Записки // Русский архив. – 1880. – Кн. 2. – С. 378, 381.

²⁰⁸ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 537. – Л. 80.

На территории Свинорецкой волости (Новгородская губ.) после присоединения ряда деревень, купленных у графини А.А. Орловой-Чесменской, в 1828-1829 гг. был образован округ военных работников в составе двух рот. Основная задача поселян этого округа заключалась в добыче и транспортировке известняков к местам строительных работ, а также поддержании порядка на территории учебного лагеря гренадерского корпуса в деревне Княжий Двор.

В январе 1828 г. было утверждено «Предположение о составе, расположении и управлении резервных войск», которые создавались из всех родов вооруженных сил. Эти войска составляли резерв 2-й Армии и формировались на период русско-турецкой войны²⁰⁹.

Резервная кавалерия создавалась на базе 3-го резервного поселенного кавалерийского корпуса (3-я уланская и 3-я кирасирская дивизии) и ряда отдельных эскадронов 1-й драгунской, 1-й конно-егерской, 4-й уланской и поселенной Бугской уланской дивизий. Всего резервная кавалерия включала до 120 эскадронов. Резервная пехота формировалась на базе 3-го, 4-го, 5-го и 7-го пехотных корпусов и сводилась в четыре резервных дивизии. Всего резервная пехота включала до 60 батальонов²¹⁰.

Резервными войсками командовал генерал-лейтенант И.О. Витт, которому для оперативного руководства придавался штаб (начальник – генерал-майор Ф.Ф. Еккельн), располагавшийся в г. Елисаветграде. Резервные войска приняли участие в боевых действиях, а округа военных поселений создали довольно надежную базу продовольственного и фуражного снабжения войск. Этот факт, на наш взгляд, в значительной степени повлиял на позицию императора в отношении военных поселений и их возможностей, вот почему они были не только сохранены, но и получили дальнейшее развитие.

Параллельно с реформированием военных поселений планировалось создание новых округов в различных регионах страны. Разрабатывался проект создания пограничных поселений из отставных нижних чинов по р. Днестр в Бессарабии²¹¹. В 1827 г. И.О. Витт получил предписание подобрать подходящие территории для поселений легкой кавалерийской дивизии по рекам

²⁰⁹ ПСЗ-2. – Т. VIII. – №1705.

²¹⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 537. – Л. 12-16.

²¹¹ Там же. – Д. 447. – Л. 36-36 об.; 37; 45 об.-46.

Ингулу и Днестру, в Балтском повете Каменец-Подольской, а также Тираспольском и Одесском уездах Херсонской губ.²¹² Все эти проекты отличает поиск наиболее рациональных путей создания поселений путем проведения тщательных подготовительных работ перед вводом войск в округа.

В начале 1827 г. началась проработка проекта поселения войск на Кавказе путем перевода сюда до 80 тыс. казаков из Малороссии²¹³. В это же время рассматривались возможности поселения конной артиллерии в Херсонской и Слободско-Украинской губ.²¹⁴ Одновременно с новыми округами кавалерии планировалось создание пехотных. В 1828 г. 3-я гренадерская дивизия была выведена из состава 1-й Армии и подчинена командиру гренадерского корпуса генералу от инфантерии князю И.Л.Шаховскому с последующим ее поселением в С.-Петербургской и Псковской губ.²¹⁵

В 1829 г. Николай I собственноручно составил записку о переводе 25 тыс. душ государственных крестьян Смоленской губ. в военное поселение и комплектовании на их базе 2-го поселенного пехотного корпуса²¹⁶. В это же время министр финансов Е.Ф. Канкрин предоставил императору подробные сведения о государственных крестьянах Калужской, Екатеринославской, Полтавской, Слободско-Украинской и Черниговской губ. Возможно, эти сведения собирались с целью разработки проектов поселения войск в указанных регионах. Вновь был поставлен вопрос о создании военных поселений на Шостенском и Казанском пороховых заводах²¹⁷. Всем этим проектам на данном этапе не суждено было реализоваться. Во-первых, это потребовало бы значительных финансовых затрат, во-вторых, осложнилась как внутренняя, так и внешняя обстановка: Россия вела войны с Ираном, Османской империей, подавляла польское восстание, по стране прокатилась волна «холерных бунтов», вспыхнуло восстание военных поселян в Новгородской губ.

Последнее событие в значительной степени повлияло на дальнейшую судьбу военных поселений. Правительство Николая I встало перед дилеммой: либо окончательно их ликвидиро-

²¹² РГВИА. – Д. 557. – Л. 4 об.-5.

²¹³ Там же. – Д. 1995. – Л. 5 об.-6.

²¹⁴ Там же. – Д. 786, Д. 1153, Д. 1504.

²¹⁵ Там же. – Ф. 411. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 4; 60-60 об.

²¹⁶ Там же. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 1453. – Л. 1-10.

²¹⁷ Там же. – Д. 1444. – Л. 3.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК
вать, либо пойти на их дальнейшую «либерализацию». Особое беспокойство вызывали округа пехоты, где переход на самообеспечение продовольствием даже после реформы 1826 г. проходил крайне медленно. В то же время, здесь была создана довольно развитая сельскохозяйственная инфраструктура²¹⁸, а также база для расквартирования войск.

Летом-осенью 1831 г. шел поиск наиболее оптимального преобразования округов. В принятии окончательного решения, на наш взгляд, важную роль сыграла записка бывшего начальника 3-ей пехотной дивизии генерал-лейтенанта И.Н. Скобелева от 8 сентября 1831 г., которая содержит анализ истории пахотных солдат в России, и которая заканчивается следующими словами: «Осмеливаюсь доложить, что настоящему поселению надлежит дать новую форму, но что выполняя желание военных поселян, в первобытную жизнь стремящихся, значит дать пагубному потоку новую быстроту»²¹⁹. Император быстро воспринял главную идею записки И.Н. Скобелева о выгоде для государства такой категории военизированного крестьянства как пахотных солдат, т.е. крестьян, находящихся в административно-юридическом подчинении и платящих подати военному ведомству. Тем более, что эти предположения находились в русле общегосударственной политики усиления роли административного аппарата и милитаризации многих сторон жизни страны. Особенно импонировала императору мысль о воспитании в детях пахотных солдат («малолетках») духа патриотизма, мужества, любви к военным наукам.

В начале октября 1831 г. (невиданная по тем временам оперативность) проект «Предполагаемого ныне изменения в устройстве округов военного поселения Гренадерского корпуса» (под грифом «секретно») был отправлен на отзыв И.Н. Скобелеву. Через месяц он представил «мнение», основные положения которого сводились к следующему: 1. Поселенную часть округов окончательно отделить от строевой; 2. Сохранить подчиненность преобразованных округов военному ведомству; 3. Сохранить территории округов, но значительно сократить в

²¹⁸ Ячменихин К.М. Особенности землепользования и землевладения в округах военных поселений и пахотных солдат в первой половине XIX в. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Калуга, 2003. – С. 130-139.

²¹⁹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 3665^а. – Л. 8 об.

них офицерский состав; 4. Детей военных поселян обязательно отдавать на службу в армию; 5. Квартирование войск в округах осуществлять на общих основаниях; 6. Ликвидировать взимание натуральной подати в виде содержания постояльцев²²⁰. Все эти предложения, за исключением четвертого пункта, были учтены при

составлении проекта реформы округов пехоты.

Высочайшим указом от 8 ноября 1831 г. округа поселенного Гренадерского корпуса преобразовались в 14 (по числу округов 1-й, 2-й и артиллерийской гренадерских дивизий) округов пахотных солдат, которые сводились в два удела: Новгородский (1 – 6 округа) и Старорусский (7 – 14 округа)²²¹. Основные права и обязанности пахотных солдат, структура округов и их управления закреплялись в «Предположении о преобразовании округов пахотных солдат Новгородского и Старорусского уделов», утвержденном в марте 1832 г.²²² Поселенные роты ликвидировались, а округа делились на волости. В домах военных поселян расквартировывались войска, а сами они отселялись в другие места округов, где им при помощи казны отстраивались новые дома «по крестьянскому образцу». Вместо натурального содержания войск пехотные солдаты уплачивали оброк в размере 60 руб. ассигнациями с хозяина и 15 руб. с каждой души мужского пола в возрасте от 15 до 60 лет. От уплаты оброка были освобождены пахотные солдаты 5-го округа (бывший округ 1-го карабинерного полка), которые не приняли участия в восстании.

Одновременно с преобразованием Новгородских военных поселений рассматривался вопрос о реформировании округов пионерных бригад в Белоруссии, но окончательно этот вопрос был решен только в 1836 г., когда на их основе были созданы два округа пахотных солдат. В делопроизводственной документации они именовались округами пахотных солдат Витебской и Могилевской губ. Их территория не принадлежала теперь 1-й и 2-й пионерным бригадам, но в отличие от бывших Новгородских поселений, которые были буквально наводнены войсками, здесь оставался лишь личный состав бывших поселенных батальонов.

²²⁰ Там же. – Л. 11 об.

²²¹ ПСЗ-2. – Т. VI. – №4927.

²²² ПСЗ-2. – Т. VII. – №5251.

Реформа военных поселений, начавшаяся в округах пехоты, не могла не затронуть и округа кавалерии. В 1832 г. здесь завершился отрыв поселенной части полков от действующей, начавшийся еще по реформе 1827 г. Поселенные эскадроны не подчинялись теперь полковым и бригадным командирам, которые во время пребывания полков в округах поселений командовали только действующими и резервными эскадронами. При выступлении полков в поход резервные эскадроны, которые оставались в округах, переходили в подчинение специально назначаемому генералу, который одновременно командовал и поселенными эскадронами²²³. За жителями округов сохранялось название военных поселян и, начиная с 1834 г., они несли рекрутскую повинность на общих основаниях.

Главной обязанностью военных поселян оставалось снабжение действующих войск провиантом и фуражом путем отбывания трехдневной повинности на общественной запашке. С этого времени округа именовались не по названию полков, а имели порядковую нумерацию, «оставаясь в главном заведывании корпусных командиров»²²⁴. В апреле 1838 г. округа поселенных эскадронов были переименованы в волости²²⁵. И, наконец, в феврале 1850 г. округа поселения кавалерии выводились из подчинения корпусных штабов (власть командиров корпусов сохранялась) и передавались под командование специально назначаемым генералам.

Согласно указу от 8 августа 1836 г. поселения кавалерии в Харьковской (бывшей Слободско-Украинской) губ. стали называться Украинскими (8 округов), а в Херсонской и Екатеринославской губ. – Новороссийскими (12 округов)²²⁶. В 1851 г. произошло укрупнение округов пахотных солдат путем ликвидации уделов, в результате количество округов сократилось вдвое. Это было связано, в основном, с проведением мероприятий по сокращению расходов на управленческий аппарат. Однако, радикально сократить штат чиновников правительство не решилось, опасаясь, что «ослабнет присмотр за хозяйственной частью в округах, а особенно за своевременным сбором оброка и тщательным исполнением земледельческих работ...»²²⁷

²²³ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 5600. – Л. 33.

²²⁴ Там же. – Оп. 10. – Д. 917. – Л. 82-82 об.

²²⁵ Там же. – Д. 1752. – Л. 171.

²²⁶ Там же. – Д. 54. – Л. 15.

²²⁷ Там же. – Оп. 4. – Д. 6659. – Л. 10-10 об.

Еще в ходе подавления польского восстания 1830-1831 гг., на основании указа от 6 мая 1831 г., на поместья дворян, «достаточно избалованных в деятельном распространении мятежа с поднятием самого оружия», был наложен секвестр. Под конфискацию попали имения крупных землевладельцев: графов Владимира, Александра, Германа и Осипа Потоцких, князя Адама Чарторыйского, Вацлава Ржевусского, Александра Сабаньского и др.²²⁸ В апреле 1836 г. эти имения, расположенные в Киевской и Подольской губ., отошли в ведение Военного министерства и получили наименование «имений Военного ведомства». Это было сделано под предлогом того, что «значительнейшие из сих имений... по положению своему постоянно заняты войсками и воинскими помещениями». Местному начальству было предписано «всем крестьянам по селениям объявить..., что и в отношении их никаких решительных изменений не будет и они останутся в том же самом крестьянском быту; Его Императорским Величеством... возложено на особенное попечение военного начальства принять все меры к возможному улучшению положения крестьян»²²⁹.

Для оперативного управления, а также «с целью постепенного их улучшения», эти имения были разделены на 5 округов и два отдельных участка, управлялись они Главной хозяйственной конторой, которая находилась в г. Умани. Начальником округов был назначен начальник штаба 2-го резервного поселенного кавалерийского корпуса генерал-майор Фохт²³⁰. В 1837 г. были также утверждены правила конфискации имений владельцев, наследники которых были лишены своих прав за участие в мятеже 1830-1831 гг.²³¹ В результате, в военное ведомство переходило до 86 тыс. душ мужского пола.

На основании специально разработанного «Положения», жители этих округов продолжали числиться в крестьянском социальном состоянии, при этом мужская часть подлежала военной юрисдикции. Летом-осенью 1837 г. проходили активные консультации руководства Военным министерством с командованием поселенной кавалерии, в результате чего в декабре этого года был подписан указ на имя А.И. Чернышова о преобразовании селе-

²²⁸ ЦГИАК Украины. – Ф. 445. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 61-74 об.

²²⁹ ЦГИАК Украины. – Ф. 445. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 108-108 об.

²³⁰ Там же. – Л. 16.

²³¹ Там же. – Д. 1. – Л. 24-24 об.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК
ний военного ведомства в «военное поселение Киевской и Подольской губерний». Пять округов поселения, после определенного хозяйственного обустройства, должны были принять на постой и обеспечение продовольствием и фуражом легкую кавалерийскую дивизию и конно-артиллерийскую бригаду. Поселяне этих округов продолжали платить государственные подати в размере 1 руб. 23 коп. серебром с души в год, которые поступали в бюджет военных поселений и шли, в основном, на погашение долгов, числившихся на конфискованных имениях. Рекрутская повинность отбывалась на общих основаниях. Город Умань, где располагался штаб округов, переводился в разряд военных городов. Вновь образованные округа подчинялись инспектору всей поселений кавалерии, а оперативное управление осуществлял командир сводного Кавалерийского корпуса, которому и был подчинен штаб округов²³².

И только 9 марта 1840 г. было утверждено «Предположение об устройстве округов военного поселения в Киевской и Подольской губерниях». Столь длительный срок разработки документа объясняется, на наш взгляд, необходимостью детальной проработки поземельного устройства округов, поскольку конфискованные имения были разбросаны по всей территории губерний и зачастую для достижения большей компактности округов приходилось выкупать чересполосные и смежные владения, обменивать некоторые земли и т.п. Кроме того, по примеру других кавалерийских округов, необходимо было изыскать площади под общественную запашку.

После введения в силу данного «Предположения» началось массовое переселение крестьян из округа в округ, а часть из них, попавших в разряд «излишних», подлежали переселению в округ Новороссийского поселения. Всего предполагалось переселить до 14 тыс. душ м.п. Из дворовых людей (более одной тысячи), а «отчего, по совершенной бедности и непривычке к хлебопашеству, не могут быть хозяевами», были сформированы временные рабочие роты, их обеспечение продовольствием возлагалось на военных поселян²³³. После проведения этих подготовительных мероприятий каждый округ (по штатному расписанию) должен был включать 936 поселян-хозяев первого и такое же количест-

²³² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 1748. – Л. 339.

²³³ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 1777. – Л. 44.

во второго разрядов. По окончании подготовительных работ в начале 1842 г. в округа Киевской и Подольской губ. была введена 4-я легкая кавалерийская дивизия, конно-артиллерийская бригада и две Донские казачьи артиллерийские бригады²³⁴. Окончательное поземельное обустройство округов затянулось до середины 1840-х гг. и было связано с малоземельем и недостаточностью финансовых средств.

Согласно указу от 23 декабря 1841 г. в поселенной кавалерии были упразднены все 52 резервных эскадрона, однако, это не означало сокращения войск, получавших продовольствие и фураж от своих округов, поскольку вместо них в округа Украинских военных поселений была введена 6-я, а в округа Новороссийских военных поселений – 3-я легкая кавалерийские дивизии²³⁵.

Военные поселения на Кавказе, начало которым было положено в 1837-1838 гг., отличались от других поселений как целями создания, так и административно-хозяйственной структурой. Поэтому представляется целесообразным проанализировать их историю в отдельном параграфе.

Созданием военных поселений в Киевской и Подольской губ., а также на Кавказе заканчивается складывание поселенной системы в целом. В таком виде поселенная система войск просуществовала вплоть до своей ликвидации в конце 1850-х гг. Последние территориальные включения в состав Новороссийских военных поселений произошли в 1852 г., когда к ним были присоединены: село Лозоватка Екатеринославской (1461 ревизских душ), села Костромское и Вшивое Херсонской (768 ревизских душ) губерний²³⁶.

Как и в предыдущее царствование, в 30 – 50-е гг. разрабатывались планы создания военных поселений, которые, в силу тех или иных обстоятельств, остались нереализованными. Так, например, в середине 30-х гг. рассматривался вопрос о поселении солдат русской национальности в Литве с целью дальнейшей русификации края. С этой целью предлагалось начать водворение пахотных солдат на базе конфискованного у князя

²³⁴ Там же. – Д. 375. – Л. 4 об.-5.

²³⁵ Там же. – Д. 313. – Л. 16.

²³⁶ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 7603. – Л. 8 об.; 39-40; 52; 63.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК
Е.Сапеги имения Шкуды в Тельшевском уезде Виленской губ.,
где проживало до 13 тыс. ревизских душ²³⁷.

В фонде Департамента военных поселений (РГВИА) сохранилась секретная переписка Канцелярии Военного министерства со штабом командующего резервной кавалерией по вопросу создания новых поселений кавалерии в Херсонской, Екатеринославской, Полтавской и Черниговской губ.²³⁸ С этой целью в Екатеринославе была создана комиссия «для обозрения на месте всех государственных имуществ ..., подлежащих обращению в военные поселения». Комиссия предложила создать семь новых округов на базе государственных селений Верхнеднепровского, Екатеринославского, Новомосковского и Павлоградского уездов, где проживало более 97 тыс. ревизских душ. Затраты на это должны были составить около 3,4 млн. руб. серебром. Обращает на себя внимание тщательность проработки каждого положения данного проекта, который вобрал в себя весь исторический опыт создания и функционирования поселений кавалерии.

Другой вариант поселения кавалерии прорабатывался летом 1853 г., когда комиссия собрала необходимые сведения о казенных селениях Нежинского и Борзнянского уездов Черниговской, а также Роменского и Гадячского уездов Полтавской губ., где предполагалось поселить легкую кавалерийскую дивизию и бригаду конной артиллерии²³⁹. Однако, выводы комиссии о перспективах создания поселений в указанных регионах были крайне неутешительными. В связи с этим командующий резервной кавалерией граф В.А. Никитин писал 26 июня 1853 г. военному министру князю В.А. Долгорукову: «Все сие селения в сравнении численности их народонаселения с количеством принадлежащей им земли столь малоземельны, что относительно продовольствия войск от жителей ... нельзя сделать никаких хозяйственных распоряжений... К тому же главнейшее население оных состоит из казаков, пользующихся особыми дарованными им привилегиями и преимуществами, которых при обращении сказанных селений в военное поселение они должны лишиться». В связи с этим А.П. Никитин предложил не перево-

²³⁷ Там же. – Д. 1740. – Л. 1-5; 18-30.

²³⁸ Там же. – Д. 7603. – Л. 1-341; Д. 7604. – Л. 3-51.

²³⁹ Ячменіхін В., Ячменіхін К. Проект утворення військових поселень на Лівобережній Україні у 50-х рр. ХІХ ст. // Сіверянський літопис. – 2002. – №3. – С. 50-54.

дить крестьян и казаков в разряд военных поселян, а «обратить их в постоянное квартирование войск»²⁴⁰. Доклад по этому поводу был представлен императору в декабре 1853 г., т.е. когда уже шла война, поэтому Николай I наложил на него резолюцию: «Оставить впредь до повеления».

Многочисленные нереализованные проекты создания военных поселений свидетельствуют, что эта форма содержания войск весьма импонировала правительству Николая I, и только перспектива значительных финансовых издержек на их создание, а также внешнеполитические осложнения помешали их реализации. Потребовались очень серьезные катаклизмы, подобные Крымской войне, чтобы убедиться в исторической несостоятельности чисто феодальных способов комплектования и содержания армии.

Подводя итоги анализу процесса зарождения и развития поселенной системы войск, необходимо прежде всего подчеркнуть, что в почти полувековой истории военных поселений четко выделяется ряд периодов, которые определяются изменениями задач, предъявлявшихся к этому государственному институту. *Первый период* (от начала создания поселений в Могилевской губ. до 1816-1817 гг.) можно охарактеризовать как подготовительный, когда отрабатывалась их модель и шел поиск регионов для массового поселения войск. *Второй период* (с 1816-1817 гг. по 1826-1827 гг.) – т.н. период «классических, аракатеевских» военных поселений. Характерные черты: автономность в сфере административного подчинения; поселяне-хозяева сочетают занятие сельским хозяйством с несением воинской службы; постоянный территориальный и численный рост. Однако, уже в этот период в поселениях кавалерии наблюдается попытка отхода от «аракатеевской» модели комплектования поселенных и резервных эскадронов. *Третий период* (конец 1820-х гг. – середина 1830-х гг.) – период кардинального реформирования военных поселений. Они лишаются автономии и подчиняются общеармейскому управлению. Происходит отрыв поселенной части округов от действующей. Усиливается хозяйственное ядро в поселениях кавалерии, а в округах пахотных солдат происходят настолько значительные изменения, что их жители по своему социальному статусу приблизились к положению удельных крестьян. *Четвертый период* (середина 1830-х

²⁴⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 7603. – Л. 93-94.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК гг. – конец 1850-х гг.) характеризуется окончательным складыванием системы, она больше не подвергается радикальным изменениям, только растет территориально.

Наличие третьего и четвертого периодов в истории военных поселений доказывает ошибочность бытующего в отечественной и зарубежной историографии мнения, что поселенная система войск развивалась и имела значение только до начала царствования Николая I. Мимо исследователей прошел тот факт, что военные поселения не были не только ликвидированы после восстания 1831 г., но, напротив, получили дальнейшее распространение. Поселенная система окончательно исчерпала себя только в период подготовки буржуазных реформ, поскольку, будучи порождением феодальной системы, она никак не могла вписаться в новые исторические условия развития страны и, поэтому, становилась ненужной.

§3. Военные поселения на Кавказе

Начав продвижение на Кавказе, правительство Александра I сразу же столкнулось с проблемой заселения края русскими. С этой целью еще в начале 1820-х гг. А.П. Ермолов предложил направлять в отдельный Кавказский корпус преимущественно женатых нижних чинов с семьями, а также перевезти сюда жен рекрутов набора 1820 г., что позволило сформировать т.н. «женатые роты»²⁴¹. Во второй половине 1820-х гг. И.Ф. Паскевич предложил создать ряд укрепленных воинских поселений на Военно-Грузинской дороге от Владикавказа до Казбека, а также переселить сюда 80 тыс. малороссийских казаков.

В 1827 г. для рассмотрения этого предложения был учрежден специальный комитет под председательством управляющего Главным штабом е.и.в. генерала от инфантерии графа П.А. Толстого, в составе: Малороссийского военного губернатора генерал-адъютанта князя Репнина, командира 3-го резервного

²⁴¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 1140. – Л. 45.

поселенного кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта И.О. Витта, начальника штаба военных поселений генерал-адъютанта П.А. Клейнмихеля. Комитет предложил создать 10 округов, количество селений в каждом из них не лимитировать²⁴². Эти поселения должны были укрепить Кавказскую линию. Николай I не согласился с мнением комитета, предложив создать вначале поселения на Восточном побережье Черного моря «от Анапы далее по границе, употребляя к сему линейные батальоны и Черноморские полки». Тем самым он соглашался с мнением И.Ф. Паскевича, что поселение на Кавказе такого количества малороссийских казаков хотя дело полезное, но ввиду отсутствия достаточного количества земельных угодий практически невозможное. Нельзя было также сбрасывать со счетов и тот факт, что в данном районе постоянно шли боевые действия и набеги горцев были обычным явлением. Кроме того, войны с Ираном и Османской империей также помешали реализации этой идеи.

К ней вернулись в середине 1830-х гг. В начале 1834 г. командующий отдельным Кавказским корпусом генерал от инфантерии барон Г.В. Розен предложил для умножения русского населения в Кавказских горах употреблять женатых нижних чинов отдельного Кавказского корпуса с освобождением от обязанностей службы²⁴³. Император идею одобрил, но с условием перевода солдат, отслуживших десятилетний срок, в линейные батальоны гарнизонные артиллерийские роты, где они были обязаны дослужить оставшийся срок. Г.В. Розен, хорошо знавший здешнюю обстановку, прекрасно понимал, что на таких условиях вряд ли возможно закрепление на новых местах тех, кто прослужит 20-25 лет, естественно, что они будут всеми правдами и неправдами стремиться уехать на родину. Г.В. Розен вновь обращается к императору с предложением «женатых нижних чинов, прослуживших 10 лет, селить по укреплениям в землях горских народов, увольняя их от всех обязанностей службы, кроме обороны при нападении хищников, имея в виду приглашать одних добровольно желающих, с тем, чтобы они и семейства их навсегда уже оставались на назначенных им местах жительства»²⁴⁴. Он справедливо полагал, что принудительное

²⁴² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 1995. – Л. 1-14.

²⁴³ Там же. – Оп. 4. – Д. 1140. – Л. 44.

²⁴⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 1140. – Л. 46.

оставление выслуживших
двадцатипятилетний срок «возбудит сильное между ними не-
удовольствие, которое при случае может обнаружиться каким-
либо неблагоприятным образом»²⁴⁵.

Пытаясь найти компромисс, Г.В. Розен предложил не се-
лить по гарнизонам, а создавать военные поселения «из прослу-
живших 15 лет с тем, чтобы из детей их мужского пола
половина оставалась навсегда при своих семействах для под-
держания хозяйства и умножения народонаселения, а другая
подвергалась полному военному устройству, будучи зачислена в
ближайшие войска; таким образом, военные поселяне, а равно и
поступающие из них в Кавказские войска, почитая здешний
край своею родиною, мало будут заботиться о возвращении в
Россию»²⁴⁶. Кроме того, освобождение от строевой службы су-
лило в дальнейшем переход этой части населения на самообес-
печение продовольствием, что могло дать значительную
экономию в расходах на содержание Кавказского корпуса.

Однако, и такое предложение не удовлетворило Николая I,
не мог он согласиться на столь значительное (10 лет) сокраще-
ние срока службы. Вопрос остался открытым вплоть до утвер-
ждения «Положения» о военном поселении на Кавказе, к
созданию которого Г.В. Розен приступил в конце 1834 – начале
1835 гг. Одним из центральных вопросов стала проблема фи-
нансирования. Исходя из того, что полное обустройство одной
семьи обойдется в 1 тыс. руб. ассигнациями, Г.В. Розен предло-
жил выделить на эти цели следующие средства: 250 тыс. руб. из
сметы отдельного Кавказского корпуса, 250 тыс. руб. – из дохо-
дов Закавказских провинций и 500 тыс. руб. из государственного
бюджета и поселять ежегодно по одной тысяче семей.

Личный состав для этой цели в наличии был, поскольку в
корпусе к этому времени насчитывалось до 4 тыс. женатых
нижних чинов, прослуживших от 15 до 20 лет. Сообщив об этом
императору, он вновь попытался склонить его к мысли, что
«прослужившие только 15 лет ... при хорошем устройстве посе-
лений могут даже принять увольнение свое от службы в дейст-
вующих войсках за особую милость Государя Императора»²⁴⁷.
Кроме того, Г.В. Розен прекрасно осознавал, что окончательное

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Там же. – Л. 47.

²⁴⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 1140. – Л. 19 об.

закрепление России на Кавказе – дело очень далекой перспективы, и потому настаивал на постепенном введении поселений, что должно было надежно фиксировать русское присутствие. Наконец Николай I согласился по всем пунктам будущего «Положения», но отказался выделить из государственного бюджета столь значительных средств и приказал поэтому ежегодно селить только по 500 семей.

Приступая к созданию «Положения», Г.В.Розен тщательно ознакомился как с предысторией военных поселений военных поселений, так и с самой структурой округов военных поселений и пахотных солдат. В преамбуле чернового варианта «Положения» он подчеркивал, что считает «полезнейшим руководствоваться теми правилами, кои приняты за основание при водворении пахотных солдат и казаков во всем том, что согласно будет с предназначаемою целию сему новому поселению»²⁴⁸. По-видимому, система военных поселений и округов пахотных солдат, которая продолжала функционировать в стране, не удовлетворяла его, и он попытался, обратившись к их предшественникам XVIII в., путем синтеза казацких хозяйств с хозяйствами пахотных солдат, создать новую модель военных поселений. Работа над «Положением» продолжалась более двух лет и завершилась его утверждением 10 октября 1837 г.²⁴⁹

Цель создания военных поселений на Кавказе была сформулирована следующим образом: «... дав заслуженным воинам оседлость и умножив ими русское народонаселение в землях горских народов, оградить безопасность наших границ и путей сообщения от враждебных набегов, поспешествовать в том крае земледелию, торговле и промышленности и посредством взаимных нужд и взаимных польз положить наконец прочное основание к сближению с племенами до селе нам чуждыми»²⁵⁰. Военные поселения на Кавказе не составляли округов и создавались как отдельными селениями, так и при постоянных штаб-квартирах полков и батальонов. Первые подчинялись командирам ближайших линейных батальонов, вторые – командирам тех полков и батальонов, «коим штабы принадлежат». Для «непо-

²⁴⁸ Там же. – Д. 1141. – Л. 4.

²⁴⁹ Там же. – Оп. 10. – Д. 1748. См.: Положение о военном поселении на Кавказе. – СПб., 1837.

²⁵⁰ Положение о военном поселении на Кавказе. – §1.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК
средственного надзора» в поселения назначались смотрители из обер-офицеров. Жизнь в поселении была построена по принципу сельского самоуправления в государственной деревне: староста и два его помощника, избираемые поселянами и утверждаемые командованием, составляли сельский приказ. Селения делились на отделения (от 40 до 60 домов) во главе с сотниками и десятки во главе с десятниками.

В 1839 г. этот принцип формирования местного самоуправления, а также практика наказаний по мирскому приговору, по настоянию командира отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенанта Е.А. Головина, были отменены. Он полагал, и не без основания, что за столь длительный срок службы в армии у людей вырабатывался специфический менталитет, изменялась психика, которые не могли быстро измениться при изменении социального статуса, вследствие чего некоторая либерализация жизненного уклада приводила зачастую к негативным последствиям. Если отставные нижние чины, поселясь в крестьянской или иной гражданской среде, постепенно изживали в себе армейский образ мышления и стиль жизни, то собранные в военных поселениях, они пытались армейские обычаи экстраполировать на крестьянский быт. Резюмируя свои выводы, Е.А. Головин писал: «Солдаты теряют на службе мягкость характера, свойственную крестьянину и отвыкают от управления собственными действиями»²⁵¹. Командование особенно было обеспокоено тем, что, получив право избирать сельское управление, военные поселяне старались провести туда таких, «которые по нравственности своей вовсе того не заслуживают и в потворстве коих поселяне уверены. Уверенность в безнаказанности увеличивала склонность к порочным поступкам и своеволию».

Общее местное управление поселениями осуществлял командир отдельного Кавказского корпуса через специально созданное отделение по военным поселениям при Дежурстве штаба корпуса. Главное управление осуществлялось Департаментом военных поселений Военного министерства.

Согласно «Положению», предполагалась следующая дислокация военных поселений: создать отдельные селения на Кавказской линии по левому берегу р. Сунжи от крепости Грозной

²⁵¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 2244. – Л. 1.

до впадения р. Сунжи в р. Терек и далее – на Юго-Восток, «во владения Кумыкские до гор Качалыковских»; в Большой и Малой Кабарде на Военно-Грузинской дороге и на Кабардинской и Кисловодской линиях; «по заселении сих мест, военные поселения могли быть предприняты близ Кубанских наших укреплений и, наконец, за Кубанью, по усмирению закубанцев»²⁵². В Закавказье планировалось создание военных поселений в Джарской области Алазанской долины, по восточному берегу Черного моря от турецкой границы до Гагринских укреплений, а также в Имеретии. Специально не оговаривалась дислокация поселений при штаб-квартирах, поскольку это не было сопряжено с большими трудностями по хозяйственному устройству и подобные поселения могли создаваться по мере надобности. Всего в отдельных селениях предполагалось поселить до 2900 семей, из них в первый год – 250 на Военно-Грузинской дороге и 250 – в Закавказье.

Законодатель так и не решился декларировать принцип добровольности вступления в военные поселенцы и заменил его неопределенным понятием – «избрание». Преимущество имели солдаты, прослужившие 15-20 лет, «беспорочного поведения» и имевшие при себе жен. Специально оговаривалось, что в военные поселенцы не могли переводиться разжалованные в рядовые дворяне. При переводе в поселения солдатам сохраняли оружие и первые два года вещевое довольствие.

Только в 1839 г., по настоянию Е.А. Головина, наконец был введен принцип добровольности при переводе в военное поселение на Кавказе. По-видимому, императора убедили его слова, что «оставление выслуживших 25 лет солдат на Кавказе противу желания их, может иметь и на молодых солдат невыгодное впечатление и породить в них уныние, представляя в будущем всегдашнюю разлуку с родиною»²⁵³.

При создании поселений необходимо было решить три главные задачи: обеспечить поселенцев земельными наделами, построить жилье и снабдить их на первый случай скотом и хозяйственным инвентарем. Земли, как правило, выделялись из государственного фонда, а при их недостатке приобретались у частных владельцев. Душевой надел составлял: на Кавказской линии – 20, а в Закавказье – 15 дес., при штаб-квартирах земля

²⁵² Положение о военном поселении на Кавказе. – §16.

²⁵³ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 2212. – Л. 4 об.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК военным поселенцам отводилась, в основном, только под огороды. Внутри поселений распределение пашни, сенокосов и пастбищ производилось самими поселенцами. В поселениях на Военно-Грузинской дороге должны были выделяться специальные пастбища для проходящих войск и транспортов.

Дома строились «по примеру жилищ туземцев как более свойственные климату, приспособляя к ним удобство русских изб и малороссийских мазанок». В отличие от Новгородских военных поселений, где дома-связи возводились солдатами военно-рабочих батальонов и артиллерийских рот, здесь жилье строили сами поселенцы, причем в предельно сжатые сроки – с апреля по сентябрь. Диктовали такие сроки перспективы зимовки во временных строениях. На постройку дома отпускались казенные материалы и инструменты стоимостью до 120 руб. ассигнациями.

При водворении каждый поселенник получал пару волов, корову и 6 овец; земледельческие орудия (плуг, борону, пару кос и т.п.), а также семена и домашнюю утварь стоимостью 320 руб. В поселениях при штаб-квартирах эта цифра составляла 160 руб. Таким образом, планировавшаяся для водворения сумма – 1 тыс. руб. – на практике была уменьшена в два раза. В течение полутора лет, которые отводились для налаживания хозяйства, поселенцы и их семьи получали казенный провиант. Кроме того, во время работ на строительстве домов, расчистке и вспашке полей они получали мясную и винную порции. В «Положении» фиксировались права и обязанности поселенца. Был декларирован принцип лишения «звания военный поселенник» только по суду²⁵⁴, кроме того, они освобождались от уплаты податей и только по истечении пяти лет после водворения должны были выполнять ряд земских повинностей: ремонт дорог, конвоирование арестантов, содержание воинского постоя; по истечении десяти лет: содержание почт, обеспечение подводами проходящих войск, а также содержание сельских больниц и школ.

Как и государственные крестьяне, они имели право «приобретать законным образом всякую собственность ..., и покупать землю у соседственных жителей ..., без платежа установленных для других сословий в казну денег, производить на месте торговлю, как собственными своими произведениями, так и приобретаемыми от соседственных жителей ..., устраивать

²⁵⁴ Положение о военном поселении на Кавказе. – §101.

на месте фабрики и заводы..., без платежа установленных пода-тей в продолжении 10 лет со времени устройства заведений»²⁵⁵. С разрешения командования допускался переход из одного поселения в другое, однако, категорически запрещалось «переходить из Кавказского края в другие места и перечисляться в другие звания»²⁵⁶. За преступления военные поселяне судились военным судом.

Главная обязанность поселян, кроме охраны поселений, заключалась в добросовестном занятии земледелием, скотоводством, ремеслами и промыслами. Они обязаны были иметь специальную форменную одежду «по примеру казаков Кавказского линейного войска»²⁵⁷. Сыновья военных поселян, рожденные до поступления на службу, не считались военными кантонистами и по достижении двадцатилетнего возраста причислялись к категории военных поселян, а уже их дети считались военными кантонистами. Сыновья, рожденные во время службы, оставались в семьях до 20 лет, а затем, за исключением одного, поступали на службу сроком до 15 лет. Детям военных поселян разрешалось вступать в брак по достижении восемнадцатилетнего возраста, и не только с русскими, но и с «дочерьми тамошних жителей, если примут они григорианскую веру»²⁵⁸.

Уже в первые годы существования поселений на Кавказе возник вопрос о праве наследования имущества умерших или исключенных из этой категории военных поселян. Последовало указание отбирать у вдов дома (если не было взрослого сына), поскольку они выстроены за государственный счет, а также скот и земледельческие орудия²⁵⁹. Следовательно, поселяне рассматривались законодателем не как собственники, а только пользователи всем тем, что они получали при водворении. Естественно, что такое положение не могло стимулировать их стремление к развитию и совершенствованию хозяйства. Пытаясь каким-то образом смягчить такое положение, командование корпусом отдало приказ оставлять в поселениях вдов, способных к труду, и «стараться опять выдать их за поселян в замужество»²⁶⁰. Это касалось и овдовевших военных поселян.

²⁵⁵ Там же. – §§103, 104, 105.

²⁵⁶ Там же. – §108.

²⁵⁷ Положение о военном поселении на Кавказе. – §117.

²⁵⁸ Там же. – §134.

²⁵⁹ РГВИА. – Ф. 735. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 47.

²⁶⁰ Там же. – Л. 57.

В некоторых больших селениях были открыты школы, где изучались Закон Божий, арифметика, русский и местные языки, причем «для достижения желанной цели сближения с кавказскими народами и утверждения дружественных связей между ними и военными поселянами» предполагалось возложить на местное начальство обязанность «склонять кавказских жителей к обучению в сих школах детей их»²⁶¹. Следовательно, происходил двоякий процесс: с одной стороны, шло распространение просвещения среди местных народов, с другой – активная русификация. Надзор за школами возлагался на заслуженных военных поселян из унтер-офицеров, преимущественно знавших местные языки.

Параллельно с разработкой «Положения» шел отбор будущих военных поселян и выбор мест для поселений. В июне 1836 г. Г.В. Розен сообщал управляющему Военным министерством генерал-адъютанту графу В.А. Адлербергу, что «... ни в одном из предназначенных пунктов водворения не предполагается такого числа поселян, из которого прилично было бы составить отдельный округ, так и потому, что места избираются не по расположению полков, но сообразно с обстоятельствами края и целью сих военных поселений на Кавказе»²⁶². Следовательно, Г.В. Розен при территориальной привязке отдавал предпочтение наличию свободных земель и стратегическим факторам.

В марте 1836 г. Г.В. Розен предложил в качестве эксперимента создать небольшое поселение на Военно-Грузинской дороге в селении Ларсе (25 верст выше Владикавказа), которое находилось в собственности осетинского старшины прапорщика Кучука Дударова. Как сообщал Г.В.Розен, «... с разрешения моего, старшина сей, по собственной его просьбе, переселяется на правую сторону Терека в 25 верстах ниже Владикавказа, где он будет служить некоторую преградою для прохода хищников и где давно уже имеет хутор и хозяйственные заведения»²⁶³. В селении Ларсе предполагалось поселить 20 семей и причислить их к Кавказскому линейному батальону №4. Из архивных материалов не видно: было ли основано это поселение в 1836 г. и стало первым военным поселением на Кавказе или же оно было создано в 1838 г. одновременно с Николаевским и Александров-

²⁶¹ Положение о военном поселении на Кавказе. – §149.

²⁶² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 1140. – Л. 61.

²⁶³ Там же. – Л. 58. Николай I одобрил создание военного поселения в Ларсе.

ским поселениями на Военно-Грузинской дороге, где в первый год было поселено 250 семей.

Селения создавались наподобие казачьих станиц на Кавказской линии: обносились рвом, имели сторожевые вышки, где днем находились часовые, а ночью дополнительно выставлялся караул у ворот селения. Если вблизи поселения имелись удобные места для прохода горцев, то там выставлялись пикеты, а в ночное время секреты. Вблизи караулов располагался резерв от 10 до 20 человек. На полевые и другие работы поселяне могли ходить только группами и при оружии.

Николаевское и Александровское поселения имели хорошие земли в достаточном количестве и располагались на главном транспортном пути с Северного Кавказа в Закавказье. Это вселяло надежду командованию отдельным Кавказским корпусом, что «... поселения в короткое время достигнут цветущего состояния»²⁶⁴. Первые успехи вскружили голову новому командиру отдельного Кавказского корпуса генерал-лейтенанту (вскоре ему был присвоен чин генерала от инфантерии) Е.А. Головину, который предложил поселить в 1839 г. до 1100 семей (800 – в отдельных селениях и 300 – при штаб-квартирах). Это потребовало бы значительных затрат, почему ставка была сделана на создание военных поселений при штаб-квартирах (см.: Табл. 6). Пик развития системы военных поселений на Кавказе (по численности хозяйств) отмечается в 1841 г., когда было поселено 1017 семей²⁶⁵. В это же время при штаб-квартирах насчитывалось до 2 тыс. семей (6024 души обоого пола), которые были потенциальным резервом для перевода их в разряд военных поселян (см.: Табл. 7). Это объясняется тем, что многие из них имели некоторое хозяйство и к ним не надо было доставлять жен и детей из внутренних губерний.

Однако, обстановка на Кавказе в это время была весьма сложной и не позволяла проводить планомерную работу по созданию новых поселений. Всего удалось создать 17 поселений, 9 из которых находились при штаб-квартирах. Самым большим было Николаевское поселение, в котором проживало 137 семей, остальные были незначительными и их было трудно оборонять во время нападения горцев, которые убивали поселян и уводили

²⁶⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 2168. – Л. 2.

²⁶⁵ Некоторыми хозяйствами управляли вдовы военных поселян, почему эта цифра не совпадает с количеством поселян-хозяев, показанным в табл. 6.

скот. Так, например, в конце апреля 1841 г. две тысячи горцев напали на Александровское поселение. Поселяне под командованием смотрителя поручика Бабичева завалили ворота бревнами и отбили три атаки. Но поскольку нападение было неожиданным (кабардинцы, союзники русских, не сообщили о приближении горцев), горцам удалось увести практически весь скот и убить 70 поселян-хозяев и их сыновей, находившихся на полевых работах²⁶⁶. В этом же году было совершено нападение на Озургетское военное поселение.

В связи с осложнением военной обстановки было принято решение о передаче военных поселений на Военно-Грузинской дороге: Владикавказского, Николаевского, Котляревского и Александровского в состав Кавказского линейного казачьего войска (500 семей, включавших 2134 души обоего пола)²⁶⁷. В некоторые поселения, например Ларское, власти для защиты населения ввели войска и артиллерию²⁶⁸. С 1843 г. прекратилось создание новых поселений и все внимание было сосредоточено на усилении уже существующих. Кроме того, опыт доказывал, что «военные поселения, состоящие при штаб-квартирах войск..., решительно не принося никакой пользы, лишь стесняют их (штаб-квартиры – К.Я.) в поземельном довольствии, сами же нижние чины, при полковых штабах водворяемые, крайне затрудняются в способах содержания своих семейств. Столь же бесполезно учреждение военных поселений среди занятых нами областей, ибо по ограниченности свободных земель, они не могут получить большего развития и доставить какие-либо в военном отношении выгоды»²⁶⁹.

Николай I, понимая, что командование отдельным Кавказским корпусом в административном отношении пошло по пути наименьшего сопротивления, селя военных поселян при штабах войск, потребовал создавать новые поселения только «непосредственно в видах военных на границах с Азиатскими державами и на линиях против горцев»²⁷⁰. Государство конечно же было заинтересовано в первую очередь во всемерном закреплении в здешнем крае, а не в социальной защите отставных нижних чинов. Поэтому было принято решение усилить поселения

²⁶⁶ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 3300. – Л. 1-3.

²⁶⁷ Там же. – Д. 3740. – Л. 7.

²⁶⁸ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 4447. – Л. 6-6 об.

²⁶⁹ Там же. – Д. 4303. – Л. 6.

²⁷⁰ Там же. – Л. 1.

вблизи турецкой границы в Александропольском уезде: Джелал-Оглинское, Гергерское и Привольное. Озургетское поселение переводилось в одно из них.

Военные поселяне с трудом привыкали к своей новой родине и новым, непривычным условиям гражданской жизни. Командование не всегда учитывало местные природно-климатические условия, постоянно требовало увеличения посевов озимых и яровых культур и сурово наказывало за их сокращение. Источники свидетельствуют, что в отдельные годы в отдельных районах урожайность зерновых достигала сам-30 – сам-40, а проса – сам-46²⁷¹. Однако, частыми бывали и неурожаи ввиду того, что для посева использовалось зерно, привезенное из внутренних губерний, которое не было приспособлено к местным почвенно-климатическим условиям. Средняя урожайность пшеницы колебалась между сам-6 и сам-6,5, ржи – от сам-8 до сам-9. Озимая рожь не высевалась ввиду неблагоприятных климатических условий. В некоторых поселениях зерновые вообще не высевались (например, в Гергерском и Привольном) ввиду частых набегов горцев (см.: Табл. 8).

Кроме традиционных культур высевались: просо, горох, овес, гречиха, лен, конопля и картофель. Особенно высокими бывали урожаи гречихи: в среднем, сам-12²⁷². В Ларском поселении, ввиду малоплодородия почв, посевы не производились, а Тифлисское и Шемахинское поселения были сформированы из мастеровых, которые практически не занимались хлебопашеством. Запаса трав обычно хватало до нового урожая и поселяне даже могли часть его продавать проходящим войскам и транспортам. В сельскохозяйственном отношении лучше других были развиты Белоключинское, Елисаветинское и Манглиское поселения, где почвенно-климатические условия были более благоприятными.

Чисто административные методы руководства хозяйством доходили иногда до абсурда. При первых запашках, например, когда ощущалась нехватка рабочего скота, предписывалось «внушить военным поселянам необходимость и пользу соединить, по взаимному согласию, в один плуг столько волов, принадлежащих разным хозяйствам, сколько свойство здешней земли потребует и обязать старосту и членов сельского приказа

²⁷¹ Там же. – Д. 4414. – Л.3; Д. 6642. – Л. 3.

²⁷² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 6642. – Л. 16.

строго соблюдать, чтобы военные поселяне, единожды согласившись действовать соединенным способом на распашке полей, до окончания, по крайней мере, весеннего или осеннего периода работ не изменяли своего согласия»²⁷³. В горных местах землю обрабатывали преимущественно при помощи сохи, а в подгорных – плугом. Попытка внедрить здесь малороссийский тяжелый плуг успехом не увенчалась²⁷⁴.

Особенно трудно развивалось хлебопашество на Северном Кавказе, где почвы были малопригодными для этого, а опыта в разведении садов и виноградников, а также выращивании технических культур у поселян не было. Данные табл. 9 свидетельствуют о недостатке (согласно нормам наделов) у них пахотной земли и других угодий, хотя рабочим и продуктивным скотом они были обеспечены достаточно хорошо.

Для того, чтобы покупать недостающее продовольствие, поселяне были вынуждены заниматься различными ремеслами, извозом (особенно на Военно-Грузинской дороге) и торговлей. Так, например, в Белоключинском военном поселении были каменщики, плотники, бондари, колесные мастера и т.п. Поселяне, жившие вблизи городов, успешно занимались огородничеством. Существовавшее на Кавказе разделение труда заставляло их вести постоянный поиск наиболее приемлемых видов и приемов деятельности. Однако, и в этом они были значительно ограничены, поскольку начальство постоянно следило за тем, чтобы поселяне «продавали одни только избытки своих хозяйственных произведений и из видов корысти не лишались необходимого»²⁷⁵. Поскольку у горцев было мало денег, большое распространение имела меновая торговля.

К середине 1840-х гг. руководство убедилось в бесплодности попыток расширить и укрепить сеть военных поселений на Кавказе. В январе 1846 г. было высочайше повелено «зачислить в казачьи поселения находящиеся вблизи их военные поселения на Кавказе»²⁷⁶. При предоставлении годового отчета в конце 1847 г. наместник на Кавказе, командующий отдельным Кавказским корпусом М.С. Воронцов сообщил, что согласно указаниям императора «предположения о дальнейшем распространении военных поселений внутри края как в отдельных се-

²⁷³ Там же. – Ф. 731. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 3.

²⁷⁴ Там же. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 1995. – Л. 25 об.

²⁷⁵ Положение о военном поселении на Кавказе. – §218.

²⁷⁶ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 4807. – Л. 180 об.

лениях, так и при штаб-квартирах войск отменены...»²⁷⁷ Одной из главных трудностей при создании и развитии поселенной системы М.С. Воронцов считал «неопределенность поземельной собственности в Закавказском крае», что обусловило медленные темпы обеспечения поселян необходимыми наделами земли (см.: Табл. 9). Резюмируя доводы, он прямо пишет, что поселения не приносят «той пользы, которая ожидалась от них при первоначальном водворении, стесняют войска и туземцев и вовлекают казну в напрасные издержки на покупку земли для поселян»²⁷⁸. Новые водворения он предлагает ограничить только теми солдатами, которые выслужат установленные сроки и при условии их женитьбы на вдовах военных поселян. Таким образом, он предложил совершенно отказаться от принудительного поселения, которое «никогда не может быть успешно и сопряжено с большими затруднениями и пожертвованиями»²⁷⁹. Император согласился со всеми доводами графа М.С. Воронцова.

В конце декабря 1849 г. М.С. Воронцов писал военному министру А.И. Чернышеву, что «в существующих уже поселениях необходимость указывает произвести весьма значительные преобразования по тому уважению, что поселяне не выполнили доселе и едва ли когда выполняют свое назначение, если самые основания поселений не будут изменены»²⁸⁰. В следующем, 1850 г. М.С. Воронцов вновь обращает внимание Военного министерства, что «цель этого учреждения достигнута только в некоторой степени, и именно в отношении оседлости заслуженных воинов и приумножении русского населения... После десятилетнего существования поселений не только главные отрасли хозяйства не получили в военных поселениях надлежащего развития, не доставили поселянам каких-либо избытков, но даже с истекшей льготой времени они не могут нести определенных повинностей, как это видно из донесений начальников, заведывающих поселениями»²⁸¹. В чем же он усматривал главную причину неудачного опыта поселения войск на Кавказе? Ответ достаточно прост: военные поселяне, отслужившие по 15-20 лет, «редко могут быть так способны к полевым занятиям, как крестьяне, не оставившие никогда этого звания». Сыновья же по-

²⁷⁷ Там же. – Д. 5600. – Л. 2.

²⁷⁸ Там же. – Д. 5600. – Л. 2 об.

²⁷⁹ Там же. – Л. 3.

²⁸⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 6642. – Л. 1.

²⁸¹ Там же – Д. 6742. – Л. 1 об.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК
селян (за исключением одного) должны были отслужить 15 лет в армии, поэтому и в перспективе ситуация вряд ли могла измениться в лучшую сторону кардинально. М.С. Воронцов справедливо указывал и на то, что при том «состояние земледелия и промышленности труды поселян редко могут служить примером и образцом для туземцев. В этом отношении несравненно полезнее поселения из русских крестьян, отступивших от православия, водворенных и водворяемых в разных местах Закавказского края с гораздо меньшими пожертвованиями от казны»²⁸².

Лучший выход, на наш взгляд, заключался в том, чтобы предоставить поселянам полную свободу в выборе рода деятельности и распоряжением собственностью. Однако, для правительства это был бы слишком радикальный шаг и означал бы изменение отношений собственности. Выход был найден в другом: в начале 1850-х гг. началась ликвидация поселений на Кавказе.

Сравнивая военные поселения на Кавказе с поселениями и округами пахотных солдат в других регионах страны, необходимо отметить их значительные отличия. Во-первых, кавказские поселения создавались не во внутренних губерниях, а на окраинах и были призваны играть роль опорных пунктов при колонизации края. Во-вторых, учитывая эту особенность, правительство освободило военных поселян от уплаты оброка или продовольственного снабжения войск. Следовательно, в сословной стратификации государства они ближе всего находились к казачеству. Не случайно, что некоторые военные поселения на Кавказе со временем были присоединены именно к казачьим станицам. В-третьих, поселялись отставные нижние чины, а не регулярная армия или крестьяне. В-четвертых, поселения на Кавказе довольно быстро возникали и также быстро ликвидировались, т.е. не отличались стабильностью функционирования, как в других регионах страны.

Хозяйственную структуру здесь пришлось начинать с нуля, что не могло не сказаться на благосостоянии поселян, особенно в первые годы; сказывалась оторванность от родины, длительное привыкание к местным климатическим и географическим условиям. Можно утверждать, что результат функцио-

²⁸² Там же. – Л. 4-5.

нирования военных поселений на Кавказе носил двоякий характер: с одной стороны, они являлись опорными пунктами колонизации края, а с другой – способствовали распространению более передовых приемов ведения хозяйства. Однако, неся в себе недостатки военно-поселенной системы, заложенной Александром I и А.А. Аракчеевым, они так и не смогли до конца выполнить свою миссию.

* * *

Подведем некоторые итоги. Создание военных поселений явилось следствием кризиса крепостной системы и связанных с нею принципов комплектования и содержания армии. Следовательно, этот шаг правительства Александра I можно трактовать как паллиативную меру, определенного рода реформу, призванную без радикальных изменений государственной системы и социально-экономических отношений несколько сгладить возникшие кризисные явления.

Была ли альтернатива военным поселениям? Вероятность ее была возможна, но при условиях реализации планов М.М. Сперанского и принятия «Уставной грамоты Российской империи», созданной под руководством Н.Н.Новосильцева. Император, как известно, отказался от столь кардинальных изменений, следовательно, проблема могла решаться некими паллиативными мерами, которые означали лишь некоторую корректировку внутривластного курса.

Цели и задачи военных поселений были определены Александром I и его окружением довольно четко, а вот конкретного плана создания и развития этого своеобразного института выработано не было. Вот почему мы имеем весьма спонтанную картину реализации идеи военных поселений, о чем свидетельствует предложенная нами периодизация их истории. В этой связи хотелось бы отметить, что корректировка модели военных поселений осуществлялась не только в связи с изменением конкретной исторической ситуации, но была также связана с образом мышления и действия отдельных исторических личностей – Александра I, Николая I, А.А. Аракчеева, И.О. Витта и др.

Бытующее в отечественной и зарубежной историографии мнение о быстрых темпах развития института военных поселений и его угасании к началу 1830-х гг. является ошибочным.

Глава II. СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПОСЕЛЕННЫХ ВОЙСК
Военные поселения являлись частью внутренней политики не только правительства Александра I, но и Николая I. Количество поселенных войск было гораздо меньшим, чем принятая в историографии цифра.

По мере развития поселенной системы сложилось несколько моделей округов поселения: в пехоте (А.А. Аракчеев), кавалерии (И.О. Витт), на Кавказе (Г.В. Розен), на Охтенском пороховом заводе. При этом учитывались не только конкретные задачи тех или иных поселений, но и наличие необходимых людских и материальных ресурсов, военно-стратегические факторы и т.п.

И еще один, казалось бы, парадоксальный вывод, который напрашивается, исходя из конкретно-исторического анализа истории военных поселений. При всем различии форм и методов создания и функционирования военных поселений в различных регионах страны, наблюдается постепенная, но неуклонная либерализация их режима, особенно в третьем и четвертом периодах, хронологически совпадающими с царствованием Николая I. В историографии преобладает мнение, что это было время лишь «закручивания гаек» и «подтягивания общества». В случае с военными поселениями происходило как раз наоборот, еще раз подтверждая, насколько живучими являются некоторые историографические мифы. История военных поселений свидетельствует, что руководство достаточно четко контролировало обстановку в стране. На наш взгляд, можно предположить, что государственная система не утратила возможностей определенных корректировок и совершенствования методов управления в рамках самодержавия. Как это конкретно осуществлялось в военных поселениях на макро- и микроуровнях, рассмотрим в следующей главе.

Глава III. АДМИНИСТРАТИВНАЯ СТРУКТУРА

§1. Законодательная база и органы управления

Учреждение военных поселений вызвало необходимость разработки их законодательной базы и формирования органов управления различных уровней. Анализ этого сюжета истории военных поселений свидетельствует, что их законодательная база складывалась в ходе развития самой системы. Процесс формирования и функционирования органов управления военными поселениями как на микро-, так и на макроуровнях еще не достаточно разработан

в исторической литературе²⁸³. Комплексная разработка этого вопроса должна способствовать раскрытию общих закономерностей эволюции российского самодержавия, его возможностей в области законотворчества и администрирования в условиях системного кризиса системы.

Основным документом, в котором отразились цели создания поселений, правила перехода коренных жителей и солдат действующих частей в разряд военных поселян, права и обязанности их различных категорий, являлось «Учреждение о военном поселении», разработка которого велась параллельно с началом массового поселения войск²⁸⁴. Напомним, что этот документ по невыясненным причинам не был утвержден императором, но все последующее законодательство, вплоть до реорганизации военных поселений в конце 1820-х – первой половине 30-х гг. опиралось именно на него. Как нам удалось выяснить, родился он в недрах канцелярии военного департамента Государственного совета, который возглавлял А.А. Аракчеев. По нашим подсчетам, к моменту ликвидации военных поселений в конце 1850-х гг. было принято (часть из них утратила силу) около 700 нормативных документов, не считая огромного количества высочайших указов, рескриптов (имели силу закона) и приказов руководителей разных уровней.

Еще в 1823-1825 гг., по инициативе Александра I, была предпринята попытка кодификации этого значительного корпуса законодательных материалов. После консультаций А.А. Аракчеева с М.М. Сперанским в 1823 г. была образована Комиссия по составлению проекта «Учреждения о военном поселении» в следующем составе: член Совета главного над военными поселениями начальника инженер-генерал-майор Ф.А. Бухмейер, управляющий Вторым отделением Дежурства штаба отдельного Корпуса военных поселений статский советник И.Ф. Самбурский и инженер-майор Г.С. Батеньков. М.М. Сперанский высоко оценивал законотворческие способности И.Ф. Самбурского, а Г.С. Батенькова сам рекомендовал

²⁸³ См.: Кандаурова Т.Н. Херсонские военные поселения... Автореферат дисс. канд. ист. наук. – М., 1989. – С. 7; Ячменихин К.М. Структура Новгородских военных поселений и их управление в 1818-1831 гг. // История СССР. – 1989. – №1. – С. 90-102.

²⁸⁴ Учреждение о военном поселении пехоты. – СПб., 1817; Учреждение о военном поселении регулярной кавалерии. – СПб., 1817.

А.А. Аракчееву к переводу в органы управления военными поселениями²⁸⁵. Он был знаком с ним по службе в Сибири и талантливый офицер ведомства путей сообщений своими способностями произвел на него благоприятное впечатление. После возвращения в столицу М.М. Сперанский постарался перевести туда и Г.С. Батенькова.

В задачу Комиссии входили сбор и систематизация всех материалов правового характера, касавшихся военных поселений. По мере готовности отдельных частей «Учреждения», они должны были поступать на рассмотрение особого Комитета, куда входили А.А. Аракчеев, М.М. Сперанский и П.А. Клейнмихель, и затем, после окончательного редактирования, передавались на высочайшее утверждение. Комиссия не успела завершить свою работу, поскольку с началом реформ военных поселений в 1826-1827 гг. деятельность ее прекратилась в связи с изменением правовой и организационной структуры военных поселений. Единственным практическим результатом работы Комиссии и Комитета осталось «Введение к учреждению военных поселений» (СПб., 1825), написанное М.М. Сперанским и которым он, по мнению М.А. Корфа, хотел «хотя бы несколько примирить с ними (военными поселениями – К.Я.)» общественное мнение²⁸⁶. М.А. Корф, по-видимому, был прав, когда оценивал этот шаг М.М. Сперанского как жертву, принесенную им своему непростому положению. Ведь за четыре года до этого, проезжая через Новгородские военные поселения, он записал в своем дневнике: «*fumus ex fulgore*» (призрачность – лат.). В современной литературе существуют и иные точки зрения по этому вопросу²⁸⁷. Можно предположить также, что именно работа над упорядочиванием законодательства по военным поселениям послужила толчком к известной кодификаторской деятельности М.М. Сперанского в начальный период царствования императора Николая I.

²⁸⁵ РО РНБ. – Ф. 29. – Карт. 90. – Л. 200. Письмо М.М. Сперанского А.А. Аракчееву от 22 ноября 1822 г.

²⁸⁶ Корф М. Жизнь графа Сперанского. – Т. II. – СПб., 1861. – С. 282.

²⁸⁷ Предтеченский А.В. Брошюра М.М. Сперанского «О военных поселениях» // Анатолий Васильевич Предтеченский. Из творческого наследия. – СПб., 1999. – С. 186-188; Кандаурова Т.Н., Давыдов Б.В. Военные поселения в оценке современников // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 8. История. – 1992. – №2. – С. 44-55.

В 1830 г. в связи с подготовкой к изданию общего свода военных постановлений была вновь предпринята попытка кодификации законодательства по военным поселениям. С этой целью вновь был создан Комитет, куда вошли И.Ф. Самбурский (председатель), военный советник Сытенко, чиновник 7-го класса Петровский и дежурный штаб-офицер Главного штаба е.и.в. по военным поселениям подполковник Красовский. Комитет должен был «предварительно собрать все вообще постановления, до военных поселений относящиеся, с самого учреждения военных поселений до сего времени созданные и имеющих ныне свое действие»²⁸⁸. Законодательство по военным поселениям было столь обширным, что в Комитете по составлению общего свода военных постановлений было принято решение «все действующие постановления, касающиеся собственно до оных военных поселений, не вносить теперь в общий свод, но представить главному начальству военных поселений соединить все сие постановления в особом своде, расположа оный во всем по одному плану с общим...»²⁸⁹

Комитет по составлению свода постановлений о военных поселениях начал свою работу в сентябре 1830 г.²⁹⁰ Основными источниками кодификации служили: 1) высочайшие указы, высочайше конфIRMованные доклады и журналы всевозможных комитетов; 2) высочайше утвержденные «штаты», положения и проекты «учреждений»; 3) приказы. Свод планировалось составить по системно-хронологическому принципу. Очередная реформа военных поселений, предпринятая после восстания 1831 г., вновь не позволила завершить начатую работу. Вот почему многочисленные законодательные материалы, касающиеся военных поселений, оказались рассеянными по Полному Собранию Законов Российской Империи и Своду военных постановлений.

Организационная структура военных поселений на первых двух этапах их истории была, практически, идентична общегармейской, поскольку они составляли только новый вид вооруженных сил. Главной отличительной чертой органов управления поселениями было сочетание в них руководства и контроля как в чисто военной сфере (боевая подготовка подразделений), так и

²⁸⁸ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 1983. – Л. 2.

²⁸⁹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 1983. – Л. 3.

²⁹⁰ Там же. – Л. 213.

в сфере хозяйственной (сельскохозяйственное производство, строительные и мелиоративные работы, торговля, промышленность и т.д.). В принципе эти органы управления фактически синтезировали функции двух высших органов управления вооруженными силами страны – Главного штаба е.и.в. (оперативно-стратегические функции) и Военного министерства (комплектование и снабжение). Можно предположить, что одним из побудительных мотивов их слияния в результате реформы военного управления в 1830-х гг. была модель управления военными поселениями. И еще одна интересная, на наш взгляд, особенность формирования управленческих структур в военных поселениях: она имела тенденцию развития снизу вверх, т.е. шла вслед за развитием самой поселенной системы.

Выше указывалось, что обустройство округов начиналось всегда с поселенных батальонов и эскадронов. Многие строевые офицеры, как правило, были далеки от решения вопросов экономического характера, поэтому при командирах поселенных рот и эскадронов создавались ротные и эскадронные комитеты, а при командирах полков – комитеты полковых управлений. Эти комитеты создавались сразу по прибытии поселенных батальонов к местам поселения, а в кавалерии после отвода определенных территорий в состав военных поселений²⁹¹. В округах кавалерии для управления поселенными и резервными эскадронами в каждом полку назначался особый штаб-офицер. Поселенными эскадронами командовали обычно ротмистры, а резервными – штаб-ротмистры²⁹². Поселенными ротами командовали обер-офицеры до чина капитана включительно.

Ротные и эскадронные комитеты, а также комитеты полковых управлений наряду с хозяйственными и бытовыми проблемами решали и некоторые вопросы правового характера, а иногда выступали и в роли судебной инстанции по гражданским искам и жалобам военных поселян²⁹³. Судебные и нотариальные функции этих комитетов заключались в составлении и фиксации духовных завещаний, назначении телесных наказаний за мелкие проступки, упущения по службе и хозяйству. В случае совершения уголовного преступления «все чины поселенного батальона и

²⁹¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 33. – Л. 397, 484, 486.

²⁹² Проект учреждения о военном поселении регулярной кавалерии. – Ч. I. – §31.

²⁹³ Проект учреждения о военном поселении пехоты. – Ч. II. – §423.

все коренные жители, вошедшие в состав военных поселений», предавались военному суду на общих основаниях. Лица женского пола подлежали гражданской юрисдикции.

Ротные и эскадронные комитеты избирались поселянами-хозяевами и состояли из одного унтер-офицера и трех рядовых (по одному от каждого капральства). Выборы производились в двух составах, после чего претенденты представлялись ротному или эскадронному командиру, которому принадлежало право окончательного выбора. В конце процедуры члены комитета утверждались командиром поселенного батальона или командиром поселенных и резервных эскадронов. Не вошедшие в состав комитета считались кандидатами и замещали членов комитета в случае необходимости. Срок полномочий одного состава комитета составлял один год²⁹⁴. Заседания проходили раз в неделю, как правило, по субботам, чтобы не отвлекать поселян-хозяев от полевых и других работ. В компетенцию ротных и эскадронных комитетов входило разбирательство хозяйственных споров между поселянами, в т.ч. и их постояльцами. Сложные вопросы, а также в случаях, когда поселяне не были удовлетворены решениями этих комитетов, вопрос передавался на рассмотрение в комитет полкового управления.

Структура и функции комитета полкового управления были значительно сложнее. Состав его не избирался, а назначался командиром полка по должности. В состав комитета входили: командир поселенного полка (председатель), командир поселенного батальона (в кавалерии – командир поселенных и резервных эскадронов), полковой священник, командиры поселенных рот или эскадронов и два обер-офицера из поселенной части полка²⁹⁵. Заседания комитета происходили по мере надобности, но не реже одного раза в неделю. Все вопросы решались большинством голосов и фиксировались в журналах заседаний. Комитет полкового управления являлся последней инстанцией для разрешения всех хозяйственных вопросов, касающихся военных поселян. По закону за ними сохранялось право подачи жалоб бригадным и дивизионным командирам во время инспекторских смотров, но на практике оно реализовывалось крайне редко. При разногласиях, возникавших во время

²⁹⁴ Там же. – §.418, 419.

²⁹⁵ Проект учреждения о военном поселении пехоты. – Ч. III. – §388.

заседаний, окончательное решение мог принять вышестоящий начальник. Командир полка был вправе отдать приказ об исполнении (под свою персональную ответственность) и того вопроса, который не набрал большинства голосов.

Два обер-офицера, назначенные в комитет, освобождались от других служебных обязанностей и находились при нем постоянно «для безостановочного движения дел», а также для исполнения решений, принятых полковым комитетом. Делопроизводство сосредотачивалось в канцелярии, состоявшей из двух отделений и архива. Первое отделение ведало сбором сведений о численности населения округа, занятиях военных поселян, занималось вопросами перехода коренных жителей в военное поселение, замещением и смещением поселян с хозяйства, наделением скотом и инвентарем, вело учет посевов и урожаев, разбирало жалобы поселян. Второе отделение занималось составлением различных смет, планированием строительных и мелиоративных работ, заключало подряды на поставку инструментов и материалов, составляло наряды на общественные работы. Канцелярия комитета находилась в ведении полкового аудитора, а каждое отделение и архив – в ведении старших писарей²⁹⁶.

Среди прочих обязанностей комитета полкового управления был контроль за всеми сторонами жизни в военных поселениях, по его решениям осуществлялись наказания и поощрения. Над нерадивыми хозяевами комитет устанавливал опеку, а в крайних случаях, с согласия командира дивизии, лишал их хозяйства и заменял другими поселянами. В комитете выдавались разрешения на вступление в брак, увольнения за пределы округа для торговли и промыслов.

Комитет контролировал все стороны хозяйственной жизни на территории округа, следил за своевременной и правильной обработкой полей, наблюдал за состоянием рабочего и продуктивного скота. В неурожайные годы принимал меры по обеспечению поселян хлебом и семенами для будущих посевов. Он также руководил всеми строительными и ремонтными работами в округе, производил торги и заключал подряды. Члены комитета обязаны были следить за тем, чтобы офицеры не заводили

²⁹⁶ Проект учреждения о военном поселении пехоты. – Ч. III. – §400, 411.

личного хозяйства и не использовали в своих целях труд поселян²⁹⁷.

Таким образом, этот орган управления создавался с целью оперативного управления хозяйством в округах и для более быстрого перехода войск на самообеспечение продовольствием и фуражом. Полковой командир, соединяя в своем лице начальника как над поселенной, так и действующей частями округа полка, имел возможность уделять больше внимания именно боевой подготовке личного состава, хотя при этом он нес полную ответственность и за хозяйственное состояние округа. Комитет же полкового управления играл при нем роль распорядительного и исполнительного органа.

Центральные органы управления военными поселениями начали формироваться несколько позже, чем низовые. Объясняя императору причины этого, А.А. Аракчеев в 1821 г. писал: «Я с намерением отлагал оное, дабы из опытов двухлетнего производства дел посредством штаба почерпнуть правила, сообразные действиям сего управления, столь же нового, как и обширного и многосложного»²⁹⁸. Под штабом подразумевалась канцелярия Военного департамента Государственного совета и Собственная е.и.в. канцелярия, где разрабатывались законопроекты по военным поселениям, а также несколько личных адъютантов А.А. Аракчеева, которые осуществляли координацию действий по управлению военными поселениями в первые годы их существования, вплоть до образования штаба отдельного Корпуса военных поселений. В приказе по поселенным войскам от 28 сентября 1818 г. А.А. Аракчеев писал: «Для поселения войск по фронтовой части, как-то: исчислении людей, рассылка приказов, производство и переводы, прошения об определении на службу, увольнении и прочее находятся ныне в ведении адъютанта моего князя Долгорукова, почему и имеют начальники поселенных войск по оным относиться к нему в случае справок...»²⁹⁹. Никакого «соответствующего аппарата управле-

²⁹⁷ Там же. – §501.

²⁹⁸ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 232 об.

²⁹⁹ ЦГИАК Украины. – Ф. 1353. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 58.

ния военными поселениями», как полагает А.И. Парусов, в этот период не существовало³⁰⁰.

С началом крупномасштабных строительных работ, в августе 1817 г. был образован Комитет о строениях в округе поселенного гренадерского графа Аракчеева полка под председательством инженер-генерал-майора Ф.А. Бухмейера, который до этого командовал Брянским арсеналом и слабо разбирался в вопросах строительства. В комитет вошли: командир полка генерал-майор Б.Я. Княжнин, командир поселенного батальона полка майор Ф.К. фон Фрикен и архитектор Л. Руско³⁰¹. По мере роста масштабов строительных работ, в 1818 г. была введена должность Директора работ со штатом чиновников и инженерных офицеров. Первым на эту должность был назначен талантливый военный инженер генерал-майор Л.Л. Карбоньер, который принимал участие в проектировании и строительстве здания Манежа в Москве.

Однако, и этот орган, ввиду больших объемов работы, не смог в должной мере справиться с поставленными задачами. Тогда, по предложению А.А. Аракчеева и Л.Л. Карбоньера, был образован Экономический комитет военных поселений³⁰². Его председателем был назначен генерал-майор Ф.А. Бухмейер.

Экономический комитет состоял из присутствия и канцелярии. Присутствие составляли председатель комитета и «три непременных члена». Канцелярия включала три стола. Первый из них ведал вопросами законодательства по военным поселениям, а также составлением всевозможных смет. В ведении второго стола находились вопросы заготовки и доставки строительных материалов и инструментов путем заключения подрядов. Третий стол контролировал отчетность комитетов полковых управлений, составлял сводные отчеты по всем округам. Решения общего присутствия оформлялись журналами, которые после утверждения их А.А. Аракчеевым приобретали юридическую силу в пределах института военных поселений. Комитет был независим от «других учреждений и лиц», подчинялся только А.А. Аракчееву и имел право заключать подряды и

³⁰⁰ Парусов А.И. Административные реформы в России I-й четверти XIX в. в связи с экономической и социальной обстановкой. – Дисс... докт. ист. наук. – Б.М. – 1965. – С. 635.

³⁰¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 490. – Л. 7-12.

³⁰² Там же. – Д. 89. – Л. 66-146.

производить разовые закупки на сумму до 25 тыс. руб. Операции с большими суммами требовали высочайшего дозволения. Комитет начал свою работу в июле 1818 г.³⁰³

Следовательно, уже образованием Экономического комитета была заложена своеобразная автономия военных поселений, при которой ни Главный штаб е.и.в., ни Военное министерство не имели права вмешиваться в их управление. Такая независимость, несомненно, стала следствием особого положения А.А. Аракчеева в государственном аппарате страны и его неординарных отношений с императором. Именно это заставляло все министерства и ведомства как можно оперативнее решать вопросы, связанные с функционированием поселенной системы. Это же обстоятельство сыграло важную роль в столь быстром и масштабном ведении строительных и других работ, особенно в округах 1-й гренадерской дивизии.

Уделяя большое внимание созданию экономической базы военных поселений, А.А. Аракчеев делал все возможное, чтобы поселенные войска стали боеспособными подразделениями, включая поселенные эскадроны и батальоны. Именно этот вопрос развел их с И.О. Виттом на диаметрально противоположные точки зрения о целях, средствах и методах создания округов военных поселений.

До присоединения действующих батальонов и эскадронов к поселенным последние сводились в отряды, куда входили и подразделения, занятые на строительных работах. По мере слияния поселенной и действующей частей полков, организационная структура поселений начинала совпадать с бригадным, дивизионным и корпусным членением армии.

Для обеспечения оперативного управления поселенными войсками в 1819 г. была учреждена должность начальника штаба, на которую был назначен любимец А.А. Аракчеева флигель-адъютант, полковник П.А. Клейнмихель. В феврале 1821 г. все войска, подчиненные А.А. Аракчееву, получили наименование отдельного Корпуса военных поселений³⁰⁴, а в марте этого же года было утверждено «Положение» о его штабе³⁰⁵.

³⁰³ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 1.

³⁰⁴ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. – Ч. X. – СПб., 1908. – Л. 232-277.

³⁰⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 232-277.

Штаб утверждался при Главном над военными поселениями начальнике и состоял в непосредственном управлении начальника штаба. Состоял из трех «частей»: квартирмейстерской, экономической и дежурства. Две последние подразделялись на отделения, а отделения – на столы. «Для рассмотрения дел, требующих общего соображения», начальник штаба собирал общее присутствие, куда входили: обер-квартирмейстер корпуса, дежурный штаб-офицер, директор работ и начальники отделений.

В ведении квартирмейстерской части находились вопросы, входившие в обязанности обер-квартирмейстеров отдельных корпусов³⁰⁶, а также составление карт и планов округов военных поселений, предварительный выбор земель и разделение их на округа, разработка маршрутов передвижения войск, распределение их по зимним квартирам и т.п.

Дежурство подразделялось на два отделения. Первое ведало вопросами прохождения строевой службы, составлением отчетов о прибыли и убыли людей в войсках, списочным состоянием отдельных подразделений, снабжением их всеми видами довольствия. Оно также осуществляло контроль за хозяйственной деятельностью поселян, ведало судебными вопросами. Отделение это было одним из самых больших в штабе, подразделялось на четыре стола и возглавлялось дежурным штаб-офицером. Второе отделение разрабатывало правовую документацию и составляло отчеты. По рекомендации А.А. Аракчеева, начальником этого отделения был назначен военный советник И.Ф. Самбурский, служивший до этого в Собственной е.и.в. канцелярии. «Отделение сие, – писал А.А. Аракчеев во всеподданнейшем докладе от 10 марта 1821 г., – есть важнейшее. Оно имеет предметом продолжение проектов учреждений и всех прочих постановлений о военных поселениях. Самбурский особенно к тому способен и занимался сим предметом с самого начала онаго, сделался необходимым сей части»³⁰⁷.

Экономическая часть также подразделялась на два отделения – строительное (возглавлялось директором работ) и экономическое, которое ведало вопросами заготовки материалов и

³⁰⁶ Учреждение для управления большой действующей армией. – Ч. I. – СПб., 1815. – § 256.

³⁰⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 230.

инструментов. На правах отделения при штабе функционировали типография и архив. После образования штаба отдельного Корпуса военных поселений Экономический комитет сохранил свою самостоятельность и продолжал выполнять прежние функции. Таким образом, штаб корпуса стал универсальным органом управления как строевой, так и хозяйственной частями поселенных войск.

Одновременно с образованием штаба «для рассмотрения по устройству военных поселений дел, требующих общего соображения», был образован Совет Главного над военными поселениями

начальника³⁰⁸. Создание этого органа было продиктовано необходимостью разрешения в нем наиболее сложных вопросов, связанных с устройством и развитием военных поселений и во многом было связано с новизной этого государственного института. В состав Совета входили: начальник штаба (председатель), председатель Экономического комитета и директор работ. Дивизионные и отрядные начальники приглашались на заседания в случае, если они находились в это время в С.-Петербурге. По мере необходимости приглашались также генералы и штаб-офицеры корпуса военных поселений, архитекторы, художники, смотрители казенных заводов и др. Позже в состав Совета были введены так называемые «непременные члены» – генерал-майоры Ф.А. Бухмейер, А.К. Сиверс, А.Я. Фабр и подполковник Г.С. Батеньков. Как правило, на заседаниях Совета рассматривались проекты новых «положений», дополнения и изменения к существующему законодательству, решались вопросы приобретения крупных имений и больших партий строительных материалов и т.п. Совет являлся высшей инстанцией в системе управления военными поселениями. Его решения, после высочайшего утверждения, приобретали силу закона.

Таким образом, в 1821 г. образованием штаба отдельного Корпуса военных поселений и Совета Главного над военными поселениями начальника, завершился, в основном, процесс создания центральных органов управления военными поселениями, которые интегрировали в своей структуре как вопросы боевой подготовки войск, так и их хозяйственное развитие. Они подчинялись только А.А. Аракчееву и не были в компетенции ни во-

³⁰⁸ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 279-283.

енного министра, ни начальника Главного штаба е.и.в. В основу их деятельности был положен принцип, сочетающий единоначалие и коллегиальность.

Параллельно шел процесс законодательного оформления органов управления среднего звена: штабов поселенных дивизий и корпусов³⁰⁹. Штаб поселенной дивизии сохранял, в основном, структуру штаба пехотной дивизии, определенной §57 «Учреждения для управления большой действующей армией». Однако, в связи со спецификой управления поселенными подразделениями, в него вводились новые должности: начальника работ, старшего адъютанта, офицера свиты е.и.в. по квартирмейстерской части, аудитора, бухгалтера и его помощников. Основным принципом, заложенным в основу структуры штаба поселенной дивизии, состоял в возможности управления двумя частями – поселенной и действующей в случае выступления последней из округа поселения в поход. В этом случае штаб разделялся на две части: первая вместе с действующими подразделениями отправлялась на театр военных действий и там осуществляла оперативное управление; вторая, оставаясь в округе поселения, продолжала управлять поселенными и резервными эскадронами и батальонами.

Штаб поселенной дивизии, как и штаб отдельного Корпуса военных поселений, включал три части: квартирмейстерскую (возглавлял дивизионный квартирмейстер), дежурство (во главе со старшим адъютантом) и экономическую (возглавлял начальник работ). Распределение служебных обязанностей между частями штаба поселенной дивизии было аналогично штабу отдельного Корпуса военных поселений.

До соединения действующих подразделений с поселенной частью, т.е. когда поселенные батальоны или эскадроны сводились в отряды, были созданы штабы при отрядных командирах с ограниченными (по сравнению с дивизионным штабом) штатами, необходимыми только для управления поселенной частью. Процесс же соединения действующей и поселенной частей (особенно в пехоте) был весьма длительным. Так, например, Новгородский отряд военных поселений был преобразован в 1-ю поселенную гренадерскую дивизию только в январе 1825 г.³¹⁰

³⁰⁹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 589-605. Образование дивизионного штаба поселенной дивизии (утверждено 6 сентября 1821 г.).

³¹⁰ Там же. – Д. 316. – Л. 70.

Создавались также временные управленческие структуры в подразделениях, занятых на строительных и иных работах. Так, например, при инженер-генерал-майоре А.Х. Эйлере, который руководил строительством ротных поселков в округах 1-й гренадерской дивизии и имел в подчинении 12 артиллерийских рот и два военно-рабочих батальона (128 штаб и обер-офицеров и до 7 тыс. нижних чинов), было создано специальное Управление артиллерийских рот и военно-рабочих батальонов. Ему также подчинялись суда флотилии Новгородских поселений³¹¹. В 1824 г., с началом работ по созданию округов 2-й и 3-ей гренадерских дивизий, был образован своего рода филиал Экономического комитета – Старорусский экономический комитет под председательством полковника Акермана (в 1827 г. его сменил генерал-майор Мевес, убитый поселянами во время восстания 1831 г.). Для проведения землеустроительных работ сюда же из Новгорода была переведена Межевая комиссия и подчинена Старорусскому экономическому комитету.

К началу царствования императора Николая I сложилась весьма разветвленная сеть военных поселений и структура их управления. Поселения разделялись на округа, каждый из которых получал наименование того полка, в котором тот имел «оседлость». Два полковых округа составляли поселенную бригаду во главе с бригадным командиром. Три (в кавалерии – две) бригады составляли поселенную дивизию. Три (в кавалерии – две) дивизии сводились в поселенный корпус. Это была высшая оперативно-тактическая единица российской армии того времени.

В 1826 г. 1-я, 2-я гренадерские и гренадерская артиллерийская дивизии были сведены в поселенный Гренадерский корпус (3-я гренадерская дивизия хотя и была позже подчинена командиру корпуса генералу от инфантерии князю И.Л.Шаховскому, но не успела получить округ оседлости). В 1823 г. 3-я кирасирская и 3-я уланская дивизии (Херсонская и Екатеринославская губ.) были сведены в 3-й резервный поселенный кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта графа И.О.Витта. В его подчинении также находилась Бугская (впоследствии – 4-я) уланская дивизия, на базе ко-

³¹¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 832 об.

торой в 1833-1834 гг. был сформирован сводный кавалерийский корпус³¹².

В 1829 г. 2-я кирасирская и 2-я уланская дивизии были сведены во 2-й поселенный кавалерийский корпус³¹³, которые до этого

составляли отряд военных поселений в Слободско-Украинской губ. Когда на базе поселенной кавалерии начали формироваться резервные войска, тогда же были образованы корпусные штабы. Штаб корпуса имел такую же структуру, как и дивизионный, но с несколько бóльшим штатом. Поскольку под началом командира 3-го резервного поселенного кавалерийского корпуса И.О. Витта находилась еще и Бугская уланская дивизия, то в штатном расписании его штаба числилось несколько дополнительных должностей. Немаловажная деталь. Если другие, равные ему по должности командиры, имели право заключать подряды на сумму до 15 тыс. руб., то для И.О. Витта, по высочайшему повелению, она была увеличена до 25 тыс. руб.³¹⁴

С воцарением императора Николая I началась постепенная ликвидация автономии военных поселений в области управления. Весной 1826 г. фактически был отправлен в отставку А.А. Аракчеев, хотя формально он числился в «отпуске для излечения болезни». Командование поселенными войсками на время его отсутствия поручалось генерал-майору П.А. Клейнмихелю, который был обязан «о делах важных», требующих резолюции Главного над военными поселениями начальника «относиться» к начальнику Главного штаба е.и.в. И.И. Дибичу. С этого момента началось постепенное переподчинение поселенных войск общему армейскому командованию. В связи с этим началось реформирование центральных органов управления. Местное управление – комитеты полковых управлений, ротные и эскадронные комитеты – сохранялось в прежнем виде.

В начале сентября 1826 г. начальник Главного штаба е.и.в. И.И. Дибич отдал приказ П.А. Клейнмихелю переподчинить – 3-й резервный кавалерийский корпус и Бугскую уланскую дивизию, дислоцированные в Херсонской и Екатеринославской губ., Главному штабу с последующей передачей в состав армии.

³¹² Там же. – Оп. 2. – Д. 8284. – Л. 18-20.

³¹³ Там же. – Д. 1079. – Л. 154.

³¹⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 655-656 об.

Предполагалось также передать часть денежных средств военных поселений в распоряжение Комиссариатского департамента Военного министерства³¹⁵. Эти меры свидетельствуют в пользу того, что уже в первые месяцы своего правления Николай I серьезно задумывался о ликвидации автономии военных поселений.

П.А. Клейнмихель, используя свое влияние при дворе, сумел убедить Николая I и И.И. Дибича в «несвоевременности подобных мер». В качестве аргументации своей позиции он использовал следующие доводы: еще не состоялся окончательный переход кавалерийских полков на самообеспечение продовольствием, не устроены до конца конные заводы и запасные хлебные магазины, недостаточной остается обеспеченность войск капитальными зданиями и сооружениями. Резюмируя свои выводы в рапорте на имя И.И. Дибича от 16 сентября 1826 г., он писал: «Обращаясь к переходу поселенных войск в состав армии, я думаю, что каждую поселенную дивизию должно переводить в начальство армии в то время, когда она уже совершенно устроена и в таком положении, чтоб начальству армии оставалось только, не заводя ничего нового, иметь наблюдение за поддержанием настоящего устройства...

Рассуждая о сем и имея в виду, что все дела по военному поселению доводятся до сведения Государя Императора и исправляются по всемилостивейшим его намерениям, *точно как бы штаб военных поселений находился в составе Главного штаба* (курсив мой – К.Я.), я считаю, что временное управление 3-м резервным кавалерийским корпусом и Бугской уланской дивизией в Инспекторском департаменте не есть способ к скорейшему достижению цели устройства, ибо часть сия есть для него дело совершенно новое. По устройству же дивизий, я думаю, что переход их в состав армии и из штаба военных поселений не может быть затруднительным.

Я полагаю, подчинение поселенных войск до надлежащего устройства двум разным начальствам будет началом к разным неисправностям, тогда как все должно клониться к единому..., управление сие затруднит начальство Главного штаба, не принося существенной пользы самому управлению и при-

³¹⁵ Там же. – Д. 409. – Л. 632-632 об.

ведет к непрерывным со штабом военных поселений справкам»³¹⁶.

Найдя компромисс в том, что весьма сложную структуру штаба военных поселений невозможно было втиснуть в рамки какого-либо департамента, Николай I в указе на имя И.И.Дибича от 30 сентября 1826 г. предписал: «Штаб военных поселений с его начальником и Экономический комитет *присоединяю* (курсив мой – К.Я.) к Главному моему штабу под начальство ваше, оставляя управление сих частей на точном основании их образования, подтвержденного Государем Императором Александром Павловичем»³¹⁷. С этого момента штаб отдельного корпуса военных поселений стал ведомственным включением в Главный штаб е.и.в. и получил название Штаба е.и.в. по военному поселению. Название «отдельный Корпус военных поселений» начинает исчезать из официальной переписки. Все исходящие бумаги, касающиеся поселенных подразделений, подписывались И.И. Дибичем и скреплялись подписью П.А. Клейнмихеля. В указе Правительствующему Сенату от 30 декабря 1826 г. предписывалось: «... при рассматривании дел относительно военных поселений и военных кантонистов, сохраняя прежний порядок, в тех случаях, в которых требовалось мнение Главного над военными поселениями начальника, требовать мнение начальника Главного штаба моего»³¹⁸.

В последующем в Главном штабе е.и.в. по военному поселению произошел ряд структурных изменений. В 1827 г. квартирмейстерская часть была переименована в часть Генерального штаба с оставлением прежних функций. Тогда же в его ведение были переданы батальоны военных кантонистов. В октябре 1830 г. был ликвидирован 4-й стол Дежурства и вместо него образован Аудиториат Главного штаба е.и.в. по военному поселению³¹⁹, состоявший из присутствия и канцелярии. Председатель и члены присутствия назначались императором по представлению управляющего Главным штабом. Канцелярия Аудиториата подразделялась на два отделения. В ведении первого находи-

³¹⁶ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 409. – Л. 634-635. Можно предположить, что именно слова, выделенные курсивом, предопределили дальнейшую судьбу штаба военных поселений.

³¹⁷ Там же. – Л. 639.

³¹⁸ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 409. – Л. 844.

³¹⁹ ПСЗ-2. – Т. V. – №4028.

лись следствие и суд в округах гренадерского и 2-го резервного поселенного кавалерийского корпуса, «с войсками к ним прикомандированными». Во втором отделении были сосредоточены аналогичные дела по всем остальным поселениям, а также батальонам военных кантонистов, учебным карабинерным полкам, учебному морскому экипажу и командам мастеровых военных поселений. При ревизии военно-судных и следственных дел Аудиториат Главного штаба е.и.в. по военным поселениям руководствовался правами и обязанностями полевого аудиториата действующей Армии. Обязанности полевого аудитора исполнял обер-аудитор.

Последнее изменение структуры Главного штаба е.и.в. по военному поселению было связано с образованием в нем в 1831 г. корпуса инженеров военных поселений³²⁰. Это было связано с тем, что при «производстве строений и работ в округах военных поселений» туда обычно командировались офицеры и генералы из корпусов инженерного и путей сообщения, а также артиллерии. Это вызывало неудобства и порождало большую переписку, почему и было принято решение о создании для военных поселений собственного корпуса инженеров.

Корпус состоял из главного управления и трех округов. Главное управление, куда входили Директор работ, старшие адъютанты первого отделения Экономической части, председатель Строительного комитета в батальонах военных кантонистов и его члены, состояло при Главном штабе е.и.в. по военному поселению. Строительные округа включали территории соответствующих поселений гренадерского и кавалерийских корпусов.

Во время польской кампании 1830-1831 гг. Главный штаб е.и.в. по военному поселению был разделен на две части, как и предполагалось «Положением» о данном штабе. Одна из частей осуществляла управление войсками на театре военных действий, а другая продолжала руководить поселенной частью округов³²¹. Таким образом, впервые была апробирована идея создания универсального штаба, способного руководить обеими частями поселения. События показали, что апробация прошла весьма успешно.

³²⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 2221. – Л. 49.

³²¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 2221. – Л. 80.

Во многом это зависело от того, кто в данный период непосредственно возглавлял Главный штаб е.и.в. по военному поселению. В историографии нет четкого ответа на этот вопрос. В качестве преемника А.А. Аракчеева на посту начальника военных поселений называют И.И. Дибича, П.А. Толстого, П.А. Клейнмихеля и даже А.Х. Эйлера. П.А. Клейнмихель сохранил за собой должность «начальника штаба военных поселений», который как самостоятельная единица был фактически упразднен. Юридически вся полнота власти над военными поселениями была сосредоточена в руках начальника Главного штаба е.и.в. И.И. Дибича, однако, фактически руководство военными поселениями, в связи с пребыванием последнего на театре военных действий, осуществлял управляющий Главным штабом генерал от инфантерии граф П.А. Толстой, которому и был подчинен Главный штаб е.и.в. по военному поселению. В отличие от И.И. Дибича он положительно воспринимал идею военных поселений и уделял им значительное внимание. При нем даже возродилась работа Совета Главного над военными поселениями начальника, который был переименован в Совет управляющего Главным штабом е.и.в. по военному поселению.

Во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг. на базе военных поселений были сформированы резервные войска, которые были подчинены П.А. Толстому. В связи с этим он был наделен «властью и правами, главнокомандующим армиями предоставленными»³²². Во время подавления польского восстания 1830-1831 гг. действующие батальоны Гренадерского корпуса и ряд других подразделений были сведены в Резервную армию под командованием П.А. Толстого, который получил «власть и права главнокомандующего большой действующей армией, на основании Учреждения об управлении оною»³²³. Ему были также предоставлены чрезвычайные полномочия на территории Витебской, Могилевской и Минской губ. Генерал-лейтенант А.Х. Эйлер был назначен начальником округов военных поселений в Новгородской губ. в конце 1830 г. после выступления Гренадерского корпуса на театр военных действий. Во время восстания Новгородских военных поселений летом 1831 г. он не сумел организовать должного сопротивления восставшим и фактически устранился от командования округами.

³²² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 1993. – Л. 2-3.

³²³ Там же. – Д. 2221. – Л. 64.

В связи с начавшейся реорганизацией управления вооруженными силами в 1832 г. Главный штаб е.и.в. по военному поселению и Экономический комитет были включены в состав Военного министерства и стали называться «Временным департаментом по военным поселениям»³²⁴. Возглавил Департамент дежурный генерал Главного штаба е.и.в., генерал-адъютант, генерал-лейтенант П.А. Клейнмихель. Одновременно был упразднен штаб начальника артиллерийских рот и военно-рабочих батальонов в округах 1-ой гренадерской дивизии, а округ военных работников стал подчиняться начальнику округов Новгородского удела пахотных солдат.

В 1835 г. Временный департамент по военным поселениям был преобразован в Департамент военных поселений Военного министерства, в котором сосредоточилось управление всеми вспомогательными частями общего военно-сухопутного управления, в том числе округами военных поселений и пахотных солдат, иррегулярными войсками, военно-учебными заведениями и всеми воинскими зданиями и сооружениями, находившимися вне крепостей³²⁵. Каждым из этих направлений ведало специальное отделение: хозяйственное, иррегулярных войск, военно-учебных заведений, счетное, «искусственное» и исполнительное. Первые четыре отделения составляли первую часть департамента, а последние два – вторую (строительную). В состав департамента входили также казначейство, канцелярия, архив и типография. Совет, отделения Генерального штаба и дежурство в Департамент Военных поселений не вводились. Упразднялся Экономический комитет военных поселений и его филиал в г. Старая Русса. Частями департамента руководили вице-директора: первой – действительный статский советник И.Ф. Самбурский, второй – инженер-генерал-майор Ф.И. Рерберг. Координирующим органом департамента было общее присутствие, куда вошли тайный советник А.И. Персидский, архитекторы Штауберт, В.П. Стасов и инженер-полковник кн. Вадбольский. Несколько позже в его состав были введены: директор С.-Петербургского Александровского завода обер-берг-гауптман 4-го класса М. Кларк, профессора архитектуры Тон и А.П. Брюллов, артиллерии генерал-майор

³²⁴ Там же. – Д. 5601. – Л. 54.

³²⁵ Положение о преобразовании Департамента военных поселений. – СПб., 1835 (РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 173. – Л. 87-143).

Н.А. Аммосов и некоторые другие. Директором Департамента был назначен П.А. Клейнмихель.

Последняя реорганизация Департамента военных поселений произошла на основании «Образования Департамента военных поселений», утвержденного 18 мая 1843 г.³²⁶, согласно которому на департамент были возложены дополнительные обязанности по строительству казарм и других зданий, их отоплению и освещению. В его ведение были переданы гидротехнические работы на оружейных и пороховых заводах. Почему же пришлось отказаться от столь универсальной схемы управления военными поселениями, когда руководство действующей и поселенной частями «сосредотачивалось в одном начальстве во всех постепенностях от полкового до корпусного командира»? Практика показала, что такая схема была удобной в мирное время, на деле же, «когда войска поселенные по военным обстоятельствам должны были оставить округа своих полков, предоставились неудобства в таком соединении управления частями между собою по размещению столь близкими, но по образу их устройства совершенно различными. С выступлением войск необходимо было назначать новых начальников для заведывания округами, нужно было сдавать и принимать округа, что замедляло выступление войск, а новое начальство вместе с управлением должно было знакомиться с частями, ему вверенными, по существу своему столь многосложными и особой опытности требующими»³²⁷.

Окончательное отделение поселенной части военных поселений от действующей нашло свое отражение в реорганизации как центрального, так и местного управлений. Департамент военных поселений руководил только округами пахотных солдат и поселенной кавалерии, действующей же частью кавалерийских полков руководили другие департаменты Военного министерства. Местное управление по своему характеру все более сближалось с управлением в государственной (в округах кавалерии) и удельной (в округах пахотных солдат) деревнях.

Всеми округами пахотных солдат командовал генерал на правах дивизионного начальника, а другими – особые генералы на правах бригадных командиров. Немаловажную роль играли т.н. высочайшие смотры, по итогам которых у императора, как

³²⁶ Образование Департамента военных поселений. – СПб., 1843.

³²⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 55. – Л. 5 об-6.

высшего должностного лица в государстве, складывалось впечатление о состоянии военных поселений и округов пахотных солдат, и, необходимо отметить, не всегда верное, поскольку он, как правило, наблюдал их внешнюю парадную сторону. Одним из таких смотров был грандиозный высочайший смотр резервной кавалерии 1837 г. в г. Вознесенске, в котором приняли участие три резервных и сводный кавалерийские корпуса (33 генерала, 2085 штаб- и обер-офицеров, 76405 нижних чинов при 42220 строевых лошадях)³²⁸. Подобные мероприятия, сопровождаемые, как правило, скоплением большой массы войск на ограниченном пространстве, требовали неординарных мер по их обеспечению продовольствием и фуражом, что фактически выливалось в дополнительные повинности для военных поселян.

В округах пахотных солдат комитеты полковых управлений были заменены окружными комитетами, куда входили: начальник округа, его помощник, адъютант округа и старший священник. Делопроизводство комитета находилось в ведении аудитора³²⁹. Поскольку площадь каждого округа и численность населения «не превосходили одной волости государственных крестьян, а потому окружной комитет весьма удобно исполняет все обязанности, возложенные в Государственных имуществ на волостные правления»³³⁰. Из окружного комитета исходили все хозяйственные и административные распоряжения. В волостные комитеты, которые были созданы вместо ротных, входили только голова и писарь, поэтому они не могли составлять «приговоров», поскольку писаря не обладали правом голоса. Заседания волостных комитетов не проводились. И лишь в 1846 г. начальнику округов пахотных солдат генерал-лейтенанту Ф.К. фон Фрикену было указано, что «состояние пахотных солдат есть однородное с крестьянами удельного ведомства и Министерства государственных имуществ, и что для округов пахотных солдат особых законов в хозяйственном отношении не существует, поэтому волостные комитеты должны включать и четырех «соцких», после чего они вправе принимать приговоры»³³¹.

³²⁸ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 110. – Л. 20.

³²⁹ Там же. – Оп. 2. – Д. 2480. – Л. 11.

³³⁰ Там же. – Оп. 4. – Д. 4305. – Л. 136 об.

³³¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 4305. – Л. 163 об.

В 1-4 округах пахотных солдат было по две, а в 5-14 – по четыре волости. Каждая из них делилась на четыре сотни, сотни – на десятки. Волостные управления приводили в исполнение все распоряжения окружных комитетов, поэтому роль голов и сотских в них была менее значительна, чем в государственной и удельной деревне. Их действия регламентировались «Правилами об обязанностях голов и соцких в округах пахотных солдат», которые были разработаны первым начальником Новгородского и Старорусского уделов генерал-лейтенантом Даниловым, который руководствовался при этом «Положением» о Департаменте уделов от 15 мая 1808 г.³³² Хотя должности голов и сотских были выборными, тем не менее процедура избрания протекала таким образом, что руководство всегда имело возможность провести в волостные комитеты угодных ему лиц, поскольку на каждую должность избиралось по шесть претендентов.

Волостной голова, получавший жалование в размере 250 руб. в год и освобождавшийся от уплаты оброка³³³, был начальником волости, осуществлял полицейские функции, а также контролировал все стороны как хозяйственной, так и частной жизни пахотных солдат. Он обязан был доставлять в окружной комитет еженедельные доклады о прибыли и убыли людей, скота и т.п. Символом власти головы была волостная печать. Одной из главных его обязанностей был сбор денежного оброка и хлеба для запасных магазинов. Телесные наказания пахотных солдат оставались в ведении окружных комитетов.

В связи с реорганизацией центрального управления, значительным изменениям подверглось управление резервной поселенной кавалерией. В 1832 г. была введена должность инспектора всей поселенной кавалерии, на которую был назначен командир 3-го резервного поселенного кавалерийского корпуса генерал от кавалерии граф И.О. Витт. На его место командиром корпуса был назначен генерал-лейтенант князь С.А. Хилков, одновременно начальник 3-ей кирасирской дивизии генерал-лейтенант П.И. Каблуков стал командиром Сводного кавалерийского корпуса.

³³² Горланов Л.Р. Удельные крестьяне России. – Смоленск, 1986. – С. 15.

³³³ Жалованье головам и сотским выплачивалось из сумм заемного денежного капитала, который пополнялся уравнительным сбором с военных поселян и пахотных солдат (РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 4305. – Л. 76 об.)

Инспектору поселенной кавалерии подчинялись войска 1-го, 2-го резервных и Сводного кавалерийских корпусов (нумерация корпусов и дивизий изменилась: 2-й резервный поселенный кавалерийский корпус стал 1-м; 3-й – 2-м; соответственно 2-я уланская и 2-я кирасирская дивизии стали 1-ми, а 3-я уланская и 3-я кирасирская стали 2-ми), а также все округа военных поселений кавалерии. Под его командованием находились также ряд резервных пехотных дивизий, резервных артиллерийских рот и военно-рабочих батальонов. Для оперативного управления всеми этими войсками был образован штаб инспектора поселенной кавалерии, а самому ему была «предоставлена власть командира Отдельного корпуса в мирное время»³³⁴. В 1836 г., после окончательного отделения действующей части от поселенной, округа 1-й кирасирской дивизии стали называться первыми четырьмя, а округа 1-й уланской дивизии – последними четырьмя округами Украинских военных поселений. Аналогичные изменения названий произошли и в Херсонских поселениях: округа 2-й кирасирской дивизии были переименованы в первые четыре, 2-й уланской – вторые четыре, 4-й уланской дивизии – последние четыре округа Новороссийских военных поселений. Каждыми четырьмя округами руководил генерал на правах дивизионного начальника, отдельными округами командовали штаб-офицеры на правах полковых командиров.

Кавалерийские округа, как и округа пахотных солдат, были разделены на волости и управлялись аналогично государственной деревне. Штабы округов дислоцировались в Чугуеве (округа Украинского военного поселения), Елисаветграде (первые восемь округов Новороссийских военных поселений), Вознесенске (последние четыре округа Новороссийских военных поселений) и Умани (округа военных поселений в Киевской и Подольской губ.). До создания округов в последних двух губерниях, когда они назывались имениями военного ведомства, ими управляла Главная хозяйственная контора, которая через окружные конторы ведала сельскими приказами. По замыслу военного руководства, такой переходной период был необходим

³³⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 8247. – Л. 133-135. Инструкция Инспектору всей Поселенной кавалерии от 26 октября 1833 г.

для того, чтобы при помощи административных мер хотя бы несколько снизить огромную задолженность, лежавшую на имениях, отошедших в военное ведомство.

* * *

Таким образом, анализ управленческой структуры военных поселений свидетельствует о том, что она, как и сама система военных поселений, не была статичной. Она изменялась в зависимости от того, какие задачи ставились перед этим государственным институтом на том или ином этапе их истории. Система управления снизу доверху была построена таким образом, чтобы пронизывать все сферы жизни и деятельности военных поселян, поскольку основывалась на господствовавшей в то время теории, что правильно построенное и всеобъемлющее управление способствует развитию всех сторон общества.

Однако, на наш взгляд, из этого совершенно не следует, что в военных поселениях существовала особая «палочная дисциплина», а военные поселяне ходили за плугом строевым шагом.

Подобная гипертрофизация, в силу известных причин, импонировала советской историографии, подходившей к оценке исторических событий и

явлений преимущественно с «классовых позиций». Да, в поселениях царила жесткая дисциплина (как в любой армии того времени), но это отнюдь не сродни жестокости. Да, существовала более разветвленная, чем в государственной и удельной деревне, система административного надзора, но это было обусловлено, прежде всего, конкретно-историческими реалиями: подавляющая часть простого населения была неграмотна, не обладала минимум знаний для овладения передовыми приемами ведения хозяйства, придерживаясь традиционных методов, была консервативной в санитарно-бытовых вопросах. В предписаниях Департамента военных поселений начальникам округов неоднократно указывалось, что «такое исполнение законов при воинском надзоре приносит желаемые плоды, но они должны быть вводимы постепенно и с благоразумною осторожностью; произвольные же действия окружного начальства всегда сбивчивы,

неверны, непостоянны, особенно при неопытности в делах столь многосложных как дела сельского хозяйства»³³⁵.

Следует также подчеркнуть, что административно-управленческая структура военных поселений, при всей ее кажущейся тяжеловесности, отличалась оперативностью в решении хозяйственно-бытовых вопросов, удачным сочетанием единоначалия и коллегиальности. По мере упрощения структуры военных поселений упрощалась и структура их управления. Многие генералы и штаб-офицеры, служившие в военных поселениях (командовавшие подразделениями, перешедшими на самообеспечение продовольствием, получали полуторное жалование), имели опыт участия в военных кампаниях, были достаточно образованы и их сменяемость на уровне выше батальонного или эскадронного командира была небольшой. Большинство из них дорожило занимаемыми должностями и просьбы об отставке были довольно редким явлением.

Значительным недостатком многих офицеров было отсутствие у них навыков по руководству сельскохозяйственным производством, поскольку многие из них не владели имениями и никогда не были связаны со спецификой земледельческих работ. Частично это компенсировалось инструкциями и распоряжениями, которые доводились до них сверху.

Система управления военными поселениями достаточно четко коррелировалась с преобладавшей в то время установкой: чем больше военного начала в управлении страной, тем благодетельнее это для народа; военизированный же режим, в свою очередь, оказывает положительное воздействие на работу управленческого аппарата. В военных поселениях эта точка зрения вылилась в гипертрофированные формы. Как это сказалось на экономике военных поселений, социальном статусе и уровне жизни военных поселян, мы рассмотрим в последующих главах.

Однако, прежде чем приступить к освещению социально-экономической истории военных поселений, представляется необходимым остановиться на роли А.А. Аракчеева в их создании и управлении.

³³⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 4305. – Л. 194 об.

§2. А. Аракчеев и военные поселения

История военных поселений неразрывно связана с именем их создателя и руководителя графа А.А. Аракчеева. Его жизни и деятельности посвящена достаточно обширная литература как исследовательского, так и публицистического характера³³⁶. Большинство работ, на наш взгляд, грешат определенной тенденциозностью и характеризуются значительной полярностью концепций. В советской историографии А.А. Аракчеев был синонимом реакционного государственного деятеля и весьма недалеким человеком.

Уже одно то, что под его руководством был создан такой грандиозный государственный институт как военные поселения, заставляет усомниться в этом. Поэтому, как нам представляется, прежде, чем перейти непосредственно к освещению вопроса «А.А. Аракчеев и военные поселения», представляется необходимым дать хотя бы краткий очерк его жизни и деятельности, проследить процесс становления его как государственного деятеля в контексте, прежде всего, его взаимоотношений с российскими императорами. На наш взгляд, именно историческая связка – Александр I и А.А. Аракчеев – сыграла наиболее существенную роль в возникновении военных поселений и их функционировании на первых двух этапах их истории. Думается, что тогда мы сможем ответить на вопрос А.С. Пушкина: «Кто же он «преданный без лести»?³³⁷ Только ли «фрунтовый солдат», как считает поэт, или, все-таки, масштабная и довольно одаренная историческая личность?

³³⁶ См.: Богословский Н.Г. Аракчеевщина. – СПб., 1882; Граф Аракчеев и военные поселения 1809-1831. – СПб., 1871; Воспоминания Н.И. Шенига об Аракчееве // Русский архив. – 1880. – №2. – С. 321-325; Мордвинов И.П. Граф Алексей Андреевич Аракчеев. Библиографический указатель литературы о нем. – Новгород, 1893; Врангель Н., Маковский С., Трубников А. Аракчеев и искусство // Старые годы. – 1908. – №7. – С. 439-471; Кизеветтер А.А. Император Александр I и Аракчеев // Исторические очерки. – М., 1912; Он же. Аракчеев // Русская мысль. – 1910. – №11. – С. 42-72; №12. – С. 1-31; Якушкин В.Е. Сперанский и Аракчеев. – М., 1916.

³³⁷ Девиз герба графа А.А.Аракчеева.

Один из образованнейших людей своего времени – князь П.А. Вяземский – оставил весьма оригинальное и довольно точное суждение о необходимости непредвзятого взгляда на эту проблему: «Это лицо, – писал он, – как и многие другие лица современной истории, ожидает еще верного, строго, но и беспристрастного суда истории потомственной, которая часто проверяет и очищает приговоры и суждения истории современной: ибо в этой последней нередко имеют слишком большое значение сплетни, предубеждения, личности и страсть текущего дня. Разумеется, из этих слов не должно выводить какого-либо притязания на апологию Аракчеева. Мы говорим только о необходимости скептического воздержания в отношении к резким, исключительным и, по большей части, опрометчивым оценкам так называемого общественного мнения»³³⁸.

Алексей Андреевич Аракчеев родился 23 сентября 1769 г. в мелкопоместной семье отставного гвардейского поручика в д. Гарусово Бежецкого уезда Тверской губ. Долгое время в историографии существовала путаница относительно состава семьи Аракчеевых, возраста его родителей, братьев и сестер³³⁹. Обнаруженные нами архивные документы позволяют существенно откорректировать этот вопрос³⁴⁰. Мать, Елизавета Андреевна Витлицкая (1750-1820 гг.), которую он нежно любил и чутко к ней относился, приучила его с детства к практичности, аккуратности и бережливости. Отец, Андрей Андреевич (?-1796 г.), большого влияния на сына не оказывал. Алексей рос в обстановке набожности, постоянного физического труда и требовательности к себе, отличался замкнутостью и серьезностью уже в детские годы.

Грамматике и началам арифметики его обучил сельский дьячок, который вскоре, особенно в арифметике, стал отставать от своего ученика: мальчик мог в уме умножать довольно большие числа. Отец готовил его в подьячие, но, когда десятилетний Алексей увидел сыновей соседнего помещика Г.И. Корсакова в мундирах артиллерийского и инженерного шляхетского корпуса, он твердо решил посвятить себя военной службе и поступить именно в этот корпус. В январе 1783 г. отец отвез его в С.-

³³⁸ Исторический вестник. – 1868. – №2. – С. 283.

³³⁹ Ратч В.Ф. Сведения о графе А.А.Аракчееве // Военный сборник. – 1863. – №5, №12; 1864. – №1.

³⁴⁰ Ячменихин К.М. Семья Аракчеевых // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 8. – История. – 2002. – №4. – С. 83-88.

Петербург, но, по данным В.Ф. Ратча, сразу оформить необходимые для зачисления документы не удалось, поскольку новый директор корпуса, генерал-лейтенант П.И. Мелиссино, ожидал утверждения в должности и не принимал прошений³⁴¹. Эта точка зрения прочно утвердилась в историографии. Но вот в письме П.И. Мелиссино Аракчееву от 4 апреля 1787 мы находим следующие строки: «... Я уговорил вас поступать в корпус: вы знаете, сколь благоденствие ваше и будущее счастье близки моему сердцу, вам известна моя к вам дружба и отеческое попечение»³⁴², которые заставляют усомниться в бытующей на сей счет версии. Требуются дополнительные изыскания, чтобы пролить свет на данный факт биографии нашего героя. По данным формулярного списка, А.А. Аракчеев был зачислен в корпус 10 октября 1783 г.³⁴³

В корпусе А.А. Аракчеев особенно отличался в изучении военно-математических наук, не имея больших склонностей к гуманитарному циклу. Несмотря на слабое домашнее образование, он, благодаря своему упорству, уже через семь месяцев смог перейти в «верхний» класс. В.Ф. Ратч, собиравший материалы об А.А. Аракчееве, утверждает, что он свободно читал по-французски, говорил на нем, но произношение его было весьма «шершавым». По-немецки говорил довольно бегло, поскольку во время службы в гатчинских войсках ему часто приходилось общаться с офицерами немецкого происхождения.

В сентябре 1787 г. в чине армейского поручика (далеко не все выпускники кадетского корпуса сразу получали соответствовавший ему чин подпоручика артиллерии) он по окончании курса наук был оставлен в корпусе преподавателем математики и артиллерийского дела³⁴⁴. Кроме того, в его ведении находилась корпусная библиотека. Во время русско-шведской войны 1788-1790 гг. ему было поручено обучение рекрутов артиллерийскому делу, что в условиях сплошной их неграмотности было весьма сложной задачей. А.А. Аракчеев успешно справился с

³⁴¹ Ратч В.Ф. Сведения о графе А.А. Аракчееве // Военный сборник. – 1863. – №12. – С. 38-39.

³⁴² Русская старина. – 1873. – Т. 8. – С. 975.

³⁴³ РГВИА. – Ф. 489. – Оп. 1. – Д. 7062. – Л. 158.

³⁴⁴ Там же.

ней, прибегнув к составлению специального учебного пособия – «Краткой артиллерийской записки в вопросах и ответах»³⁴⁵.

В 1789 г., по протекции П.И. Мелиссино, А.А. Аракчеев попал в дом графа Н.И. Салтыкова в качестве учителя математики сыновей знатного вельможи. Это помогло бедному подпоручику артиллерии несколько поправить свое материальное положение. Через два года, теперь уже не без протекции Н.И. Салтыкова, он был назначен старшим адъютантом к П.И. Мелиссино, одновременно А.А. Аракчеев продолжал преподавать в корпусе и заведовать его библиотекой.

Осенью 1792 г. великий князь Павел Петрович обратился к П.И. Мелиссино с просьбой направить в гатчинские войска толкового артиллериста-практика. Тот назвал А.А. Аракчеева. Великий князь согласился, поскольку незадолго до этого присутствовал при стрельбе А.А. Аракчеева из мортиры и убедился в его теоретических и практических познаниях.

Это назначение сыграло большую роль в его судьбе. Командуя артиллерией гатчинских войск, он вошел в круг лиц, близких к

«малому двору» наследника. При этом А.А. Аракчеев прекрасно понимал, что придворная карьера ему не по плечу и его положение в обществе будет зависеть, в основном, от собственных деловых качеств и способностей, от умения точно исполнять желания наследника в отношении гатчинских войск. И надо отдать ему должное – он быстро усвоил свою задачу и принялся за ее исполнение с большим усердием. В светских беседах он старался не принимать участия, проявляя интерес только к обсуждению служебных вопросов. Не имея связей и ощутимой поддержки, он, тем не менее, держался независимо и не втягивался в дворцовые интриги. Все его помыслы были устремлены к одному – угодить наследнику.

Честолюбивое стремление выйти на первые роли, сознание своего превосходства в профессиональном плане заговорили в нем в тот момент, когда он соприкоснулся с высшими кругами общества. Еще недавно простой артиллерийский офицер, сын бедного бежецкого дворянина, он ухватился за открывшуюся возможность и не щадил для этого сил. Привычка к точной и безукоризненной самоотверженной исполнительности

³⁴⁵ См.: Опыт для библиотеки для военных людей. – СПб., 1826. Эта записка ошибочно приписывалась П.И. Мелиссино.

была заложена в нем с детства и развита в кадетском корпусе, и это способствовало его быстрому продвижению по служебной лестнице.

Впоследствии, будучи инспектором артиллерии, а затем и военным министром, А.А. Аракчеев провел ряд значительных реформ в армии, в том числе и в артиллерии, многие идеи которых были заимствованы из практики гатчинских войск, причем принадлежали они, по большей части, не самому А.А. Аракчееву, а великому князю Павлу Петровичу. Дело в том, что еще до прихода А.А. Аракчеева, с 1786 г. гатчинская артиллерия была сформирована и обучалась по новым правилам³⁴⁶. Именно они легли в основу инструкции для артиллерии, написанной А.А. Аракчеевым в декабре 1795 г., и действовавшей вплоть до середины XIX в.

Из гатчинских войск вышли хорошо подготовленные офицеры-артиллеристы, в обучении которых принимал участие и А.А. Аракчеев. Здесь же он познакомился с великим князем Александром Павловичем, командовавшим одним из гатчинских батальонов. Как только Павел стал императором, на А.А. Аракчеева посыпались особые милости: 8 ноября 1796 г. он был произведен в генерал-майоры, 9 ноября назначен командиром сводного гренадерского батальона лейб-гвардии Преображенского полка, 13 ноября пожалован аннинским кавалером и 12 декабря получил богатую Грузинскую вотчину в Новгородской губ. (более 2 тыс. душ крепостных). В день коронации Павла I, 5 апреля 1797 г., состоялось пожалование А.А. Аракчеева александровским кавалером и баронским титулом.

Достигнув достаточно высокого положения, он продолжал рассчитывать только на себя, не сближаясь ни с кем из высших сановников и пользуясь только покровительством императора, который высоко ценил его железную волю и крутой нрав, в чем они были очень похожими. Можно предположить, что эти черты характера А.А. Аракчеева формировались под непосредственным влиянием Павла I. Насколько император доверял ему, видно из того, что А.А. Аракчееву были одновременно поручены три солидных должности: коменданта С.-Петербурга, командира лейб-гвардии Преображенского полка и генерал-квартирмейстера всей армии (19 апреля 1797 г.).

³⁴⁶ Потоцкий П. История гвардейской артиллерии. – СПб., 1896. – С. 17.

Стиль деятельности А.А. Аракчеева хорошо вписывался в систему, которая насаждалась и поощрялась Павлом I: жесткая требовательность, холодность в обращении с сослуживцами, личное самоограничение и рвение по службе, требование крайних форм воинской дисциплины и внушение трепета. Вся его последующая деятельность проходила под знаком тех навыков, которые он усвоил, находясь в гатчинских войсках.

Суровость армейских порядков в павловскую эпоху отчасти коренилась в предшествующем царствовании. К концу правления Екатерины II содержание, обучение и даже обмундирование личного состава стали во многом зависеть от полковых командиров. Тысячи рекрутов, особенно те, кто владел ремеслами, попадали не в полки, а в поместья своих командиров. Плохо был налажен учет строевого состава. Все это отразилось на боеспособности армии. Однако, правительство Павла I не нашло иного способа поднять престиж русского оружия, чем насаждение крайних форм палочной дисциплины и «военно-балетного» искусства в прусских традициях. Естественно, что все это вызывало негативную реакцию в военных кругах, особенно в гвардии, где соблюдение воинской дисциплины было больше исключением, чем правилом.

Выискивая даже мелочные упущения по службе, А.А. Аракчеев немедленно докладывал об этом императору, зная при этом, что его гнев мог сломать карьеру и жизнь любого офицера. Не избежал царского гнева и он сам, дважды побывав в отставке (в марте 1798 г. и в октябре 1799 г.). Последняя продолжалась до мая 1803 г. Между отставками, в мае 1798 г. он был пожалован графским титулом, а в его герб император сам вписал девиз: «Без лести предан».

Служба Павлу I положила начало карьере А.А. Аракчеева. Однако, трудно согласиться с утверждением, что в этот период он оказывал сколько-нибудь значительное влияние на принятие важных государственных решений или хотя бы на процесс насаждения в армии прусских порядков. Тем более, неправомерно называть его временщиком при Павле I: для этого он занимал довольно скромные должности. Это было время, когда закладывался фундамент последующей головокружительной карьеры, которая продолжалась без малого 25 лет. И еще одна немаловажная деталь: отсутствуют какие-либо надежные свидетельства садистской жестокости А.А. Аракчеева по отношению к подчи-

ненным. Да, были жесткость, педантичная требовательность. Однако, версия о выдергивании усов у солдат во время разводов и избииении тростью переключевала в историографию из небесспорных сообщений мемуаристов.

Преданность А.А. Аракчеева Павлу I и его идеям не вызывает сомнений. Но что же сблизило его с Александром I, который в значительной степени отличался и от своего отца, и от А.А. Аракчеева как воспитанием, так и образом мыслей и приемами государственной деятельности? Был ли А.А. Аракчеев искренен? В чем был смысл этого союза? Ответы на эти вопросы кроются во многих конкретных обстоятельствах: Александра I и А.А. Аракчеева очень сблизжала, например, страстная привязанность к армии, с ее строгими порядками, экзерцициями и вахтпарадами. А.А. Аракчеев мог точно улавливать настроения и желания своих покровителей, никогда не высказывал ни слова против, если это касалось серьезных вещей, умело сдерживал свои чувства. Кроме того, Александр I, будучи еще наследником, получил от него существенную помощь: А.А. Аракчеев играл роль буфера между отцом и сыном, которого Екатерина II прочила в наследники в обход Павла Петровича, и это, естественно, не могло не наложить отпечаток на их взаимоотношения. Но когда Павел I предложил А.А. Аракчееву следить за Александром, как за «бабушкиным баловнем», то встретил категорический отказ.

В мае 1803 г. возвращенный на службу А.А. Аракчеев был назначен инспектором всей артиллерии, т.е., не выходя сразу на государственную авансцену, занятую участниками «негласного комитета», ведал только специфическими вопросами управления этого рода войск. В кампанию 1805 г. А.А. Аракчеев находился в свите императора, но когда в разгар боя при Аустерлице Александр I предложил ему командование одной из колонн, он, сославшись на расстроенные нервы, решительно отказался и после этого ни разу не принимал непосредственного участия в боевых действиях. Большинство современников и историков полагали, что боевого генерала из него не вышло из-за патологической трусости. Сам он успокаивал себя тем, что полагал своим уделом не командование войсками на поле боя, а военно-административную деятельность. И позже, в 1812 г., даже в составе императорской квартиры он не рисковал появляться на полях сражений. Вероятно, поэтому он и не принял чин фельдмаршала, который был присвоен ему наряду с Барклаем де Тол-

ли в марте 1814 г.³⁴⁷ Это значило бы бросить вызов обществу. Печатные экземпляры указа А.А. Аракчеев приказал немедленно уничтожить, сохранив единственный в своем личном архиве.

Случай во время боя при Аустерлице не помешал дальнейшей дружбе и сотрудничеству между А.А. Аракчеевым и Александром I, которого трудно упрекнуть в трусости. В июне 1807 г. последовал указ о присвоении А.А. Аракчееву чина генерала от артиллерии с назначением состоять при императоре «по артиллерийской части»³⁴⁸ и с правом издавать от его имени указы, касающиеся артиллерии. После этого и начались радикальные преобразования в этом роде войск, которые сыграли немаловажную роль в успешном исходе Отечественной войны и заграничных походов.

После заключения Тильзитского договора Александр I пытался путем замены отдельных должностных лиц сгладить впечатление от очевидных неудач во внешней политике. В январе 1808 г. А.А. Аракчеев сменил С.К. Вязмитинова на посту военного министра с одновременным исполнением должности генерал-инспектора всей пехоты и артиллерии. Он согласился занять эти должности при условии значительного расширения полномочий военного министра, вплоть до подчинения ему главнокомандующих армиями. Настаивая на единоличных докладах императору по военному ведомству, А.А. Аракчеев пытался не допустить таким образом какого-либо соперничества своему влиянию на Александра I.

Естественно, что столь неожиданный для многих взлет А.А. Аракчеева вызвал бурю неудовольствия со стороны сановников-аристократов, оттесненных им на второй план. Таким образом, Александр I является в своих отношениях к А.А. Аракчееву не жертвой безотчетного увлечения его личностью, как полагают некоторые авторы, а, наоборот, господином, сознательно употреблявшим его в качестве орудия для исполнения своих планов. Когда Александр I был наследником, А.А. Аракчеев был ему нужен, чтобы заслониться от гнева отца, а когда сам начал царствовать, то приближал к себе А.А. Аракчеева всякий раз, когда считал необходимым засло-

³⁴⁷ Столетие Военного министерства 1802-1902. – Т. 3. – Ч. I. – СПб., 1909. – С. 18-35.

³⁴⁸ Якушкин В. Сперанский и Аракчеев. – М., 1916. – С. 40.

ниться им от негативного общественного мнения³⁴⁹. Возвышение А.А. Аракчеева – жесткого, точного и волевого исполнителя – было ответом, на недовольство общества условиями Тильзитского мира, континентальной блокады, унижавшими чувство национального достоинства.

1806-1810 гг. – период первого возвышения А.А. Аракчеева. Оно происходило одновременно с возвышением М.М. Сперанского. За два года (до января 1810 г.) военный министр сумел провести ряд значительных преобразований, особенно в вопросах комплектования и обучения личного состава армии. По его проектам были учреждены рекрутские депо для начальной подготовки рекрутов перед отправкой их в линейные войска и учебные карабинерские полки, где осуществлялась подготовка унтер-офицерского состава и музыкантов. В армии окончательно была введена дивизионная организация. Военная коллегия получила право самостоятельного решения отдельных вопросов, была введена должность дежурного генерала, в значительной степени освободившая военного министра от необходимости вникать во всевозможные незначительные проблемы.

Особенно много было сделано в артиллерии. По новому штатному расписанию артиллерия поучила более совершенную структуру и повышена ее мобильность; вводились экзамены для фейерверкеров, юнкеров и обер-офицеров (до поручика включительно) при занятии ими тех или иных должностей, совершенствовалась система учебных занятий и боевых стрельб³⁵⁰. Артиллерийские подразделения были выделены в самостоятельный род войск и сведены в роты и бригады. Положительным изменениям подверглась их материальная часть. В бытность военным министром А.А. Аракчеев написал несколько статей по вопросам изготовления пороха и выполнения боевых стрельб; при его непосредственном участии был создан Военно-ученый комитет и начато издание «Артиллерийского журнала».

Император поручил ему прием на службу и увольнение по своему усмотрению чиновников Комиссариатского и Провиантского департаментом до шестого класса включительно. В знак особого отличия, 30 августа 1808 г. Александр I повелел пере-

³⁴⁹ Кизеветтер А.А. Император Александр I и Аракчеев // Исторические очерки. – М., 1912. – С. 68.

³⁵⁰ РО РГБ. – Ф. 471. – Карт. 1. – Д. 1. – Л. 89 об.-93; Д. 6. – Л. 3.

именовать Ростовский мушкетерский полк в полк графа Аракчеева (с 27 января 1811 г. по 28 апреля 1834 г. – гренадерский графа Аракчеева полк).

В историографии мало известен факт участия А.А. Аракчеева в русско-шведской войне 1808-1809 гг. В феврале 1809 г. он выехал в Финляндию для того, чтобы ускорить выполнение войсками приказа императора о переходе Ботнического залива и переносе военных действий на территорию Швеции. Общее руководство войсками на театре военных действий осуществлял Б.Ф. Кнорринг, главная квартира которого находилась в Або. Под его началом находились корпуса М.Б. Барклая де Толли, П.А. Шувалова и П.И. Багратиона. Главнокомандующий, ссылаясь на слабую материально-техническую обеспеченность армии, был противником зимнего перехода через залив.

В трудных условиях зимнего времени А.А. Аракчееву удалось в короткие сроки пополнить запасы продовольствия, снаряжения, боеприпасов и вооружения, однако, и после этого его поддержал лишь П.И. Багратион. Только настойчивость военного министра заставили Б.Ф. Кнорринга и М.Б. Барклая де Толли предпринять этот труднейший переход и тем самым решить исход всей кампании и судьбу Финляндии. Император хотел пожаловать ему орден Андрея Первозванного, но тот решительно отказался, поскольку непосредственного участия в боевых действиях не принимал. Александр I нашел другой способ отметить его заслуги: «В воздаяние ревностной и усердной службы военного министра графа Аракчеева, – говорилось в указе от 7 ноября 1809 г., – войскам отдавать следующие ему почести и в местах пребывания Его Императорского Величества»³⁵¹.

Заканчивался первый взлет карьеры А.А. Аракчеева, совпавший с периодом Тильзитского мира. Второй раз его звезда достигнет зенита в эпоху Священного союза. В промежутке А.А. Аракчеев как бы уходит на второй план, хотя и не уходит с политической авансцены. Причина, на наш взгляд, заключается в том, что к 1810 г. он, в целом, выполнил возложенную на него миссию: навел в армии более или менее надлежащий порядок. В период военных действий 1812-1815 гг. он не мог ярко проявить

³⁵¹ Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники в 1812-1815 гг. – СПб., 1849. – Т. 6.

себя, поскольку война требовала не только качеств военного администратора. Александр I был тогда популярен в армии и в народе и не очень нуждался в каком-либо прикрытии.

В чем же причина некоторого охлаждения императора к А.А. Аракчееву? Предприняв попытку некоторых реформ по проектам М.М. Сперанского, Александр I одновременно проводит

с помощью А.А. Аракчеева политику «подтягивания общества». Предполагалось, по-видимому, что оба государственных деятеля смогут успешно выполнять эти задачи, находясь рядом на политической авансцене, но не мешая друг другу. Однако, тщеславие А.А. Аракчеева не позволило ему смириться с тем, что реформы готовились от него втайне и он вынужден делить покровительство императора с М.М. Сперанским. Но в 1810 г. «единовластие» А.А. Аракчеева не устраивало императора. Можно предположить, что определенную роль сыграло усиление при дворе партии графа Н.И. Салтыкова и князя А.Н. Голицына, особенно не любивших военного министра³⁵².

А.А. Аракчеев уехал в Грузино, послав императору весьма резкую просьбу об отставке. Ссылаясь на недостаток образования [?], он называл себя «ремесленником» в военном деле, но главный акцент делал на том, что «при вновь заводимых учреждениях потребуются более... просвещенные министры»³⁵³. Александр I сумел сгладить конфликт, сыграв на слабости А.А. Аракчеева: он написал ему, что его обидчивость идет-де вразрез с постоянными уверениями в безграничной и беззаветной преданности императору, и он, якобы, «предпочтет пользе империи свое мнимо затронутое честолюбие»³⁵⁴. А.А. Аракчееву был представлен выбор: остаться на посту военного министра или возглавить департамент военных дел в создаваемом Государственно совете. А.А. Аракчеев предпочел последнее. Примирение завершилось посещением императором Грузинской вотчины летом 1810 г.³⁵⁵ Ее устройство, хозяйственное состояние настолько поразили императора, что многие из начинаний А.А. Аракчеева затем были применены при устройстве военных

³⁵² Русская старина. – 1874. – №5. – С. 191.

³⁵³ Шильдер Н.К. Указ. соч. – Т. 2. – С. 261-264.

³⁵⁴ Кизеветтер А.А. Император Александр I и Аракчеев // Исторические очерки. – М., 1912. – С. 25.

³⁵⁵ Александр I посетил Грузино 12 раз. После создания военных поселений в Новгородской губ. бывал там ежегодно.

поселений. Можно утверждать, что именно после этой поездки и решился вопрос о создании первых поселений в Белоруссии.

Падение М.М. Сперанского не повлияло на положение А.А. Аракчеева при дворе. Прямых свидетельств его участия в коалиции против М.М. Сперанского нет, но, возможно, Александр I советовался с ним, прежде чем отправить М.М. Сперанского в ссылку. Как главе военного департамента ему формально был подчинен и военный министр М.Б. Барклай де Толли, которому он активно помогал в подготовке к предстоящей войне с наполеоновской Францией³⁵⁶. В мае 1812 г. А.А. Аракчеев сопровождает императора в его поездке в Вильно, а после начала военных действий в укрепленный лагерь при Дриссе. Вместе с А.Д. Балашовым и А.С. Шишковым он убедил Александра I оставить армию³⁵⁷ и через Смоленск сопроводил его в Петербург. В период кампании 1813-1814 гг. он фактически возглавлял императорскую квартиру, занимаясь вопросами комплектования и снабжения армии.

В период военных действий влияние А.А. Аракчеева постепенно набирает силу, однако, это не было связано с каким-либо его участием в многочисленных придворных группировках. По свидетельству А.И. Михайловского-Данилевского, в момент, когда Москва находилась в руках неприятеля, Александр I никого к себе не допускал и А.А. Аракчеев был единственным докладчиком по всем текущим вопросам.

Вопреки мнению многих авторов, и в период Священного союза он оставался преимущественно блестящим исполнителем воли императора: будь то проект освобождения крестьян или создание военных поселений, но на этот раз ему удалось практически полностью устранить влияние на Александра I со стороны других сановников. О «всевластии» А.А. Аракчеева в последние десять лет царствования Александра I можно говорить лишь условно. Главное его преимущество заключалось в обладании высшими бюрократическими рычагами власти, однако «генерировать идеи» он не мог, хотя и был далеко неглупым человеком.

³⁵⁶ Федоров В.А. М.М.Сперанский и А.А.Аракчеев. – М., 1997. – С. 105.

³⁵⁷ Ячменихин К.М. «В исполнение сего высочайшего нам поручения...». Записка А.А.Аракчеева, А.Д.Балашова и А.С.Шишкова Александру I // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. Сборник материалов. – М., 2003. – №2. – С. 189-194.

Разлад Александра I с общественным мнением, особенно с армией, после окончания военных действий, вызванный нежеланием императора провести либеральные реформы, до известной степени возродил некоторые черты политики периода Тильзитского мира. Но в данный момент не было М.М. Сперанского, и ставка была сделана только на «твердую руку» А.А. Аракчеева. Вновь прикрываясь им как щитом, Александр I попытался оградить себя от общественной критики и направить ее на непосредственного исполнителя его решений, и это ему в определенной степени удалось. «Аракчеевщиной» историки, писатели, публицисты склонны, как правило, называть послевоенный внутривластный курс самодержавия, связывая основные его составляющие только с именем А.А. Аракчеева, не вдаваясь в детальный анализ: кто же, все-таки, направлял его руку.

Одним из таких классических примеров является зарождение и реализации идеи военных поселений. В историографии давно уже бытовала версия о том, что А.А. Аракчеев якобы не поддерживал ее, но указания на какие-либо источники отсутствовали. Среди бумаг А.А. Аракчеева, хранящихся в фондах РГВИА, нам удалось обнаружить его записку на имя императора, датированную 1815 г., где он высказывался против введения военных поселений³⁵⁸. Однако после принятия окончательного решения, Александр I поручил именно ему реализацию этой идеи, поскольку ценил его талант в области решений масштабных проектов. А.А. Аракчеев не обманул ожиданий императора, вложив в реализацию этой весьма фантастической идеи всю свою волю, энергию и опыт, и принимая на себя все негодование общественного мнения.

Будучи сам человеком пунктуальным, А.А. Аракчеев требовал от своих подчиненных, в первую очередь, соблюдения исполнительской дисциплины и постоянного контроля за выполнением тех или иных распоряжений. Его стиль руководства хорошо иллюстрируется следующими строками приказа: «Многие случаи и даже беспорядки дали мне заметить, что отрядный командир генерал-майор Яфимович (Могилевская губ. – К.Я.) все распоряжения свои по отряду, ему вверенному, большей частью

³⁵⁸ Ячменихин К.М. «Во внимании к пользам государственным...». Записка графа Аракчеева Александру I о реформе армии. 1815 г. // Исторический архив. – 2000. – №6. – С. 6.

ограничивает только объявлением их в приказах, или особых своих предписаниях, не заботясь впрочем за точным оных исполнением. Вредное сие для службы правило обязывает меня поставить ему на вид, что гораздо полезнее не делать никаких распоряжений, чем предписывать сие и, не наблюдая за приведением их в действие, приучить подчиненных к невыполнению предписаний начальства. Начальник, сделавший предписание, обязан непременно наблюдати за исполнением его и строго взыскивать с того подчиненного, который не только замечится в неисполнении, но даже и в медлительности по оному»³⁵⁹.

В своей практической деятельности А.А. Аракчеев всегда придерживался установки на то, что в государстве каждый должен заниматься только возложенным на него делом: крестьянин обязан выращивать хлеб, купец – торговать, чиновник – управлять. Поэтому он считал, что занятие поселян-хозяев торговлей только отвлекает их от основных обязанностей и не приносит существенной пользы поселениям. Необходимо отметить, что граф очень ревностно относился к их развитию, рассматривая поселения (и весьма справедливо) как любимое детище императора, отдавая зачастую предпочтение форме. Примечательно, что в их переписке последних семи лет царствования нет, практически, ни одного письма, где бы не упоминались военные поселения³⁶⁰.

А.А. Аракчеев без устали инспектировал округа поселений, а из Новгородских, расположенных вблизи его имения, зачастую не выезжал целыми неделями. Так, например, в октябре 1818 г. он докладывал императору, что в течение месяца объехал «все округа военных поселений 1-й гренадерской дивизии и обозрел лично все 122 деревни, оные составляющие, на протяжении более пятидесяти верст»³⁶¹. Сам Александр I, бывая с 1818 г. ежегодно в Грузино, неоднократно посещал округа этой дивизии, особенно округ гренадерского графа Аракчеева полка, который считался показательным в округах пехоты.

В руководящие органы поселений А.А. Аракчеев старался привлекать как можно больше талантливых людей: архитекто-

³⁵⁹ ЦГИАК Украины. – Ф. 1353. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 8.

³⁶⁰ Кизеветтер А.А. Император Александр I и Аракчеев // Исторические очерки. – М., 1912. – С. 25.

³⁶¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 33. – Л. 1.

ров, художников, скульпторов, механиков и др. В разные годы в них входили: М.М. Сперанский, Г.С. Батеньков, В.П. Стасов, М.Е. Кларк, Л.Л. Карбоньер, Л. Руско и другие. Будучи честным человеком и никогда не путая личный карман с государственным, он очень жестко относился ко всяким злоупотреблениям по службе и настаивал на суровом наказании виновных генералов, офицеров и чиновников. Так, например, рассматривая дело о всевозможных злоупотреблениях в округах Полоцкого и Елецкого пехотных полков в 1822 г., он приказал снять с занимаемой должности своего любимца бригадного командира полковника Ф.Л. Насекина. Подобные случаи его борьбы с коррупцией в армии неоднократно отмечались в историографии³⁶².

Будучи неоспоримым лидером в деле развития военных поселений, он, тем не менее, никогда не приписывал себя чужих заслуг. Докладывая, например, императору в 1824 г., что из 168 эскадронов поселенной кавалерии 153 перешло на самообеспечение продовольствием, подчеркивал при этом, что «переход сей основан на собственных предположениях начальников военных поселений кавалерии: в Херсонской и Екатеринославской губерниях генерал-лейтенанта графа Витта и в Слободско-Украинской – генерал-майора Ешина. Их звание должно служить ручательством за точность соображений, делающих сей переход прочным, и что военные поселяне, продовольствуя своих постояльцев, не чувствуют от того никакой тягости»³⁶³.

Последнее из замечаний цитируемого рапорта было направлено против практики снабжения действующих подразделений из запасных хлебных магазинов, чем нередко злоупотребляли в указанных округах. А.А. Аракчеев твердо настаивал на том, чтобы переход на самообеспечение продовольствием должен осуществляться только «на избыточном» состоянии хозяев, которое определялось тем только, «когда они из ежегодных урожаев земли, ими обрабатываемой, получают больше хлеба и других произведений, что за взносом определенной пропорции на составление запасного магазина... и за пропитанием себя и семейств своих, могут без всякого затруднения продовольствоваться от одного до другого урожая своих постояльцев хлебом, а в кавалерии сверх того и строевых лоша-

³⁶² Федоров В.А. М.М.Сперанский и А.А.Аракчеев. – М., 1997. – С. 95.

³⁶³ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 226. – Л. 409 об.-410.

дей сеном и соломою... Запасные магазины ни в коем случае не должны быть способом к переходу войск на собственное продовольствие»³⁶⁴.

Выше уже упоминалось о разности подходов И.О. Витта и А.А. Аракчеева к идее военных поселений и модели их функционирования. Остановимся на этом сюжете несколько подробнее. Идеалом военных поселений для А.А. Аракчеева служила такая их структура, где гармонично сочетались строевая служба поселян-хозяев с занятиями сельским хозяйством. Солдаты-постояльцы должны были помогать им в период интенсивных работ. Следует отметить, что экономическая сторона поселений в его схеме совершенно не приносилась в жертву военной. Анализ его приказов и распоряжений по Корпусу свидетельствует о том, что он неоднократно подчеркивал, что нельзя пускать на самотек процесс создания поселянского хозяйства. Так, например, в приказе по поселенным батальонам 1-й гренадерской дивизии от 14 апреля 1820 г. он писал: «Усматривая из месячных рапортов..., что батальоны сии комплектуются хозяевами весьма медленно, батальонные командиры не заботятся об оном, а бригадные и вовсе не обращают на сей предмет должного внимания и, ограничиваясь только предназначением людей в хозяева, не помышляют о водворении их, тогда как сие есть единственная цель военного поселения, а потому и непремовная обязанность бригадных и батальонных командиров с полковыми комитетами... Главный над военными поселениями начальник не имеет возможности и времени рассматривать в особенности способы и удобство каждого округа; бригадные же и батальонные их командиры, находясь в местах самого расположения, не удалены от сего, а потому со всею удобностию могут все оное учредить по местному положению и способам каждого округа, если только займется изысканием оных не на бумаге, а в существном образе...»³⁶⁵

Для И.О. Витта главным в вопросе функционирования военных поселений был быстрый переход на самообеспечение продовольствием, даже в ущерб военной стороне дела. Отсюда, как мы убедимся ниже, и произошло складывание разных моделей поселянского хозяйства в округах пехоты и кавалерии, которые повлекли разные степени экономической свободы. В

³⁶⁴ Там же. – Л. 412-412 об.

³⁶⁵ ЦГИАК Украины. – Ф. 1353. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 112-113.

некоторых публикациях 1870 – 1880-х гг. авторы возводили А.А. Аракчеева в ранг первого в России коммуниста. Подобные «обвинения» не имеют под собой реальной почвы, поскольку он постоянно подчеркивал, что одной из важнейших целей военных поселений является создание таких условий, чтобы «поселенный солдат был уверен в своей собственности, и значит, те выгоды, которые он приобретает своими трудами, принадлежали одному ему. Уверенность сия утверждает его хозяйство и рождает в нем желание улучшить и обогатить его»³⁶⁶.

В округах кавалерии существовала так называемая «общественная запашка», крестным отцом которой был И.О. Витт. А.А. Аракчеев, напротив, был ее ярким противником. Мотивируя свою позицию по данному вопросу, он во всеподданнейшем докладе от 9 апреля 1826 г. писал: «Граф Витт считает возможным продовать действующие эскадроны от земли не только провиантом, сеном и соломою, но даже и овсом. Граф Витт, предполагая сию выгоду верною, считает однако же возможным достигнуть оной не иначе как посредством общественных посевов, допущенных им для составления первоначальных запасов в округах 3-ей кирасирской дивизии. Запасы сии, по проекту учреждения о военном поселении регулярной кавалерии, должны вообще составляться уравнительным сбором хлеба с военных поселян-хозяев, обрабатывающих каждый свой участок земли. Изменить сие правило коренное, и легко и удобно исполнимое во всех прочих округах военного поселения, невозможно, не дав места большому опасению тех беспорядков и самых злоупотреблений, кои при всей бдительности надзора, вкрадываются при поголовных нарядах, особливо для такого рода работ, каковы суть общественные посева, в которых трудно отвратить, чтобы военные поселяне под сим предлогом не были обременены излишними нарядами для обработки излишней земли по видам корыстолюбия. На предупреждение сего зла основано вышеприведенное правило проекта учреждения; и я, руководствуясь оным, решительно запретил общественные посева»³⁶⁷.

Самое тяжкое обвинение А.А. Аракчеева в историографии связано с обвинениями его в чрезмерной жестокости по отношению к личному составу военных поселений. Анализ конфор-

³⁶⁶ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 186.

³⁶⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 382. – Л. 217-218.

мированных им военно-судных дел свидетельствует, что он, как правило, снижал степень наказания для солдат, а для офицеров увеличивал. Хотя он и не был воспитанником суворовской школы, но постоянно подчеркивал, что основой армии является солдат и постоянно побуждал командный состав заботиться об обеспечении и здоровье подчиненных. Он категорически запретил высылать солдат на работы в сильные морозы, а заметив однажды, что «караулы на постах не имели на себе шуб», приказал немедленно их выдать³⁶⁸. По настоянию А.А. Аракчеева, в каждом полковом штабе был развернут госпиталь или лазарет, которыми могли пользоваться все жители округов. Сложно, конечно, судить, что заставляло его заботиться о здоровье солдат: соображения гуманности или сохранение своего рода «казенного имущества». По-видимому, здесь присутствует и то, и другое: он прекрасно понимал, что здоровый солдат – это сильная армия, а значит и сильное государство. Следующие слова из его приказа от 29 мая 1820 г. красноречиво свидетельствуют в пользу этого: «Дошло до моего сведения, что были случаи, в которые больные нижние чины, при отправлении из батальонов и артиллерийских рот в госпитали, посылались без особой о них заботливости их начальников, а некоторые укладывались в повозки без всякой подстилки, а другие приходили несмотря на болезнь пешком, тогда как имеются подъемные лошади и лазаретные повозки. Известностию о сем обращаю внимание батальонных командиров и командиров артиллерийских рот и объявляю, что ежели за сим таковые нарушения ими своих обязанностей не прекратятся, чего я никак не ожидаю, то взыщу уже с них арестом»³⁶⁹.

Создание и руководство системой военных поселений стало апогеем государственной деятельности А.А. Аракчеева. И именно это вызвало негативную реакцию общественного мнения, направленную, в первую очередь, против их руководителя, что в значительной степени способствовало (прежде всего через мемуарную литературу) созданию мифа о его крайней реакционности.

После воцарения Николая I А.А. Аракчеев, в силу ряда обстоятельств, недолго пробыл на посту Главного над военными поселениями начальника и в конце апреля 1826 г. подал рапорт

³⁶⁸ ЦГИАК Украины. – Ф. 1353. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 87.

³⁶⁹ ЦГИАК Украины. – Ф. 1353. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 203.

о предоставлении ему отпуска для лечения за границей. Фактически это была просьба об отставке, поскольку срок отпуска в рапорте не оговаривался³⁷⁰. Умер А.А. Аракчеев 21 апреля 1834 г. и был похоронен с соблюдением всех воинских почестей в Спасо-Преображенском соборе с. Грузино у подножия памятника Павлу I. Поскольку он не вписал в завешание, высочайше утвержденное в 1816 г., имени наследника, Николай I указом от 6 мая 1834 г. повелел передать Грузинское имение (с его капиталом в 1,5 млн. руб.) в распоряжение Новгородского кадетского корпуса, который получил наименование Аракчеевского³⁷¹. Сюда же была передана значительная часть его библиотеки и архива³⁷². Штабные комплексы военных поселений, сохранившиеся в Новгородской области, местное население до сих пор называет «аракчеевскими казармами», а некоторые деревни – ротами.

Сложная и противоречивая эпоха первой четверти XIX в. породила не менее противоречивую историческую личность – А.А. Аракчеева, талантливого государственного деятеля консервативного толка. Ответ же на поставленный вопрос: что же связывало столь разных людей – Александра I и А.А. Аракчеева, можно сформулировать следующим образом. Александр I ну-

³⁷⁰ Подробнее см.: Ячменихин К.М. Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы. – М., 1997. – С. 17-62; Соломенная Т.В., Ячменихин К.М. А.А. Аракчеев – помещик // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 8. История. – 2002. – №5. – С. 52-57; Ячменихин К.М. Граф А.А. Аракчеев и Николай I // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 8. История. – 2003. – №1. – С. 25-39; Он же. «Аракчеевщина»: историографические мифы // Консерватизм в России и мире. – Ч. I. – Воронежский государственный университет, 2004. – С. 117-128.

³⁷¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 1746. – Л. 65; Карцов П.П. Новгородский кадетский корпус // Русская старина. – 1884. – Т. 41. – С. 519.

³⁷² Ячменихин К.М. Библиотека «фрунтового солдата» // Библиофил. – 1999. – №1. – С. 105-112.

жен был А.А. Аракчееву так же, как и А.А. Аракчеев Александру I. В их взаимоотношениях, когда на первый план выдвигается идея, а не человек, было больше прагматичного и меньше личного, духовного. И этот, и другой были великолепными актерами, блестяще исполнившими свои роли на подмостках исторической сцены.

Глава IV. СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК ВОЕННОГО ПОСЕЛЯНИНА

§1. Социальный статус военного поселянина в царствование Александра I

Специфика военных поселений социально-экономического характера, которая заключалась в соединении разнородных сфер деятельности их населения, предопределила своеобразное и обособленное его место в социальной структуре России первой

половины XIX в. Перечень прав и обязанностей военных поселян, подчиненность военному ведомству позволяют выделить их в особое военно-земледельческое сословие. Сам по себе термин «военные поселяне» собирателен и включает ряд категорий жителей округов поселения, отличающихся своим правовым положением и социальными функциями, что было отмечено еще в дореволюционной историографии³⁷³.

Однако до последнего времени в научной литературе так и не были выделены все категории военных поселян, их функциональные обязанности по обеспечению продовольственного содержания войск. Исключение составляет категория военных кантонистов, детально проанализированная в диссертации В.К. Ячменихина³⁷⁴. Архивные материалы позволяют заполнить эту лауну, детально изучить каждую из категорий, а также определить их место в социальной структуре России первой половины XIX в. Вне поля зрения мы оставляем войска, входившие в состав отдельного Корпуса военных поселений, но которые не имели округов оседлости и использовались на строительных и других работах. Думается, что предметом отдельного исследования может стать офицерский состав поселенных войск. Изучение такой категории, как поселяне-хозяева, осложняется отсутствием такого важного источника, как посемейные списки поселенных рот и эскадронов. Т.Н. Кандауровой, разыскавшей таковые по некоторым поселенным эскадронам Херсонских поселений кавалерии, несколько удалось восполнить этот пробел³⁷⁵.

Права и обязанности основных категорий населения округов военных поселений были сформулированы в «Учреждении о военном поселении», а также многочисленных высочайших указах, «правилах» и «положениях». Часть этого корпуса источников опубликована в первом и втором изданиях Полного собрания законов Российской империи. Центральной фигурой в поселениях был, несомненно, военный поселянин-хозяин, на которого возлагалось выполне-

³⁷³ Петров А.Н. Указ. соч. – С. 97; Щебальский П.Г. Указ. соч. – С. 489.

³⁷⁴ Ячменихин В.К. Военные кантонисты русской армии (1787-1836 гг.). – Дисс... канд.ист.наук. – М., 2000; Он же. Быт кантонистов военных поселений // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 8. История. – 1997. – №4. – С. 72-84.

³⁷⁵ Кандаурова Т.Н. Формирование состоятельных хозяйств на основе военно-поселенческой организации // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. – Вологда, 2001. – С. 143-156.

ние главных задач этого государственного института: обеспечение действующих войск продовольствием и фуражом и их комплектование личным составом. В обязанности поселян-хозяев входило также содержание в чистоте и исправности жилищ, улиц, дорог, мостов, несение караульной службы и т.п.

В округах кавалерии для пополнения («ремонтирования») лошадьми действующих эскадронов были созданы «конские заводы», состоявшие из «коренного основания» и «приплода». Поселяне-хозяева были обязаны обеспечивать заводских лошадей фуражом, а приплод (по одной лошади) содержать в своем хозяйстве до четырехлетнего возраста, после чего он поступал в войска. С введением в округах кавалерии общественных посевов, поселяне-хозяева должны были работать на них определенное количество дней в году. В зависимости от конкретного округа варьировались объем работ и их продолжительность. Особенно много времени отнимала работа на общественных сенокосах, что подчас не позволяло вовремя убрать собственный урожай трав.

Структура поселянского хозяйства в округах пехоты и кавалерии отличалась тем, что в последних сразу был введен институт помощников поселян-хозяев (составляли резервные эскадроны), что, в определенной степени, облегчало ведение хозяйства. В поселениях пехоты он был введен только в 1830 г.³⁷⁶ Следует отметить, что командование военных поселений, стремясь поддержать поселянские хозяйства на уровне, достаточном для выполнения их главных функций, старалось во время интенсивных сельскохозяйственных работ не отвлекать их на выполнение других повинностей. Это было характерным в большей степени для поселений кавалерии, где, по ряду обстоятельств, поселянские хозяйства были более зажиточными, чем в округах пехоты. Руководство не могло не учитывать и то обстоятельство, что на них была возложена более сложная задача – содержать такой дорогостоящий род войск как кавалерия.

Напомним, что поселенные батальоны и эскадроны комплектовались как из солдат, так и коренных жителей тех регионов, которые отходили под округа военных поселений. На первых двух этапах истории военных поселений в поселяне-хозяева (особенно в пехоте) в первую очередь зачислялись солдаты, призванные на службу из этих регионов. При этом учиты-

³⁷⁶ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 1753. – Л. 1-4 об.

вались такие факторы, как род занятий до поступления на службу, семейное положение (предпочтение отдавалось женатым солдатам), срок службы в армии и морально-психологические качества³⁷⁷.

Перевод коренных жителей в военные поселяне осуществлялся в несколько приемов. После образования округа и формирования

комитета полкового управления производилась перепись жителей мужского пола. Затем все они подразделялись на три группы: 1) кантонисты (по трем возрастным категориям); 2) годные к строевой службе (до 45 лет); 3) старше 45 лет и негодные к строевой службе³⁷⁸. Затем происходило распределение коренных жителей согласно их возраста и рода занятий. При этом старались соблюсти принцип, при котором «жители, с переходом их в военные поселяне, не только не восчувствовали ни малейшего расстройств ни в своем хозяйстве, ни в семейном положении, но сохранили бы во всей неприкосновенности даже совокупное их жительство»³⁷⁹. Выше упоминалось, что при формировании округов 2-й уланской и Бугской уланской дивизий, а также поселений 2-й и 3-й гренадерских дивизий в Старорусском уезде Новгородской губ. наблюдались случаи раскассирования. Но они, во-первых, не носили массовый характер, а, во-вторых, происходили только там, где были сверхкомплектные поселяне-хозяева. Утверждение Н. Левинтова, что в поселяне-хозяева зачислялись только зажиточные крестьяне, неверно³⁸⁰.

Все хозяйства поселян из солдат, а также малоимущих крестьян обеспечивались минимальным количеством рабочего и продуктивного скота, инвентарем и семенами. В округах 1-й гренадерской дивизии среди поселян-хозяев преобладали бывшие солдаты (75-80%). Учитывая опыт поселения кавалерии, где этот показатель не превышал 10-12% (см.: Табл. 10), при создании округов поселения 2-й и 3-й гренадерских дивизий была достигнута такая же пропорция.

³⁷⁷ Там же. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 30-33 об. Правила для руководства при выборе в кавалерийских полках воинских чинов в состав поселяемых эскадронов; Правила о переходе коренных жителей в военные поселяне округа военного поселения кавалерии. – СПб., 1817.

³⁷⁸ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 308-680.

³⁷⁹ Там же. – Л. 310.

³⁸⁰ Левинтов Н. Указ. соч. – С. 117.

В округах 1-й гренадерской дивизии до отстройки ротных поселков поселяне продолжали проживать в своих домах, которые сводились в капральства и десятки. Хозяева из солдат «водворялись» по мере строительства жилья и расчистки полей. Большие семьи, а также все желающие, могли составить одно хозяйство и занять половину дома и даже целый дом. В таком случае эта хозяйство принималось за одну единицу и при выполнении общественных работ выставяло одного работника.

Этот принцип особенно часто практиковался в округах поселения кавалерии, где в одно поселянское хозяйство включались и хозяйства поселян-хозяев и их помощников из резервных эскадронов. Здесь формирование поселенных эскадронов происходило с учетом имущественного положения коренных жителей, поэтому в хозяева зачислялись преимущественно те крестьяне и казаки, которые имели не менее двух пар волов³⁸¹. Остальные зачислялись в помощники и на их основе формировались резервные эскадроны. Практика подсказывала, что проще и дешевле создавать поселения на имеющейся уже хозяйственной базе, хотя военная сторона и приносилась в этом случае в жертву. Вот почему в округах кавалерии (за исключением 2-й уланской дивизии) практически не строилось казенное жильё для поселян и они продолжали жить в собственных домах.

Коренные жители, не имевшие собственного хозяйства и годные к строевой службе, направлялись в действующие батальоны и эскадроны, остальные приписывались к хозяйствам зажиточных поселян в качестве работников, либо направлялись на общественные работы, в инвалидные дома и богадельни. По этому поводу в январе 1819 г. А.А. Аракчеев писал во всеподданнейшем докладе: «Как с правилами, принятыми о поселении войск, военные поселяне-хозяева воспособляясь в работах своих резервными и постояльцами из действующих эскадронов, не имеют уже надобности в таком количестве наемных работников, какое у них бывало прежде, почему первые из упомянутых людей (не имеющие хозяйства – К.Я.) не могут посредством работы найти пропитание в округе военного поселения...»³⁸² В отличие от поселений пехоты, где зачастую ощущался некомплект поселян-хозяев, в кавалерийских округах наблюдается

³⁸¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 309.

³⁸² Там же. – Д. 39. – Л. 56-56 об.

значительное количество так называемых сверхкомплектных хозяев, которые числились за штатом в поселенных и резервных эскадронах. Командование военными поселениями кавалерии, в частности И.О. Витт, полагали, что раскассирование этой части населения может подорвать материальную базу округов, поскольку она принимала на себя выполнение значительного объема повинностей. Сверхкомплектный состав рассматривался ими как своеобразный резерв категории поселян-хозяев³⁸³.

Одним из самых сложных вопросов при создании округов пехоты было достаточное обеспечение поселян-хозяев земельными наделами. С введением военных поселений плотность населения и численность хозяйств на их территории увеличивались и земель, которыми до сих пор пользовались коренные жители, было теперь явно недостаточно. Выход был найден в постепенном наделении поселян-хозяев из солдат. Вначале это были так называемые «излишние земли», которые при первоначальном наделении поселян-хозяев отрезались у части коренных жителей. Впоследствии наделы предполагалось расширить за счет расчистки, осушения, приобретения и обмена земель. До полного наделения землей хозяева из солдат числились лишь кандидатами на это «звание» и не получали скот и инвентарь³⁸⁴. В поселениях кавалерии вопрос об обеспечении поселян землей так остро не стоял, особенно в Херсонских поселениях. Размеры поселянских наделов здесь поначалу даже не фиксировались и определялись либо качеством почвы, либо возможностью их обработки. Подробнее вопрос о наделении поселян землей будет рассмотрен в следующей главе.

Какими же правами пользовались поселяне-хозяева и какие обязанности они должны были исполнять? Поселяне-хозяева не обладали полным правом владения и распоряжения своим движимым и недвижимым имуществом, поскольку законодатель фиксировал четыре случая «смещения с сего звания»: по старости, «неспособности к хозяйству», в случае смерти и совершения преступления³⁸⁵. Третий пункт предусматривал передачу хозяйства наследнику, который утверждался комитетом полкового управления. Трактовка же положения о «неспособно-

³⁸³ Там же. – Д. 59. – Л. 309 об.

³⁸⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 51. – Л. 335 об.

³⁸⁵ Учреждение о военном поселении пехоты. – Ч. I. – §41.

сти к хозяйству» была настолько широкой, что его можно было применить к любому неугодному поселянину. В случае же перехода хозяйства к наследнику, сдающий обязан был передать все, что было получено им от государства, а в случае утраты имущества полностью его возместить. Полной его собственностью была лишь та движимость и недвижимость, которой он владел до перевода в поселяне-хозяева. Следовательно, основу хозяйства поселян-хозяев из коренных жителей (кроме земельного надела) составляла, в большей степени, его личная собственность, а у хозяев из солдат – полученная от государства. Это обстоятельство, как мы увидим ниже, ставило последних в большую зависимость от командования поселениями. Однако, правительство не пошло на полную отмену частной собственности в военных поселениях, как ошибочно полагает Т.Д. Липовская³⁸⁶, а попыталось методами государственных дотаций получить более широкие возможности эксплуатации военных поселян.

В округах кавалерии частная собственность (за исключением земельного надела), удельный вес которой составлял до 90%, являлась основой их развития. Специфика региона предполагала наличие в хозяйстве не менее двух пар волов. Отсутствие достаточного количества строительных лесов и других материалов делало дорогим возведение жилья. Вот почему руководство поселенной кавалерией отказалось от комбинированного рекрутирования поселян-хозяев и сделало ставку на уже имеющуюся экономическую базу и тем самым значительно сократило расходы на создание округов военных поселений.

Главной обязанностью поселян-хозяев было рачительное отношение к своему хозяйству, его постоянное усовершенствование и развитие. Нерадивые хозяева, т.е. «непекущиеся о собственном своем добре», подлежали отдаче в опеку, чтобы их хозяйство окончательно не пришло в упадок. Если поселянин поправлял свое материальное положение, опека снималась, если нет, то он заменялся другим поселянином, а сам направлялся в действующие батальоны или эскадроны. Поселяне-хозяева были обязаны снабжать продовольствием по два постояльца из действующих подразделений, а в округах кавалерии и строевых лошадей, а также по одной лошади из конного завода. Одной из

³⁸⁶ Липовская Т.Д. Социально-экономическое положение военных поселян на Украине... – С. 28.

постоянных обязанностей было формирование общественных запасов хлеба и фуража, а также пополнение заемного денежного капитала. Запасные хлебные магазины, как и у других категорий крестьянства, создавались на случай неурожая, их объем должен был составлять годовую потребность для всех жителей округа. В кавалерии поселяне-хозяева, кроме того, должны были заготавливать не менее четырехмесячной нормы фуража для конных заводов³⁸⁷. Заемный денежный капитал создавался для помощи поселянам в экстренных случаях, когда они нуждались в приобретении скота, инвентаря и т.п. Формально этот капитал был собственностью военных поселян, однако на практике им распоряжалось командование военных поселений и зачастую по своему усмотрению.

Основой для его формирования были т.н. артельные суммы солдат, поступавших в поселенные батальоны и эскадроны. При выдаче им жалованья удерживалось в пользу заемного капитала по три рубля в год. Кроме того, он пополнялся за счет питейных сборов и других т.н. «экономических статей»: платы за пользование перевозами, рыбными ловлями, помещениями лавок для мелочной торговли в полковых штабах и т.д. В заемный капитал поступали и суммы, взысканные в виде штрафов и оставшиеся после умерших поселян, не оставивших наследников. Следовательно, в поселениях за счет поселян формировались своеобразные материальные и денежные страховые фонды, как это было принято и у других категорий крестьянства.

Одной из обязанностей поселян-хозяев было «устройство военной полиции», поддержание в должном порядке мундирных вещей, амуниции и оружия, чистоты в домах, своевременный их ремонт, исправление дорог, мостов и переправ. Округа военных поселений, по свидетельствам современников, имели внешнее разительное отличие от всего их окружавшего. Оно достигалось за счет того, что поселяне-хозяева и их семьи должны были тратить значительное время на так называемых общественных работах.

Параллельно с выполнением хозяйственных обязанностей поселяне-хозяева должны были заниматься военным делом: строевой подготовкой, овладением холодным и огнестрельным оружием. Создавая военные поселения, Александр I и А.А. Аракчеев пытались соединить в лице поселянина-хозяина

³⁸⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 762-763.

Глава IV. СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК ВОЕННОГО ПОСЕЛЯНИНА
функции податного и служилого сословия. Это был невиданный в истории России социальный эксперимент, преследовавший своей целью увеличение армейского резерва, который должен был формировать войска второй линии.

Каким же образом предполагалось это реализовать? Какой юридический прецедент можно было использовать? В качестве эталона было избрано помещичье хозяйство: «Дабы дать военным поселянам-хозяевам всю удобность в исполнении того и другого, применить к ним в отношении к воинскому учению то самое правило, какое исполняют помещичьи крестьяне, обязанные господскою работою в отношении к своему помещику»³⁸⁸. В развитие аргументации приводится тот факт, что «помещичьи крестьяне, обязанные господскою работою вместо денежного оброка, работают 3 дня в неделю на помещика и 3 дня на себя. В течение трех дней в неделю каждый крестьянин вырабатывал столько, что он, удовлетворяя все домашним своим нуждам и не имея никакого другого пособия к одеянию и пропитанию себя и семей своих, может заплатить все государственные поборы и исполнить все повинности. Военные поселяне-хозяева, напротив того, не быв обязанными сими повинностями и трудясь единственно для своей пользы [?! – К.Я.], получают от казны жалование и полное обмундирование... Жена крестьянина и дети без различия пола имеют в отношении к помещику особые обязанности и свои отвлечения от домашних работ, но жена военного поселянина в то время, когда он занимается военным ученьем, не говоря уже о том, что оно продолжается только несколько часов, и что трудолюбивый хозяин, окончив оное, может еще большую часть того же дня для себя работать, – жена его дома занимается все время работою, да и сами дети делают ему в работах помощь. Следовательно, военные поселяне-хозяева тем легче могут употребляться в то время для ученья, в которое помещичьи крестьяне работают в пользу своего помещика»³⁸⁹.

Во время интенсивных сельскохозяйственных работ строевые занятия должны были проводиться до двух раз в неделю. На практике это положение зачастую нарушалось, когда командование военными поселениями, особенно кавалерийскими, в служебном рвении произвольно увеличивало время, отведенное для военной подготовки. В связи с этим А.А.Аракчеев неод-

³⁸⁸ Учреждение о военном поселении пехоты. – Ч. I. – §111.

³⁸⁹ Учреждение о военном поселении пехоты. – Ч. I. – С. 39-40 (Примечания).

нократно издавал приказы, в которых настаивал на том, чтобы поселяне-хозяева в поселенных эскадронах занимались военной подготовкой один, а поселяне-помощники два дня в неделю³⁹⁰. В округе поселения Охтенского порохового завода поселяне-хлебопашцы работали на себя четыре, а поселяне-ремесленники два дня в неделю.

Этим положением юридически обосновывалась крепостная зависимость военных поселян от государства. До реформирования военных поселений поселяне-хозяева по своему социальному положению фактически находились на одном уровне с владельческими крестьянами. Их повинности были значительно обременительнее и тяжелее, чем в государственной и удельной деревне. Следовательно, социальный статус бывших государственных крестьян и казаков с переходом их в разряд военных поселян значительно ухудшился. Поселянин-хозяин был военным человеком в полном смысле слова и, кроме того, платил «налог крови», отдавая своих сыновей на службу в действующие батальоны и эскадроны.

Возлагая на поселян-хозяев достаточно тяжелые повинности, законодатель вынужден был предоставить им некоторые льготы. Все поселяне, в том числе и хозяева, освобождались от уплаты государственных податей и от исполнения всех земских повинностей. Земская полиция не имела права вмешиваться во внутреннюю жизнь округов. Поскольку поселяне-хозяева считались военнослужащими, они получали жалованье (9 руб. ассигнациями в год), обмундирование, амуницию и оружие. Продовольственный паек («солдатскую дачу») – муку и крупу – на себя и семью получали только хозяева из солдат и только первые два года после водворения. Поселяне бесплатно лечились в лазаретах и госпиталях своих округов. При устройстве поселений декларировалось обеспечение поселян жильем и всеми необходимыми хозяйственными постройками. На практике это не было выполнено. Государство впоследствии ограничилось тем, что гарантировало поселянам помощь строительными материалами, в первую очередь лесом, а также в приобретении скота и инвентаря. Последнее имело место, в основном, в округах пехоты, где было много поселян-хозяев из солдат.

³⁹⁰ ЦГИАК Украины. – Ф. 1353. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 70. Приказ по 2-й уланской дивизии от 16 ноября 1818 г.

Кроме основных двух источников рекрутирования поселян-хозяев, о которых говорилось выше, существовало еще несколько, хотя и незначительных: перевод в военные поселяне крепостных крестьян, выкупленных государством вместе с имениями, перевод по прошениям мещан, государственных крестьян, ямщиков и отставных солдат. Процесс этот наблюдался только до 1827 г. (за исключением отставных солдат) и был связан, как правило, с желанием объединиться с родственниками³⁹¹. Подобные переводы осуществлялись только с высочайшего соизволения. В одном из приказов А.А. Аракчеева за 1818 г. читаем: «...мещане и поселяне ведомства казенного, числом 56 душ мужского пола с семействами их, поданными военному начальству прошениями, изъявили желание поступить в состав округов военных поселений... Его Императорскому Величеству благоугодно было соизволить на сие и дать указание министру финансов об исключении их из подушного оклада...»³⁹² По нашим подсчетам, за время царствования императора Александра I в поселяне-хозяева было зачислено из крепостных крестьян около 300 душ (до 90 хозяев), из всех остальных сословий – до 120 душ, что составляло ничтожный процент населения округов.

До реформирования военных поселений в начале царствования императора Николая I поселяне-хозяева числились в штатах поселенных батальонов и эскадронов, проходили военную подготовку и на них полностью распространялось действие армейских уставов.

Поэтому поселенные батальоны, а также поселенные и резервные

эскадроны, хотя и с большой оговоркой (поскольку они, по положению, не принимали участия в походах, и, следовательно, в боевых действиях) можно отнести к строевому составу армии, численность которой к началу 1820-х гг. составляла около миллиона человек (см.: Табл. 11). По нашим подсчетам, численность поселенных войск в это время составляла 130 тыс., причем в эту цифру включены не только действующие, но и поселенные, и резервные эскадроны и батальоны (см.: Табл. 12). Следовательно, удельный вес поселенных войск в общем составе русской армии составлял порядка 11,5%, а в строевом составе (учитывая и казаков) – 16,7%.

³⁹¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 152; Д. 32. – Л. 180-183.

³⁹² ЦГИАК Украины. – Ф. 1353. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 104.

В монографической и учебной литературе обычно говорится, что в указанный период военные поселения составляли треть русской армии, подчеркивая тем самым реакционность внутренней политики правительства Александра I³⁹³. Приведенные нами данные в два с лишним раза (а по отношению к общему составу – в три раза) сокращают этот показатель. Ошибка авторов состоит в том, что они включают в состав поселенных войск либо те подразделения, которые не имели округов оседлости, хотя и числились в составе отдельного Корпуса военных поселений, либо все население поселений без различия пола и возраста.

Следующей категорией военных поселян, являвшихся частью производительных сил военных поселений, были помощники поселян-хозяев. В округах кавалерии их состав был сформирован одновременно с созданием хозяйственной структуры, а в пехотных, как уже упоминалось, только перед их ликвидацией, в 1830 г. В первом случае это было связано с необходимостью обеспечивать продовольствием не только солдат, но и доставлять фураж для их лошадей и конных заводов. До реформирования военных поселений помощники включались в состав резервных эскадронов, хотя и составляли с поселянами-хозяевами одно семейство, т.е. одну экономическую единицу. Количество помощников и поселян-хозяев по штатному расписанию было одинаковым: по 191 в эскадроне и 573 в уланском полку.

В разряд помощников зачислялись менее состоятельные крестьяне, в основном те, кто имел менее двух пар волов. Формирование единых хозяйств осуществлялось как на основе родства, так и путем соединения посторонних друг другу хозяйств. Доля последних в разных округах была различной. Обычно при составлении хозяйств учитывалась их зажиточность, и поэтому к более состоятельным поселянам-хозяевам присоединяли менее состоятельных помощников и наоборот. Таким образом, происходила нивелировка хозяйств и создавалась весьма прочная материальная база для обеспечения действующих эскадронов продовольствием и фуражом. Помощники и их семьи прожива-

³⁹³ Бескровный Л.Г. Указ. соч. – С. 37; История СССР XIX – начала XX веков: Учебник для вузов / Под ред. И.А.Федосова. – М., 1981. – С. 57.

Глава IV. СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК ВОЕННОГО ПОСЕЛЯНИНА
ли в собственных домах³⁹⁴, которые с домами поселян-хозяев составляли одно подворье, и содержали постоем одного из двух солдат из действующих эскадронов и его лошадь. Кроме того, помощники выполняли те же повинности, которые возлагались на поселян-хозяев. Возглавлял такое достаточно обширное хозяйство поселянин-хозяин, поэтому не только имущественный, но и социальный статус помощников был по сравнению с ними несколько ниже. Как и поселяне-хозяева, их помощники получали жалование, обмундирование, амуницию и оружие.

В отдельную категорию военных поселян следует выделить рядовой состав действующих батальонов и эскадронов, которых было по два в пехотном и по шесть в кавалерийском полку. Солдаты этих подразделений назывались постояльцами. Можно предположить, что император и командование военных поселений намеревались со временем перевести поселенные войска не только на самообеспечение продовольствием и на самокомплектование и тем самым добиться полной авторкичности поселенной единицы, поскольку поселенный полк в таком случае представлял бы собой совокупность людей, связанных не только единым образом жизни, но и родственными связями, соединяющими поселенную и действующую части полка. Для этого предполагалось создать такие условия, чтобы постояльцы со временем рекрутировались только из кантонистов военных поселений, имели собственные семьи и проживали в домах своих родственников. В итоге должна была реализоваться модель граничарских поселений.

Все эти меры несомненно должны были в значительной степени изменить менталитет солдат военных поселений, поскольку они не отрывались бы от семей и занятий хозяйством. Мало того, все категории военных поселян, составляя как бы единый военно-хозяйственный организм, должны были быть заинтересованы в усовершенствовании и развитии обеих частей поселения – хозяйственной и военной, – поскольку даже в случае военных действий и выступления действующих батальонов и эскадронов в поход, семьи постояльцев оставались в округах

³⁹⁴ Командование военными поселениями в Слободско-Украинской губ. попыталось создать единое хозяйство на основ подселения помощников в дома к хозяевам. После инспектирования этих округов А.А.Аракчеев категорически запретил эту практику (ЦГИАК Украины. – Ф. 1353. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 6 об.).

на полном обеспечении поселян-хозяев³⁹⁵. Солдаты же уходили в данном случае защищать не только Веру, Царя и Отечество, но и свою собственность, свои семьи.

Однако большая смертность в войсках, недостаточное количество кантонистов старшего возраста и ряд других причин не позволили на практике реализовать эту идею. Поселенные батальоны и эскадроны не могли, даже теоретически, предоставить достаточное количество людей для комплектования действующих батальонов и эскадронов. Утопичность этой идеи А.А. Аракчеев почувствовал сразу, поэтому постоянно требовал от командования немедленно избавляться в действующих подразделениях от солдат, нарушающих дисциплину, и заставлял командиров усиленно «выписывать к постояльцам их жен и детей». Однако этим воспользовались немногие. Большинство, особенно из старослужащих, давно утратили связи с родными местами, а жены их, в большинстве случаев, отказывались покидать свои хозяйства и переезжать в поселения, где они становились работницами у поселян-хозяев.

Правительство пошло даже на такую меру, как выкуп детей солдат действующих подразделений у помещиков. Согласно положению, последние должны были всех детей до десятилетнего возраста, без различия пола, «отдавать в казну по требованию начальства военного поселения беспрекословно», поскольку те по своему возрасту «не могли приносить никакой пользы». За помещиками сохранялось право оставлять у себя детей старших возрастов, закон же только апеллировал к их совести, рассчитывая, что они, «споспешествуя столь человеколюбивому подвигу о соединении сих детей с их семействами, будут и сами содействовать в том, добровольно уступая их в казну»³⁹⁶. Выкупные цены устанавливались на уровне существующих при купле-продаже крепостных на вывод.

По нашим подсчетам, по всем поселениям было выкуплено не более 500 детей обоего пола, что составляло ничтожную долю в составе семей постояльцев, даже если учитывать, что женатых среди них было не более 15-20%. Жены и дети поселян-постояльцев переводились в округа за государственный счет. Обычно практиковалось подселение семейных солдат к зажиточным хозяевам, что ставило последних в двойственное

³⁹⁵ Учреждение о военном поселении пехоты. – Ч. I. – §13.

³⁹⁶ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 151. – Л. 79-83 об.

положение: с одной стороны, они получали в свое распоряжение дополнительные рабочие руки, но, с другой, это были дополнительные едоки. После выслуги установленного срока постояльцы переводились в неслужащие инвалиды своего полка, получали надел в две десятины пахотной земли и могли занимать в округе нестроевые должности сторожей, смотрителей и т.п.

Нередко постояльцы становились поселянами-хозяевами. Это происходило в случае открытия вакансий на хозяйство, когда умирал поселянин-хозяин и не оставлял наследников, а также в случае лишения хозяйства за проступки. В таком случае предпочтение отдавалось женатым солдатам и, как правило, тем, кто был выходцем из данных мест.

Главной обязанностью постояльцев было совершенствование военного мастерства и выучка, помимо этого, они обязаны были помогать поселянам-хозяевам «во всех домашних и земледельческих работах»³⁹⁷. На практике данное положение обычно не исполнялось, хотя еще в 1818 г. А.А. Аракчеев требовал от командования военными поселениями составить расписание занятий военной подготовкой таким образом, чтобы солдаты действующих батальонов и эскадронов могли помогать поселянам-хозяевам не менее трех раз в неделю³⁹⁸. Во-первых, интенсивность военной подготовки в действующих подразделениях была значительно выше, чем в поселенных и резервных. Во-вторых, постояльцы чаще несли караульную службу. В-третьих, в летнее время их, как правило, использовали на строительных работах и тогда же проводились лагерные учения. Необходимо, на наш взгляд, учитывать и такой психологический фактор, как личную незаинтересованность постояльцев, особенно холостых, в интенсивном и качественном труде, поскольку он, практически, не стимулировался поселянами-хозяевами. Призрачными были и их расчеты на наследование того хозяйства, где они числились постояльцами. Трудно поэтому не согласиться с А.В. Предтеченским, который относил постояльцев к батракам поселян-хозяев³⁹⁹.

³⁹⁷ Учреждение о военном поселении пехоты. – Ч. I. – §66.

³⁹⁸ ЦГИАК Украины. – Ф. 1353. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 8.

³⁹⁹ Предтеченский А.В. Декабристы и военные поселения // Анатолий Васильевич Предтеченский. Из творческого наследия. – СПб., 1999. – С. 205.

В кавалерии действующие эскадроны часто использовались на общественных работах по заготовке фуража для строевых лошадей и конных заводов, а также на строительстве зданий и заготовке материалов.

В поселениях большое внимание уделялось вопросам подготовки и воспитания армейского резерва, каковыми были дети поселян – кантонисты. Круг их прав и обязанностей позволяет выделить их в отдельную категорию жителей округов военных поселений. Попутно заметим, что существовало два типа кантонистов:

дети военных поселян и дети нижних чинов, которые служили вне военных поселений. Последние были приписаны к т.н. военно-сиротским отделениям, а после их реорганизации к батальонам и полубатальонам военных кантонистов, которые подчинялись командованию отдельным Корпусом военных поселений. История этой категории военных поселян достаточно обстоятельно проанализирована в диссертационном исследовании В.К. Ячменихина⁴⁰⁰.

По нашим подсчетам, в среднем, естественный прирост населения округов составлял около 1,1% в год. При таких показателях решить вопрос о комплектовании действующих подразделений только за счет кантонистов военных поселений было невозможно. Так, например, в 1823 г. на укомплектование действующих эскадронов поселенных кавалерийских дивизий поступило 1033 кантониста (некоторые из них не проходили подготовку в учебных дивизионах), что было в 5-6 раз меньше, чем требовалось по штатному расписанию⁴⁰¹. Поэтому войска отдельного Корпуса военных поселений укомплектовывались рекрутами из ближайших губерний. Например, в 1824 г. при очередном рекрутском наборе из Новгородской, Псковской, Тверской и Смоленской губернии новобранцы поступили в Новгородский отряд военных поселений, а рекруты из Воронежской губ. – в Херсонский отряд. Объясняя причину такого распределения, А.А. Аракчеев писал, что «таковое назначение рекрут в Херсонский отряд из Воронежской губернии, а не из Херсонской и Екатеринославской, где они находятся, сделано в том внимании, что люди сих губерний, состоя большей частью из бродяг и дурно-

⁴⁰⁰ Ячменихин В.К. Военные кантонисты русской армии (1797-1836 гг.). – Автореф. дисс... канд.ист.наук. – М., 2000.

⁴⁰¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 407. – Л. 562.

Глава IV. СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК ВОЕННОГО ПОСЕЛЯНИНА
го поведения [?! – К.Я.] и зная скрытые места и надежных при-
станодержателей, делают значительные из службы побегу»⁴⁰².

На особом положении в военных поселениях находились так называемые «необмундированные» поселяне и инвалиды. По целому ряду правовых признаков они могут быть сведены в одну категорию военных поселян. Необмундированные поселяне приписывались к семействам поселян-хозяев (в кавалерии и к их помощникам), чаще всего на родственной основе. Они не выделялись в отдельное хозяйство (хотя и могли иметь его) из-за возрастных ограничений или болезни, что, в свою очередь, не позволяло успешно сочетать хозяйственные работы с военной подготовкой. Соединение таких хозяйств имело чисто формальное значение, поскольку «необмундированные» поселяне продолжали жить в своих домах и вести собственное хозяйство. Те же из приписных, которые не владели достаточным имуществом, становились дополнительными работниками у поселян-хозяев, которые обязаны были полностью содержать их.

Источники очень скупо информируют о положении женского населения в округах военных поселений. Вместе с мужьями и родственниками они занимались посильными хозяйственными работами: на сенокосе, вязали снопы, ухаживали за домашней скотиной, обрабатывали огороды. На них лежали основные работы по дому и воспитание детей.

В мемуарной литературе встречаются описания случаев насильственной выдачи в замужество за солдат из действующих подразделений, которые намечались к переводу в поселяне-хозяева. Хотя законодательство декларировало принцип обоюдного согласия при бракосочетании, а также не воспрещало женщинам-поселянкам выходить замуж за лиц «другого состояния»⁴⁰³, на практике это зачастую не выполнялось. Так, например, при выходе поселянок замуж за лиц, проживавших вне округов, требовалось специальное разрешение командования военных поселений⁴⁰⁴. Последнее были заинтересовано в том, чтобы дочери поселян выходили замуж только за военных поселян. Тем самым увеличивалось количество наследников хозяйств, поскольку зятья относились к ближайшим родственникам. Поощрялись браки с солдатами действующих и резервных

⁴⁰² Там же. – Д. 226. – Л. 545-546.

⁴⁰³ Свод военных постановлений. – Т. 4. – Ст. 3671.

⁴⁰⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 8983. – Л. 1-3.

батальонов и эскадронов, однако доля семейных солдат в этих подразделениях не превышала 20%.

Вдова поселянина-хозяина оставалась при своем хозяйстве и имела право управлять им, однако руководство всегда стремилось видеть в лице хозяина только мужчину. В рамках военных поселений не был решен, хотя и декларировался, вопрос о начальном женском образовании.

Таким образом, анализ социальной структуры военных поселений в период правления императора Александра I свидетельствует, что при всей кажущейся однородности правового и имущественного положения поселян, составляющих население округов, выделяется ряд категорий. Их функции были взаимосвязаны, но, все-таки, в значительной степени и отличались. Социальная модель поселений создавалась таким образом, чтобы как можно максимальнее использовать труд всех ее составляющих – поселенной части, резервной и строевой – для быстрого перевода войск на самообеспечение продовольствием и фуражом. В качестве средства достижения этой цели была предпринята попытка создания крепкого поселянского хозяйства, гарантированно обеспеченного рабочими руками.

Достигалось это путем усиления эксплуатации бывшего государственного и удельного крестьянства мерами внеэкономического принуждения, зафиксированными в законодательстве. В период царствования Александра I, т.е. на первом и втором этапах развития поселенной системы, военные поселяне своим правовым положением занимали позицию, близкую к помещицы крестьянам. В.М. Кабузан, на наш взгляд, несколько механически причисляет военных поселян к категории государственных крестьян, хотя и делает это с целью «сопоставления данных»⁴⁰⁵.

Впервые армия использовалась как производительная сила, а не только как силовой институт государства, требующий колоссальных затрат. Специфика военно-хозяйственной структуры округов предопределила своеобразие прав и обязанностей различных категорий военных поселян. Эти социальные микроструктуры были подвижными, тесно связанными между собой и

⁴⁰⁵ Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губ.) в XVIII – первой половине XIX века (1719-1858 годы). – М., 1976. – С. 211.

не могли существовать обособленно. Такая градация военных поселян была связана также и с особенностью управления военными поселениями, которая позволила довести систему централизации управления и контроля до абсолюта. Все это было обусловлено конкретно-историческими, в том числе и субъективными факторами, в которых существовали военные поселения и какой-либо существенной альтернативы им (при условии сохранения незыблемости государственного строя), на наш взгляд, в тот период не существовало. Однако изменение субъективного отношения к поселениям при смене царствований, а также отчетливые проявления определенной утопичности идеи военных поселений предопределили их существенное реформирование.

§2. Реформирование военных поселений. Социальный статус военных поселян и пахотных солдат в 1830-е – 1850-е годы

Реформирование военных поселений было обусловлено рядом как объективных, так и субъективных причин. Несмотря на то, что правительство Александра I, командование военными поселениями стремились всячески удешевить процесс их создания, а округа как можно быстрее перевести на самообеспечение продовольствием и самокомплектование личным составом, эта цель к концу царствования во многом не была достигнута. Да это, по-видимому, и не реально было сделать за 7-8 лет существования поселений. Главный итог этих лет заключается, на наш взгляд, в том, что со всей очевидностью стала ясной порочность идея сочетания в лице поселянина-хозяина совершенно разнородных социальных функций: служилой и тягловой.

Отсутствие надежных стимулов увеличения производительности труда, ставка, в основном, на административные меры не позволили реализовать поставленные перед поселениями задачи в полном объеме. Кризис всей феодально-крепостнической системы не мог не сказаться и на системе военных поселений, воспроизводившей многие черты крепостничества. Тем более, не следует забывать, что экономическую базу округов составили в абсолютном большинстве хозяйства государственных крестьян и казаков, которые накануне перевода их в военные поселения уже ощутили нарастающее влияние товарно-денежных отношений. Поэтому перед правительством Николая I встала задача: хотя бы вернуть поселянам их прежние стимулы экономического порядка. Это, так сказать, объективные факторы.

В истории такой страны как Российская империя, в которой уже несколько веков формой государственного устройства была абсолютная монархия, субъективный фактор развития иг-

рал значительную роль. Вот почему при смене царствований в судьбе военных поселений многое зависело от личного к ним отношения императора Николая I. Необходимо отметить, что он как генерал-инспектор инженерных войск был хорошо знаком со структурой военных поселений, их сильными и слабыми сторонами. Однако мы не располагаем надежными источниками, дающими конкретную информацию о намерениях государя в отношении военных поселений в первые дни царствования. Как уже упоминалось, спустя несколько дней после восшествия на престол Николай I предложил А.А. Аракчееву по-прежнему возглавлять военные поселения и продолжать курс на их развитие. Это был вполне обоснованный шаг: император не мог сразу отказаться от реализации идеи военных поселений, рождение которых общество справедливо связывало с деятельностью его брата.

Однако первые же инспекционные поездки по округам Новгородского отряда весной 1826 г. заставили его изменить свою позицию по отношению к ним. На примере округов пехоты он убедился в несоответствии блестящей их формы достаточно унылому экономическому содержанию. Необходимо было либо отказаться от идеи военных поселений и постепенно их ликвидировать, либо провести их серьезную реорганизацию.

Император проводит серию консультаций с И.И. Дибичем, командиром гвардейского корпуса И.В. Васильчиковым, И.О. Виттом и П.А. Клейнмихелем, которые обращают его внимание на то, что в создании военных поселений вложено много средств и сил, и что округа кавалерии, все-таки, давали определенную экономию за счет перехода на самообеспечение продовольствием. Весной-летом 1826 г. было принято решение о реформировании военных поселений и о начале этого процесса в округах пехоты.

На наш взгляд, предтечей реформы можно считать отставку А.А. Аракчеева в конце апреля – начале мая 1826 г. С его уходом исчезла двойственность в управлении военными поселениями и они теряли свою автономию. По-видимому, немало важную роль в его отставке сыграл и тот факт, что А.А. Аракчеев выступил категорическим противником реализации программы преобразований округов 3-ей кирасирской дивизии, которую разработал И.О. Витт в конце 1825 – начале 1826 года. Основным ее лейтмотивом было значительное увеличение личного состава поселенных и резерв-

ных эскадронов с одновременным уменьшением действующих в мирное время, что должно было гарантировать обеспечение войск продовольствием и фуражом⁴⁰⁶. Позиция А.А. Аракчеева никак не вписывалась в намерения Николая I по преобразованию военных поселений.

В июле 1826 г. на основании всеподданнейшего доклада П.А. Клейнмихеля была образована «временная комиссия из сведущих по разным частям чиновников, как-то: поселенной, строительной, комиссариатской и провиантской» под председательством статского советника И.Ф. Самбурского, которая разработала проект преобразования округов пехоты⁴⁰⁷. Затем он был передан И.И. Дибичу и Николаю I и после их правки (в черновиках имеются карандашные пометы и того, и другого) текст был напечатан в типографии штаба военных поселений⁴⁰⁸.

В округа поселения пехоты было направлено предписание П.А. Клейнмихеля (от 13 ноября 1826 г.), в котором, в частности,

говорилось: «По воле господина начальника Главного штаба е.и.в. препровождаю при сем... экземпляр приказа №241, который будет отдан сего месяца 19 числа и «Положение о полном составе поселенного пешего полка и его обязанностях», имею честь сообщить приказание его высокопревосходительства, последовавшее по Высочайшему повелению для должного предвещения и приказания:

1). Сего месяца 19 числа во всех округах 1-й гренадерской дивизии при собрании полков должен быть прочитан помянутый приказ и Положение и совершена панихида, как в приказе сказано»⁴⁰⁹. Этим же предписанием было предложено всему командному составу выехать в округа поселения. Опасаясь отрицательной реакции со стороны поселян, которые вправе были ожидать более радикального изменения их социального статуса, император отдал негласное распоряжение о тщательном контроле за ситуацией в полках.

Приказ И.И.Дибича за №241 от 19 ноября 1826 г. начинался словами: «Государь Император, желая доверить благодетельные намерения в Бозе почивающего Государя Императора

⁴⁰⁶ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 382. – Л. 216-269. Всеподданнейший доклад А.А. Аракчеева от 9 апреля 1826 г.

⁴⁰⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 383. – Л. 43.

⁴⁰⁸ Там же. – Д. 408. – Л. 573-659.

⁴⁰⁹ Там же. – Л. 674-675.

Александра I, всемилостивейше изволил утвердить сего числа Положение о полном составе поселенного пешего полка и его обязанностях»⁴¹⁰. Командир Старорусского отряда генерал-майор С.И. Маевский в отношении на имя П.А. Клейнмихеля от 24 ноября 1826 г. охарактеризовал данное «Положение» как «лучший и величайший памятник, приносимый от Великого Великому»⁴¹¹. К отношению было приложено несколько рапортов батальонных командиров, в которых описывалась реакция поселян на приказ И.И. Дибича и само «Положение». При «всеобщем ликовании» звучали и голоса недовольства по поводу сгона с «насиженных мест при переносе изб», отдачи сыновей в резервные батальоны, большого количества нарядов на общественные работы и т.п.

В высочайшем указе на имя И.И. Дибича от 19 ноября 1826 г. в частности говорилось: «Утвердив прилагаемое при сем Положение..., повелеваю привести оное по всей поселенной пехоте в должное исполнение. Но в том уважении, что поселенные батальоны полков 1-й гренадерской дивизии и Полоцкого и Елецкого пехотных составлены большей частью из старых солдат, кои не могут еще обходиться без помощи от казны, предоставляю вам продолжить сим батальонам впредь до повеления отпуск жалованья и годовых вещей на прежнем основании...»⁴¹²

Параллельно происходила разработка реформы поселений кавалерии. Весной 1826 г. специальная комиссия провела инспекторскую проверку округов 3-ей кирасирской дивизии. Основная ее цель заключалась в том, чтобы разработать ряд предложений по завершению подготовки округов к вводу в них действующих эскадронов. В ходе проверки начальник Херсонского отряда военных поселений И.О. Витт выдвинул ряд предложений, которые затем легли в основу реформы округов кавалерии: ввести общественные посевы для содержания лошадей из действующих эскадронов, увеличить состав поселенных и резервных эскадронов при одновременном уменьшении в мирное время состава действующих, что позволило бы сократить нагрузку на крестьянское хозяйство.

А.А. Аракчеев, который еще руководил поселениями, не согласился с этими предложениями, мотивируя это тем, что на

⁴¹⁰ Там же. – Л. 676.

⁴¹¹ Там же. – Л. 680.

⁴¹² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 383. – Л. 358-359.

практике оно неосуществимо и приведет лишь к увеличению злоупотреблений⁴¹³. Позиция А.А. Аракчеева свидетельствовала, что он не собирался изменять взгляды на основополагающие принципы построения поселенной системы. Продолжался его давний спор с И.О. Виттом. Но если Александр I сумел найти компромиссную линию проведения, поддерживая и того, и другого, то Николай I твердо принял сторону последнего. А.А. Аракчееву ничего не оставалось, как написать рапорт о предоставлении отпуска, что было разновидностью отставки.

Предложения И.О. Витта рассматривались в штабе отдельного Корпуса военных поселений летом 1826 г., для чего, по предложению П.А. Клейнмихеля, был образован специальный комитет, куда вошли начальники поселенных кавалерийских дивизий, ряд бригадных и полковых командиров. Председателем комитета в августе месяце был назначен генерал-адъютант князь И.В. Васильчиков. В декабре этого же года возглавляемый им комитет был преобразован в комитет «для рассмотрения новых предположений о поселенной регулярной кавалерии», который впоследствии и разработал «Положение о военном поселении регулярной кавалерии» (СПб., 1827), утвержденное 5 мая 1827 г. В войсках оно было объявлено в июне месяце этого же года⁴¹⁴. Реформирование военных поселений в строевом отношении было рассмотрено выше. Здесь же представляется необходимым проанализировать изменения, следовавшие в правовом положении военных поселян.

Прежде всего, изменился численный состав поселян-хозяев. По новому штатному расписанию в поселенных батальонах насчитывалось по 1824 поселянина-хозяина, в т.ч. 96 поселенных унтер-офицеров. Непоселенные нижние чины – 24 унтер-офицера и 56 рядовых – переводились в резервные батальоны. В округах 1-й и 2-й пионерных бригад поселенные батальоны включали по 2120 поселян-хозяев, поскольку при каждом пионерном батальоне дополнительно состояло понтонное отделение, состоящее из 8 унтер-офицеров и 140 рядовых⁴¹⁵.

⁴¹³ Там же. – Д. 407. – Л. 966-970, 1009.

⁴¹⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 407. – Л. 1238.

⁴¹⁵ Там же. – Оп. 2. – Д. 788. – Л. 4.

В легком кавалерийском полку, по штатному расписанию, теперь числилось 936 поселян-хозяев, а в кирасирском – 1206⁴¹⁶. Таким образом, численный состав поселенных батальонов и эскадронов, практически, удваивался, вследствие чего каждый поселянин-хозяин должен был обеспечивать продовольствием только одного постояльца, а в поселениях кавалерии содержать еще и одну строевую лошадь. В результате вдвое уменьшалась натуральная рента, которую он платил государству.

Одним из самых радикальных положений реформы являлось освобождение поселян-хозяев от обязанностей военных службы. В связи с этим в Положении указывалось, что «...он (поселянин-хозяин – К.Я.) не имеет надобности в оружии и оружейной амуниции, получает обмундирование, ему свойственное и предоставляется совершенно хозяйственным своим занятиям, сохраняя впрочем строевой порядок во всех частях и во всей строгости и подвергаясь за проступки законам военного суда»⁴¹⁷. В строевом отношении служба в поселенных батальонах и эскадронах ограничивалась лишь инспекторскими смотрами «общего и частного хозяйств», которые, как правило, проходили в сентябре-октябре месяцах, но подготовка к ним начиналась еще летом и отнимала часть времени у поселян-хозяев, занятых в это время на полевых работах.

Требование инспекторских смотров распространялось только на личный состав сформированных батальонов и эскадронов, «в тех же поселенных батальонах, которые впредь вновь формируемы будут, не требуется никакой фронтовой службы, ибо коренные их жители должны бы для ученья быть отвлекаемы от хозяйственных и полевых работ. Смотры сим батальонам ограничивать одними инспекторскими смотрами»⁴¹⁸.

Освобождение поселян-хозяев от военной службы позволило им сосредоточить основное внимание на ведении хозяйства, которое, особенно в округах кавалерии, было весьма значительным, что, в свою очередь, не могло не отразиться на уровне и темпах его развития, а также на предпринимательской деятельности поселян. До реформирования поселений командование не очень охотно отпускало поселян за пределы округов

⁴¹⁶ Положение о полном составе поселенного пешего полка. – §18; Положение о военном поселении регулярной кавалерии. – С. 75-76. Табель о полном составе поселенного кавалерийского полка.

⁴¹⁷ Положение о полном составе поселенного пешего полка. – §9.

⁴¹⁸ Там же. – §15.

для ведения торговли и промысловой деятельности, поскольку это отражалось на строевой подготовке поселенных эскадронов и батальонов. Теперь такая преграда отпадала.

В строевом отношении поселенные батальоны и эскадроны заменялись резервными. В кавалерии они до этого состояли их помощников хозяев, теперь последние переводились в поселенные эскадроны. Резервные подразделения формировались частично из старослужащих солдат, частично из кантонистов старшего возраста. Для сохранения внешнего вида военного подразделения «военные поселяне-хозяева и неслужащие инвалиды... имеют особое, званию их свойственное обмундирование», которое выдавалось сроком на три года. Поселяне обязаны были содержать его в чистоте и порядке и тем самым соблюдать «всю должную форму, не теряя никогда солдатского вида»⁴¹⁹. Во время хозяйственных и полевых работ они имели право носить собственную одежду, но опять-таки единого образца.

С этого момента главной обязанностью поселян-хозяев становилось обеспечение действующих и резервных подразделений

продовольствием и фуражом. В кавалерии увеличился объем общественных работ за счет массового введения общественных посевов для обеспечения строевых лошадей овсом, при этом был ликвидирован его сбор в запасные магазины по уравнительной раскладке. Т.Н. Кандаурова выдвигает весьма спорный тезис, что работа на общественной запашке была более легкой по сравнению с несением воинской службы, поскольку выполнялась на коллективной основе⁴²⁰. Естественно, что работа поселян на общественной запашке была более близкой им по духу, чем занятия военной подготовкой, но по количеству затрачиваемого времени, на наш взгляд, отработки на общественной запашке отнимали гораздо больше времени.

Нельзя не отметить и еще один весьма положительный момент этой реформы. Поскольку на содержание у поселянина-хозяина оставался только один постоялец, постольку продовольствие, ранее предназначавшееся для второго постояльца, поступало в распоряжение хозяина. Поселяне кавалерийских

⁴¹⁹ Там же. – §37.

⁴²⁰ Кандаурова Т.Н. Херсонские военные поселения... – С. 98.

округов, кроме того, не сдавая в запасные магазины фураж, также могли распорядиться им по своему усмотрению. Несомненно, что все это благоприятно сказалось на состоянии хозяйства поселян, вследствие чего несколько улучшилось их благосостояние, и по этим показателям они приблизились к государственной деревне, хотя объем выполняемых повинностей в поселениях был более значительным. Пойдя по такому пути, правительство (как будет показано ниже) сумело повысить рентабельность военных поселений и увеличить количество действующих подразделений, которые снабжались на базе своих округов.

В дальнейшем при создании новых поселений (за исключением Кавказских) их хозяйственная база создавалась только на основе крестьянских хозяйств, что позволило сократить количество нерентабельных хозяйств поселян (в основном, из солдат) до 17% по всем поселениям (см.: Табл. 13).

Реформа 1826-1827 гг. в значительной степени изменила положение помощников поселян-хозяев. Они также были освобождены от воинской службы и причислены к поселенной части полков. По штатному расписанию их численность равнялась численности поселян-хозяев. В резервных эскадронах (по 495 нижних чинов) теперь осуществлялась подготовка кантонистов к службе в армии, поэтому их основу составляли солдаты, прослужившие не менее 15 лет. Уравняв в правах и обязанностях поселян-хозяев и помощников, законодатель сохранял прежнее неравенство в имущественном положении, поскольку подчиненность поселянину-хозяину не могла не сказаться на мотивации труда поселянина-помощника⁴²¹. Не имея хозяйственной самостоятельности и полной гарантии наследования всего хозяйства, он терял стимулы к более производительному труду. В этом отношении выигрывало хозяйство, основанное на родственных отношениях, где помощники ощущали себя наследниками.

В поселениях пехоты введение института помощников только в начале 1830 г. было вызвано отсутствием резерва, владеющего навыками земледельческого труда⁴²². Помощники здесь рекрутировались из действующих и резервных батальонов путем выбора самими поселянами-хозяевами. В первую очередь,

⁴²¹ Положение о военном поселении регулярной кавалерии. – §44.

⁴²² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 1753. – Л. 1-4 об.

естественно, отбирались сыновья-кантилисты, которые в первой половине 1832 г. составляли 83% всего состава помощников хозяев в округах пехоты. К моменту преобразования этих округов на 22,5 тыс. поселян-хозяев приходилось 11,0 тыс. помощников. Предполагалось, что их численность должна как можно быстрее сравняться с численностью поселян-хозяев, однако на практике это было достигнуто только к моменту ликвидации военных поселений и округов пахотных солдат (см.: Табл. 14).

Введение института помощников в округах пехоты сыграло роковую роль в их истории, а также в судьбе всех поселений. Напомним, что причины восстания 1831 года в Новгородских поселениях в историографии трактуются очень широко: от эпидемии холеры до абстрактного «тяжелого положения» военных поселян. Напомним также, что восстание начали не поселяне, а солдаты 10-го военно-рабочего батальона, поселяне же поддерживали их. В связи с тем, что действующие батальоны полков Гренадерского корпуса в это время участвовали в подавлении польского восстания, командование военных поселений могло рассчитывать только на резервные батальоны, укомплектованные преимущественно кантонистами военных поселений. Большинство из них должно было, согласно указу 1830 г., перейти в разряд помощников поселян-хозяев, но были задержаны в связи с военными действиями против восставших. Это вызвало недовольство не только в среде поселян-хозяев, но и самих кантонистов, которые во время восстания оставались либо нейтральными, либо примкнули к восставшим.

Институт поселян-помещиков сыграл положительную роль в укреплении экономики военных поселений, особенно в округах кавалерии, где кроме солдат-постояльцев необходимо было содержать и строевых лошадей. Вместе с поселянами-хозяевами они создавали своеобразное усиленное хозяйство, которое было хорошо обеспечено рабочими руками.

Реформа несколько изменила и правовое положение постояльцев. К ним теперь относились унтер-офицеры и солдаты не только действующих, но и резервных батальонов и эскадронов. Для того, чтобы не лишать поселян-хозяев помощи постояльцев, а также упорядочить военную подготовку в действующих и резервных подразделениях, в июле 1829 г. было утверждено составленное генерал-майором Ф.К. фон Фрикеном «Расписание времени занятий строевой службой и хозяйствен-

Глава IV. СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК ВОЕННОГО ПОСЕЛЯНИНА
ными работами действующих и резервных батальонов и артиллерийских рот поселенных дивизий», согласно которому общая продолжительность сельскохозяйственных и других работ для постояльцев не могла превышать 3,5 месяцев в году⁴²³.

Главные изменения в правовом положении солдат действующих и резервных подразделений касались правил и сроков прохождения действительной службы. В поселенном полку служба теперь продолжалась двадцать лет (15 лет в действующем батальоне или эскадроне и 5 лет в резервном). Отставным нижним чинам разрешалось либо оставаться в округах, либо отправляться на родину, что было раньше запрещено. В 1829 г. в составе действующих и резервных батальонов и эскадронов числилось около 80 тыс. нижних чинов, что составляло 14,2% всех жителей округов военных поселений (см.: Табл. 13). Таким образом, удельный вес поселенных войск в строевом составе армии, за счет освобождения поселян-хозяев и их помощников от военной службы, сократился почти вдвое и не превышал, по нашим подсчетам, 7% (сравнить данные табл. 12 и табл. 13).

Если сравнивать категории поселян-хозяев, их помощников и постояльцев, то, несомненно, что положение последних было значительно тяжелее. Свидетельством тому могут служить данные о побегах военных поселян Гренадерского корпуса (см.: Табл. 15), которые показывают, что общее количество бежавших постоянно увеличивалось, большая их часть припадала на войска, находившиеся в округах на работах. Процент бежавших поселян-хозяев был незначительным, поскольку такая форма протеста сразу же лишала его хозяйства. Обычно они избирали другие способы: одним из самых распространенных являлась подача жалоб во время инспекторских смотров и даже на имя императора или А.А. Аракчеева. Как правило, «жалобщики» обвинялись в подаче бумаг не по инстанции и строго наказывались.

Так, например, поселяне-хозяева округа гренадерского короля прусского полка Иван Васильев и Козьма Матвеев были приговорены к наказанию шпицрутенами: первый – 3000 ударов, второй – 1500 за отлучку из округа полка для подачи жалобы начальству в С.-Петербурге на «чинимые со стороны ротного командира

⁴²³ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 1079. – Л. 126-128 об.

штабс-капитана Дзерожинского побои»⁴²⁴. После наказания оба были сосланы в отдельный Оренбургский корпус без права отпуска и отставки. Иногда дело доходило до посягательства военных поселян на жизнь своих командиров. В 1825 г. были осуждены несколько поселян за подготовку покушения на командира поселенного батальона 3-го карабинерного полка 2-й гренадерской дивизии подполковника Базанкура. Среди заговорщиков были рядовые 10-го военно-рабочего батальона Фрол Иванов, Феклист Карпов и ряд других, которые были в свое время раскассированы и направлены на службу в армию⁴²⁵.

Нередкими были случаи самоубийства, членовредительства и симуляции болезни. Вызывали протест непомерно тяжелые наряды на общественные работы, которые поселяне зачастую отказывались выполнять. Так, например, в июне 1826 г. оказали неповиновение около 400 поселян 1-го и 2-го карабинерных полков 1-й гренадерской дивизии, занятых на работах в деревне Манюша (Новгородский уезд). Возмущение было вызвано тем, что их заставили выполнять общественные работы в страдную пору сенокоса. Поселяне Егор Меркулов, Денис Григорьев, Кирилл Панфилов, Тихон Тимофеев и Яков Кононов были приговорены к наказанию шпицрутенами⁴²⁶.

Одной из форм протеста на религиозной почве было массовое неповиновение старообрядцев, которых было особенно много в округах 2-й гренадерской и гренадерской артиллерийской дивизий. Основными формами протеста среди них были массовые побеги, голодовки и самосожжение. Власти вынуждены были прибегнуть к помощи церкви в виде миссионерской деятельности, однако, как правило, она не давала результатов. Свидетельством тому является деятельность иеромонахов Александро-Невской Лавры Симона и Георгия в округах Гренадерского корпуса⁴²⁷.

В источниках мы обнаружили лишь одно упоминание об использовании поселенных батальонов и эскадронов для умиротворения крестьян. В 1826 г. 4 унтер-офицера и 75 поселян-хозяев 3-го карабинерного полка участвовали в умиротворении крестьян

⁴²⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 324. – Л. 725-726.

⁴²⁵ Там же. – Л. 561.

⁴²⁶ Там же. – Д. 382. – Л. 200-208.

⁴²⁷ Там же. – Оп. 2. – Д. 779. – Л. 5-8.

В нашу задачу не входит исследование причин, хода и последствий восстания военных поселян Новгородской губ. в 1831 г., поскольку это достаточно основательно сделано в отечественной историографии⁴²⁹. Хотелось бы только остановиться на фактах, не известных в исторической науке. Прежде всего, следует подчеркнуть, что было единственное мощное восстание военных поселян, а не крестьян, переводимых в этот разряд (серия таких восстаний произошла в 1817-1819 гг. как в округах пехоты, так и кавалерии). Это восстание являлось ответом на сложившийся в поселениях режим, причем его не смогла предотвратить даже частичная либерализация военных поселений вследствие реформы 1826-1827 гг.

Причины восстания, на наш взгляд, кроются, прежде всего, в том, что среди поселян-хозяев Гренадерского корпуса был большой процент хозяев из солдат. Попытка форсированного перехода на самообеспечение продовольствием не смогла не сказаться как на уровне развития их хозяйства, так и на их моральном состоянии. Источники свидетельствуют, что именно поселяне-хозяева из солдат были основной движущей силой восстания. Выступление 10-го военно-рабочего батальона, с которого оно началось, было вызвано многочисленными злоупотреблениями командира батальона майора Розенмейера⁴³⁰. Постоянные жалобы его подчиненных не возымели действия, и командир отделался лишь символическим наказанием. Подпоручик этого же батальона Соколов, который принял участие в восстании на стороне поселян, был в батальоне казначеем с 1825 г. и растратил значительные суммы.

В нашем распоряжении имеются свидетельства того, что многие военных поселяне не только не принимали участия в восстании, но и оказывали активное сопротивление восставшим. Так, например, в округе поселения карабинерного Баркляя де Толли полка 40 поселян категорически отказались примкнуть к восставшим. По нашим подсчетам, за время восстания было

⁴²⁸ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 382. – Л. 241.

⁴²⁹ Евстафьев П.П. Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 г. – М., 1934; Садовникова М.В. Восстание Новгородских военных поселян в 1831 г. – Дисс... канд.ист.наук. – Баку, 1948.

⁴³⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 1953. – Л. 1-8; Д. 5051. – Л. 1-23.

убито, кроме офицеров и чиновников, 10 военных поселян и 10 нижних чинов; 78 поселян и 154 нижних чина получили ранения⁴³¹.

Еще один пример. Во время польского восстания 1830-1831 гг. округ 1-й саперной бригады оказался в непосредственной близости от театра военных действий. Если предположить, что необходим был только повод для восстания против режима военных поселений, то более подходящего случая нельзя было и придумать. Однако, из донесений отрядного командира генерал-майора П.Д. Данилова графу П.А. Толстому очевидно, что «поселяне далеки от последования всякому нарушению порядка, но при преданности своей Его Императорскому Величеству изъявили совершенную готовность и добровольное согласие в случае нужды, сколько возможно, ниспровергать замыслы и действия мятежников, противопоставляя им самих себя»⁴³². Причем, необходимо учесть, что округ поселения 1-й саперной бригады был образован за 2-3 года до рассматриваемых событий.

И последнее. У правительства и руководства военными поселениями не было никаких иллюзий относительно причин восстания, названного позже холерным бунтом. Генерал-лейтенант Я.В. Захаржевский, возглавлявший следственную комиссию по делу участников восстания, в рапорте императору от 15 января 1832 г. отмечал: «Слухи однако сии (о холере – К.Я.) едва ли бы произвели восстание, ежели бы не присоединилось к тому к тому гнездившееся в сердцах поселян (ныне пахотных солдат) желание обратиться в прежний быт»⁴³³.

Значительному реформированию была также подвергнута система содержания, обучения и воспитания кантонистов, причем проводилось все это, в основном, в направлении ее удерживания. В 1826 г. император приказал ограничить обучение в ротных и эскадронных школах только преподаванием арифметики, чтения и письма. Кроме того, кантонисты теперь «не только оставались... в распоряжении своих родителей до поступления в резервные батальоны и эскадроны подолее, и в то же время жили всегда у них, а не в особых казармах»⁴³⁴.

⁴³¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 5211. – Л. 1-4; Д. 5206. – Л. 22.

⁴³² Там же. – Д. 2833. – Л. 1-1 об.

⁴³³ Там же. – Д. 6216. – Л. 2 об.

⁴³⁴ Отчет по военным поселениям за 1826 г. – СПб., 1827. – С. 26.

В Новгородских поселениях, где постоянно ощущался дефицит рабочей силы, командир Гренадерского корпуса князь И.Л. Шаховской предложил значительно сократить количество учащихся в ротных школах, о чем он в рапорте графу П.А. Толстому от 12 января 1829 г. писал: «Ныне с десяти лет кантонист, поступая в средний возраст, делается почти бесполезным для родителей или родственников своих; хождением в школу на учение и в мастерскую он удаляется от сельских занятий и теряет охоту к оным; не имея времени укрепить физические силы хозяйственными работами.., он делается неспособным быть хорошим хлебопашцем, равно и солдатом... Полагаю, дабы в военных поселениях Новгородской губернии они до 16-летнего возраста оставались в полном распоряжении их родителей, не отвлекаясь от оных никакими занятиями, но возложить на сих последних обязанность одевать их...»

В тех только семействах, где находится более одного или двух кантонистов, один из них по достижении 12-ти лет назначается ходить в школу. Таковых семейств, вероятно, найдется в каждой роте до 25, что весьма достаточно будет для пополнения со временем тех мест, в коих нижним чином необходимо знать грамоту, всем же кантонистам знать оную я считаю излишним»⁴³⁵.

В этом же рапорте И.Л. Шаховской предложил кантонистов, достигших 16-летнего возраста и, у которых родители или воспитатели «по старости и дряхлости» не могут управлять хозяйством, оставлять при них и не отправлять на службу в резервные батальоны, поскольку они со временем должны были принять хозяйство по наследству. Император согласился с мнением И.Л.Шаховского и в том же, 1829 г., количество кантонистов, обучавшихся в ротных школах Гренадерского корпуса, сократилось по сравнению с предшествующим годом в 10 раз. Это положение было распространено и на округа кавалерии, где в эскадронных школах обучалось теперь не более 5-6% кантонистов старшего и среднего возрастов⁴³⁶.

Для кантонистов были изменены возрастные границы: младший поднят с 7 до 12 лет, средний возраст исчислялся теперь с 12 до 16 и старший с 16 до 18 лет. По достижении 16-летнего возраста все годные к строевой службе зачислялись в

⁴³⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 1452. – Л. 1-2.

⁴³⁶ Там же. – Д. 6978. – Л. 234 об., 262 об., 312 об.

резервные эскадроны и батальоны. Те из них, кто был отобран для учебы в ротных и эскадронных школах, посещали их в течение среднего возраста. Следовательно, срок обучения сократился вдвое: с восьми до четырех лет⁴³⁷. В 1830 г. это положение было несколько дополнено и из временного стало постоянным. Теперь кантонисты, начиная с 15-летнего возраста, обучались в школах наряду с другими предметами и «началам фронта». Негодные к строевой службе оставались в ротах для обучения различным ремеслам и в полковые штабы больше не отсылались.

В 1828 г. император утвердил положение, согласно которому вышедшие в отставку солдаты действующих и резервных подразделений могли забрать с собой на родину только тех сыновей, которым не исполнилось еще восемь лет, с последующим их зачислением в батальоны военных кантонистов по месту жительства. Кантонисты старшего возраста оставались в округах на попечение воспитателей, а затем поступали на пополнение действующих и резервных подразделений.

Таким образом, по мере развития поселенной системы изменялся правовой статус кантонистов. Неоднократно изменялись возрастные границы, что приводило к сокращению срока обучения и упрощению программ. Происходит постепенный отказ государства от обеспечения кантонистов продовольствием и обмундированием. Все это делалось с одной целью: как можно больше приблизить их к сфере материального производства, даже в ущерб подготовке к будущей воинской службе. Но кантонисты, как и прежде, считались собственностью государства и рассматривались ближайшим армейским резервом, права же родителей и родственников на них были весьма незначительными.

В лице кантонистов военных поселений правительство видело не только будущий унтер-офицерский состав, но и категорию поселян, являющуюся связующим звеном между поселенной и действующей частью полков. Реформа 1826-1827 гг. в области социального статуса кантонистов свидетельствовала, что правительство Николая I, в отличие от правительства Александра I, рассматривало поселенную часть округов не как боеспособную единицу, а как хозяйственный механизм, призванный, прежде всего, в первую очередь сократить государственные расходы на содержание армии.

⁴³⁷ Там же. – Д. 1452. – Л. 15.

Несколько слов о кантонистах, которые не входили в состав населения округов военных поселений⁴³⁸. Первые учебные заведения, где обучались кантонисты (дети нижних чинов и немущих обер-офицеров находились на полном государственном обеспечении) – военно-сиротские отделения – были образованы в 1798 г. К 1823 г. в стране насчитывалось 43 подобных отделения⁴³⁹. В этом году Александр I поручил А.А. Аракчееву произвести инспекцию этих отделений, которая зафиксировала в них большую смертность, злоупотребления начальства и т.п.

Рескриптом на имя А.А. Аракчеева от 11 января 1824 г. военно-сиротские отделения были переименованы в отделения военных кантонистов и подчинены штабу отдельного Корпуса военных поселений. Начался процесс их укрупнения, в результате чего к 1826 г. их насчитывалось уже только 34. Часть зданий была отремонтирована, улучшилось питание и медицинское обслуживание. С целью подготовки учительских кадров для этих отделений в 1827 г. в С.-Петербурге был открыт военно-учительский институт. В 1826 г. отделения военных кантонистов были преобразованы в батальоны, полубатальоны и роты военных кантонистов, которые были сведены в пять учебных бригад⁴⁴⁰. Кроме того, часть кантонистов проходила подготовку в учебных карабинерных полках и учебных флотских экипажах. В 1830-е годы в ряде батальонов военных кантонистов были открыты отделения для дворянских детей, находясь в которых они ожидали вакансий в кадетских корпусах. Так, например, в 1834 г. на базе бывшего Грузинского имения А.А. Аракчеева было открыто подобное отделение при Новгородском батальоне военных кантонистов⁴⁴¹.

Выпускники этих военно-учебных заведений направлялись, как правило, на службу в военные поселения на должности унтер-офицеров и фейерверкеров. Однако количество выпускников (см.: Табл. 16) не позволяло покрывать ежегодную убыль людей в полках, которая составляла до 350 человек в год, а во всех поселениях – до 11 тыс. В отдельные годы требовалось в 2,5-3 раза больше, чем выпускали все военно-учебные заведения подобного типа.

⁴³⁸ См. подробнее: Ячменихин В.К. Военные кантонисты русской армии (1797-1836 гг.). – Дисс... канд.ист.наук. – М., 2000.

⁴³⁹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 205. – Л. 1-2.

⁴⁴⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 383. – Л. 412-416.

⁴⁴¹ Там же. – Оп. 2. – Д. 12356. – Л. 2-4.

Для того, чтобы сократить расходы на содержание и обучение кантонистов в этих учебных заведениях, было принято решение о передаче всех воспитанников в возрасте до 14-16 лет родителям или родственникам на их полное содержание. По достижении указанного возраста они возвращались в батальоны для подготовки к выпуску в войска. Зачастую кантонисты-сироты передавались на воспитание военным поселянам-хозяевам. Однако все эти меры не смогли радикально снизить смертность в военно-учебных заведениях, но значительно снизили качество профессиональной подготовки кантонистов.

В результате реформы 1826-1827 гг. произошла унификация таких категорий, как «необмундированные» поселяне и инвалиды. Первый термин исчезает из делопроизводительной документации и все, кто под ним значился, вливаются в категорию инвалидов своих полков. Законодательство выделяло два типа инвалидов: служащих и неслужащих⁴⁴². Их численность в округе полка не ограничивалась и определялась количеством вышедших в отставку нижних чинов. В инвалиды можно было выйти только после выслуги установленного срока службы, а также ввиду хронического заболевания или ранения, полученного в сражении.

Служащие инвалиды зачислялись на вакантные должности при форштмейстерских (лесных) управлениях, смотрителями дорог, сторожами и т.п. Они осуществляли конвоирование арестантов, сопровождение рекрутов и некоторые виды караульной службы. Служащие инвалиды сводились в роты и только незначительная их часть становилась поселянами-хозяевами. Но в 1829 г. в поселенных войсках насчитывалось до 66 тыс. служащих и неслужащих инвалидов, что составляло до 12% численности населения округов (см.: Табл. 13).

Округа поселений находились в стадии реформирования, когда в 1831 г. в Новгородских военных поселениях произошло мощное восстание, а в следующем году началась радикальная реорганизация управления вооруженными силами. Все это не могло не сказаться на состоянии военных поселений, реформа которых получила большее ускорение и как бы вошла во вторую фазу, которая продолжалась до середины 1830-х гг., после чего наступает период их стабильного функционирования вплоть до ликвидации в конце 1850-х гг.

⁴⁴² Учреждение о военном поселении пехоты. – Ч. II. – § 173.

Наиболее радикальным реформам, как уже упоминалось, были подвергнуты округа Гренадерского корпуса, где фактически военные поселения были ликвидированы, а на их базе созданы округа пахотных солдат. Согласно «Положения» от 25 марта 1832 г.⁴⁴³, произошла значительная унификация различных категорий военных поселян. Все население округов Гренадерского корпуса было разделено на коренных и некоренных жителей. Все, кто принадлежал к последним, в том числе и поселяне-хозяева из солдат, направлялись в линейные войска. Особенно много таковых было в первых четырех округах 1-й гренадерской дивизии, где поселяне-хозяева из солдат к этому времени составляли до 50% их численности. В армейские подразделения были отправлены и все участники восстания 1831 г.

Поселяне-хозяева стали называться пахотными солдатами, сохранялся институт их помощников, которые получили наименование нехозяев. Категория кантонистов была упразднена, а дети пахотных солдат мужского пола стали именоваться малолетками. Обязанность поселян-хозяев по обеспечению войск продовольствием и комплектованию личным составом была заменена в округах пахотных солдат платежом оброка в размере 60 руб. ассигнациями (17,14 руб. серебром) с каждого хозяина и 5 руб. ассигнациями (1,43 руб. серебром) с каждой души мужского пола в возрасте от 15 до 60 лет, а также рекрутской повинностью на общих основаниях⁴⁴⁴. Оброчные платежи поступали в бюджет военных поселений и округов пахотных солдат. Сумма оброка включала как подушную, так и поземельную подати.

Рекрутская повинность была введена и в округах кавалерии. Поселяне кавалерийских округов отбывали ее на тех же основаниях, что и малороссийские казаки: рекрутские наборы производились здесь не ежегодно, а через год по 8 человек с тысячи душ. Для них также устанавливался льготный срок службы: 15 лет в действующих подразделениях и 5 лет в бессрочном отпуске, с причислением в резервные войска. Однако теперь после окончания срока службы они могли возвратиться только в свои округа⁴⁴⁵.

⁴⁴³ ПСЗ-2. – Т. VII. – №5251.

⁴⁴⁴ ПСЗ-2. – Т. VII. – №5251.

⁴⁴⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 313. – Л. 24.

От уплаты оброка были освобождены только те пахотные солдаты, которые имели знаки отличия военного ордена, а также прослужившие «во фронте» не менее 20 лет⁴⁴⁶. В среднем, пахотные солдаты платили оброк вдвое превышающий тот, который взимался с государственных крестьян Новгородской губ. (подушная подать – 2,24 руб. серебром и поземельная – 6,98 руб. серебром)⁴⁴⁷. После преобразования округов пионерных бригад в Витебской и Могилевской губерниях в округа пахотных солдат, последние платили оброк в два раза меньше, чем пахотные солдаты в Новгородской губ. Те из них, кто не уплачивал в установленные сроки оброка, лишались хозяйства и направлялись в войска.

Округа пахотных солдат продолжали находиться в ведении военного ведомства, а их жители мужского пола подлежали военной юрисдикции. Только в 1848 г. были утверждены правила перехода военных поселян и пахотных солдат в купеческое сословие. Сделать это можно было лишь по разрешению начальства и уплатив крупный взнос в заемный денежный капитал военных поселений⁴⁴⁸. Этим указом смогли воспользоваться единицы, поскольку пошлина за выход составляла более 1 тыс. руб. серебром за каждую душу мужского пола.

Кроме уплаты денежного оброка, пахотные солдаты обязаны были выполнять ряд натуральных повинностей. Одной из самых тяжелых была постоянная. В округах пахотных солдат норма постоя была выше, чем у других категорий населения: один постоялец на три ревизские души, тогда как в гражданском ведомстве – на 8-10 душ⁴⁴⁹. После подавления восстания 1831 г. войска буквально наводнили Новгородскую губ. Пахотные солдаты обязаны были обеспечивать войска дровами, по требованию воинского начальства выделять подводы во время движения войск, содержать в исправности дороги, мосты и другие инженерные сооружения, а также общественные здания, участвовать в заготовке строительных материалов и пополнять запасные хлебные магазины до установленной нормы – 2 четверти ярового и озимого хлеба на душу. На содержании пахотных солдат находилось также сельское самоуправление.

⁴⁴⁶ Там же. – Оп. 2. – Д. 9290. – Л. 1-10.

⁴⁴⁷ Там же. – Оп. 4. – Д. 4187. – Л. 4-4 об.

⁴⁴⁸ ПСЗ-2. – Т. XXIII. – №22803.

⁴⁴⁹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 4288. – Л. 27 об.-28.

Право владения и распоряжения хозяйством было гарантировано лишь в том случае, если пахотный солдат-хозяин исправно платил оброк и выполнял все натуральные повинности. Если по каким-либо причинам он не был в состоянии сделать это – по старости, ухудшению здоровья или «нерадению к хозяйству» – командование было вправе заменить его кем-либо из родственников, либо вообще удалить из округа с зачислением в армейские подразделения или гарнизонные батальоны⁴⁵⁰. Начальство прилагало максимум усилий, чтобы пахотные солдаты бездомно уплачивали оброчные суммы, поскольку от этого зависела выплата офицерского жалованья. В арсенале средств были меры не только административного, но и, как будет показано ниже, экономического характера. Отмечены случаи, когда пахотные солдаты и поселяне-хозяева из кавалерийских округов сами подавали прошения о переводе их в армейские подразделения, мотивируя это расстроенностью хозяйства и невозможностью уплачивать высокий оброк и выполнять многочисленные натуральные повинности.

В конце 1830-х – начале 1840-х гг. стало часто практиковаться «смещение» поселян и пахотных солдат с хозяйства. Правительство было обеспокоено тем, что может произойти подрыв экономической базы округов, вследствие чего поселяне и пахотные солдаты не смогут выполнять свои обязанности. Особенно широко эта практика применялась в округе пахотных солдат в Могилевской губ. В 1844 г. начальник округов пахотных солдат генерал-лейтенант Ф.К. фон Фрикен докладывал в Департамент военных поселений: «... в настоящее время приближается срок сбора оброка, и как предназначенные мною ... к смещению с звания пахотных солдат 108 человек не могут сверх состоящего теперь на них в казну долга уплатить и оброк, то они совершенно бесполезны для округа, и сверх того обременяют собою прочие семейства»⁴⁵¹. Все эти пахотные солдаты были из старослужащих солдат, переведенных в военное поселение еще при его основании. Этот факт является еще одним свидетельством тому, что даже спустя 25 лет после «водворения», они так и не смогли прочно встать на ноги.

Правительство не могло пойти на такие крайние меры, да еще и в таких масштабах, поскольку декларировало ранее прин-

⁴⁵⁰ Там же. – Оп. 2. – Д. 8530. – Л. 1-4.

⁴⁵¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 4305. – Л. 21.

ципы социальной защиты в деле обеспечения солдат и военных поселян. Военный министр А.И. Чернышев направил Ф.К. фон Фркену предписание, в котором потребовал: «... на будущее время с подобными представлениями об удалении пахотных солдат-хозяев из округов не входить, иначе как по испытании всех возможностей ближайших мер к упрочению их хозяйства и семейства на месте»⁴⁵².

Как уже отмечалось, одной из обязанностей военных поселян и пахотных солдат продолжало оставаться пополнение запасных хлебных магазинов. Согласно высочайшему повелению от 28 июля 1837 г., на каждую ревизскую душу в магазине должно было храниться по 2 четверти ржи и овса. В 1845 г. земля в округах пахотных солдат была разделена на 54064 души, следовательно, в магазинах должно было находиться 108128 четвертей озимого и ярового хлеба; фактически же состояло 210059 четвертей, т.е. в два раза больше⁴⁵³. Излишний, сверх установленной нормы, хлеб продавался Провиантскому департаменту Военного министерства, как правило, по ценам ниже рыночных. В среднем, ежегодно Провиантский департамент закупал в округах до 5 тыс. пудов муки и столько же овса⁴⁵⁴. Причем, транспортировка хлеба на мельницу, в запасной магазин, а затем в магазин Провиантского ведомства осуществлялась пахотными солдатами по наряду, что являлось дополнительной нагрузкой на их хозяйства. И только в неурожайные годы это положение иногда отменялось, но с условием, что в последующем все недоимки (включая и неурожайные годы) будут ликвидированы.

Из запасных магазинов осуществлялось обеспечение продовольствием окружных и волостных писарей, фельдшеров, военных кантонистов, находящихся на воспитании у пахотных солдат, денщиков и нижних чинов подвижных инвалидов рот⁴⁵⁵. В округах кавалерии пополнение запасных хлебных магазинов осуществлялось за счет зерна, собираемого с общественной запашки.

Пахотные солдаты, освобожденные от строевой службы, а также от обязанностей снабжать постояльцев продовольствием,

⁴⁵² Там же. – Л. 124 об.

⁴⁵³ Там же. – Д. 3997. – Л. 12; Д. 5236. – Л. 21 об.-22.

⁴⁵⁴ Там же. – Д. 6998. – Л. 5-5 об.

⁴⁵⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 5236. – Л. 12.

получили бóльшую свободу в хозяйственной деятельности, возможность маневра в распределении своего времени и, следовательно, могли более успешно вести свое хозяйство, заниматься торговлей и промыслами. Их правовое положение приблизилось к положению удельных крестьян⁴⁵⁶.

В округах кавалерии поселяне-хозяева были разделены на два разряда. К первому разряду причислялись хозяева, у которых было не менее двух пар волов, остальные причислялись ко второму разряду. Здесь также вместо категории помощников была введена категория нехозяев, куда зачислялись все лица мужского пола, достигшие 18-летнего возраста и не имевшие собственного хозяйства. Данные табл. 17 свидетельствуют, что в Украинских военных поселениях поселяне 1-го разряда составляли 75%, а в 5-8 округах этот показатель был еще выше – 94,4%. В округах Новороссийских военных поселений доля нехозяев 1-го разряда составляла 42,7%, что свидетельствует о меньшей зажиточности жителей этих округов по сравнению с округами Украинских военных поселений. Самый маленький процент хозяев 1-го разряда – 37,1% – был в 9-12 округах (бывшая поселенная Бугская уланская дивизия). При создании округов в Киевской и Подольской губ. численность хозяев обоих разрядов была примерно одинаковой.

Главная обязанность поселян-хозяев и их помощников (нехозяев) заключалась в обеспечении продовольствием и фуражом действующие подразделения через запасные хлебные магазины. Весь урожай с общественных полей шел на их пополнение, откуда войска и получали теперь продовольствие. От своих хозяев постояльцы получали теперь только «приварок» в виде овощей, молочных продуктов и т.п. В последнюю очередь общественная запашка была введена в первых четырех округах Украинских военных поселений (бывшая 1-я кирасирская дивизия) в 1835 г. В последних четырех округах этих поселений (бывшая 1-я уланская дивизия) он так и не была введена из-за недостатка посевных площадей. Здесь овес и ячмень собирался с военных поселян по уравнительной раскладке⁴⁵⁷. Наблюдается тенденция постоянного увеличения общественной запашки, поскольку руководство поселений стремилось обеспечить всех строевых лошадей за счет урожая, снимаемых с этих полей. Так, например,

⁴⁵⁶ Горланов Л.Р. Удельные крестьяне России. – С. 11-28.

⁴⁵⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 54. – Л. 16 об.

если в 1835 г. на довольствии от общественной запашки в первых четырех округах Украинских военных поселений состояло 878 лошадей, то через четыре года, в 1839 г., уже 1374, т.е. полный комплект строевых и подъемных лошадей⁴⁵⁸. Поселяне-хозяева округов кавалерии отбывали такие же натуральные повинности, как и пахотные солдаты.

К категории не хозяев в округах кавалерии были отнесены некоторые бывшие помощники поселян-хозяев, которые не имели рабочего скота и «исполняли общественную работу пешие»⁴⁵⁹. Категория нехозяев рассматривалась как резерв поселян-хозяев и играла значительную роль в экономической жизни военных поселений и округов пахотных солдат. В том случае, когда нехозяева не имели родственников в округах, им разрешалось уезжать на родину⁴⁶⁰.

Все категории военных поселян и пахотных солдат продолжали бесплатно пользоваться госпиталями и лазаретами своих округов. В целях экономии средств в 1843 г. директор Департамента военных поселений генерал-лейтенант Н.И. Корф предложил Ф.К. фон Фрикену рассмотреть вопрос о ликвидации лазаретов в округах пахотных солдат, на что последний ответил утвердительно. Военное министерство категорически запретило это делать, мотивируя свою позицию тем, что «... цель учреждения окружных лазаретов есть та, чтобы пахотным солдатам была подаваема надлежащая помощь без замедления и, что цель эта с упразднением лазаретов не была бы достигнута, ибо при могущих случиться большом числе больных в разных местах округа, отдаленных между собою на значительное расстояние, окружные лекаря не будут в состоянии подавать больным необходимых медицинских пособий»⁴⁶¹. Кроме того, 30 апреля 1843 г. император утвердил положение Военного совета, в котором предполагалось, «... не упраздняя существующих в округах Новгородского удела и Витебской губернии лазаретов, оставить их на прежнем основании, предоставив вместе с тем Департаменту военных поселений предоставить соображения: к какому времени могут быть открыты лазареты в округах Старорусского

⁴⁵⁸ Там же. – Д. 110. – Л. 13.

⁴⁵⁹ Там же. – Оп. 4. – Д. 8605. – Л. 27.

⁴⁶⁰ Там же. – Оп. 2. – Д. 8676. – Л. 1-1 об.

⁴⁶¹ Там же. – Оп. 4. – Д. 3984. – Л. 33-33 об.

Глава IV. СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК ВОЕННОГО ПОСЕЛЯНИНА
удела»⁴⁶². С целью «родовспоможений» в каждом округе за государственными счетом содержались повивальные бабки.

Однако, несмотря на предпринимаемые меры, смертность, особенно детская, была весьма значительной – до 15% детей не доживали до года, т.е. умирал каждый седьмой родившийся. В целом же, демографическая ситуация в округах военных поселений и пахотных солдат (см.: Табл. 18 и Табл. 19) была идентична демографической ситуации в стране в данный период. Ежегодный естественный прирост населения округов составлял порядка 1%, причем за десять лет ситуация, практически, не изменилась. Правда, если в 1845 г. в округах пахотных солдат не было прироста населения (-0,2%), то в 1856 г. здесь наблюдается прирост в 0,4%. Данные таблиц 18 и 19 (сведения по Украинским военным поселениям за 1856 г нами не разысканы) свидетельствуют, что лучшей была демографическая ситуация в округах поселения кавалерии, и особенно в Украинских, где ежегодный прирост достигал 1,5-2,0%. Значительно улучшилась ситуация в округах пахотных солдат Могилевской губ.: если в 1845 г. здесь не было прироста населения (-1,0%), то в 1856 г. наблюдается прирост в пределах 1,5%.

В целом численность населения округов военных поселений и пахотных солдат к концу 1830-х гг. стабилизируется на отметке около 700 тыс. (см.: Табл. 20) и за последние 20 лет существования выросла на 80 тыс. и только за счет естественного прироста (сравнить с данными табл. 14).

Командование применяло различные способы для укрепления военно-поселянского хозяйства рабочими руками и потому с большой неохотой соглашалось на семейные разделы. Справедливости ради необходимо отметить, что и сами поселенцы и пахотные солдаты не часто практиковали подобные меры, поскольку традиционно полагали, что хозяйства, включающие несколько поколений, «живут изобильнее и счастливее, в этих семействах дряхлые члены и малолетние дети призываются без затруднения и постороннего пособия» и, кроме того, такое хозяйство выполняло меньше повинностей, чем разделенное⁴⁶³.

После реформирования военных поселений администрация всеми мерами старалась сохранить в среде поселенцев крестьян

⁴⁶² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 10581. – Л. 1-6.

⁴⁶³ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 4305. – Л. 154.

янский образ жизни, «прилагая всемерное попечение о водворении добрых нравов, стараясь достигать этого содействием приходского духовенства для направления поселян к благочестивой, беспорочной и трудолюбивой жизни, употребляя напоминания, советы, увещевания и наставления, принимая меры к предупреждению беспорядков, особенно, пьянства и распутного поведения». При «составлении брачных союзов», обычно руководствовались правилами, применявшимися во владельческой деревне, где действовали «не строгостью власти, а убеждением, присовокупляя к нему приданное для бедных девиц: коровами или лошадьми, или овцами, или исполнением свадебных праздников на свой счет (помещика – К.Я.), зная, что крестьяне избирают невест не по сердечной привязанности и красоте, а по досужеству к работам и по некоторому достатку. Мудрый закон этот имеет в виду, что нравственность в состоянии земледельца служит первым основанием благосостояния; что же касается до несчастных браков, то они в быту земледельцев так редки, что их примером и поставить нельзя»⁴⁶⁴. В отчетной документации бедное состояние округов пахотных солдат Витебской и Могилевской губ. объяснялось, в основном, недостатком рабочих рук и малосемейностью хозяйств.

В 1840 г. для военных поселян и пахотных солдат была утверждена форма единого образца: полукафтан из серого сукна с погонями такого же цвета и номером округа, а также фуражка с красным околышком⁴⁶⁵. Форма шилась за счет поселян и ее необходимо было носить, даже если они покидали пределы округа по каким-либо надобностям. Исключение делалось только для тех, кто нанимался в лакеи, кучера и т.п., то есть где прислуга обязана была иметь соответствующую униформу.

Военным поселянам, как и всем крестьянам, были свойственны патриотизм и монархизм, олицетворявшиеся в любви к Родине и преданности императору. Особенно эти чувства обострились в минуты опасности для страны. Так, например, с началом Крымской войны многие поселяне подали прошение о добровольном поступлении в армию, сдавали безвозмездно провиант и фураж, доставляли их к театру военных действий. В декабре 1853 г. командир 7-го округа

⁴⁶⁴ Там же. – Л. 156 об.-157.

⁴⁶⁵ Там же. – Д. 5244. – Л. 3.

Украинских военных поселений полковник Васютинский докладывал начальнику вторых четырех округов этого поселения генерал-майору Скалону: «Вверенного мне округа слободы Скрыпаева военный поселянин-хозяин Михайло Руденко объявил волостному начальнику, что он сам с двумя сыновьями своими – Осипом 22-х и Тихоном 18-ти лет – желает поступить для защиты Веры и Отечества на службу в войска, действующие против турок, на все время нынешней кампании ...»⁴⁶⁶ Аналогичная просьба поступила от пахотного солдата

1-й волости 1-го округа, селения Порожек Ивана Семенова, в которой он указывает, что «в настоящее время он имеет ревностное желание вступить в службу в действующие войска противу неприятеля и просит принять его в оную с тем, чтобы в случае мира он был возвращен на родину»⁴⁶⁷. Необходимо отметить, что удовлетворялись не все просьбы, а только тех, кто не «бывал в штрафах». Всего, например, из округов пахотных солдат в ополчение было поставлено 1294 ратника⁴⁶⁸.

В округах пахотных солдат Новгородской губ. проживало порядка 120 семей немецких колонистов, которые переселились сюда из С.-Петербургской губ. в 1835 г. Им были выделены земли, которые освободились после отселения с них поселян-хозяев из солдат, а также участников восстания 1831 г. Каждая семья получала 50 дес. земли и дом-связь, в котором раньше проживало четыре семьи поселян-хозяев. В течение десяти лет они освобождались от уплаты оброка и выполнения каких-либо повинностей, в том числе и постоянной. Колонисты имели право пользоваться запасными хлебными магазинами, заемным денежным капиталом, госпиталями и лазаретами на тех же основаниях, что и пахотные солдаты.

Главная цель этой акции заключалась в том, чтобы пахотные солдаты-хозяева могли перенять от них наиболее передовые агротехнические приемы⁴⁶⁹. Колонисты составили два поселения – Александровское (округ №1) и Николаевское (округ №2). По истечении десятилетнего срока они должны были выполнять все повинности, лежавшие на пахотных солдатах, в том числе упла-

⁴⁶⁶ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 8135. – Л. 3.

⁴⁶⁷ Там же. – Л. 15.

⁴⁶⁸ Там же. – Д. 8856. – Л. 3.

⁴⁶⁹ Первые две семьи колонистов были поселены в Новгородских военных поселениях еще в 1822 г.

чивать оброк в сумме 60 руб. Единственная льгота, которая сохранялась за ними – они освобождались от рекрутской повинности.

Небольшие группы населения в округах составляли духовенство, а также отставные и бессрочноотпускные нижние чины (разночинцы), некоторые из которых имели семьи (см.: Табл. 14). Поселялись они на основании прошений, получали земельный надел (до 15 дес. пашни и сенокоса на хозяйство), им выделялись строительные материалы, а также оказывалась помощь в приобретении скота и орудий труда. Они освобождались от уплаты оброка и выполнения других повинностей, но их дети, рожденные после водворения в округе, несли все повинности, свойственные поселянам и пахотным солдатам. Их поселение осуществлялось независимо от того, был ли отставной или бессрочноотпускной уроженцем этих мест или нет.

В связи с большим потоком просьб от них, в 1842 г. было принято решение о предоставлении им весьма значительных льгот. Так, например, при наделении их землей «первую разработку и осушение оной до совершенного приготовления к посеву во всех трех полях, делать общественным пособием от волости; на первый посев выдавать в ссуду хлеб из запасных магазинов..., во время отсутствия бессрочноотпускных по требованию правительства тем из них, кои не оставят в семействах своих взрослых детей, делать вспомоществование, как в обработке и посевах полей, так и в уборке хлеба и сена от волости»⁴⁷⁰.

Отставные и бессрочноотпускные на три года освобождались от общественных работ и могли пользоваться ссудами из заемного денежного капитала и запасных хлебных магазинов на общих основаниях. В приказах начальника округов пахотных солдат неоднократно подчеркивалось, что все эти льготы распространяются только на женатых отставных и бессрочноотпускных нижних чинов, «холостым же никакого пособия не определять ибо холостой не может быть хозяином, но и тем из них, кои женятся и пожелают обзавестись хозяйством, делать пособие наравне с женатыми». Дети данной категории, согласно закону, становились пахотными солдатами. Всего до 1853 г. в округах было поселено 480 таких отставных и бессрочноотпу-

⁴⁷⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 3654. – Л. 21-22.

Глава IV. СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК ВОЕННОГО ПОСЕЛЯНИНА
ских, в том числе 345 из местных жителей⁴⁷¹. В округах Витебской и Могилевской губ. подобная практика отсутствовала из-за недостатка земельных угодий.

В 1830 – 1840-х гг. отмечаются отдельные случаи, когда вольноотпущенные крепостные крестьяне подавали прошения о причислении их к категории пахотных солдат или военных поселян. Командование, как правило, удовлетворяло эти просьбы лишь в тех случаях, когда просители могли приносить существенную пользу округам: исправно платить оброк, регулярно выполнять общественные наряды и выставлять работников для обработки общественной запашки. Аналогичные просьбы поступали от государственных крестьян, которые также далеко не всегда удовлетворялись⁴⁷².

После завершения реформирования поселений к категории военных кантонистов относились только дети непоселенных нижних чинов, а также солдат из действующих и резервных эскадронов. Их численность в общей массе населения к концу их истории составляла около одного процента (см.: Табл. 14). Правительством разрешено военным поселянам и пахотным солдатам брать малолетних воспитанников из батальонов и полубатальонов военных кантонистов в свои семьи на воспитание. Это делалось с целью укрепления хозяйств рабочими руками. Нередко воспитанники становились наследниками поселян-хозяев и пахотных солдат. Отмечаются случаи, когда вдовы военных поселян добровольно выходили замуж за кантонистов, которые были гораздо моложе. В основном это делалось для того, чтобы сохранить хозяйственную единицу⁴⁷³.

После введения в поселениях кавалерии общих рекрутских наборов, в январе 1833 г. было принято решение о сокращении количества эскадронных школ до трех в каждом полку, а количество учащихся в каждой из них ограничивалось 50 кантонистами (40 человек для унтер-офицерских должностей и 10 – для нестроевых). Провиант на учащихся кантонистов отпускался из запасных хлебных магазинов. Волостные школы для детей пахотных солдат начали открываться только в начале 1850-х гг.⁴⁷⁴

⁴⁷¹ Там же. – Л. 8; Д. 7500. – Л. 9.

⁴⁷² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 5534. – Л. 2-23; Д. 6714. – Л. 3-10 об.

⁴⁷³ Там же. – Д. 5471. – Л. 22.

⁴⁷⁴ Там же. – Оп. 10. – Д. 1114. – Л. 13.

Несколько слов о национальном составе населения округов военных поселений и пахотных солдат. Если армейские подразделения были однородными по национальному составу: здесь служили нижние чины только русской, украинской и белорусской национальностей, то военные поселения и округа пахотных солдат отличались значительной пестротой, поскольку при их формировании сюда вливалось население, которое, особенно на Украине, складывалось на многонациональной основе (см.: Табл. 21).

На территории военных поселений и округов пахотных солдат существовал специальный режим проживания и следования через них. Не служившие здесь генералы, офицеры, чиновники, а также иностранцы могли посещать округа только по высочайшему разрешению. Проживание тем лицам, которые здесь не служили, было категорически запрещено. Так, например, в октябре 1833 г. директор Департамента военных поселений П.А. Клейнмихель предписал начальнику округов пахотных солдат Ф.К. фон Фрикену: «... проживающему в 11-ом округе пахотных солдат, состоящему по Армии подполковнику Пасенке выехать из округа и впредь никому из посторонних лиц не позволять иметь жительство в округах пахотных солдат»⁴⁷⁵. В свою очередь, военные поселяне и пахотные солдаты и после реформирования военных поселений не могли отлучаться за пределы своих округов без разрешения командования.

Выше уже упоминалось, что офицерам, служившим в военных поселениях, категорически запрещалось иметь собственное хозяйство, однако эта мера не смогла предотвратить целую систему злоупотреблений как до, так и после проведенной реформы. Источники зафиксировали многочисленные случаи использования военных поселян и пахотных солдат на уборке сена для офицерских лошадей. Очень много махинаций было с запасами хлебных магазинов. В ноябре 1834 г. пахотные солдаты 11-го округа подали жалобу П.А. Клейнмихелю на злоупотребления командира округа майора Щеховского, который использовал их труд в личных целях. Не отставали от офицеров волостные головы и сотские. Значительные злоупотребления наблюдались при передаче имений военного ведомства в Киевской и Подольской губерниях в военное поселение в 1838 г.

⁴⁷⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 8942. – Л. 2.

Поселяне этих округов жаловались, что они не получили положенные наделы, «...большая часть поселян так бедны, что ни лошадей, ни волов и даже никакого домашнего скота не имеют. Вообще поселяне обременены поборами, работами и повинностями и в работах и повинностях нет порядка и равенства и во всем произвол...»⁴⁷⁶ Командующий Сводным кавалерийским корпусом генерал-лейтенант А.Д. Герштенцвейг, которому было поручено проверить эту жалобу, доложил военному министру А.И. Чернышеву, что «доказательством несуществования злоупотреблений служит то, что никем из поселян не объявлено претензий»⁴⁷⁷. Справедливости ради необходимо отметить, что буквально через несколько лет после создания поселений в Киевской и Подольской губерниях общий уровень развития хозяйства поселян заметно улучшился. Однако сразу решить все накопившиеся проблемы – обеспечить достаточными наделами, скотом и инвентарем – командование было не в состоянии.

В апреле 1839 г. генерал-адъютант граф А.Х. Бенкендорф сообщил А.И. Чернышеву, что, согласно полученным его ведомством конфиденциальным сведениям, в тех же конфискованных имениях Киевской и Подольской губерний «крестьяне сих имений вместо отбывания по положению трех дней в неделю на работах экономических, принуждаются работать иногда по неделям, употреблять работ и в праздники». Но особенно интенсивно использовался крестьянский рабочий скот для всевозможных перевозок, поэтому «от всех сих беспорядков крестьяне потеряли много рабочего скота и беднели до того, что при посылках дают им одежду других крестьян»⁴⁷⁸. Резюмируя свое сообщение, А.Х. Бенкендорф писал: «Вообще крестьяне военного ведомства говорят, что никогда помещики не поступали с ними столь тяготительно, что при прежнем управлении они имели много выгод, прибавляют: мы теперь нигде не находим защиты и снисхождения, а жаловаться боимся, и если бы Потоцкий возвратился, сразу бы принесли его на руках. Соседние крестьяне, видя худое положение военных поселенцев, объясняют вообще: у нас – рай, у них – пекло; они беспрестанно в работах, в нарядах с транспортами за 20 и 30 верст, бедны, работают в праздники, бьют их без милосердия и меньше 200 розог

⁴⁷⁶ Там же. – Оп. 10. – Д. 1763. – Л. 2.

⁴⁷⁷ Там же. – Д. 1763. – Л. 7.

⁴⁷⁸ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 1772. – Л. 2, 7.

нет наказания. Помещики же, поддерживая это мнение в крестьянах, часто говорят: видите ли, что лучше быть у помещиков, нежели в военном управлении. Вообще, паны, ксендзы и жиды при всяком случае стараются поставлять в пример положение крестьян военного ведомства, выхваляя бывшее правление Польши»⁴⁷⁹. Проверивший эти жалобы свиты е.и.в. генерал-майор Мейендорф вынужден был признать справедливыми многие из них.

В 1842-1843 гг. А.Х. Бенкендорф неоднократно пересылал в Военное ведомство полученные им анонимные доносы и жалобы о тяжелом положении военных поселян в округах кавалерии. При их проверках, как правило, оказывалось, что поселяне чуть ли не «благоденствуют», а имеют место лишь отдельные недостатки при организации транспортировки грузов на дальние расстояния⁴⁸⁰. Особенно много поступало жалоб от поселян, переселенных в Новороссийские военные поселения из округов Киевской и Подольской губерний. Один из осведомителей А.Х. Бенкендорфа писал по этому поводу: «... переселенцы малороссияне из Каменец-Подольской губ. не все получили уготованное помещение до того, что во всякой избе поселянина найдешь в сенях семейство переселенца, брошенное без всякого призрения! Плач и стон слышится в кругу такового семейства. Не давши им обещанной льготы и помещения, этих несчастных выгоняют уже на общественные работы. Они ходят уже в трехдневный наряд; когда же сии переселенцы жаловались генералу Никитину (инспектор резервной кавалерии – К.Я.) лично за уничтожение дарованной льготы, то получали ответ: что они (переселенцы) не работают в казну ни одного дня, а только лишь нарядом отрабатывают хлеб, которым их кормят»⁴⁸¹.

Только в начале 1840-х гг. в округах поселения кавалерии было разрешено «жительство по торговле и промышленности разного сословия людям с платою казне по условиям за участки земли, занимаемой их домами и заведениями»⁴⁸², но таковых было очень незначительное количество и жили они, как правило, в городах военных поселений. Развернутые данные о всех категориях жителей округов военных поселений и пахотных

⁴⁷⁹ Там же. – Л. 3 об.

⁴⁸⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 1789. – Л. 2-5, 21-24 об.

⁴⁸¹ Там же. – Д. 1795. – Л. 2.

⁴⁸² Там же. – Д. 517. – Л. 9-9 об.

Глава IV. СОЦИАЛЬНЫЙ ОБЛИК ВОЕННОГО ПОСЕЛЯНИНА

солдат накануне их ликвидации (см.: Табл. 22 и Табл. 23) свидетельствуют, что в них проживали около 800 тыс. человек. Анализ прав и обязанностей офицеров и солдат действующих подразделений, которые не подчинялись Департаменту военных поселений, выходит за рамки настоящей работы.

Динамика численности народонаселения округов поселения кавалерии и пехоты (пахотных солдат) в период царствования императора Николая I (см.: Табл. 24) свидетельствует, что прирост населения составил: в Украинских военных поселениях (1-я кирасирская и 1-я уланская дивизии) – 113%, Новороссийских (2-я кирасирская, 2-я и 3-я уланские дивизии) – 91%, округах Киевской и Подольской губерний – 12,2%, Новгородских военных поселениях (округах пахотных солдат) – 15,9%, округах Витебской и Могилевской губерний (1-я и 2-я саперные бригады) – 143,5%, Охтенского порохового завода – 174,8%. Общий прирост населения по всем округам составил 106%. Если учесть, что естественный прирост составлял около 1% в год, то столь значительное увеличение населения могло произойти, в основном, за счет присоединения к округам новых земель с проживающим на них населением. Наиболее динамично увеличивалось население в округах пехоты. Отрицательные показатели характерны только для периодов, когда в стране свирепствовали эпидемии холеры и цинги. В Новгородский поселениях в промежутке между 1830 и 1835 годами наблюдаются самые большие отрицательные показатели (-18,2%), которые объясняются массовым переводом в армейские полки поселян-хозяев из солдат и всех участников восстания 1831 г. Этим же фактором можно объяснить преобладание здесь женского населения.

Наиболее значительное увеличение населения, особенно в округах кавалерии, наблюдается в 1827-1830 и 1840-1841 гг., когда в процессе реформирования округов происходило присоединение к ним новых территорий и создание новых округов в Киевской и Подольской губерниях.

Динамика численности основных производительных сил военных поселений – хозяев и нехозяев – свидетельствует о постепенном снижении доли первых в общей массе мужского населения и росте удельного веса вторых (см.: Табл. 25). Особенно заметным было сокращение удельного веса поселян-хозяев в Новороссийских военных поселениях и округах пахотных солдат Новгородской губ. В первом случае их удельный вес сокра-

тился с 21,4% в 1835-1839 гг. до 18,7% в 1850-1855 гг.; во втором случае (за эти же периоды) произошло сокращение с 33,2% до 29,0%. Это явление можно объяснить двумя причинами. Во-первых, командование военных поселений, как указывалось выше, неохотно шло на разрешение семейных разделов, поэтому многие сыновья поселян-хозяев зачислялись по достижении совершеннолетия в не хозяева. Во-вторых, поселяне-нехозяева, «платя столь незначительный оброк, не заботились о приобретении хозяйства, которое налагало бы на них гораздо большие обязанности»⁴⁸³. Вот почему удельный вес нехозяев постоянно и весьма устойчиво возрастал.

Завершая анализ прав и обязанностей военных поселян и пахотных солдат, а также их численности на различных этапах истории военных поселений, необходимо отметить, что вышеизложенные данные позволяют выделить их в социальной структуре России первой половины XIX в. в отдельное военно-земледельческое сословие. В отличие от других сословий, возникновение которых было обусловлено ходом исторического развития, это сословие было искусственно создано правительством Александра I, не изменившем при этом отношений собственности. Вновь созданное военно-земледельческое сословие должно было соединить в себе функции служилого и податного населения, т.е. привлечь определенную часть армии к производительному труду. Историческая практика показала, что эта идея была во многом утопичной. Иррегулярные войска, в которых удачно соединялись столь разнородные общественные функции, создавались на принципиально иной основе.

Внутри военно-земледельческого сословия выделяется ряд категорий, отличающихся своим правовым и имущественным положением, а также родом занятий. Они были тесно взаимосвязаны друг с другом и в совокупности составляли ту категорию населения страны, которая вошла в историю под названием военных поселян. Анализ их численности позволяет существенно скорректировать их удельный вес в составе армии, уменьшив этот показатель с 33%⁴⁸⁴ до 7-12% (в зависимости от конкретного периода), т.е. в три раза.

⁴⁸³ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 5892. – Л. 22-22 об.

⁴⁸⁴ История СССР (XIX – начало XX в.). Учебник / Под ред. И.А.Федорова. – М., 1987. – С. 67.

В период царствования императора Николая I происходит радикальное реформирование военных поселений, в результате чего совершается отрыв поселенной части округов от действующей. В значительной степени изменяются права и обязанности всех категорий населения округов военных поселений и пахотных солдат. Унифицируется состав военных поселян. Действующая часть была подчинена общеармейскому командованию и комплектовалась на основе рекрутских наборов. Социальный статус военных поселян постоянно приближался к статусу государственных, а пахотных солдат – удельных крестьян.

Глава V. ЭКОНОМИКА ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

§1. Финансирование и бюджет поселенной системы

Для того, чтобы проанализировать хозяйственную структуру военных поселений, необходимо вначале остановиться на их финансировании и принципах формирования бюджета, поскольку финансы являются своеобразными нервами экономики. Будучи составной частью государственно-феодалной собственности, которая, как мы увидим ниже, предполагала элементы планирования, военные поселения, в свою очередь, требовали четко налаженной системы финансового обеспечения тех или иных хозяйственных процессов. Исследование этого сюжета ис-

тории военных поселений осложняется отсутствием достаточно-го комплекса источников, поэтому нам зачастую приходилось использовать ретроспективный метод, а также косвенные дан-ные.

В историографии данный вопрос, несмотря на то, что ис-тория военных поселений активно разрабатывается в последнее время, продолжает оставаться слабоизученным⁴⁸⁵. Исследовате-ли, как правило, ограничиваются лишь общими фразами о доро-говизне военных поселений и их экономической несостоятельности⁴⁸⁶. В чем же суть этой дороговизны, если по годовой росписи государственных расходов на развитие всех округов ежегодно отпускалось не более 1,7 млн. руб. ассигна-циями? Почему при затратах, значительно превышавших эту цифру, капиталы военных поселений к началу 1830-х гг. пре-вышали 30 млн. руб. ассигнациями?

Не претендуя на исчерпывающее освещение всей пробле-мы, попытаемся проследить общие закономерности формирова-ния бюджета военных поселений, которые, в свою очередь, помогают углубить наши представления о механизмах форми-рования финансовой политики самодержавия в указанное время.

На первом этапе, когда система военных поселений про-ходила апробацию, не существовало стабильной системы их финансирования, это были разовые денежные инъекции: до 40 тыс. руб. ассигнациями ежегодно. Всего же, на создание поселе-ния Елецкого пехотного полка в 1811-1816 гг. было затрачено 119.113 руб. 82 коп.⁴⁸⁷ К началу создания поселений в массовом масштабе в государственном бюджете не было предусмотрено статьи на их финансы. Как правило, это были целевые «состав-ления экономического капитала», например, для поселенного батальона гренадерского графа Аракчеева полка, когда из сметы Военного министерства было выделено 50 тыс. руб.⁴⁸⁸ Этот факт еще раз свидетельствует о том, что подготовка к массовому вве-дению военных поселений осуществлялась спонтанно и возни-кавшие вопросы решались поначалу в зависимости от складывающихся обстоятельств.

⁴⁸⁵ Ячменихин К.М. Финансирование и бюджет военных поселений в России // Вестник Моск. ун-та. – 1993. – №2. – С. 35-41.

⁴⁸⁶ Богданов Л.П. Военные поселения в России. – М., 1992. – С. 8; Мироненко С.В. Указ. соч. – С. 214-215.

⁴⁸⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 596, 603-604 об.

⁴⁸⁸ Там же. – Оп. 3. – Д. 20. – Л. 20.

После строевого смотра поселенного батальона полка своего имени А.А. Аракчеев в октябре 1816 г. подготовил на имя императора «Краткий отчет», в котором предложил предусмотреть на 1817 г. особую статью в государственном бюджете для устройства военных поселений⁴⁸⁹. Поскольку в казне свободных средств не было, Александр I распорядился передать на эти цели подати, собираемые с украинских казаков за право винокурения, в размере 1.716.288 руб.⁴⁹⁰ Эта сумма стала в дальнейшем как бы «открытой», «легальной» статьей финансирования военных поселений, показываемой в государственной отчетной документации⁴⁹¹. Кроме того, бюджет военных поселений формировался и за счет «скрытых» источников, не всегда, правда, стабильных, но весьма значительных. Вот некоторые из них.

Согласно указу от 26 августа 1818 г., государственные крестьяне тех уездов, на территории которых создавались военные поселения, освобождались от рекрутской повинности, поскольку рассматривались как ближайший резерв для пополнения рядов военных поселян. Владельческие и удельные крестьяне, а также вольные хлебопашцы этих же уездов также освобождались от этой повинности «со взносом в казну при всяком рекрутском наборе с пятисот душ по два рубли с души за каждого рекрута. Собранная таким образом сумма обращается на устройство военных поселений»⁴⁹². В военное время действие указа отменялось и все крестьяне обязаны были поставлять рекрутов в натуре. Следовательно, рекрутская повинность частично была заменена значительным денежным налогом: так, например, только по 89 набору 1821 г. его сумма составила 1.384.320 руб.⁴⁹³ Правительство сознательно пошло на подобную меру, рассчитывая перекрыть недоборы рекрутов самокомплектованием поселенных войск.

Кроме того, А.А. Аракчеев добился, чтобы суммы, остающиеся от сборов на первоначальное обмундирование рекрутов (указ от 8 июля 1816 г.), также передавались в бюджет военных поселений. По четырем рекрутским наборам с 1818 по 1827 год от Военного и Морского министерств по данной статье

⁴⁸⁹ Там же. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 181-189.

⁴⁹⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 3. – Д. 1246. – Л. 2-3.

⁴⁹¹ С 1830 г. эта цифра составляла 1 млн. руб., а с 1839 г. – 500 тыс. руб.

⁴⁹² РГВИА. – Ф. 265. – Оп. 1. – Д. 92. – Л. 1-2 об.

⁴⁹³ Там же. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 119. – Л. 210.

поступило 14,5 млн. руб.⁴⁹⁴

Такой значительный остаток образовался потому, что на обмундирование для каждого рекрута собиралось по 65 руб., а его фактическая стоимость не превышала 40-45 руб. Были и другие, менее значительные, источники пополнения бюджета военных поселений: стоимость фуража, «сберегаемого» поселениям кавалерии, который заготавливался самими поселянами; суммы от продажи «выранжированных» (забракованных) строевых и подъемных лошадей, винные откупа в округах и т.п.

Используя жесткий режим экономии, командованию военных поселений уже в 1817-1818 гг. удалось сэкономить 1,4 млн. руб., большая часть которых (1,1 млн. руб.) была помещена в сохранную казну Императорского воспитательного дома и в Государственное казначейство под 5% годовых. Впоследствии А.А. Аракчеев писал, что именно этой суммой «сбережения» и было «положено первое основание капиталу военных поселений»⁴⁹⁵. Этот капитал рос настолько быстро, что уже в начале 1822 г. Государственное казначейство взяло из них ссуду в размере 6 млн. руб.⁴⁹⁶ без процентов на срок до 1 января 1823 г. В начале 1823 г. министр финансов Д.А. Гурьев сообщил А.А. Аракчееву, что казначейство не имеет возможности выплатить долг. Последний согласился на отсрочку платежа под 5% годовых, что составило 300 тыс. руб. В августе того же года новый министр финансов Е.Ф. Канкрин вынужден был обратиться к А.А. Аракчееву с аналогичной просьбой. Последний согласился отсрочить платеж под 6% годовых. В 1825 г. Е.Ф. Канкрин попытался перевести эти 6 млн. руб. в государственный долг, однако А.А. Аракчеев, используя поддержку императора, не допустил этого. Всего же, до 1830 г. по процентам с данной суммы в бюджет военных поселений поступило более 3,5 млн. руб.⁴⁹⁷

Незначительная часть бюджета военных поселений формировалась за счет хозяйственной деятельности самих округов: сдачи в аренду земель (получила развитие только в округах пахотных солдат после 1831 г.), мельниц, лавок в полковых штабах, перевозов на реках, рыбных ловель, эксплуатации пароходов на грузовых и пассажирских перевозках, паровых ле-

⁴⁹⁴ Там же. – Оп. 2. – Д. 1462. – Л. 20 об.

⁴⁹⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 3. – Д. 1246. – Л. 1-4.

⁴⁹⁶ Там же. – Оп. 1. – Д. 266. – Л. 196.

⁴⁹⁷ Там же. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 1641. – Л. 2-3.

сопильных и мукомольных заводов. В разные годы чистая прибыль по этим статьям колебалась от 30 до 180 тыс. руб. серебром. Следовательно, приходная часть бюджета военных поселений формировалась, в основном, за счет косвенных налогов с населения страны, а также ростовщической деятельности в масштабах государства.

Значительными были издержки губернских бюджетов на содержание поселенных войск. В августе 1827 г. Е.Ф. Канкрин обратился к И.И. Дибичу с просьбой облегчить повинности жителей Новгородской губ. в пользу округов поселений Гренадерского корпуса. Так, например, за счет земских сборов содержались квартиры для генералов и штаб-офицеров в Новгороде, значительные средства расходовались на освещение и отопление помещений во время лагерных сборов, содержание ямских станций на дорогах внутри военных поселений. По подсчетам Министерства финансов, только за 1816-1827 гг. «поступило в сбор по Новгородской губернии для надобностей военных поселений» около 1,5 млн. руб.⁴⁹⁸, сумма для одной губернии по тем временам весьма значительная.

В официальной статистике, касающейся военных поселений, никогда не упоминались расходы государства на выплату жалованья, обмундирование нижних чинов, снабжение оружием и амуницией. Они проходили по статьям расходов Комиссариатского департамента Военного министерства и составляли только по округам пехоты до 2 млн. руб. в год⁴⁹⁹. Когда в результате реформы 1826-1827 гг. произошел частичный отрыв поселенной части от действующей и поселяне-хозяева и их помощники перестали нести военную службу, отпала необходимость в расходах на выплату жалованья, обмундирование и вооружение. Сэкономленные таким образом средства руководство военными поселениями постаралось поставить себе в заслугу. Значительные средства затрачивались на содержание госпиталей и лазаретов в округах: содержание одного больного в сутки обходилось до 1 руб. 17 коп.⁵⁰⁰

⁴⁹⁸ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 276. – Л. 9-10, 21.

⁴⁹⁹ Там же. – Ф. 265. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 3.

⁵⁰⁰ Отчет по военным поселениям за 1826 г. – СПб., 1827. – С. 65.

К 1820 г. сложилась следующая структура расходной части бюджета военных поселений, которая включала четыре основных рубрики:

1) *Штатные расходы* – содержание Экономического комитета военных поселений, штаба отдельного Корпуса военных поселений, дивизионных и отрядных штабов;

2) *«Расходы, особыми высочайше утвержденными постановлениями принятые»*, куда включались выплаты прибавочного жалования офицерам и генералам, дополнительные оклады, пенсии и столовые деньги, расходы на содержание лесопильных заводов, конно-рабочих команд, выплату «прогонов» и т.п.;

3) *Расходы на строительные и мелиоративные работы* – оплата труда солдат, занятых на этих работах, заготовка дров для паровых заводов, производство и закупка строительных материалов и инструментов;

4) *Статья возврата*, которая предусматривала на случай перерасходования средств по одной из статей и погашалась в следующем финансовом году.

Динамика расходной части бюджета до 1831 г. (см.: Табл. 26) свидетельствует, что значительная часть средств (до 30%) расходовалась в непроизводственной сфере, т.е. по первой и большей частью второй статьям. Причем какой-то стабильности и закономерности по всем частям бюджета до 1826 г. не наблюдается, поскольку в большей степени они зависели от косвенных поступлений. После 1826 г. наблюдается неуклонное падение расходной части бюджета, связанное, в основном, с уменьшением объема строительных работ в округах. Это подтверждает намерение правительства Николая I проводить курс на сокращение государственных расходов, в том числе и на военные поселения. Напротив, расходы на содержание аппарата управления несколько возрастают, особенно, относительно общих расходов.

Командование военных поселений никогда, практически, не допускало перерасхода денежных средств, экономило значительные суммы, используя дешевую рабочую силу солдат на строительных и мелиоративных работах. Значительные «остаточные суммы», как правило, шли не на расширение производства, а закладывались под банковский процент.

В плане финансирования отдельных округов приоритет отдавался округам пехоты и, особенно, 1-й гренадерской дивизии (см.: Табл. 27), которая считалась эталоном для остальных военных поселений и где велись наиболее масштабные строительные работы. В отдельные годы на нужды Новгородских военных поселений отпускалось до 80-85% всех бюджетных средств военных поселений, в то время, как на кавалерийские, только 15-20%. Наблюдается уменьшение ассигнований на Херсонские и некоторое увеличение на Слободско-Украинские поселения. Это было связано, в основном, с масштабами строительных работ, которые поглощали до 70% бюджетных ассигнований по отдельным поселениям.

Для первых двух периодов истории военных поселений характерно всемерное содействие Александра I в деле создания их прочного финансового фундамента. Используя его покровительство, А.А. Аракчеев никогда не стеснялся напоминать отдельным министрам о погашении задолженности или перечислении причитающихся военным поселениям сумм. Справедливости ради необходимо отметить, что император лично демонстрировал пример аккуратного погашения собственных долгов. Так, например, в 1821 г. «на известное ему употребление» (нам не удалось установить, на какие именно цели) из средств военных поселений было передано 0,5 млн. руб. Ежегодно Александр I аккуратно погашал долг с выплатой 5% годовых⁵⁰¹. Оставшуюся не выплаченной после его смерти сумму – 247.800 руб. – Николай I в 1826 г. перевел на долг государственного Казначейства⁵⁰². Насколько нам известно, единственной безвозмездной передачей денежных средств военных поселений в период царствования императора Александра I было пожертвование 1 млн. руб. в помощь пострадавшим от наводнения 7 ноября 1824 г. в С.-Петербурге⁵⁰³.

При Николае I все более настойчиво проводится мысль, что финансовые средства военных поселений «не составляют никакой частной собственности, но есть та же самая казна и принадлежит наравне с прочим государственной казне»⁵⁰⁴. Естественно, что с разрушением автономии военных поселений в области управления, они начинают терять самостоятельность и

⁵⁰¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 633.

⁵⁰² Там же. – Д. 382. – Л. 13-14.

⁵⁰³ Там же. – Д. 226. – Л. 560.

⁵⁰⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 276. – Л. 5-6 об.

в финансовой сфере. Уже в 1827 г. высочайшими указами были списаны ряд старых задолженностей Провиантского и Комиссариатского департаментов Военного министерства. В 1828 г. были отменены выплаты в бюджет поселений стоимости продовольствия и фуража, которыми поселяне снабжали действующие и резервные подразделения. Ранее, по настоянию А.А. Аракчеева, эти средства, показываемые в отчетной документации как экономия по Военному министерству, передавались на развитие военных поселений. Следовательно, до 1828 г. вообще не приходится говорить об экономии финансовых средств государства в связи с введением военных поселений. А суммы эти были весьма значительными. Так, например, в 1828 г. Военное министерство не выплатило в бюджет военных поселений 5,5 млн. руб. за продовольствие и фураж, произведенные в округах⁵⁰⁵.

В 1830 г. прямые ассигнования военным поселениям по росписи государственных расходов были сокращены с 1,7 млн. руб. до 1,0 млн. руб. Реформа военно-учебных заведений, подчиненных Главному штабу е.и.в. по военному поселению, согласно которой до 80% кантонистов до 16-летнего возраста находились на содержании родителей и воспитателей, сокращение количества ротных и эскадронных школ, уменьшение ассигнований на содержание кантонистов военных поселений и т.п., позволили сократить государственные издержки в данной области на 15 млн. руб. в год⁵⁰⁶. В результате отмены выплаты жалованья поселянам-хозяевам и их помощникам, а также прекращения выдачи амуниции и обмундирования, казна сэкономила до 3,7 млн. руб. в год. Значительное сокращение расходов (до 1,8 млн. руб. в год) дала ликвидация 14 учебных батальонов и 20 учебных дивизионов, поскольку отпала необходимость в отпуске обмундирования 45 тысячам кантонистов в возрасте от 10 до 18 лет⁵⁰⁷. Все эти меры достаточно четко коррелировались с общей направленностью финансовой политики Е.Ф. Канкрин, проводимой в данный период.

Динамика капиталов военных поселений (см.: Табл. 28) свидетельствует о различии в подходах к формированию и использованию бюджета военных поселений на различных этапах

⁵⁰⁵ Там же. – Д. 1. – Л. 400.

⁵⁰⁶ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 1462. – Л. 69 об.

⁵⁰⁷ Там же. – Л. 66 об.-68.

их истории. Так, например, если к концу царствования Александра I капиталы на устройство военных поселений возросли с 12,5 млн. руб. (в 1821 г.) до 17,9 млн. руб. (в 1826 г.), то на следующем этапе (до 1832 г.) этот рост (за адекватный промежуток времени) составил 4,1 млн. руб. Соответственно, совокупные финансовые средства военных поселений за 1821-1826 гг. увеличились на 88%, а за 1826-1831 гг. – на 32%. Кроме того, капиталы военных поселений, защищенные их автономией в аракчеевский период, никогда не использовались для общегосударственных нужд. При Николае I практика в данной области существенно изменилась. Во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг. на «неотложные нужды» из бюджета военных поселений было изъято 4 млн. руб., а во время подавления польского восстания 1830-1831 гг. – 1,2 млн. руб.⁵⁰⁸ Эти деньги на счета военных поселений не возвращались и списывались как государственные расходы.

Показательным, на наш взгляд, фактом является включение в общий бюджет военных поселений денежных средств, которые юридически принадлежали поселянам-хозяевам и офицерам поселенных войск. Речь идет о так называемых «вспомогательных капиталах» военных поселений – заемном денежном капитале военных поселян и вспомогательном офицерском. Подобная практика продолжалась до середины 1830-х гг., когда эти виды финансовых средств были выделены в отдельную статью «частные капиталы военных поселений».

Основой для создания заемного капитала послужили артельные деньги солдат тех батальонов и эскадронов, которые переводились в разряд военных поселян. Затем он пополнялся вычетами из жалования каждого поселянина-хозяина по 3 руб. в год. Кроме того, этот капитал пополнялся за счет средств, заработанных поселянами на коллективных подрядных работах, пошлинами за право торговли в округах, которые взимались с посторонних лиц, штрафами, а также некоторыми арендными статьями. После прекращения в 1827 г. выплаты жалования поселянам-хозяевам основными источниками пополнения заемного капитала стали подати, взимаемые с поселян округов Киевской и Подольской губерний, а также средства, выручаемые от продажи хлеба и фуража из запасных хлебных магази-

⁵⁰⁸ Там же. – Д. 2221. – Л. 129.

нов, пошлины за переход в другие сословия, банковские проценты и т.п. Заемный капитал представлял собой подобие страхового социального фонда, который полностью контролировался командованием военных поселений. Делалось это, исходя из политики попечительства и всемерного контроля за всеми сторонами жизни податного населения.

Средства из заемного капитала шли, в основном, на покупку скота и инвентаря для поселян, строительство жилья в случае его уничтожения пожаром или другими стихийными бедствиями, а также для ведения торговых операций. В феврале 1819 г. были утверждены «Правила на определение пособий военным поселянам из заемного капитала», согласно которым ссуда могла выдаваться как отдельным лицам, так и на всю поселенную роту или эскадрон⁵⁰⁹. Процедура получения денег была весьма сложной и занимала довольно много времени.

После того, как поселянин-хозяин заявлял эскадронному или ротному командиру о целях получения ссуды, последний должен был «сообразить – действительно ли просящий ссуду военных поселянин-хозяин может достигнуть ожидаемой им выгоды посредством займа, дабы заем сей не послужил ему к большей растрате и не увеличил нужду его по хозяйству...» Поселянин не мог получить отказ лишь в случае получения ссуды на покупку скота, взамен павшего. Затем ротный или эскадронный командир должен был обратиться в комитет полкового управления, который принимал окончательное решение о размерах выдаваемой ссуды и о сроках ее погашения. Обычно она выдавалась в пределах до 500 руб. сроком на год под 5%. В 1822 г. предельная сумма на покупку скота и инвентаря была уменьшена до 200 руб.⁵¹⁰

Размер ссуды для ведения торговли обычно не ограничивался, однако деньги выдавались «по усмотрению самих комитетов..., сообразно состоянию и торговым предприятиям заимщиков; но комитеты, произведя оные, принимают на свою ответственность пополнение капитала в случае неисправности торговца в платеже занятой им суммы»⁵¹¹. Естественно, что взять на себя такую ответственность желал далеко не каждый

⁵⁰⁹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 181-193.

⁵¹⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 121. – Л. 175.

⁵¹¹ Там же. – Л. 177 об.

член комитета полкового управления. Кроме того, ссуды для ведения торговли выдавались под 6% годовых, причем они удерживались при выдаче денег и причислялись к заемному капиталу. Право на получение такой ссуды имели только те поселяне, которые имели специальное разрешение комитетов на ведение торговых операций. Срок погашения составлял всего 6 месяцев, в течение которых было крайне сложно произвести какую-либо значительную торговую операцию.

В случае неуплаты ссуды в установленные сроки предоставлялась отсрочка, после истечения которой над имуществом должника устанавливалась опека. Опекуны (обычно из среды зажиточных

поселян-хозяев) обязаны были следить за тем, чтобы все доходы от хозяйства поселянин «обращал в уплату занятой суммы». В случае смерти должника его имущество продавалось и вырученные средства шли на погашение долга, а «остаток, ежели таковой оставался, раскладывался к взносу в заемный капитал на всех военных поселян-хозяев»⁵¹².

Все эти ограничения и препоны создавались вполне сознательно, поскольку командование военных поселений, в том числе и А.А. Аракчеев, были убеждены, что каждое сословие в государстве должно занимать свою социальную нишу. Крестьяне обязаны заниматься сельскохозяйственным производством, а ведение торговли только отвлекает их и не способствует развитию отрасли. Только этим можно объяснить столь негативное отношение начальства к неземледельческим промыслам. Необходимо также напомнить, что занятия военной подготовкой не позволяли надолго отлучаться из округов. А.А. Аракчеев полагал, что для более надежного поступления средств в бюджет военных поселений лучше вкладывать средства заемного капитала в банковские учреждения под проценты, чем выдавать ничем не гарантированные к возврату ссуды. Поэтому по всем округам поселений выдавалось за год не более 60-70 тыс. руб. ссуды, что было крайне мало, учитывая количество поселян-хозяев, а также их потребность в наличных деньгах. Источники свидетельствуют, что объем заемного капитала из года в год возрастал, но отнюдь не за счет экономической деятельности поселян, как считают некоторые авторы⁵¹³.

⁵¹² Там же. – Л. 178.

⁵¹³ Карцов П.П. Указ. соч. // Русский вестник. – 1890. – №2. – С. 156.

Руководство военных поселений, экономя государственные средства, практиковало использование заемного капитала для приобретения «запасов стекол и железных приборов в ротах, покупки пожарных инструментов, канцелярских принадлежностей для ротных и эскадронных комитетов, содержания и ремонта ротных бань и освещения улиц»⁵¹⁴. В 1840 – 1850-е гг. заметно сократилась выдача ссуд на покупку скота и инвентаря, а для ведения торговых операций вообще перестали выдаваться. На эти средства, как уже отмечалось, содержались волостные правления, общественные здания, ремонтировались дороги и сопутствующие инженерные сооружения. В неурожайные годы на средства из заемного денежного капитала закупались зерно и фураж, выдавались пособия для отставных и бессрочноотпускных солдат, которые подали прошения о приписке их к округам военных поселений. Тем самым, значительная часть общих расходов по военным поселениям перекладывались на плечи поселен-хозяев и их помощников.

Значительную долю в общем объеме капиталов военных поселений занимала недвижимая собственность: земельные угодья, леса, штабные комплексы, ротные поселки, конные заводы, пароходы и паровые лесопильные заводы (см.: Табл. 29). Приведенные в ней данные свидетельствуют о динамичном росте капиталов запасных и вспомогательных хлебных магазинов. Крупномасштабные приобретения частных земельных владений приходится, в основном, на период до 1826 г. Однако, если стоимость конских заводов и земельных угодий может быть отнесена к государственной собственности, то это ни в коей мере не относится к стоимости запасных хлебных магазинов, фонды которых формировались за счет ежегодных взносов поселен-хозяев и, следовательно, фактически, как и заемный денежный капитал, принадлежали им.

В историографии военных поселений до сих пор не решен вопрос об их рентабельности. Практически все исследователи, за исключением Т.Н.Кандауровой⁵¹⁵, полагают, что военные посе-

⁵¹⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 3. – Д. 586. – Л. 45.

⁵¹⁵ Кандаурова Т.Н. Рациональные основы развития сельскохозяйственного производства в округах военных поселений // Аграрные технологии в России IX-XX вв. – Арзамас, 1999. – С. 152-163; Она же. Военные поселения в России в XIX веке как новая хозяйственная инфраструктура армии // Особен-

ления себя не окупали за счет перехода на самообеспечение продовольствием, а если учитывать потери государства от недополучения податей крестьян, перешедших в категорию военных поселян (до 440 тыс. руб. в год), то убытки и вовсе были весьма значительными. Выводы их строятся на основе заранее заданной концепции о порочности военных поселений, которая имманентно присуща им как некое зло. Как правило, эти точки зрения заимствуются (с небольшими вариациями) у первых серьезных исследователей их истории – М.И. Богдановича и Н.К. Шильдера, которые в оценке военных поселений исходили, в большей степени, из морально-этических, а не конкретных социально-экономических факторов.

Попытаемся сопоставить официальную статистику и ту скрытую информацию, которая в ней содержится. Согласно официальной отчетной документации, за счет перевода абсолютного большинства кавалерийских и части пехотных округов на самообеспечение продовольствием и фуражом, за период с 1821 по 1831 г. включительно, была получена экономия в размере 53.653.400 руб. (см.: Табл. 30). В среднем, экономия по одному кавалерийскому полку (1128 солдат и 955 строевых лошадей) составляла 105 тыс. руб. в год (в расчет принимаются только действующие эскадроны); в пехотном полку (2000 солдат) эта цифра составляла 83,6 тыс. руб. Показываемая же сумма – 53,6 млн. руб. – включала и экономию по поселенным батальонам и эскадронам.

За этот же период прямые государственные расходы на военные поселения составили 23.379.168 руб. Эта цифра включала

ежегодное недополучение податей (440 тыс. руб.) и ежегодные отчисления по государственной росписи расходов на развитие военных поселений (1.716.288 в год) за 11 лет. Следовательно, чистая прибыль государства составляла около 30 млн. руб. Вот откуда появилась цифра – 30 млн. руб. экономии, которая была способна защитить идею военных поселений от любых нападков.

Попытаемся теперь проанализировать официальные данные и вычленить действительную рентабельность военных поселений в указанный период. Маленькая «хитрость» руководства военных поселений, которую почему-то не желало

ности российского земледелия и проблемы расселения. – Тамбов, 2000. – С. 142-156.

замечать правительство [?!], заключалась в том, что сумма экономии рассчитывалась применительно ко всем частям (поселенной и действующей) поселенных войск. Некорректность такого подхода заключалась в том, что действительную экономию давали только действующие батальоны и эскадроны. Поселяне-хозяева из поселенных батальонов и эскадронов, а также их помощники из резервных эскадронов, давали фиктивную экономию, поскольку в подавляющем большинстве это были в прошлом государственные крестьяне и казаки (см.: Табл. 10), которые до перевода в военные поселения не только обеспечивали себя и свои семьи продовольствием, но и платили государственные подати. Тем более, некорректность такой методики подсчета усугубляется тем, что поселенные и резервные подразделения, как уже отмечалось выше, только условно можно отнести к строевому составу армии, ввиду того, что во время военных действий они оставались в своих округах и в поход не выступали.

Поскольку численность действующих подразделений, по нашим подсчетам, не превышала 35% всего состава поселенных войск, следовательно, фактическая экономия должна составить только третью часть официально показываемой цифры – 53,6 млн. руб., т.е. порядка 18 млн. руб. Следовательно, военные поселения до 1832 г. (на первых трех этапах своего существования) принесли убытки в размере 5,5 млн. руб. При этом необходимо учитывать и тот факт, что львиная доля затрат падала на округа пехоты, хозяйственная модель которых не смогла обеспечить полный переход на самообеспечение продовольствием. Кавалерийские округа, модель которых строилась на базе крестьянского хозяйства, практически сразу начинали обеспечивать войска продовольствием и таким образом могли экономить значительные государственные средства. Справедливости ради, необходимо отметить, что вышеприведенные расчеты могут быть скорректированы стоимостью возведенных зданий и приобретенной недвижимостью. Но экономия – 30 млн. руб., – которая показывалась в официальной отчетной документации, являлась демагогией в государственном масштабе.

Теперь попробуем разобраться с «рентабельностью» военных поселений для самих военных поселян, тем более, что при введении поселений правительство официально заявило о «выгодах и преимуществах, дарованных военным поселянам».

По нашим подсчетам, средняя стоимость продовольственного солдатского пайка (в официальной документации – «дача») в год составляла 34 руб. 31 коп. (3 четверти муки и 0,28 четверти крупы в год). По данным Т.Н. Кандауровой, содержание строевых лошадей в действующих эскадронах в этот период колебалось от 51 до 192 руб. в уланском и от 185 до 224 руб. в кирасирском полку. Такая значительная разница объясняется тем, что некоторая часть лошадей не получала в своем рационе овес⁵¹⁶.

В указанный период платежи государственных крестьян в казну составляли: в Новгородской губ. – 11 руб. 50 коп. с ревизской

души, в Слободско-Украинской и Херсонской – 12 руб. 30 коп. Следовательно, стоимость одного солдатского пайка («дачи») равнялась сумме платежа государственных податей с трех душ, а содержание одной строевой лошади соответствовало уплате податей за 10 ревизских душ в уланском и 17 – в кирасирском полку. Следовательно, выгодность перехода крестьян в военное поселение, декларированная правительством, оказалась такой же демагогией, как и выгодность самих поселений. Если же учесть, что до реформы 1826-1827 гг. поселяне-хозяева обязаны были содержать по два постояльца (в округах кавалерии, еще и по две строевые лошади), то можно понять, какое бремя легло на плечи крестьян и казаков, переведенных в военное-земледельческое сословие. Т.Н. Кандаурова рассматривает выгодность военных поселений только с точки зрения государственных интересов, что является некорректным.

В 1830-е – 1850-е гг. происходят значительные изменения в формировании и использовании бюджета военных поселений. В росписи государственных расходов статья на финансирование военных поселений была ликвидирована. Приходная часть их бюджета (от 1,0 до 1,7 млн. руб. серебром) формировалась за счет следующих источников (см.: Табл. 31): оброк с пахотных солдат (24%), сборы по оброчным статьям (5%), винные откупа в округах военных поселений (40%); все они составляли прямые доходы. Порядка 30% финансовых средств приходилось на косвенные поступления (проценты по банковским вкладам, перечисленные от различных государственных учреждений и т.п.).

⁵¹⁶ Кандаурова Т.Н. Херсонские военные поселения... – С. 136.

Объемы основных статей расходной части бюджета военных поселений колебались в зависимости от поступлений финансовых средств в отдельные годы (см.: Табл. 32). Характерным для этого периода является значительный рост расходов на содержание аппарата управления: с 7,5% в 1834 г. до 42% в 1842 г. (сравни со штатными расходами в 1820-е гг., когда они не превышали 9%, см.: Табл. 26). Значительная доля бюджета (вторая рубрика – «высочайше утвержденные статьи») тратилась на отопление и освещение казенных зданий, а также персональные надбавки к жалованию офицерам, генералам и чиновникам, служившим по ведомству военных поселений. Соответственно, расходы на строительные работы постоянно сокращаются.

На последнем этапе отмечаются случаи сведения бюджета военных поселений со значительным дефицитом, чего раньше никогда не допускалось. Так, например, в 1837 г. при приходе в 4.108.771 руб. расходы составили 5.804.647 руб., следовательно, дефицит составил 1,7 млн. руб. ассигнациями, сумму по тем временам весьма значительную. Аналогичная ситуация наблюдалась и в некоторые другие годы.

Если сравнивать расходы по отдельным регионам дислокации округов, то обнаруживаются те же тенденции, что и на предыдущих этапах функционирования поселенной системы: приоритет по-прежнему отдавался бывшим округам пехоты, преобразованным в округа пахотных солдат. Это было связано с тем, что здесь было расквартировано значительное количество войск и приходилось отпускать значительные суммы (до 60% расходной части) на строительство и ремонт различных зданий и сооружений (см.: Табл. 32).

С началом формирования военных поселений в Киевской и Подольской губерниях на базе конфискованных у активных участников польского восстания 1830-1831 гг. имений, у Департамента военных поселений появились дополнительные расходы на выплату долгов, числившихся на этих имениях. А долги эти были весьма значительными: к 1836 г. кредиторы предъявили иски на сумму 12.438.828 руб. ассигнациями, 1.311.774 руб. серебром, 2630 руб. золотом, 160 тыс. талеров, 19362 франка и 255 тыс. золотых. Губернские судебные органы признали справедливыми и подлежащими оплате: 2.189.927 руб. ассигнация-

ми, 368.441 руб. серебром и 33.306 руб. золотом⁵¹⁷. Это, однако, не означало, что данная сумма была немедленно возвращена их владельцам. Было принято решение, что «все сии претензии, как признанные, так и прочие отвергнутые и производящиеся в судебных местах, подлежат окончательному пересмотру в военном ведомстве и представлению в правительствующий Сенат»⁵¹⁸. На практике оплата долгов производилась методом «эксдивизии», т.е. сообразно ценности отдельных имений и из их собственных доходов. Вот почему в смете доходов и расходов Департамента военных поселений эти поселения показывались отдельной рубрикой, а выплата долгов фактически ложилась на плечи вновь рекрутированных военных поселян.

Когда в начале 1850-х гг. начинает наблюдаться хронический дефицит бюджета военных поселений (в 1851 г. – 97.594 руб., в 1852 г. – 1.218.555 руб.)⁵¹⁹, руководство Военным министерством начинает искать пути сокращения расходов. В результате весьма длительных обсуждений и интенсивной переписки (под грифом «секретно»), которая регулярно докладывалась императору, было принято решение сократить штатное расписание в округах пахотных солдат. С этой целью предлагалось округа в Витебской и Могилевской губерниях ликвидировать, а в Новгородской укрупнить.

В первых из них ежегодная недоимка оброка составляла до 40-45% суммы по раскладке. Управлялись они из г. Старой Руссы, т.е. на расстоянии 430 верст до Витебского и 770 верст до Могилевского округов⁵²⁰. Рассматривался вопрос о передаче их в ведение Министерства государственных имуществ, поскольку они, якобы, уже не «составляют особенной пользы для военных поселян, а самая цель учреждения их, с выводом оттуда саперных войск, постоянно там располагавшихся, изменилась»⁵²¹.

Начальник округов пахотных солдат генерал-лейтенант Г.Ф. Пиллар фон Пильхау категорически возражал против этих доводов, обосновывая это тем, что «нельзя ручаться, что округи пахотных солдат Новгородского и Старорусского уделов, узнав о подчинении Витебского и Могилевского округов в граждан-

⁵¹⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 54. – Л. 35-36.

⁵¹⁸ Там же.

⁵¹⁹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 7437. – Л. 5-8.

⁵²⁰ Там же. – Д. 7026. – Л. 6-6 об.

⁵²¹ Там же. – Л. 8.

ское ведомство не пожелали бы того же, где, нельзя не согласиться, присмотр будет за ними гораздо слабее»⁵²². Руководство Военным министерством и Департаментом военных поселений вынуждено было согласиться с данными доводами, тем более, что хозяйство этих округов начало несколько стабилизироваться.

Было принято решение об очередной реорганизации округов пахотных солдат в Новгородской губ. Предварительные расчеты

показали, что здесь один чиновник приходился на 213 хозяев, тогда как по Министерству государственных имуществ эта цифра была в 5-6 раз выше⁵²³. В связи с этим уделы ликвидировались, а округа укрупнились за счет соединения соседних, «ибо порядок оброчного управления не требует того ближайшего надзора, какой неизбежен в поселенных округах, где производится общественная запашка, и где за всем тем округа занимают большее пространство управления»⁵²⁴. Вместе с уделами ликвидировались дежурства, а также семь окружных комитетов; количество же волостных управлений оставалось прежним. Эти мероприятия позволили сократить штатные расходы на 44,3 руб. в год. Небольшую экономию средств дала ликвидация части судов Новгородской флотилии и парового лесопильного завода в г. Старой Руссе. Вдвое (с 12 до 6) было сокращено количество лазаретов в округах пахотных солдат.

Г.Ф. Пиллар фон Пильхау предложил также сократить расходы на содержание казенных построек, поскольку «чрезвычайная издержка по строительной части происходит от того, что деревянные связи, в коих квартирует 1-я гренадерская дивизия, очень ветхи». Он предложил разместить солдат постоем у пахотных солдат, что могло дать значительную экономию на отоплении и освещении зданий. Департамент военных поселений посчитал, что «постоянное расквартирование войск у пахотных солдат повлечет за собою большие невыгоды как в нравственном, так и в хозяйственном отношении. Пахотные солдаты должны платить оброк, который, впрочем, не везде исправно ими вносится, имея же постояльца, коему обязан дать прива-

⁵²² Там же. – Л. 24.

⁵²³ Там же. – Д. 7026. – Л. 11.

⁵²⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 7026. – Л. 7.

рок, не имея сам такового в достаточном количестве для своей семьи, может ли он быть исправным плательщиком?»⁵²⁵ Было принято решение: сохранить в данном вопросе статус-кво, тем более, что войска, находясь на постоянных квартирах, сокращали государственные расходы на компенсацию постоянной повинности.

Тогда же, в 1851 г., было предложено ликвидировать военное поселение на Охтенском пороховом заводе, поскольку расходы на его содержание превышали доходы на 4779 руб.⁵²⁶ Кроме того, завод оказался в двойном подчинении: Департаменту военных поселений и Артиллерийскому департаменту, что порождало обширную переписку. Было разработано «Предназначение о упразднении военного поселения Охтенского порохового завода», которое не было осуществлено ввиду начавшейся Крымской войны. В округах кавалерии в Киевской и Подольской губерниях были упразднены должности помощников начальников округов⁵²⁷. В целях сокращения расходов предполагалось ликвидировать в округах 25 рот служащих инвалидов, 25 временных рабочих рот и два военно-рабочих батальона, которые включали до 15 тыс. нижних чинов. Опять таки, в связи с началом военных действий реализация этого плана также была отложена.

В 1830-е – 1850-е гг. государство продолжало использовать финансовые средства, юридически принадлежавшие военным поселением и пахотным солдатам, хотя в делопроизводственной документации они и стали называться «частными капиталами». В период реорганизации округов пехоты в 1832 г. в каждом из округов было оставлено по 40 тыс. руб. из сумм заемного денежного капитала (по всем округам – 560 тыс. руб.). Оставшаяся затем сумма – 504 тыс. руб. – была пожалована императором «в знак особого благоволения к войскам отдельного Гренадерского корпуса за отличную службу их в войну против польских мятежников»⁵²⁸.

Основными источниками пополнения заемного капитала в этот период были: продажа запасов хлебных магазинов Провиантскому департаменту по твердым ценам (в округах кавалерии специально для этого были предприняты посевы особого ценно-

⁵²⁵ Там же. – Л. 41.

⁵²⁶ Там же. – Л. 252.

⁵²⁷ Там же. – Л. 357.

⁵²⁸ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 7432. – Л. 19.

го хлеба); деньги, заработанные поселянами и пахотными солдатами на общественных работах; проценты по ссудам, выдаваемым военными поселянами и т.п. В среднем за год на счета этого капитала по всем поселениям поступало около 120-140 тыс. руб. серебром.

Из сумм заемного капитала производилась оплата жалования членам волостных комитетов, осуществлялся ремонт общественных зданий, содержались школы, дороги и пожарный инвентарь. Значительные средства расходовались на покупку зерна и фуража во время неурожая, что способствовало значительному снижению смертности в эти годы. Получение же ссуд, как и прежде, было крайне затруднено. Только в 1845 г. высочайшим указом было запрещено в округах кавалерии расходовать средства из заемного капитала «по предметам более казенным, отнеся это на общий капитал военных поселений». Этим же указом было предписано, «чтобы при назначении рекрут из военных поселян в войска, расположенные вне округов, военные поселяне производили те только расходы из заемного денежного капитала, какими при сдаче рекрут обязаны казенные крестьяне»⁵²⁹.

В заключение попробуем ответить на вопрос: повлияло ли реформирование военных поселений на их рентабельность? Конкретный ответ на него очень важен в контексте вывода: была ли достигнута одна из важнейших целей учреждения военных поселений, связанная с сокращением государственных издержек на содержание армии. По официальным данным, ежегодная прибыль от хозяйственной деятельности военных поселений кавалерии в 1830-е – 1850-е гг. составляла от 2,0 до 3,5 млн. руб. Столь значительная дисперсия показателей объясняется колебанием конъюнктуры хлебного рынка в различные годы. По нашим подсчетам, за весь период существования военных поселений прибыль от их хозяйственной деятельности составила 59,8 млн. руб. серебром.

Ежегодно государство недополучало от 1,5 до 2,0 млн. руб. серебром в виде государственных податей, винных откупов и доходов с оброчных статей. Следовательно, фактическая сумма экономии колебалась в пределах от 20 до 35% показываемой официально. Однако, это все-таки означает, что после радикального реформирования военные поселения смогли достичь неко-

⁵²⁹ Там же. – Оп. 10. – Д. 598. – Л. 9.

торой рентабельности, дав в итоге прибыль в размере от 17,9 до 20,9 млн. руб. серебром. За вычетом из этой суммы убытков, принесенных военными поселениями до 1832 г. – 1,8 млн. руб. серебром – фактическая экономия за все годы существования военных поселений, по нашим подсчетам, колебалась в пределах 16-19 млн. руб. серебром. Кроме того, в нее необходимо включить стоимость возведенных зданий, дорог, всевозможных сооружений, пароходов, паровых лесопильных и мукомольных заводов, а также приобретенных земель, которая может, по крайней мере, удвоить эту цифру.

В условиях самодержавно-крепостнической системы столь значительные показатели, достигнутые в сравнительно короткие сроки, были возможны лишь путем отчуждения значительной части прибавочного продукта. Несмотря на дефицит бюджета военных поселений в отдельные годы, руководству удалось, в основном, сохранить их капиталы. Так, например, если в 1826 г. все финансовые средства военных поселений составляли около 5,8 млн. руб. серебром, то в 1850 г. – 4,2 млн. руб. серебром. При этом необходимо учитывать, что из их средств осуществлялись некоторые экстренные расходы: содержание резервных войск в 1828-1833 гг., содержание учебных карабинерных полков, строительство Кронштадтской и Варшавской телеграфических линий – всего до 6,9 млн. руб. серебром⁵³⁰.

Значительные выгоды получило государство и в натуральном выражении. Так, например, если в 1826 г. военные поселенцы обеспечивали продовольствием и фуражом 47.609 солдат и 18.248 лошадей, то в 1850 г. – 64.323 солдат и 25.332 лошади. По нашим подсчетам, за всю историю военных поселений стоимость сэкономленного продовольствия и фуража составила около 74,6 млн. руб. серебром. При этом необходимо учитывать, что до 1832 г. сюда включалась и стоимость продовольствия для поселенных и резервных батальонов и эскадронов. Сумма экономии может быть скорректирована вследствие ряда причин. Так, например, сумма платежей поселенцев государству, если бы она находилась в гражданском ведомстве, не стала бы стабильной ввиду недоимок. В наших же расчетах приняты абсолютные, т.е. теоретически возможные платежи.

⁵³⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 917. – Л. 93-93 об.

И последнее, достаточно существенное, на наш взгляд, замечание. Если бы не существовало хозяйства военных поселений, то снабжение войск по линии Провиантского департамента неизбежно должно было привести к повсеместному подорожанию продовольствия, особенно в округах кавалерии, где была сосредоточена значительная масса войск. Имеющиеся в нашем распоряжении данные могут быть использованы только для приблизительного подсчета фактической экономии и эта цифра может быть скорректирована в ходе дальнейшего исследования проблемы. Впервые только в отчете по военным поселениям за 1854 г. была показана более или менее реальная сумма экономии, которая, при стоимости сэкономленного продовольствия в 2.461.812 руб., за вычетом 1.112.732 руб. несобранной оброчной и подушной подати, недополученной откупной суммы за продажу питей – 645.665 руб. и оброчных статей – 97.760 руб., составляла всего 180.849 руб.⁵³¹

Анализ финансирования и формирования бюджета военных поселений свидетельствует, что формы и методы изменялись в связи с конкретными периодами их истории. На первых двух этапах, когда отмечается интенсивное развитие системы, этот процесс отличался стабильностью, поскольку действовал авторитет

А.А. Аракчеева.

Основная масса бюджета поселений формировалась путем дополнительного налогообложения населения, особенно в тех губерниях, где они создавались, а также ростовщичеством и направлением части государственных поступлений в их пользу (винные откупа, арендные статьи и т.п.), отчуждением части прибавочного продукта, произведенного военными поселянами.

На последнем этапе существования военных поселений прекращается их прямое государственное финансирование, и центр тяжести в этой сфере был перенесен на сбор оброка с пахотных солдат, винные откупа и арендные статьи. В результате удешевления военных поселений за счет сокращения объемов строительства и ряда других мероприятий удалось добиться их, хотя и незначительной, рентабельности. Однако это достигалось, опять-таки, путем усиления эксплуатации военных поселений и пахотных солдат.

И хотя А.А. Аракчеев неоднократно подчеркивал, что капиталы военных поселений «учреждены ... не для того, чтобы

⁵³¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 1406. – Л. 7-7 об.

лежать, но для употребления»⁵³², суммы, находившиеся на их счетах в остатке, почти не «работали» ни на государство в целом, ни на сами военные поселения, если не считать ссуд Государственному казначейству под проценты и отчисления на экстренные государственные нужды. Финансовые средства слабо вкладывались в развитие хозяйственной структуры военных поселений (за исключением строительства), не использовались для развития торговли и кредита. Финансовая система военных поселений, будучи органической частью экономики страны, не имела исторической перспективы и по мере развития товарно-денежных отношений все хуже справлялась со своими функциями.

§2. Сельскохозяйственное производство

Экономической основой военных поселений являлось сельскохозяйственное производство, а основной производственной ячейкой – хозяйство военного поселенца, которое должно было обеспечивать поселенные войска продовольствием и фуражом, а также комплектовать их личным составом. Возлагая на него столь многочисленные и тяжелые обязанности, власти вынуждены были искать новые пути его организации и функционирования, чтобы создать зажиточное, крепкое крестьянское хозяйство. Если в южных регионах страны, где были развернуты округа кавалерии, более благоприятных для ведения сельского хозяйства, не требовалось значительных затрат для обеспечения стабильной урожайности зерновых и развития животноводства, то в округах пехоты и инженерных войск для успешного решения этой задачи требовались немалые усилия, поскольку уровень урожайности здесь, в первую очередь, зависел от таких агротехнических приемов, как удобрение полей и осушение почвы⁵³³.

Северо-запад страны был старым земледельческим регионом с богатыми традициями землепользования. По мере разви-

⁵³² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 84 об.-85.

⁵³³ Бычков Г.Н. Опыт подворного исследования экономического положения и хозяйства крестьян в трех волостях Новгородского уезда. – Новгород, 1882. – С. 34.

тия товарно-денежных отношений, этот регион, расположенный вблизи столицы и обладавший развитой сетью транспортных коммуникаций, начал специализироваться на мелкотоварном производстве технических культур и фуража. Особенно ценился лен, пользовавшийся спросом как в стране, так и за рубежом. В начале XIX в. многие крестьянские хозяйства, хорошо обеспеченные земельными угодьями и скотом, были прочно втянуты в рыночные отношения. Успешно развивались отходничество и торговля.

Территории Слободско-Украинской и Херсонской губерний, отошедшие в военные поселения, также были достаточно хорошо освоены. Статистические сведения, собранные на этих территориях, накануне перевода их в военное поселение, свидетельствуют о хорошем обеспечении хозяйств надельными земельными угодьями, скотом, что, при здешних уровнях плодородия почв, позволяло снимать стабильно высокие урожаи⁵³⁴. По донесениям херсонского губернатора в 1817 г., земли здесь были настолько плодородными, что не требовали никакого удобрения. Средний душевой надел составлял около 15 дес. Некоторые помещики давали и по 30 дес., но большинство хозяйств не были в состоянии обрабатывать такие площади. Большое значение, особенно для южных уездов губернии, имели природно-климатические условия сельскохозяйственного сезона, поскольку довольно частыми здесь были засухи⁵³⁵. Толщина чернозема здесь достигала 4-8 вершков (17,8-35,6 см). Возвышенные места были менее плодородны и их, как правило, использовали под сенокосы.

В этом регионе также было развито мелкотоварное сельскохозяйственное производство, обусловленное близостью черноморских портов и наличием крупных ярмарок в городах Одессе, Николаеве, Херсоне, Харькове, Екатеринославе и др. Развито было животноводство, продукция которого имела спрос как на внутренних, так и на внешних рынках. Природно-климатические условия позволяли получать хорошие урожаи винограда и фруктов; на территориях, прилегающих к городам,

⁵³⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 726.

⁵³⁵ Там же.

было развито огородничество. В казацко-крестьянской среде наблюдалась значительная имущественная дифференциация⁵³⁶.

Введение военных поселений в значительной мере изменило сложившуюся в этих регионах структуру хозяйства. Упор теперь делался, в основном, на земледелие, а скотоводство и другие отрасли рассматривались как вспомогательные.

Одной из составляющих сельскохозяйственного производства является вопрос о землепользовании. Введением военных поселений общинное землепользование (там где оно существовало) было отменено, а «вся пахотная земля округов военного поселения должна быть разделена по хозяйствам на равные участки; сенокосная и пастбищная, во внимание неодинакового всегда урожая травы, предоставляется без раздела в общее их (поселян-хозяев – К.Я.) пользование по распоряжению комитета полкового управления, делаемому ежегодно в начале лета»⁵³⁷. Одна из трудностей в поземельном устройстве заключалась в том, что военные поселяне «имеют там (в округах – К.Я.) свои дачи на праве помещичьем, одни довольно обширны, а другие меньше, следовательно, разделение земли на равные между ними участки было бы нарушением права собственности, если не определить за оную вознаграждение», а поскольку «частное владение военных поселян землею несовместимо с их званием и препятствует достижению цели военных поселений», то, по приказу А.А. Аракчеева, было выявлено количество таких владений с целью дальнейшего их выкупа. Так, например, в округах 2-й уланской дивизии таковых земель оказалось 12,5 тыс. дес. Командир дивизии генерал-лейтенант Г.И. Лисаневич предложил выкупить около 7,5 тыс. дес., в среднем, по 13 руб. за десятину (рыночная стоимость – около 40 руб.), а остальные конфисковать, поскольку на них не было купчих.

В округах пехоты сразу же возник вопрос о наделении поселян достаточным количеством земли, поскольку численность поселянских хозяйств в 2-3 раза превышала ранее существовавшее количество. По расчетам командования, минимальный надел в них должен был составить 10 дес. на каждое хозяйство (усадебная и огород – 1 дес., пашня, по две десятины в трех полях,

⁵³⁶ Гуржій І.О. Розвиток товарного виробництва і торгівлі на Україні (з кінця XVIII ст. до 1861 р.). – К., 1962; Дружинина Е.И. Южная Украина в 1800-1825 гг. – М., 1970.

⁵³⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 59. – Л. 70.

– 6 дес., сенокосы – 2 дес., выгон – 1 дес.)⁵³⁸. Особенно остро встал вопрос о наделении поселян-хозяев земель в округах Полоцкого и Елецкого пехотных полков в Могилевской губ., где особенно не хватало сенокосов, что делало невыполнимой установку командования: довести обеспеченность поселянских хозяйств скотом до пропорции – не менее двух лошадей и шести коров на хозяйство⁵³⁹.

В кавалерийских округах этот вопрос так остро не стоял, поскольку земельный фонд здесь был весьма значительным, обширные степные пространства в Херсонской губ. оставались нераспаханными. Поэтому долгое время какой-либо нормы надела здесь не существовало, а государственные крестьяне и казаки обрабатывали столько земли, сколько позволяло их хозяйство, т.е. определялось количеством рабочих рук и рабочего скота.

Правда, в Слободско-Украинской губ. при поселении 2-й кирасирской дивизии ощущался определенный недостаток земельных угодий. Норма, которая обеспечивала переход каждого округа на самообеспечение продовольствием – 60 тыс. дес. для полка тяжелой кавалерии – была выдержана только в округе Астраханского кирасирского полка, который был создан в Старобельском уезде, входившем ранее в Воронежскую губ. (см.: Табл. 36). Особенно плохо обстояло дело с сенокосами и лесными угодьями. По подсчетам командования, для покрытия недостающего количества необходимо было приобрести не менее 95 тыс. дес. земли, в том числе – 55 тыс. дес. сенокосов и не менее 12 тыс. дес. леса. Отсутствие достаточного количества сенокосов, особенно в полках тяжелой кавалерии, отрицательно сказывалось на физическом состоянии строевых лошадей.

В 1829 г. в связи с реорганизацией поземельного состава кавалерийских полков была произведена попытка расчета индивидуального наделения поселян-хозяев земельными угодьями, который учитывал бы качество почвы, количество земли, нужного для содержания постояльцев и их лошадей, а также необходимость производства хоть какого-то количества товарной продукции, поскольку поселяне нуждались в деньгах. С этой целью оберквартирмейстером 3-го резервного поселенного ка-

⁵³⁸ Там же. – Д. 10. – Л. 575.

⁵³⁹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 383. – Л. 145.

валерийского корпуса подполковником Е.Ф. фон Брадке было разработано «Положение о разделении на участки земель...», которое было представлено в Главный штаб е.и.в. по военному поселению в апреле 1829 г.⁵⁴⁰ В связи с различием качества почвы и с учетом всех особенностей развития сельскохозяйственного производства вся территория корпуса была разделена на семь регионов.

Предполагалось, что этот план будет реализован в течение шести лет, однако на практике процесс растянулся до конца 1830-х гг. Это было связано с нехваткой освоенных земель, особенно в округах 3-ей уланской дивизии, где душевой надел сократился до 4,5 тыс. дес. Поскольку в данном регионе фонд государственных земель был исчерпан, было принято решение предложение командира корпуса И.О. Витта о переселении 584 душ м.п. из округа 4-го украинского полка в округ 1-го Бугского уланского полка, где имелись излишки земель.

Данные табл. 34 свидетельствуют, что размеры пашни и сенокосов на одно поселянское хозяйство значительно варьировались в зависимости от вида кавалерии и были весьма далеки от намечаемых (36 дес. на хозяйство) за исключением округов 2-й (округа №5-8 Украинских военных поселений) и 4-й (округа №9-12 Новороссийских военных поселений) уланских дивизий. В указанных округах размер пашни составлял от 20,6 до 22,4 дес. на хозяйство. В округах 3-ей уланской дивизии (округа №5-8 Новороссийских военных поселений) этот показатель был вдвое меньшим – от 10,7 до 15,7 дес. Примерно такими же были размеры пашни в округах Легкой кавалерийской дивизии (округа №1-5 Киевской и Подольской губерний). В округах кирасирских дивизий (округа №1-4 Украинских и №1-4 Новороссийских военных поселений) размер пашни составлял от 11,2 до 14,6 дес. на хозяйство. Такое малое ее количество было обусловлено, прежде всего, отсутствием у военных поселян достаточного количества рабочего скота. Значительная дисперсия обеспечения поселянских хозяйств сенокосами объясняется региональными особенностями каждого округа и свидетельствует о недостаточности этих угодий, особенно в округах кирасирских полков.

Дефицит лесов в округах кавалерии также сказывался на обеспечении поселянских хозяйств сенокосами, поскольку луч-

⁵⁴⁰ Там же. – Оп. 2. – Д. 1472. – Л. 1, 3.

шими из них были лесные и пойменные, а здесь преобладали нагорные. Однако, военные поселяне округов Украинских военных поселений были лучше обеспечены надельными землями, чем государственные крестьяне Харьковской губ. (3,49 дес. душевого надела). На уровне средних показателей по государственной деревне в Екатеринославской (7,07 дес.) и Херсонской (8,2 дес. душевого надела) губерниях были наделы военных поселян Новороссийских военных поселений. По данным А. Тройницкого, у помещичьих крестьян данных губерний эти показатели были еще меньше: 2,77 дес. – в Харьковской и 3,26 дес. – Екатеринославской губерниях⁵⁴¹. Планировалось, что в каждом поселянском хозяйстве (с помощником) будет 36 дес. пашни в трех полях и 8 дес. сенокоса. При урожаях, в среднем, по 7 четв. с ярового и озимого клинов, при такой норме наделов каждое хозяйство могло получить до 168 четв. хлеба, в том числе овса или ячменя – до 60 четв. Такое количество собираемого хлеба давало возможность вести уже предпринимательское хозяйство⁵⁴². В поселениях Киевской и Подольской губерний намечалось довести наделы до 32 дес. на хозяйство, что, как свидетельствуют данные табл. 34, осталось только декларацией.

По подсчетам Ю. Янсона, для покрытия собственных потребностей в черноземной полосе необходимо было при урожаях сам-5 иметь не менее 5 дес. душевого надела⁵⁴³. Исследователь исходил из того, что значительная часть собранного хлеба шла на корм скоту (ввиду недостатка сенокосов), а также на пополнение запасных хлебных магазинов. В некоторых округах кавалерии поселяне-хозяева, при желании, могли получить и большие наделы, однако отсутствие достаточного количества скота не позволяло сделать это. И это при том, что на Украине издавна преобладало подворное землепользование у всех категорий крестьянства, и норма его определялась не наличием тягол, а количеством в хозяйстве рабочего скота. Поэтому крестьяне и казаки украинских губерний традиционно старались поддержать высокую степень насыщенности своих хозяйств рабочим скотом.

⁵⁴¹ Тройницкий А. Крепостное население в России по 10-ой народной переписи. – СПб., 1861. – С. 26-27.

⁵⁴² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 537. – Л. 155.

⁵⁴³ Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. – Изд. 2-е. – СПб., 1881. – С. 70-71.

В конце 1820-х – начале 1830-х гг. в округах уланских полков 3-го резервного поселенного кавалерийского корпуса началось массовое введение общественной запашки, от 20% в округах №9-12

Новороссийских поселений до 50% наделных площадей в остальных округах (см.: Табл. 34). В округах кирасирских полков подобная практика существовала еще с 1822 г. Ввиду недостатка земель общественные посевы и сенокосы не были введены только в 1-й уланской дивизии (округа №5-8 Украинских поселений), а отрезать земли у поселян-хозяев для этих целей командование не решилось. Последними в 1836 г. были введены общественные посевы в первых четырех округах (1-я кирасирская дивизия) Украинских военных поселений. Как видно из табл. 34, эти земли занимали значительные площади и требовали больших усилий военных поселян для их обработки. Как правило, военные поселяне работали на общественной запашке два дня в неделю.

В 1843 г. директор Департамента военных поселений генерал-лейтенант Н.И. Корф, обеспокоенный ростом прослойки бедных хозяев в округах пахотных солдат, предложил их начальнику генерал-лейтенанту Ф.К. фон Фрикену «завести в округах на некоторое время общественные засевы», однако последний резонно заметил, что «без угнетения пахотных солдат и возбуждения между ними неудовольствия общественные посевы никак учреждены быть не могут»⁵⁴⁴.

Практика военных поселений показала: если в округах кавалерии подобные размеры наделов хотя и не полностью, но соответствовали необходимым нормам, то в округах пехоты и инженерных войск наличных земель было явно недостаточно для выполнения функций, возлагаемых на поселянское хозяйство. «Учреждение о военном поселении» обходит вопрос о способах наделения поселян-хозяев землей. В нем лишь декларировался принцип сохранения хозяйства поселянина в том виде, в каком оно существовало до перехода в военное поселение. Однако, при создании округов пехоты, особенно 1-й гренадерской дивизии, изменилась вся сложившаяся система землепользования, поскольку привязка ротных поселков не совпадала с прежним расположением населенных пунктов. Резервы для наделения штатного количества хозяев в поселенном ба-

⁵⁴⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 3901. – Л. 1, 3.

тальоне (912 хозяйств) виделись, главным образом, в расчистке и осушении новых земель, для чего требовались значительные финансовые, людские затраты и время, а также в покупке и обмене угодий. Именно на период перевода поселян на новые земли (1820-1823 гг.), когда они частично продолжали пользоваться старыми, а также вновь осваемыми наделами, приходится самая низкая урожайность в округах указанной дивизии: сам-2,5 озимых и сам-1,5 яровых.

Расчистка и осушение земель производились силами вторых батальонов пехотных полков, входивших в Новгородский отряд военных поселений. Для качественной первоначальной вспашки указом от 18 марта 1824 г. были сформированы так называемые «волово́е парки» по 118 волов и 22 плуга в каждом⁵⁴⁵. Обеспечение их фуражом входило в обязанность военных поселян. К 1826 г. подобные парки были сформированы в каждом округе 1-й гренадерской дивизии, а в округе гренадерского графа Аракчеева полка таковых было создано даже два. Их использование было более эффективным, чем первоначальная вспашка лошадьми, поскольку после расчистки и осушения почва требовала многократной глубокой обработки. Это позволяло в значительной мере сохранить поголовье крестьянских лошадей. К 1830 г. в округах 1-й гренадерской дивизии, где испытывался наибольший дефицит земель, было освоено до 20 тыс. дес. земли, что позволило почти удвоить наделный фонд⁵⁴⁶.

Первоначальная вспашка полей с помощью волов производилась также в поселенных ротах Охтенского порохового завода, где поселяне-хозяева-хлебопашцы имели всего лишь по одной лошади⁵⁴⁷. В Старорусском уезде, где поселялись 2-я гренадерская и гренадерская артиллерийская дивизии, расчистки практически не производились, поскольку поселения здесь создавались на базе существующих хозяйств и переселения здесь были сведены до минимума. Надельные земли в этих округах продолжали распределяться по ревизским душам, но пользование ими было подворное, а не общинное.

В округе 1-й саперной бригады (Витебская губ.) «расчистки полей и осушения болот не производились, как равно и разделения оных на участки военных поселян, кои разделяют

⁵⁴⁵ Там же. – Оп. 1. – Д. 226. – Л. 299-315 об.

⁵⁴⁶ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 1463. – Л. 28.

⁵⁴⁷ Там же. – Д. 3643. – Л. 32 об.

между собою удобную и неудобную землю»⁵⁴⁸. В округе 2-й саперной бригады (Могилевская губ.) размежевание земель было произведено в 1818-1820 гг.; здесь, как и в округах 1-й гренадерской дивизии, практиковались расчистка и осушение земель «по мере необходимости».

В кавалерийских округах подобная практика отсутствовала. В начале 1830-х гг., когда были достигнуты нормы наделения землей, воловые парки были расформированы и оставлено небольшое количество волов (например, в округе №5 пахотных солдат) «для распашки земли на прибавку пахотным солдатам полей, не имеющим достаточного числа оных»⁵⁴⁹. В данном, конкретном случае необходимо иметь ввиду, что пахотные солдаты этого округа имели значительные льготы (например, были освобождены от уплаты оброка), поскольку не принимали участия в восстании военных поселян 1831 г.

В сложном положении оказались хозяева, которые раньше проживали на хуторах и в небольших деревнях, поскольку именно их усадьбы подлежали переносу на новые места в первую очередь. Приходилось либо бросать освоенные участки и начинать хозяйство практически заново, либо преодолевать значительные расстояния для работы на старых угодьях. Отказы командования оставить их на прежнем месте жительства обычно мотивировались тем, что округа могут лишиться значительного количества зажиточных хозяев, а также ослабнет контроль за исполнением общественных работ и содержанием постояльцев. Расположение ротных поселков также создавало неудобства в землепользовании, поскольку дома-связи зачастую были расположены на значительном удалении от полей, лугов и пастбищ⁵⁵⁰.

К концу 1820-х гг. пришлось пересматривать нормы наделения землей и в округах пехоты, поскольку 10 дес. на хозяйство было явно недостаточно не только для содержания постояльцев, но и собственных семей. Было принято решение увеличить земельный надел на каждое хозяйство до 15 дес. В 1829 г. поселянам-хозяевам было разрешено приобретать ненаселенные земли, но с тем условием, что они «должны оставаться на жительстве непременно в тех поселенных ротах, в коих со-

⁵⁴⁸ Там же. – Д. 3646. – Л. 14 об.-15.

⁵⁴⁹ Там же. – Д. 6970. – Л. 46 об.

⁵⁵⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 1798. – Л. 4.

стоят по описям и исполняют обязанности и повинности, званию их присвоенные»⁵⁵¹.

Малоземелье вынуждало поселян арендовать земли, особенно луга и выгоны, зачастую на невыгодных условиях. В округах пехоты преобладала коллективная форма аренды; в округах кавалерии, где не ощущался земельный голод, была распространена предпринимательская аренда. После 1829 г. наблюдаются случаи приобретения земель в частную собственность зажиточными поселянами. В таких крупных хозяйствах применялся наемный труд, в первую очередь, своих односельчан. Однако, такая практика не была распространенной и встречалась весьма нечасто.

Следующим источником пополнения земельного фонда округов военных поселений являлись покупка и обмен земель. Зачастую государство просто отрезало в пользу округов «излишние сверх 15-десятиной пропорции» земли государственных крестьян. Если и выплачивалась компенсация, то она не превышала 65-75 коп. за десятину. По закону, внутри округов не допускались частновладельческие земли, поэтому их владельцам было предложено либо продать их в казну, либо обменять. Помещики запросили цены, превышающие рыночные и переговоры с некоторыми из них затянулись. Тогда А.А. Аракчеев во всеподданнейшем докладе от 28 февраля 1819 г. предложил: «через частные сношения в сем деле нельзя иметь успеха и, что для достижения желаемой цели – совершенного отделения земель военных поселян от земель помещичьих, необходимо нужно общее положение, которое бы на известных правилах соглашало обоюдные выгоды казны и помещиков»⁵⁵². Опасаясь недовольства со стороны последних, правительство не согласилось на разработку такого положения, и ограничилось созданием в поселении ряда межевых комиссий, на которые и были возложены задачи приобретения и обмена земель.

Как правило, покупка земель у помещиков производилась по ценам, которые незначительно уступали запрашиваемым, причем они могли значительно колебаться в зависимости от региона. Так, например, для 3-ей поселенной роты Охтенского порохового завода у действительного камергера Плещеева было

⁵⁵¹ Там же. – Оп. 2. – Д. 1971. – Л. 14.

⁵⁵² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 199-200 об.

куплено 143 дес., в среднем, по 125 руб. за десятину (сказывалась близость столицы), в Слободско-Украинской же губернии помещики зачастую уступали свои земли по 25-30 руб. за десятину, хотя она была значительно лучшего качества⁵⁵³. Неверными являются утверждения некоторых дореволюционных авторов, которые писали об ущемлении прав «бедных помещиков», вынужденных, якобы, за бесценок уступать свои земли. Всего до 1830 г. у них было куплено как населенных, так и ненаселенных земель на сумму 1,4 млн. руб.⁵⁵⁴ В среднем, каждая десятина населенных земель обошлась казне в 300, а ненаселенных – в 65 руб., при рыночной стоимости последних в 45-50 руб.

Из наиболее крупных приобретений следует назвать покупку имений М.М. Сперанского (юридически они принадлежали его дочери), сенатора А. Оболянинова, графини А.А. Орловой-Чесменской и ряда других, стоимость которых колебалась от 120 до 140 тыс. руб. ассигнациями.

В округах кавалерии обычной была практика присоединения казенных селений к округам. Так, например, в 1834 г. в состав округа Бугского уланского полка (5-я легкая кавалерийская дивизия) были включены находящиеся «внутри онаго Херсонской губернии и уезда казенные селения Владимировка и Малеевка со всеми крестьянами и принадлежащими к ним по Генеральному межеванию землями, лесами и угодьями...»⁵⁵⁵ Однако и здесь приходилось ввиду недостатка казенных земель приобретать таковые у частных владельцев. В 1834 г. для округов 1-й кирасирской дивизии были приобретены земли стоимостью 1,7 млн. руб.⁵⁵⁶ В 1842 г., на основании указа от 21 апреля этого же года, для округов военных поселений кавалерии в Киевской и Подольской губерниях было куплено у графини Софьи Киселевой (жена П.Д.Киселева) Торговецкое имение в Уманском уезде за 117 тыс. руб. серебром⁵⁵⁷.

Территориальное формирование округов военных поселений приходится, в основном, на первые три периода их истории. Причем, при их создании необходимо было соблюсти ряд необходимых требований: компактное расположение (например, для кавалерии – не более 50 верст в длину для одной дивизии), как

⁵⁵³ Там же. – Д. 121. – Л. 156-156 об.

⁵⁵⁴ Там же. – Оп. 2. – Д. 1469. – Л. 20.

⁵⁵⁵ Там же. – Д. 10388. – Л. 62.

⁵⁵⁶ Там же.

⁵⁵⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 1786. – Л. 86.

можно меньшее расстояние между округами, наличие рек или крупных водоемов, достаточность сенокосов – степных, пойменных, нагорных и т.д.⁵⁵⁸

После вступления военных поселений в четвертый, заключительный период своей истории, в структуре их землепользования произошло ряд существенных изменений. Прежде всего, это касалось бывших округов пехоты, преобразованных в 1832 г. в округа пахотных солдат. Здесь, в связи с введением оброчных платежей вместо натуральных поставок продовольствия, произошли изменения в надельном землепользовании. Однако и в этот период сказывалось стремление командования к нивелировке крестьянских хозяйств, т.е. к обеспечению платежеспособности пахотных солдат, отсюда – некоторые особенности наделения их землей.

Согласно указу от 25 марта 1832 г., на каждого хозяина выделялось 15 дес. земли⁵⁵⁹. На практике это было реализовано только в первых четырех округах, которые не были укрупнены в результате реформы 19 ноября 1826 г. Это было также связано с тем, что пахотные солдаты отселялись из домов-связей на новые земли, которые необходимо было вновь осваивать, третий раз за последние 15 лет. В остальных двух округах Новгородского и восьми Старорусского уделов хозяева имели неравное количество земли, поскольку она распределялась по числу душ мужского пола. Практика передела земель согласно числу хозяев не нашла поддержки как со стороны пахотных солдат, так и местного начальства, поскольку «в случае наделения всех хозяев 15 десятинами удобной земли, малосемейные имели бы ее больше, чем в состоянии были обработать, а многосемейные хозяева испытывали бы недостаток в земле». Учитывая это обстоятельство, а также с целью унификации сбора оброка во всех округах, земли в первых четырех округах пахотных солдат были разделены по количеству душ в хозяйствах⁵⁶⁰.

Однако душевые участки земли, получившие в среде пахотных солдат наименование «души-земли», зачастую отличались размерами даже в селениях одного округа. При этом сумма оброка, взимавшаяся с «души-земли», назначалась в зависимости от количества хозяев в каждом округе, не коррелируясь с

⁵⁵⁸ Там же. – Оп. 1. – Д. 226. – Л. 138.

⁵⁵⁹ Там же. – Оп. 2. – Д. 3661. – Л. 153.

⁵⁶⁰ Там же. – Ф. 397. – Оп. 6. – Д. 18. – Л. 19-21; 128-130.

размерами этого душевого надела. Такое несоответствие ставило пахотных солдат, наделенных меньшим количеством земли, в невыгодное положение. Такая практика была исправлена указом от 9 ноября 1835 г., согласно которому предполагалось произвести перенаделение пахотных солдат и уравнивать их в пользовании наделами: каждая душа мужского пола получала в надел 6,5 дес. удобной земли⁵⁶¹. Межевые комиссии должны были произвести нарезку земли для каждого селения пахотных солдат по количеству душ мужского пола, частное же разделение земли между жителями было предоставлено самим пахотным солдатам «по примеру селений казенного и удельного ведомств»⁵⁶². Переделы предполагалось производить через каждые 15 лет. Таким образом, произошел, в некоторой степени, возврат к основам общинного уравнительного землепользования. Предполагалось, что при таком способе наделения «всякий хозяин будет владеть таким количеством земли, какое он в состоянии обработать, за которую внесет и определенный оброк». В душевой надел входили: пашня (3 дес. в трех полях), сенокосы (2 дес.), земля под строениями, огородом и выгоном (1,5 дес.). Передача частного наделения в руки самих пахотных солдат была продиктована тем, что земля в пределах одного селения, была разного качества.

Перенаделение пахотных солдат, в том числе и в округах, расположенных в Витебской и Могилевской губерниях, растянулось на целое десятилетие и завершилось, в основном, в 1846 г. Лесные участки не включались в надел и оставались в ведении специально созданного лесного управления, причем пользование ими разрешалось только на определенных условиях. Так, например, в них категорически запрещалась вырубка «для развития внутри оных распахек»⁵⁶³.

Во время наделения по новым правилам выяснилось, что в ряде округов не хватает земли до нужной нормы. В связи с этим было решено переселить часть жителей пятого и шестого округов в первые четыре округа. Однако эта мера оказалась настолько дорогостоящей, что от нее пришлось отказаться. Для покрытия недостатка в земельных угодьях (как правило, это были сенокосы) выделялись участки в смежных округах, где наблюдался их избыток. При таком способе наделения

⁵⁶¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 810. – Л. 8 об.

⁵⁶² Там же. – Л. 8.

⁵⁶³ Там же. – Оп. 4. – Д. 4414. – Л. 136 об.

значительно удлинился путь от селений до угодий, что создавало дополнительные трудности для пахотных солдат. Особенно трудно было вывозить на отдаленные участки удобрения, что значительно снижало урожайность полей.

После перенаделения пахотных солдат в Витебской губ. не хватало земли для 1069 душ⁵⁶⁴. Командование предложило переселить их в первые четыре округа Новгородского удела, однако пахотные солдаты категорически отказались выполнить это распоряжение и тогда было принято решение: увеличить земельный фонд округа за счет приобретений и расчисток⁵⁶⁵.

В первых четырех округах Новгородского удела, где после высылки участников восстания 1831 г. земли было в избытке, остатки ее (после наделения пахотных солдат) передавались в оброчное держание всем желающим, в том числе и пахотным солдатам, наделяли отставных и бессрочноотпускных, селили немецких колонистов. Однако и после наделения пахотных солдат определенной земельной нормой, командование не перевело оброк с физического лица на «душу-земли», мотивируя это тем, что может, в таком случае, произойти уменьшение собираемой суммы, ввиду того, что не все участки земли смогут быть розданы в пользование пахотным солдатам⁵⁶⁶. Компромисс был найден в том, чтобы отложить окончательное решение вопроса до окончательного завершения наделения (в округе №11 Витебской губ.) пахотных солдат необходимой нормой в 6,5 дес. В дальнейшем этот вопрос так и не был решен в пользу взимания оброка с «души-земли» вплоть до ликвидации округов пахотных солдат.

Стремление к уравнительному землепользованию – учет качества земли и ее удаленности от жилья – приводило к тому, что надельная земля военных поселян и пахотных солдат была разделена на большое число полос в каждом поле (до десяти и более), что значительно затрудняло ее обработку ввиду многочисленных переездов с одной полосы на другую. Окончательно сложившаяся структура землепользования в округах пахотных солдат (см.: Табл. 35) свидетельствует, что в них наблюдался значительный разброс количества пашни на двор: в округе №4 – 3,9 дес., а в округах №8 и №9 – 10,0 дес. В некоторой степени это компенсировалось за счет сенокосов, что позволило довести

⁵⁶⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 6027. – Л. 133.

⁵⁶⁵ Там же.

⁵⁶⁶ Там же. – Д. 5892. – Л. 2-2 об.

наделы пахотных солдат, в среднем, до 18,4 дес. на двор. Это было меньше, чем во многих округах кавалерии (сравни с данными табл. 34), но они были равны наделам в округах №1-4 Новороссийский поселений и поселений в Киевской и Подольской губ.

К концу рассматриваемого периода отмечается некоторый рост среднего надела на одно хозяйство (см.: Табл. 36), который составил 19,2 дес. Наиболее значительный рост наблюдается в округе №3 (бывшие округа №5 и №6), где пахотные солдаты были частично освобождены (бывший округ №5) от уплаты оброка и многие занимались предпринимательским земледелием, а также в округе №6 (бывшие округа №11 и №12), в которых пахотные солдаты традиционно занимались выращиванием льна на продажу.

Известно, что структура земельных угодий оказывает значительное влияние на способы ведения хозяйства и уровень сельскохозяйственного производства в целом. По данным известного российского агронома А.В. Советова, зерновое трехполье может успешно развиваться при условии, если лугов, в среднем, в два раза больше, чем пахотной земли⁵⁶⁷. Такого соотношения в большинстве округов пахотных солдат не было (см.: Табл. 35), однако эти показатели лучше, чем в поселениях кавалерии (см.: Табл. 34), где сенокосов было в 2-2,5 раза меньше, чем пашни. Эти данные были также выше, чем у крестьян других категорий Новгородской губ., которые испытывали постоянный недостаток в сенокосах. Уместно заметить, что А.А. Аракчеев в своем Грузинском имении обращал серьезное внимание на состояние сенокосов и зачастую принуждал крестьян к их окультуриванию⁵⁶⁸.

По сведениям Л.Р. Горланова, соотношение пашни и сенокосов в удельной деревне Новгородской губ. составляло 1:1⁵⁶⁹. В государственной деревне Новгородской губ., по данным Н.М. Дружинина, душевой надел в рассматриваемый период со-

⁵⁶⁷ Советов А.В. Избранные сочинения. – М., 1950. – С. 337.

⁵⁶⁸ Соломенная Т.В., Ячменихин К.М. А.А.Аракчеев-помещик (к вопросу о роли субъективного фактора в истории зажиточного крестьянства России первой половины XIX в.) // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 8 «История». – 2002. – №5. – С. 55.

⁵⁶⁹ Горланов Л.Р. Землевладение и феодальные повинности удельных крестьян в Нечерноземной полосе России (1797-1863 гг.) // Землевладение и повинности феодально зависимых крестьян Нечерноземной полосы (XVI – первая половина XIX вв.). – Смоленск, 1982. – С. 114-115.

ставлял 3,44 дес. удобной земли и 7,79 дес. леса⁵⁷⁰. По данным Департамента военных поселений, этот показатель у военных поселян составлял 8 дес.⁵⁷¹ У помещичьих крестьян в Старорусском и Новгородском уездах в предреформенный период душевой надел составлял 7,5 дес. удобной земли и леса, у удельных крестьян – 2,7 дес.⁵⁷² В целом же, по губернии соотношение пашни и лугов составляло 3:1⁵⁷³. Таким образом, средний душевой надел удобной земли у пахотных солдат (6,5 дес.) был больше, чем у крестьян других категорий в этом регионе, но несколько уступал наделам военных поселян округов кавалерии, особенно в четырех последних как Украинских, так и Новороссийских военных поселений (сравни данные табл. 34 и табл. 35). При этом необходимо учитывать, что в надел пахотных солдат не входил лес, а обеспеченность им поселян округов кавалерии была очень низкой, что, как мы убедимся ниже, крайне отрицательно сказывалось на их хозяйстве, сужало промысловую сферу деятельности.

Следовательно, пахотные солдаты, в отличие от поселян-хозяев округов пехоты, каковыми они являлись до 1832 г., были обеспечены наделами, гарантирующими минимум возможностей для простого воспроизводства при урожайности не ниже сам-3. По мнению исследователей, размер такого душевого надела в первой половине XIX в. должен был составлять в нечерноземной зоне около 2,5 дес.⁵⁷⁴

До передачи в военное ведомство средний душевой надел удобной земли у государственных крестьян Новгородской губ. составлял порядка 15-20 дес.⁵⁷⁵ Таковым же он был на территориях, отошедших в округа кавалерии. А.С. Тургаев же полагает,

⁵⁷⁰ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. – Т. 2. – М., 1958. – С. 214.

⁵⁷¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 5892. – Л. 2.

⁵⁷² Кашенко С.С. Крестьянские наделы в Старорусском уезде Новгородской губ. в период реформы 1861 г. // История крестьянства Северо-Запада России в XVII-XIX в. – Л., 1983. – С. 115; Горланов Л.Р. Удельные крестьяне России. – Смоленск, 1986. – С. 44.

⁵⁷³ Военно-статистическое обозрение Российской империи. – Т. 3. – Ч. III. – Новгородская губерния. – СПб., 1849. – С. 123.

⁵⁷⁴ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... – С. 263-264; Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях» к генеральному межеванию.

(К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.) – М., 1965. – С. 268.

⁵⁷⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 3.

что к 1840-м годам произошел трехкратный рост наделных земель, в основном, за счет освоения новых участков⁵⁷⁶. На наш взгляд, этого невозможно было достичь даже теоретически, поскольку население на землях, отошедших в военные поселения, увеличивалось гораздо быстрее (за счет поселян-хозяев из солдат), чем рос земельный фонд. По нашим подсчетам (см.: Табл. 35), произошло трехкратное уменьшение душевых наделов, в основном, за счет того, что в них перестали включаться лесные угодья.

Несколько хуже обстояло дело с обеспечением военных поселян и пахотных солдат сенокосами (см.: Табл. 34 и Табл. 35). Перед поступлением в военное поселение крестьяне Новгородской губ. снимали основную массу кормов не с наделных сенокосов, а с собственных расчисток в лесах, называемых «нивами». Так, например, в Новгородском уезде 4/5 сена крестьяне снимали не с наделных сенокосов, а с расчисток в лесах, что позволяло заготавливать от 700 до 1300 пуд. сена на хозяйство, чего с избытком хватало на весь стойловой период⁵⁷⁷.

После создания округов военных поселений леса перестали входить в наделные земли и поселяне потеряли возможность не только осваивать новые сенокосы, но и потеряли старые. Однако, пахотные солдаты были лучше обеспечены этими угодьями, чем крестьяне других категорий этого региона, а также военные поселяне кавалерийских округов, где соотношение сенокосов и пашни составляло 1:2,5. На территории округов пахотных солдат находилось около половины всех лугов губернии⁵⁷⁸, но при этом необходимо иметь в виду, что поголовье скота в расчете на душу населения у них было значительно выше. Те пахотные солдаты, в хозяйстве которых более двух коров на душу, вынуждены были нанимать или покупать сенокосы, поскольку наделных лугов им не хватало⁵⁷⁹.

Качество наделных сенокосов, как правило, было неудовлетворительным. Мало было пойменных лугов, основную часть сенокосов составляли «нагорные» или болотистые места. Ежегодные переделы этих угодий приводили к тому, что поселяне и пахотные солдаты переставали их окультуривать. Выше

⁵⁷⁶ Тургаев А.С. Социально-экономическое положение пахотных солдат Северо-Запада России. – Автореф. дисс... канд. ист. наук. – Л., 1985. – С. 14.

⁵⁷⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 65.

⁵⁷⁸ Военно-статистическое обозрение Российской империи... – С. 123-124.

⁵⁷⁹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 4288. – Л. 21.

уже упоминалось, что лучшие сенокосы получались на расчищенных в лесах участках. За счет оставшихся в земле корней и опавшей листвы эти земли давали в течение 7-10 лет укосы до 170-200 пуд. с десятины, тогда как на других лугах этот показатель не превышал 35-40 пуд.⁵⁸⁰ На других сенокосах такого самоудобрения не было, поэтому необходимо было хотя бы периодически перепахивать их и тем самым удобрять землю за счет дерна. В округах кавалерии луговые, т.е. лучшие по качеству сенокосы, составляли $\frac{1}{3}$ – $\frac{1}{4}$ часть данных угодий⁵⁸¹.

Недостаток сенокосов восполнялся различными способами, но, в основном, путем осушения болотистых мест. По положению, эти вновь освоенные участки состояли в пожизненном пользовании военных поселян и не могли быть проданы или переданы другим владельцам⁵⁸². Подобная практика была обоюдновыгодной как для командования, которое безо всяких дополнительных затрат увеличивало фонд удобных земель, так и поселянам, поскольку эти земли не облагались дополнительными платежами. По сведениям Департамента уделов, площадь всех осушенных мест к началу 1860-х гг. составляла в Новгородской губ. 3068 дес.⁵⁸³

В 1830-е – 1850-е гг. военные поселяне и пахотные солдаты кроме надельных продолжали широко использовать арендные земли. Как правило, аренда носила потребительский характер, но наряду с ней широкое распространение получила аренда с целью предпринимательской деятельности. Такая аренда, в свою очередь, свидетельствовала об углубляющейся имущественной дифференциации в среде военных поселян и пахотных солдат, поскольку арендаторы крупных участков (до 1 тыс. дес. и выше), несомненно, должны были использовать наемную рабочую силу, в качестве которой выступали прежде всего их односельчане.

Арендовались, в основном, сенокосы и пастбища, гораздо реже – земли под пашни и огороды. Аренда последних носила, как правило, предпринимательский характер и была развита в районе городов военных поселений. Аренда земли шире практиковалась в округах пахотных солдат, чем в военных поселениях,

⁵⁸⁰ Там же. – Д. 5433. – Л. 2-3.

⁵⁸¹ Там же. – Оп. 2. – Д. 3643. – Л. 39-40.

⁵⁸² РГИА. – Ф. 515. – Оп. 11. – Д. 6050. – Л. 80-83.

⁵⁸³ Там же. – Оп. 15. – Д. 2287. – Л. 591.

где фонд наделных земель был больше и зачастую позволял вести на них предпринимательскую деятельность при наличии достаточного количества рабочего скота. Статистические сведения, имеющиеся в нашем распоряжении, не позволяют определить точную долю арендованных земель в общем земельном фонде военных поселений, но можно смело утверждать, что в округах пахотных солдат это было обычным явлением.

Сроки аренды были самыми разнообразными. Поначалу командование практиковало годовую форму, а с развитием предпринимательства срок ее был увеличен до 5-10 лет⁵⁸⁴. Источником поземельной аренды служили земли, оставшиеся после наделения военных поселян и пахотных солдат узаконенной нормой, а также частные земли помещиков, мещан, ямщиков и т.д. Надельные земли редко служили основой для арендных сделок. Так, например, если поселянам отводились земли на значительном удалении от места жительства, то они иногда сдавали их в аренду, чтобы, в свою очередь, арендовать более близкие земли. Нередко такие сделки были невыгодными ввиду разницы качества угодий. По форме аренда могла быть как индивидуальной, так и коллективной. На последнем этапе истории военных поселений, в отличие от предыдущих, преобладал первый вид аренды. Так, например, в 1839 г. пахотные солдаты округа №2 Александр Михайлов и Иван Анисимов взяли в аренду у новгородских ямщиков 190 дес. сенокосной земли на три года за 7575 руб.⁵⁸⁵

В Новгородской губ. традиционной была покупка земель крестьянами⁵⁸⁶, что не являлось исключением и для округов военных поселений и пахотных солдат. Установить размеры собственных земель позволяют статистические данные о землевладении жителей округов военных поселений и пахотных солдат, отложившиеся в фонде Департамента военных поселений (РГВИА), а также составленные в 1855 г. описания покупных земель, сохранившиеся в фонде Департамента уделов (РГИА). В последних приводятся сведения не только о размерах участков, но и указывается время их приобретения, имена владельцев и некоторые другие сведения.

⁵⁸⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 227. – Л. 1-2.

⁵⁸⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 2243. – Л. 45 об. 46.

⁵⁸⁶ Там же. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 1-241.

Большая часть приобретений осуществлялась за счет помещичьих земель, но были случаи заключения сделок и с крестьянами других категорий, мещанами, ямщиками, между самими военными поселянами и пахотными солдатами. На каждую покупку требовалось высочайшее соизволение, и только начиная с 1853 г. для этого достаточной была положительная резолюция начальника округов. Необходимо отметить, что командование стремилось как можно реже допускать существование частных владений внутри округов и старалось такие земли, кому бы они не принадлежали, либо выкупать, либо заставить обменять на участки, лежащие вне округов. Поэтому поощрялось приобретение тех земель, которые примыкали к территории округов.

Наиболее систематические сведения по данному сюжету, которыми мы располагаем, относятся к округам пахотных солдат. Удельный вес владельцев собственных земель здесь по отношению к численности мужского населения составлял около 1% и только в округе №5 (до 1852 г. – округа №8 и №9) превышал 2% (см.: Табл. 37). Совершенно отсутствовали частные владения в первых двух округах (до 1852 г. – округа №1-4). До введения военных поселений жители этих территорий имели собственные земли⁵⁸⁷.

Общая площадь приобретенных земель в округах пахотных солдат к моменту их ликвидации составляла около 18 тыс. дес. Особенно много частных земель было в округах, специализировавшихся на выращивании лена (округ №5). Эта связь крестьянской земельной собственности с возделыванием трудоемких культур неоднократно отмечалась исследователями⁵⁸⁸. К моменту ликвидации округов пахотных солдат в них насчитывалось 313 владельцев земли, которым принадлежало, в среднем, по 30 дес. на душу. Групповых владений нами выявлено 66 случаев. В целом удельный вес частных земель в структуре землепользования пахотных солдат был небольшим и составлял порядка 5,4% (см.: Табл. 37). Но для некоторых военных поселян и пахотных солдат покупные земли становились не подспорьем в ведении хозяйства, а основной базой, превосходившей в десятки раз надельные. Так, например, в 1844 г. пахотный солдат округа №7 Ефим Кириллов купил у помещицы

⁵⁸⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 1-241.

⁵⁸⁸ Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 г. – М., 1972. – С. 114.

Е. Арцибашивой 213 дес. земли по цене 4288 руб. 74 коп. серебром⁵⁸⁹. В 1850 г. пахотные солдаты округа №4 Петр и Алексей Калинины приобрели у новгородского помещика отставного подполковника А.Веригина в Новгородском уезде 228 дес. по цене 10500 руб. серебром⁵⁹⁰. Судя по косвенным данным, значительную часть покупных земель составлял лес, в котором поселяне и пахотные солдаты испытывали острую нужду. В 1850-е гг. многие собственники земель вели хуторское хозяйство.

Большинство исследователей связывают приобретение различными категориями крестьянства земель в собственность со стремлением к экономической независимости. Этот вывод вполне может быть распространен и на военно-земледельческое сословие. Отсутствие налогообложения и переделов приводило к повышению производительности труда на этих землях, что, в свою очередь, способствовало увеличению доходности подобных хозяйств⁵⁹¹. Судя по соотношению общего, группового и индивидуального владений, покупка земли военными поселянами и пахотными солдатами носила, в основном, предпринимательский характер, что свидетельствовало о нарастании процесса втягивания даже такого, на первый взгляд, замкнутого военно-земледельческого сословия, как военные поселяне и пахотные солдаты, в рыночные отношения, поскольку именно на этих землях производилась, как правило, основная товарная продукция как зернового, так и технического характера.

В целом, к началу 1830-х гг., по сравнению с другими категориями крестьянства, военные поселяне и пахотные солдаты были наделены достаточным количеством удобной земли, за исключением леса (см.: Табл. 38). В достаточном количестве его было только в округах Новгородского удела и Охтенского порохового завода, где его площади занимали, соответственно, 33,5% и 60,2% всей территории названных округов. Общее количество неудобной земли – 6,5% всего пространства округов –

⁵⁸⁹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 4414. – Л. 143.

⁵⁹⁰ Там же. – Д. 6758. – Л. 2-5.

⁵⁹¹ Федоров В.А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России конца XVIII – первой половины XIX в. – М., 1974. – С. 36; Рябков Г.Т. К вопросу о производительном прогрессе в крестьянском хозяйстве Смоленской губернии периода кризиса феодально-крепостнической системы // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. – Смоленск, 1972. – С. 136-139.

было незначительным. Земли же под пашней, сенокосами и выгонами составляли порядка 82,0%.

Наибольшее пространство (19,4% всей территории округов)

занимали округа Старорусского удела пахотных солдат и 4-ой (бывшей Бугской) уланской дивизии (16,0%). Увеличение же общей площади округов с 2,4 млн. дес. в 1825 г. до 3,3 млн. дес. в 1832 г. еще раз свидетельствует, что система военных поселений продолжала развиваться, в том числе и территориально, и при императоре Николае I.

* * *

Исходя из основных задач военного поселения, как уже отмечалось выше, упор в хозяйственной деятельности делался, в основном, на зерновое производство, остальные отрасли – выращивание технических культур, огородничество, садоводство, а также животноводство – играли вспомогательную роль. Округа военных поселений находились в зоне традиционного земледелия, степень освоенности которой составляла 70% и выше. Достаточно высокой была и плотность населения. В округах кавалерии преобладали черноземные почвы, в округах пехоты и инженерных войск их качество оценивалось как хорошее, среднее, реже как скудное⁵⁹². На этих территориях наблюдалась исторически сложившаяся преемственность в землепользовании, относительно высокий уровень культуры земледелия: многоразовая вспашка земли, тщательная обработка полей, применение передовых по тем временам сельскохозяйственных орудий труда и т.п. В Новгородской губ. в районах, примыкавших к озеру Ильмень, весьма частыми были урожаи ржи до сам-6 и яровых до сам-4⁵⁹³. В крестьянских и казацких хозяйствах Слободско-Украинской и Херсонской губерний, где техника земледелия, в связи с наличием больших площадей и высоким плодородием почвы, была несколько ниже, чем в Северо-Западном регионе России, также наблюдались достаточно высокие по тем временам урожаи: сам-5 озимых и сам-4,5 яровых.

В начальный период истории военных поселений пехоты урожайность в них значительно упала: до сам-3,5 озимых и сам-

⁵⁹² Жекулин В.С. Историческая география. – Л., 1982. – С. 143-160.

⁵⁹³ Жекулин В.С. Историческая география ландшафтов. – Новгород, 1972. – С. 156-166; 215-220.

2,5 яровых. Это было связано, прежде всего, с изменением структуры землепользования, вызванного, в свою очередь, переселением военных поселян на новые места жительства и освоением новых участков. Эти показатели, как мы видим, были ниже показателей урожайности в крестьянских хозяйствах накануне их перехода в военное поселение, но при этом они оставались несколько выше средней урожайности в помещичьей и удельной деревне данного региона, где она составляла сам-3 озимых и сам-2 яровых⁵⁹⁴. Урожайность в округах кавалерии продолжала оставаться на том уровне, который здесь отмечался до введения военных поселений и был выше, чем в хозяйствах других категорий крестьянства данного региона. Этот фактор можно объяснить только тем, что на территории округов военных поселений были лучшие «стартовые» возможности, чем в целом по региону, а также существованием в округах жесткого административного контроля за всем циклом сельскохозяйственных работ.

По нашим подсчетам, при имеющихся посевных площадях в округах поселений как пехоты, так и кавалерии можно было обеспечить продовольствием семью, состоящую из 6-7 человек и одного постояльца при урожаях не ниже сам-5,5 озимых и сам-3,5 яровых. При этом учитывалось, что поселянин-хозяин должен был продавать ежегодно не менее 10-12 четвертей хлеба для покупки скота, инвентаря и предметов домашнего обихода. Следовательно, идея содержания двух постояльцев (в округах кавалерии еще и двух строевых лошадей), декларированная в «Учреждении о военном поселении», в реальности оказалась утопичной.

Не способствовал динамичному развитию хозяйств и мелочный контроль за деятельностью поселян. Одновременно со строевыми смотрами производилась ревизия орудий труда и скота, а также бытовых условий. Чтобы как-то улучшить свое материальное положение, поселяне были вынуждены скрывать часть урожая, в связи с чем А.А. Аракчеев предписывал: «...ложные показания по хозяйству и умышленную растрату онаго со стороны военных поселян почитать за уголовное преступление»⁵⁹⁵. Особенно сильной была регламентация в так называемый «аракчеевский» период истории военных поселений, когда значительную часть времени поселяне расходовали в не-

⁵⁹⁴ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... – С. 187; Горланов Л.Р. Удельные крестьяне России... – С. 52.

⁵⁹⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 328. – Л. 588.

производственной сфере. «В особенности летом невыносимо тяжело было, – вспоминал впоследствии бывший военный поселенин

Герасим Родионов, – пока муж на работе (на пашне ли или навоз возит), баба амуницию и ружье вычистит; пообедает второпях мужик, а уж отдыхать некогда: вместо отдыха должен идти на ученье, а потом опять на работу»⁵⁹⁶.

Единственным, по-видимому, позитивным моментом концентрации значительного количества войск на ограниченном пространстве следует считать тот факт, что они, особенно кавалерия, давали большое количество удобрений. Исследователи указывают на случаи, когда в целях улучшения земледелия в тех или иных регионах, предполагалось специально расквартировывать в них кавалерийские подразделения⁵⁹⁷. В период существования военных поселений пехоты и округов пахотных солдат массовым и обязательным было применение в качестве удобрения полей торфа, речного ила, хвойной или лиственной подстилки для скота и других видов удобрений.

Сравнение моделей хозяйства в округах пехоты и кавалерии свидетельствует, что они в значительной степени отличались друг от друга. В кавалерийских округах учитывалось, что нагрузка на крестьянское хозяйство была значительно выше, чем в пехотных, поскольку крестьяне должны были содержать, кроме постояльцев, значительное количество строевых и подъемных лошадей, а также поголовье конных заводов. Вот почему эти хозяйства кроме того, что обеспечивались достаточным количеством земельных угодий, рабочего и продуктивного скота, должны были иметь в наличии необходимое количество рабочих рук, что достигалось соединением хозяйств крестьян-хозяев и их помощников. Начальник военных поселений в Херсонской губ. И.О. Витт понимал это, поэтому уделял пристальное внимание хозяйственной стороне военных поселений, даже зачастую в ущерб военной подготовке крестьян. На почве этого, как упоминалось выше, у него неоднократно возникали конфликты с А.А. Аракчеевым.

⁵⁹⁶ ОР РНБ. – Ф. 859. – Карт. 20. – №1. – Л. 32.

⁵⁹⁷ Стродс Х.П. Климат, почва и сельское хозяйство в Латвии (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1970 г. – Рига, 1977. – С. 132.

Модель И.О.Витта, которая не разрушала крестьянское хозяйство, позволяла довольно быстро осуществить перевод действующих эскадронов на самообеспечение продовольствием и фуражом. Так, например, уже с января 1820 г., т.е. спустя всего два года после начала создания округов поселений, на такую форму довольствия начали переходить большинство действующих эскадронов Бугской уланской дивизии⁵⁹⁸. Аналогичные процессы наблюдались в большинстве округов кавалерии.

Напротив, в округах пехоты, где хозяйство поселян организовывалось, практически, заново, было слабо насыщено рабочими руками и тягловым скотом, этот процесс так и не был завершен вплоть до их реорганизации в начале 1830-х гг. Так, например, поселенный графа Аракчеева полк, который опекался лично императором Александром I, смог перейти на самообеспечение продовольствием и фуражом только в 1829 г.⁵⁹⁹, и только после того, когда все поселяне были обеспечены от казны не менее, чем двумя лошадьми и ежегодно на расчистке сенокосов в округе в течение пяти лет работали не менее десяти батальонов пехоты.

Главным критерием при создании поселянского хозяйства в округах кавалерии было количество рабочего скота, почему в разряд поселян-хозяев попадали те крестьяне и казаки, которые имели не менее двух пар волов. Остальные причислялись к разряду помощников. Кроме помощников к поселянскому хозяйству приписывались и посторонние лица: инвалиды, необмундированные коренные жители, вдовы со своими семьями и т.д. Их имущество, скот и инвентарь вливались в производственный потенциал поселянского хозяйства.

Отсутствие систематических данных об имущественном положении военных поселян не позволяет провести детальный анализ процесса дифференциации в их среде. В нашем распоряжении имеются лишь данные о насыщенности полярных групп поселянских хозяйств рабочим и продуктивным скотом. Анализ этих данных свидетельствует, что при создании округов пехоты самый богатый хозяин имел 3-4 лошади и 10-12 коров, самый бедный имел одну лошадь и 2-3 коровы. К середине 1820-х гг. эти показатели значительно снизились: самый богатый хозяин имел теперь не более 2-3 лошадей и 4-6 коров, самый бедный –

⁵⁹⁸ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 397.

⁵⁹⁹ Там же. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 88.

одну лошадь и одну корову. Следовательно, можно констатировать ухудшение материального положения обеих полярных групп. Аналогичные процессы наблюдаются и в округах кавалерии, хотя показатели здесь (принимая во внимание, что основную тягловую силу здесь составляли волы) были примерно в два раза выше.

Командование военных поселений делало ставку не на полярные группы, а на среднее по зажиточности хозяйство, которое должно было играть главную роль в осуществлении главных задач, поставленных перед военными поселениями. По данным Т.Н. Кандауровой, применившей при исследовании военных поселений кавалерии в Херсонской губ. несколько адекватных, взаимопроверяющих методов (описательную статистику, корреляционный анализ и анализ динамических рядов), в среднем на каждое хозяйство в указанных округах поселений в 1820-е гг. приходилось: до 6-7 душ мужского пола, в т.ч. 3-4 работника; 7,5 волов, 3 лошади, 13 голов продуктивного скота, 42 овцы⁶⁰⁰. Эти показатели были в 2-2,5 раза выше, чем в округах пехоты, где на хозяйство, в среднем, приходилось 2,8 души мужского пола. По нашим подсчетам, в 1830-е – 1840-е гг. в округах кавалерии происходит некоторое снижение показателей насыщенности поселянских хозяйств скотом. Так, например, в уланских полках поселяне-хозяева имели, в среднем, 4 пары рабочего и 12 голов продуктивного скота, 25 овец; в кирасирских – 5 пар рабочего и 9 голов продуктивного скота, 20 овец⁶⁰¹.

Динамика посевов и урожаев по всем округам поселений во втором и третьем периоде их истории свидетельствует, что после некоторого спада в первые годы существования военных поселений, наблюдается стабилизация и некоторый рост этих показателей на душу населения. Возможность роста была обусловлена, прежде всего, наличием значительных земельных фондов, особенно в округах кавалерии, что и предопределило экстенсивный путь развития поселянского хозяйства в указанное время. Кроме того, необходимо отметить, что мы оперируем средними показателями по поселенным дивизиям, внутри которых колебания по посевам и, особенно, сборам зерна на душу населения были весьма значительными, что во многом зависело от природно-климатических и почвенных особенностей того

⁶⁰⁰ Кандаурова Т.Н. Херсонские военные поселения... – С. 321.

⁶⁰¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 3643. – Л. 63.

или иного региона. Немаловажную роль в относительной стабильности развития сельскохозяйственного производства, на наш взгляд, играл и тот факт, что военные поселения создавались, как правило, в регионах хорошо освоенных в сельскохозяйственном отношении.

В связи с реформированием военных поселений в конце 1820-х – начале 1830-х гг., т.е. на третьем и четвертом этапах их истории, происходят значительные изменения в их хозяйственной структуре. Прежде всего, это было связано с двумя факторами: во-первых, поселяне переставали нести воинскую службу и должны были содержать теперь по одному постояльцу и, во-вторых, последовал полный отрыв поселенной части округов от действующей. В округах пахотных солдат натуральная повинность по содержанию постояльцев была заменена денежным оброком, а в округах кавалерии снабжение действующих частей производилось, как правило, за счет общественной запашки и сенокосов.

В связи с изменением правового положения, у военных поселян появилось больше стимулов к увеличению производительности труда. В округах начинается культивирование многополья с травосеянием, намечается переход к плодосменному типу зернового хозяйства. Немаловажное значение имели посевы кормовых трав, особенно в округах пахотных солдат. В данном случае речь идет не об опытных посевах, а о введении четвертого поля. Однако, для того уровня агротехники подобные новшества оказались весьма сложными для массового внедрения и в 1841 г., спустя пять лет после начала эксперимента, посевы клевера были прекращены⁶⁰². Эти опыты осуществлялись в контексте общегосударственных мер по развитию травосеяния в государственной деревне⁶⁰³. Неудачными оказались также опыты по распространению среди пахотных солдат посевов трав «тимофеевки» и «эспарцета»⁶⁰⁴.

Правильные севообороты, ломка старого трехполья, предохранение полей от переувлажнения и холодных ветров позволили получать в округах пахотных солдат более высокие сборы зерна на душу населения, чем в округах кавалерии, где зерновое производство было более консервативным (сравни данные табл.

⁶⁰² РГВИА. – Ф. 399. – Оп. 5. – Д. 39. – Л. 2; Д. 85. – Л. 1-4.

⁶⁰³ Чугунов А. Историческое обозрение мер правительства к развитию земледелия в России. – СПб., 1858. – С. 60-61.

⁶⁰⁴ РГВИА. – Ф. 397. – Оп. 6. – Д. 396. – Л. 57-59.

39 и табл. 40). При подсчетах душевых посевов и сборов не исключалась численность непоселенных нижних чинов, рядовой состав инвалидов и военно-рабочих рот, которые не имели собственного хозяйства. Естественно, что без их учета эти показатели должны были быть несколько выше. Необходимо также учитывать и тот факт, что пахотные солдаты, платившие столь значительный денежный оброк, вынуждены были совершенствовать культуру земледелия с целью реализации части избыточного продукта на рынке. Нельзя не отметить также, что командование округов пахотных солдат во главе с генерал-лейтенантом Ф.К. фон Фрикеном во многом способствовало этому. Многие из этих методов не были чем-то доселе неизвестным, а являлись попыткой распространения передовых приемов обработки земли и ведения хозяйства, имевшими место в этом регионе задолго до введения военных поселений, а также в первые годы их существования. Так, например, в 1824 г. в округа 1-й гренадерской дивизии был приглашен английский агроном И. Гуллет, который обучал поселян передовым методам ведения сельского хозяйства, в частности, при помощи травосеяния. Под его влиянием стало применяться поверхностное осушение почвы, а также соблюдаться оптимальные сроки проведения работ.

С целью культивирования передовых агротехнических приемов, в округах 1-й гренадерской дивизии было поселено несколько семей прусских колонистов. После 1832 г. эта практика была расширена и на свободных землях 1-го и 2-го округов пахотных солдат было поселено до 100 таких семей.

Сам Ф.К. фон Фрикен интересовался вопросами ведения сельского хозяйства, поддерживал связи с различными сельскохозяйственными обществами и отдельными корреспондентами как в России, так и за рубежом, а Московское общество сельского хозяйства избрало его своим почетным членом⁶⁰⁵. Он сумел правильно оценить значение лугов в структуре землепользования, по его настоянию в округах начал внедряться ранний (на три недели раньше обычного срока) посев овса, что не замедлило сказаться на повышении его урожайности.

Для Новгородской губ. характерна сильная переувлажненность почв. Отдельным крестьянским хозяйствам, да и целым селениям, подчас было не под силу осушение значительных площадей. Однако без этого в условиях данного региона, по

⁶⁰⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 6216. – Л. 1.

свидетельству современников, «всякое хлебопашество пойдет не вперед, а назад»⁶⁰⁶. С 1833 г., по инициативе Ф.К. фон Фрикена, началось массовое осуществление мелиоративных работ общественными нарядными селений, волостей и даже целыми округами⁶⁰⁷. После преобразования округов пионерных бригад в Витебской и Могилевской губ. в округа пахотных солдат, там также был «введен способ обрабатывания полей и севообороты, употребляемые в Новгородских и Старорусских округах, а для доставления выгод пахотным солдатам Могилевской губернии введен там с 1837 г. посев льна...»⁶⁰⁸ Для того, чтобы убедить пахотных солдат этих округов в целесообразности нововведений, сюда из Новгородского и Старорусского уделов в 1838 г. было командировано «в каждый из сих округов по 8 человек пахотных солдат, хорошо дело сие знающих»⁶⁰⁹.

Нельзя не согласиться с мнением исследователей аграрной истории страны, что поверхностная мелиорация полей хоть и требовала значительных усилий, однако приносила несомненную пользу⁶¹⁰. На окружные комитеты была возложена обязанность наблюдать за тем, чтобы поля не только хорошо обрабатывались и подсушивались, но и засеивались лучшими семенами, а при отсутствии таковых пахотные солдаты получали ссуду из запасных хлебных магазинов.

В отличие от округов кавалерии, где, как правило, поля под посев вспахивались один раз тяжелым двухколесным «украинским» плугом, в округах пахотных солдат повсеместно практиковалась многоразовая вспашка, которая позволила несколько усовершенствовать старое трехполье и способствовала росту урожайности хлебов. По мнению И. Гуржия, даже при наличии трех пар сильных волов и мягкого ровного поля тяжелым плугом можно было вспахать за три дня не более двух десятин⁶¹¹. В округах пахотных солдат, чаще всего под озимые посевы, пахали и бороновали три, а под яровые – два раза, что было обусловлено, в первую очередь, недостаточностью органических удобрений. В целом, как и во всей нечерноземной зо-

⁶⁰⁶ Носович С.И. Крестьянская реформа в Новгородской губернии. – СПб., 1899. – С. 191.

⁶⁰⁷ РГВИА. – Ф. 397. – Оп. 6. – Д. 105. – Л. 119-120; Оп. 7. – Д. 22. – Л. 93.

⁶⁰⁸ Там же. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 109. – Л. 33.

⁶⁰⁹ Там же. – Оп. 11. – Д. 86. – Л. 2.

⁶¹⁰ Рябков Г.Т. Указ. соч. – С. 135.

⁶¹¹ Гуржий И. Указ. соч. – С. 116.

не, в округах пахотных солдат господствовала паровая система полеводства с трехпольным севооборотом. Отступление от трехполя наблюдается только при возделывании технических культур. Так, например, лен сеяли на наиболее удобных для этого землях без удобрения почвы, а по снятии урожая эти земли запускались на 3-4 года. Вообще комплекс агрикультурных мероприятий в земледелии округов пахотных солдат, как и всего нечерноземья, был несложным, однако требующим больших затрат тягловой силы и человеческого труда⁶¹².

Командование округами пыталось найти оптимальные сроки такой многоразовой вспашки и требовало ее выполнения в каждом, даже безлошадном, хозяйстве. Окружные и волостные комитеты внимательно наблюдали за тем, чтобы после снятия озимых «все поля, бывшие под рожью, непременно вспахивались в возможно более короткие сроки», безлошадным же хозяевам должны были помогать все остальные жители селения⁶¹³.

Однако, консервативная крестьянская ментальность весьма трудно воспринимала все эти новшества. Крестьяне помнили о тех бедах, которые принесли им первые годы существования военных поселений, поэтому поселяне и пахотные солдаты с недоверием относились к распоряжением окружных комитетов, тем более, что все эти новшества зачастую насаждались откровенно силовыми административными методами, которые не могли получить сочувствия с их стороны, даже в том случае, когда в них содержалось рациональное зерно. В 1834 г. Ф.К. фон Фрикен докладывал в Департамент военных поселений: «Вообще за обработку полей по вновь указанному способу пахотные солдаты принимались неохотно, а когда им приказано было начать сеять овес тремя неделями ранее прежнего, то они все говорили, что он пропадет. Это им простительно, потому что заблуждение сие есть общее всех крестьян здешнего края. Впоследствии они увидели свою ошибку, ибо имели урожай довольно хороший, тогда как крестьяне имели весьма худой, а многие жали овес, ползая на коленях. Доказывать им пользу раннего посева небольшими опытами, значимо бы терять напрасно время... Посему должно было им приказывать и наблюдать за исполнением приказаний. Сим способом необходимо

⁶¹² Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... – С. 74.

⁶¹³ РГВИА. – Ф. 397. – Оп. 6. – Д. 66. – Л. 3; Д. 397. – Л. 6.

нужно будет действовать и на будущее время, по крайней мере, несколько лет»⁶¹⁴.

Однако мало-помалу новые приемы стали распространяться и приживаться в округах. В мае 1843 г. по пять выборных пахотных солдат от каждого округа были посланы в соседние уезды, «дабы доказать им разность в урожаях хлеба, какая происходит от тщательной и небрежной обработки земли». Осмотрев в Лужском, Порховском, Осташковском и Холмском уездах всходы озимых и яровых хлебов на полях «государственных, помещичьих и удельных крестьян, выборные сообщили, что те места, которые... можно счесть самыми лучшими», сравнимы с частями полей пахотных солдат «дурного всхода». Основными причинами этого они считали «нерачительную» обработку полей, отсутствие водосточных канав и борозд, поздний сев яровых культур⁶¹⁵.

Наиболее распространенными орудиями труда в округах пехоты и пахотных солдат были одноконные сохи, реже – пароконные плужки и рала. В округах кавалерии этот набор был несколько шире: наряду с двухколесным украинским плугом применялась российская соха, рало с железными и деревянными зубьями, двухколесные паровые плужки, украинское, российское и саксонское рало, простая или двойная тридцатистизубая борона⁶¹⁶.

В 1841 г. в Чугуеве была открыта сельскохозяйственная школа, в которой готовили агрономов для округов поселенной кавалерии. Она была рассчитана на 32 учащихся-кантониста, имела при себе опытную ферму, где проводились эксперименты по культивированию в данных регионах новых, в том числе и импортных, сортов озимых и яровых культур⁶¹⁷. В округах Украинских военных поселений неплохие урожаи (даже в сильно неурожайном 1848 г.) давали посевы ржи «Ваза», английского и арабского сортов овса. После пробных посевов инспектору резервной кавалерии было разрешено «вводить в округах военных

⁶¹⁴ Там же. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 1127. – Л. 4 об.-5.

⁶¹⁵ РГВИА. – Ф. 397. – Оп. 6. – Д. 309. – Л. 1-23.

⁶¹⁶ Скальковский В. Опыт статистического описания Новороссийского края. – Ч. II. – Одесса, 1853; Павлович В. Екатеринославская губерния. – СПб., 1862. – С. 136-137.

⁶¹⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 313. – Л. 7 об.

поселений тот из сих родов хлеба, который по опыту с местными средствами окажется более полезным»⁶¹⁸.

В 1840-е гг. в округах кавалерии были также созданы небольшие, на 20-30 учащихся, школы шелководства, садоводства, фельдшерские, коновальские и др.⁶¹⁹ На момент ликвидации округов кавалерии в них существовало несколько опытных ферм, на которых, кроме зерновых, выращивали и технические культуры, например, некоторые сорта табака: «Вершанский», «Албанский», «Амофорку»⁶²⁰.

В 1846 г. в округах Украинских военных поселений стали производить опытные посевы ценных сортов хлеба на продажу с целью пополнения заемного денежного капитала. В 1848 г. подобные посевы стали постоянными во всех округах кавалерии, а для «успешного обмолота и очищения ценного хлеба» было решено «завести в тех округах молотильные машины, веялки, арфы и грохоты»⁶²¹. Выращенный хлеб сбывался, в основном, в области Войска Донского. В округах Киевской и Подольской губерний, где частыми были неурожаи трав, вводились посевы «эспарцета», которые, «составляя весьма питательный корм для скота, дают и при малых дождях хороший урожай»⁶²².

Делопроизводительная документация Департамента военных поселений свидетельствует, что руководство департамента вело активную переписку с российским консулом в Гамбурге статским советником Бехерахтом, который регулярно сообщал о новинках в западноевропейском сельскохозяйственном производстве. В 1848 г., например, была произведена попытка применить на практике присланные им «химические удобрения» (стимуляторы роста) в округах пахотных солдат Новгородской и Могилевской губерний. Ввиду сложности технологии применения препарата опыты оказались безрезультатными. В 1849 г. Бехерахт проинформировал о возможности закупки новых сельскохозяйственных машин, в т.ч. молотильной, которая заменяла четырех лошадей и обмолачивала до 120 снопов в день. Неоднократно он сообщал, что в Европе «агрономы и сведущие хлебопашцы вообще смотрят ныне на систему паровых полей как на

⁶¹⁸ Там же. – Оп. 4. – Д. 6365. – Л. 207.

⁶¹⁹ ЦГИАК Украины. – Ф. 445. – Оп. 1. – Д. 207. – Л. 6 об.

⁶²⁰ Там же. – Ф. 1316. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 3.

⁶²¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 5226. – Л. 185.

⁶²² Там же. – Д. 6365. – Л. 207 об.

зло в земледелии»⁶²³, пар там повсеместно заменялся плодопременным хлебопашеством, которое требовало тщательной очистки полей, глубокой вспашки и разрыхления почвы, а также хорошего удобрения. Однако хозяйственная система округов военных поселений не была готова к столь радикальным изменениям. Достаточно емко это иллюстрирует ответ инспектора резервной кавалерии графа А.П. Никитина на запрос Департамента военных поселений о возможности применения новых орудий труда в округах: «...для округов военного поселения, предлагаемые Генеральным консулом сведения о принятой Бельгийским правительством меры к устройству земледельческих орудий вовсе не нужны, ибо все орудия, которые имеются в округах, весьма полезны и никакими другими заменены быть не могут»⁶²⁴.

Структура посевов в округах пахотных солдат (см.: Табл. 41) свидетельствует, что в этом регионе озимые составляли, в среднем, $\frac{1}{4}$ посевов. Традиционными здесь были яровые культуры, урожайность которых была несколько ниже озимых. Среди них ведущее место занимали овес (53,6%) и картофель (14,3%). Посевы остальных культур были незначительными. По отдельным уделам и округам наблюдается значительная дисперсия: в округах Витебской и Могилевской губ. доля озимых была больше, чем в округах Новгородского и Старорусского уделов. Здесь также высаживали больше картофеля (21,2 и 23,2%). Поскольку в округах Новгородской губ. овес в значительной степени являлся товарной культурой, его удельный вес в посевном балансе был в два раза больше, чем в округах, расположенных в Белоруссии.

В округах 3-го резервного поселенного кавалерийского корпуса доля ржи в озимом клине (см.: Табл. 42) была такой же, как и в округах пахотных солдат Новгородской губ. (25%). Однако, в целом удельный вес озимых был больше за счет озимой пшеницы (5,2-14,2%). Удельный вес основных яровых культур – пшеницы, ячменя и овса – колебался в зависимости от конкретной территории. Меньше всего овса (18,7%) и ячменя (6,1%) высевалось в округах Бугской уланской дивизии, где в большей степени культивировались озимая пшеница (14,2%) и гречиха (16,9%).

⁶²³ Там же. – Д. 6564. – Л. 2.

⁶²⁴ Там же. – Д. 6542. – Л. 7.

Сравнение показателей по структуре посевов в округах кавалерии и пахотных солдат свидетельствует, что озимая рожь высевалась в одинаковой пропорции, а вот удельный вес овса в округах кавалерии был в два раза меньше ввиду природно-климатических условий. Недостаток его покрывался за счет ячменя, который занимал до 21,1% посевных культур. Картофель в округах кавалерии, в отличие от округов пахотных солдат, еще не стал полевой культурой, продолжая оставаться огородной.

Динамику посевов и сборов в округах пехоты и кавалерии мы можем проследить только начиная с 1825 г., когда стали составляться отчеты по всем военным поселениям. В исследовательской литературе принято показатели, характеризующие эту сторону сельскохозяйственного производства, группировать по пятилетним циклам, поскольку, как правило, за это время происходит повторение урожайных, среднеурожайных и неурожайных лет.

В рассматриваемом тридцатилетии (см.: Табл. 39 и Табл. 40) наблюдается рост душевых посевов во всех округах. В 1835-1840 гг. фиксируются максимальные показатели, а затем начинается спад. Особенно отчетливо эта тенденция прослеживается на душевых сборах. Данные И.Д. Ковальченко о развитии зернового производства в помещичьей деревне свидетельствуют об аналогичных факторах, имевших здесь место⁶²⁵. По-видимому, в данном случае можно говорить о предельных возможностях экстенсивного развития хозяйства и начале его кризиса. А.С. Нифонтов совершенно прав, считая динамику хлебных посевов одним из основных показателей состояния земледельческого производства. «При рутинной сельскохозяйственной тактике, – пишет он, – средняя степень урожайности хлебов оставалась почти неизменной и развитие земледелия, в основном, происходило путем расширения посевов»⁶²⁶.

Стабильный рост душевых сборов наблюдается только в округах Киевской и Подольской губ. Это объясняется тем, что здесь военные поселения были созданы на базе помещичьих имений, хозяйственные показатели которых были хуже, чем в государственной деревне и военных поселениях. Смена юрис-

⁶²⁵ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... – С. 121.

⁶²⁶ Нифонтов. А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX века: По материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России. – М., 1974. – С. 89.

дикции позволила получить некоторую свободу экономического маневра, поскольку хозяйственная заинтересованность военных поселян была выше, чем у помещичьих крестьян.

Самые высокие показатели душевых посевов (до 1,68 четв. озимого и ярового хлебов) были в округах пахотных солдат Новгородской губ. Этот показатель в округах Витебской и Могилевской губ. не превышал 1,20 четв. В целом же душевые посевы в округах пахотных солдат были выше, чем в Украинских и Новороссийских военных поселениях, где они в среднем составляли 1,25 четв. Самые низкие показатели (0,97 четв.) наблюдались в округах Киевской и Подольской губ. Преобладание яровых посевов над озимыми, характерное для всей страны, в округах военных поселений было обусловлено хорошими урожаями яровой пшеницы на целинных землях, а близость морских портов и постоянный спрос на нее за границей делали эту культуру важнейшим предметом экспорта; некоторые округа пахотных солдат специализировались на выращивании овса, который поступал на рынки С.-Петербурга и Новгорода.

Сравним теперь показатели душевых посевов в округах кавалерии и пахотных солдат с аналогичными данными у других категорий крестьянства. В среднем, эти показатели в округах пахотных солдат были в полтора раза выше, чем в государственной и в два раза выше, чем в удельной деревне⁶²⁷. Низкие показатели в округах пахотных солдат Витебской и Могилевской губ. объясняются слабым развитием зернового производства в этом регионе, но при этом они были на уровне среднестатистических показателей по данным губерниям. Показатели душевых посевов в округах Украинских и Новороссийских военных поселений были в среднем в полтора раза выше, чем в государственной и в два раза выше, чем в помещичьей деревне этого региона⁶²⁸. Низкие показатели в округах Киевской и Подольской губ. объясняются, опять-таки, тем, что они создавались не на базе государственной, как все остальные поселения, деревни, традиционно более развитой, а на базе помещичьей.

Если показатели душевых посевов обнаруживают определенную стабильность и закономерность в различных регионах

⁶²⁷ Дружинин Н.М. Указ. соч. – Т. II. – С. 309; Горланов Л.Р. Удельные крестьяне России... – С. 52.

⁶²⁸ Гуржий И. Указ. соч. – С. 156; Лазанская Т.И. Государственные крестьяне Украины в период кризиса феодально-крепостнической системы. – Киев, 1989. – С. 131.

дислокации военных поселений и округов пахотных солдат, то урожайность, следовательно, и душевые сборы зерна в различные годы и в различных регионах были подвержены резким колебаниям, что во многом объясняется их природно-климатическими особенностями, а также погодными условиями того или иного сельскохозяйственного года.

Данные об урожайных и неурожайных годах (см.: Табл. 43) свидетельствуют, что более высокий уровень агротехники в Украинских военных поселениях и округах пахотных солдат позволил добиться здесь минимума неурожайных лет. В Новороссийских военных поселениях во втором десятилетии также сократилось количество неурожайных лет. Количество же урожайных лет (от сам-5,0 и выше) значительно увеличивается, что, в свою очередь, не могло не сказаться на душевых сборах (см.: Табл. 39). Однако, значительный естественный прирост населения довольно быстро «съел» эту прибавку, что привело к постепенному падению этого показателя.

Сравнение данных табл. 43 с данными И.Д. Ковальченко о соотношении урожайных и неурожайных лет в помещичьей деревне Новгородской губ.⁶²⁹, свидетельствует, что в отличие от округов пахотных солдат в ней преобладали среднеурожайные годы (от сам-2,5 до сам-4,5), а на каждое десятилетие приходилось не менее двух неурожайных лет. Урожайных лет было в два раза меньше. По сведениям И. Гуржия⁶³⁰, в Новороссийском крае каждые семь лет было, в среднем, два совершенно неурожайных, три среднеурожайных и только два урожайных года, что примерно соответствовало данным по округам кавалерии этого региона. Одной из причин плохих урожаев в округах кавалерии была не только засушливая погода, но и истребление посевов саранчой. По данным А.С. Нифонтова, в южных регионах зависимость земледелия от погодных условий проявлялась с особенной силой. Засухи, знойные ветры, ливневые дожди, град – все это приводило к частым неурожаям и крестьяне зачастую не получали даже урожай сам-друг.

В наиболее неурожайные годы приходилось даже выводить действующие подразделения в районы, менее пострадавшие от неурожая⁶³¹, а для военных поселян закупать хлеб и

⁶²⁹ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... – С. 304.

⁶³⁰ Гуржий И. Указ. соч. – С. 226.

⁶³¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 1781. – Л. 188.

фураж за государственный счет и отпускать хлеб в ссуду из запасных магазинов. На основании высочайшего повеления от 29 июня 1837 г., «в составе запасных магазинов каждого округа непременно количеством хлеба считать по 2 четверти ржи и по 2 четверти овса на каждую душу, к магазейну приписанную»⁶³². Сбор был начат в 1838 г. по одному четверику ржи и овса с каждой души мужского пола. Это положение распространялось и на отставных, и бессрочноотпускных нижних чинов, поселявшихся в округах.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют определить величину урожая с единицы площади в абсолютных величинах, поэтому мы вынуждены прибегнуть к определению урожайности в «самах». Этот метод традиционен в исследовательской литературе и, по мнению авторов, достаточно репрезентативно отражает урожайность и ее динамику⁶³³.

Данные табл. 39 и табл. 40 свидетельствуют, что средние показатели урожайности озимых в округах пахотных солдат Новгородской губ. (около сам-5,0) были стабильнее и несколько выше, чем в округах Украинских (сам-4,8) и Новороссийских (сам-4,2) военных поселений, но уступали аналогичным показателям в округах Киевской и Подольской губ. (сам-5,8). Самая низкая урожайность озимых (сам-3,7) наблюдалась в округах Витебской и Могилевской губ.

По показателям урожайности яровых культур лидерство принадлежало округам Украинских военных поселений (сам-5,0). В Новороссийских военных поселениях и округах Киевской и Подольской губ. она составляла сам-4,0, в округах пахотных солдат – сам-3,4. Показатели урожайности озимых и яровых культур в округах военных поселений и пахотных солдат были выше, чем на землях помещичьих, государственных и удельных крестьян. Так, например, по данным Н.М.Дружинина, урожайность в государственной деревне Новгородской губ. к середине XIX в. составляла сам-3 озимых и сам-2 – сам-2,5 яровых⁶³⁴. У помещичьих крестьян Северо-Запада России средняя урожайность озимых и яровых хлебов, по сведени-

⁶³² Там же. – Д. 109. – Л. 34.

⁶³³ Ковальченко И.Д. Динамика уровня сельскохозяйственного производства России в первой половине XIX в. // История СССР. – 1959. – №1. – С. 59; Нифонтов А.С. Указ. соч. – С. 56-60.

⁶³⁴ Дружинин Н.М. Указ. соч. – Т. II. – С. 310.

ям И.Д. Ковальченко, не превышала сам-2,7⁶³⁵. В удельной де-ревне этот показатель составлял порядка сам-2,6⁶³⁶.

Урожайность в округах кавалерии была в полтора-два раза выше аналогичных показателей в хозяйстве других категорий крестьянства этого региона. Согласно данным Е.И. Дружининой, в промежутке между 1842 и 1853 гг. у государственных крестьян она составляла сам-2,5 озимых и сам-3 яровых, у помещичьих – сам-3,3 озимых и сам-3,2 яровых⁶³⁷.

Такая относительно высокая для того уровня агротехники урожайность не может быть отнесена только на счет особенностей управления округами, хотя полностью отрицать данный фактор было бы неверно. Главным, на наш взгляд, определяющим моментом является достаточно высокий уровень сельскохозяйственного развития регионов, отошедших в военные поселения. Напомним, что в 1816-1817 гг. средняя урожайность в каждом из них составляла сам-5 озимых и сам-3,5 яровых.

Три основных показателя – величина земельных наделов, количество посевов на единицу площади и урожайность – влияли на величину чистых сборов хлебов в расчете на душу населения. Именно этот показатель наиболее репрезентативно характеризует уровень развития производительных сил и уровень жизни населения. Даже несмотря на то, что посевные площади в округах пахотных солдат были несколько меньше, чем в округах кавалерии, чистые душевые сборы здесь, благодаря более высокой урожайности и нормам душевых посевов, были выше, чем в округах кавалерии (сравни данные табл. 39 и табл. 40). В среднем, душевые сборы в округах пахотных солдат в 1820-е – 1850-е гг. составили: в Новгородской губ. – 6,11 четв., в Витебской и Могилевской – 3,87 четв. В округах кавалерии эти показатели составляли: в Украинских – 5,53, Новороссийских – 4,74, Киевской и Подольской губ. – 3,83 четв. В последнем случае (при относительно высокой средней урожайности) большую роль играла недостаточная обеспеченность поселян наделами.

Следовательно, даже при более совершенной хозяйственной модели в округах кавалерии, округа пахотных солдат Новгородской губ. развивались более динамично. Это можно

⁶³⁵ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... – С. 72.

⁶³⁶ Горланов Л.Р. Удельные крестьяне России... – С. 52.

⁶³⁷ Дружинина Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма: 1826-1860 гг. – М., 1981. – С. 61, 70.

объяснить двумя факторами: во-первых, более высоким уровнем развития агротехники (в некоторых селениях Новороссийских военных поселений сохранялся еще архаичный способ ведения земледелия – перелог⁶³⁸) и, во-вторых, меньшей, чем в округах кавалерии степенью эксплуатации. Будучи, в основном, обязанными только уплатой денежного оброка (хотя и относительно высокого), пахотные солдаты имели возможность «маневра» относительно использования своего времени и продуктов труда. В то же время, военные поселяне должны были значительную часть времени расходовать для обработки общественных полей.

Обеспеченность пахотных солдат хлебом была выше, чем у крестьян других категорий Новгородской губ. Чистые же сборы у государственных крестьян составляли 1,3, у помещичьих – 1,8, удельных – 2,3 четв.⁶³⁹ В соседней Тверской губ. этот показатель не поднимался выше двух четвертей на душу⁶⁴⁰. Чистые сборы зерна на душу населения в округах кавалерии были также выше, чем в крестьянских хозяйствах тех губерний, где они дислоцировались. По данным И.Д. Ковальченко, в 1840-1850 гг. чистые сборы хлебов (без картофеля) в помещичьей деревне Левобережной Украины составляли от 2,12 до 2,18 четв., а в Южном степном районе – от 1,24 до 1,92 четв. на душу⁶⁴¹.

Хотя сборы сильно зависели от погодный условий конкретного сельскохозяйственного года, было бы неправильным связывать их только с природными факторами, необходимо учитывать влияние и социальных явлений. В одном и том же регионе, в одно и то же время часто фиксируются неодинаковые урожаи зерновых в разных типах крестьянства. Например, по данным А.С. Нифонтова, зерновое производство помещиков и их крепостных представляло разные типы хозяйства. Несмотря на рутинность помещичьего земледелия, оно представляется как

⁶³⁸ Гуржий И. Указ. соч. – С. 122.

⁶³⁹ Нифонтов А.С. Указ. соч. – С. 125-129; Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... – С. 303; Горланов Л.Р. Удельные крестьяне России... – С. 53.

⁶⁴⁰ Федоров В.А. Помещичьи крестьяне Центрально-Промышленного района России... – С. 54; Он же. Сельское хозяйство помещичьих крестьян Центрально-Промышленных губерний России в первой половине XIX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. – М., 1974. – Сб. 8. – С. 205.

⁶⁴¹ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... – С. 77-78.

предпринимательское. Основная же масса крепостных крестьян не могла расширять товарное зерновое производство⁶⁴².

Необходимо также отметить, что за средними данными скрывалась пестрая картина соотношения посевов, урожайности и чистых сборов хлебов в отдельных округах как пахотных солдат, так и военных поселений. Приведенные в табл. 44 данные об урожайности озимых и яровых хлебов в округах Старорусского удела в 1842 г. (среднем по урожайности) свидетельствуют, что даже на такой ограниченной территории были свои лидеры и аутсайдеры... Лучшие показатели урожайности озимых зафиксированы в 7-м, 13-м и 14-м округах, что было связано с производством хлеба в этих округах на рынок. Еще более пестрая картина наблюдается в разрезе волостей, где эти колебания достигали 4-5 единиц (например, если сравнивать лучшие и худшие показатели во 2-й и 3-ей волостях 9-го округа). Аналогичная картина наблюдается и по данным об урожайности яровых.

Попытаемся теперь проанализировать динамику посевов, урожайности и сборов хлебов в разрезе отдельных округов военных поселений и пахотных солдат. Поскольку расчеты производились вручную, пришлось ограничиться произвольной выборкой сведений за отдельные годы (среднестатистические по урожайности) с интервалом в семь лет: 1835, 1842, 1849 и 1855 годы. И еще одно замечание. Поскольку мы не располагаем систематическими данными по каждому из кавалерийских округов, анализ производился на уровне отдельных дивизий, каждая из которых включала территории четырех округов, за исключением округов в Киевской и Подольской губ., где легкая кавалерийская дивизия дислоцировалась на территории пяти округов. В верхней строке средних итоговых показателей располагаются среднеарифметические значения. В нижней строке – скорректированные средние значения, которые были получены без учета полярных показателей и которые являются наиболее репрезентативными. Для удобства прочтения таблиц все значения посевов, сборов и урожайности переведены в проценты относительно скорректированных величин по уделам и дивизиям.

Данные табл. 45 и табл. 46 свидетельствуют, что в Новгородском уделе пахотных солдат наиболее стабильно и динамич-

⁶⁴² Нифонтов А.С. Указ. соч. – С. 116-117.

но развивался округ №6, созданный в период реформирования округов пехоты в 1827-1828 гг. на территории Коростынской и Бурегской удельных волостей. Крестьянское хозяйство здесь не было подвергнуто при переходе в военное поселение значительной деформации. Немаловажное значение имел и тот факт, что этот округ располагался вблизи г. Старой Руссы и поселяне могли с выгодой продавать продукцию не перекупщикам, а непосредственно на рынке.

Неплохие показатели зафиксированы в округе №1 (бывший округ гренадерского графа Аракчеева полка), который сумел сохранить потенциал, заложенный в его хозяйственную структуру в 1820-е гг., когда он рассматривался как показательный для всей поселенной пехоты. Средние скорректированные значения посевов, сборов и урожайности по Новгородскому уделу были, как правило, ниже, чем в округах Старорусского удела. Это объясняется тем, что округа 2-й гренадерской и гренадерской артиллерийской дивизий на 90% создавались за счет крестьянских хозяйств, которые до перехода в военное поселение имели относительно неплохие экономические показатели. Этот пример еще раз подтверждает мнение, что радикальное вмешательство в практику крестьянского хозяйства чревато для него тяжелыми последствиями.

Данные табл. 45 и табл. 46 свидетельствуют, что в Старорусском уделе наиболее стабильные показатели имели округа №8 и №13, в которых было развито товарное производство овса и льна. Поселянские хозяйства этих округов были хорошо обеспечены скотом, что позволяло качественно удобрять поля. Неплохими были показатели в округе №7, расположенном в непосредственной близости от г. Старой Руссы, что не могло не сказаться на интенсификации в нем сельскохозяйственного производства. Самые низкие показатели зафиксированы в округах №9 и №11, где из-за недостатка пойменных лугов была довольно слабая обеспеченность хозяйств рабочим и продуктивным скотом, а также были худшие в отношении плодородия почвы. Именно в этих округах наиболее четко прослеживаются тенденции к снижению уровня хлебопашества к концу рассматриваемого периода.

Данные табл. 47 и табл. 48 свидетельствуют, что в округах кавалерии наиболее стабильные показатели посевов, урожайности и сборов были в последних четырех округах Украинских и вторых четырех округах Новороссийских военных поселений

(бывшие округа 1-й и 2-й уланских дивизий). По времени создания это были первые округа кавалерии и за столь значительный срок поселяне сумели адаптироваться к новым условиям. Кроме того, именно поселения этих дивизий были лучше других обеспечены надельными землями (см.: Табл. 34).

Менее стабильно развивались округа бывших кирасирских

дивизий (первые четыре округа Украинских и первые четыре округа Новороссийских военных поселений). Значительная дисперсия

анализируемых показателей наблюдается и в округах военных поселений Киевской и Подольской губ., где был низким уровень агротехники и слабая обеспеченность земельными угодьями. Административными мерами удалось ликвидировать, в некоторой степени, отставание этих округов от остальных. В целом же, среди военных поселений кавалерии наиболее стабильно развивались Украинские поселения, расположенные в Харьковской губ. Это объясняется более мягкими природно-климатическими условиями, а также более высоким уровнем развития агротехники накануне создания военных поселений. Здесь также был очень низким процент поселян-хозяев из солдат.

После зерновых основным продуктом питания в округах военных поселений и пахотных солдат был картофель. Зачастую он использовался и на корм скоту⁶⁴³. Площади посевов этой культуры росли очень быстро и к середине 1830-х гг. его высевали в 98% крестьянских хозяйств. Только в округах пахотных солдат его посевы составляли до 37 тыс. четвертей ежегодно (см.: Табл. 41), что составляло примерно 0,30 четв. на душу. Рост посевов картофеля (в начале 1850-х гг. – до 70 тыс. четв.) был связан с осуществлением общегосударственных мероприятий по превращению картофеля в полевую культуру. Резкое снижение объемов посевов наблюдается с 1852 г., когда на его клубнях появляются признаки болезни, и в 1854-1855 гг. высевалось только до 25 тыс. четв.⁶⁴⁴ Уровень агротехники не позволял тогда периодически заменять сорта картофеля, что и послужило причиной массового распространения этой болезни. и только к концу 1850-х гг. наблюдается некоторый рост посе-

⁶⁴³ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 3901. – Л. 7.

⁶⁴⁴ Там же. – Ф. 397. – Оп. 6. – Д. 401. – Л. 10-383.

вов данной культуры (до 0,32 четв.) на душу⁶⁴⁵. В среднем, в рассматриваемый период урожайность картофеля составляла сам-4, т.е. на душу собиралось около 1,5 четв. в год.

Наряду с зерновым производством в округах было развито огородничество, продукция которого составляла одну из главных составляющих рациона питания военных поселян. Основными видами огородных культур в округах пахотных солдат были: свекла, капуста, лук, чеснок, огурцы, морковь, брюква, репа, горох и некоторые другие. В округах кавалерии кроме этого выращивали арбузы, дыни, тыкву, кукурузу («турецкую пшеничку»), фасоль, сельдерей, петрушку, мак и некоторые другие культуры⁶⁴⁶.

Анализ растениеводства в округах военных поселений и пахотных солдат позволяет сделать следующие выводы. Выбор мест для округов был обусловлен, кроме всего прочего, высоким уровнем развития здесь сельскохозяйственного производства. Следовательно, стартовые условия округов военных поселений были, в большинстве случаев, весьма благоприятными. Трудно поэтому согласиться с выводами отчета по военным поселениям за период с момента их возникновения до 1832 г., в котором утверждалось, что «военные поселения на местах своего водворения застали хлебопашество и скотоводство в дурном положении»⁶⁴⁷. Как правило, составители отчетов оперировали абсолютными данными. Относительные же показатели, как мы убедились, свидетельствуют о постепенном их снижении только со второй половины 1840-х гг.

В связи с различными задачами, ставившимися перед округом кавалерии и пехоты (позже – округами пахотных солдат), значительно отличались и модели поселянского хозяйства. Если в округах поселения кавалерии (особенно в Херсонской губ.) ставка делалась на укрупненное хозяйство с большим количеством рабочих рук и скота, то в округах пехоты модель хозяйства была идентична среднему крестьянскому. Административное регулирование хозяйственной деятельности поселянского хозяйства позволило несколько повысить культуру зернового производства (особенно в округах пахотных солдат), которая здесь, по сравнению с другими категориями крестьянства, была не-

⁶⁴⁵ РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 71. – Л. 222.

⁶⁴⁶ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 3643. – Л. 64.

⁶⁴⁷ РГИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 6933. – Л. 268 об.

сколькo выше. После создания округов пахотных солдат, т.е. со значительной либерализацией производственных отношений в бывших поселениях пехоты, они начинают обгонять поселения кавалерии по душевым посевам, сборам и урожайности, уровень которых снижается здесь несколько быстрее, чем в округах пахотных солдат. Причина этого кроется не только в более консервативных методах зернового производства, но и в том, что количество войск, которое они снабжали продовольствием и фуражом, постоянно увеличивалось, что влекло за собой возрастание нагрузки на поселянское хозяйство. Работа на общественной запашке была невыгодной и потому малопродуктивной.

В целом, зерновое производство не отличалось стабильностью, его динамика зависела не столько от величины посевов, сколько от урожайности. Некоторое ее повышение в конце 1830-х – начале 1840-х гг. сменяется неуклонным ее снижением, причем, отмечается как абсолютное, так и относительное уменьшение сборов основных сельскохозяйственных культур. Отмеченное повышение уровня зернового производства объясняется, главным образом, последствиями реформирования военных поселений во второй половине 1820-х – первой половине 1830-х гг., в результате которого произошло полное отделение поселенной части от действующей и поселяне перестали нести военную службу.

Однако относительно высокий уровень земледелия был направлен, в основном, не на развитие экономической базы поселянского хозяйства, а на «продовольствие войск от земли округов более того числа, какое по общему положению учреждения военного поселения кавалерии определено»⁶⁴⁸, что была вынуждена констатировать и официальная статистика. Так, например, во время Крымской войны военные поселения кавалерии поставили для войск Южной армии, а также действующих в Крыму 208 тыс. четвертей различных продуктов⁶⁴⁹.

На снижение уровня земледелия в 1850-е гг., особенно в Новгородских военных поселениях, сказались неурожайные 1848 и 1850-1853 годы, а также всевозможные административные перестройки округов накануне их передачи в гражданское ведомство. Однако сводить причины снижения уровня земледелия лишь к упомянутым факторам было бы, на наш взгляд, не

⁶⁴⁸ РГИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 917. – Л. 88.

⁶⁴⁹ Там же. – Д. 1497. – Л. 4.

совсем верно. Прежде, чем попытаться окончательно сформулировать причины этих явлений, остановимся на процессах, которые происходили в других сферах хозяйственной жизни военных поселений.

* * *

Несомненно, что на уровень развития зернового хозяйства оказывают влияние и другие отрасли сельскохозяйственного производства. В первую очередь это касается животноводства. Уже в начале массового поселения войск в 1817-1818 гг. А.А. Аракчеев поставил задачу перед командованием округов, чтобы в каждом поселянском хозяйстве насчитывалось не менее двух лошадей (или двух пар волов в округах кавалерии) и 5-6 коров⁶⁵⁰. На практике эта задача оказалась невыполнимой, поскольку отсутствовали достаточная кормовая база и необходимые условия для содержания такого количества скота. Кроме того, чтобы достичь такой пропорции поголовья скота в хозяйстве военных поселян, необходимо было затратить значительные финансовые средства, поскольку только по всем округам поселения пехоты в 1822 г. необходимо было закупить 32.832 коровы и 10.944 лошади, что было в два раза больше имеющегося в наличии скота⁶⁵¹.

Отсутствие необходимого запаса кормов, усиленное использование рабочего скота в осенне-зимний период на различных подрядных и общественных работах, скученность во время стойлового периода в значительной степени предопределили частые падежи скота. Все эти причины вызвали крайне нестабильное развитие животноводства в округах военных поселений. Трудности в обеспечении скота кормами заставили А.А. Аракчеева пойти даже на такие экстраординарные меры, как запрещение продажи сена (этим занимались многие поселяне) за пределы округов. Было приказано, если у кого имелись излишки, продавать Провиантскому департаменту Военного министерства по твердым ценам⁶⁵². До введения военных поселений крестьяне куплей-продажей сена для прогоняемого через их земли скота зарабатывали столько денег, что могли на них, при хороших урожаях, купить в 5-8 раз больше проданного. Не способствовало также

⁶⁵⁰ РГИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 585.

⁶⁵¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 151. – Л. 276 об.

⁶⁵² Там же. – Д. 190. – Л. 841.

развитию животноводства и разделение сенокосов на равные участки без учета наличия поголовья скота в каждом конкретном хозяйстве.

Достаточно репрезентативно, на наш взгляд, иллюстрируют динамику животноводства не абсолютные, а относительные (на 100 душ мужского пола) показатели поголовья скота. Данные табл. 49 свидетельствуют о неуклонном снижении этого показателя в округах кавалерии, особенно дислоцированных в Херсонской губ. Если в Украинских военных поселениях наблюдается то увеличение, то уменьшение поголовья как рабочего, так и продуктивного скота, то в Новгородских имела место тенденция к постоянному и весьма существенному его уменьшению. Резкое сокращение поголовья лошадей и продуктивного скота на душу населения в поселениях кавалерии к концу изучаемого периода было во многом связано с Крымской войной, когда эти округа стали базой по обеспечению действующей армии не только продовольствием, но и лошадьми.

Полученные нами данные не совпадают с данными Т.Н. Кандауровой, рассчитанными при помощи клиометрических методов и свидетельствующими о якобы имеющейся тенденции роста не только абсолютного, но и относительного поголовья скота в поселянских хозяйствах. Думается, что наши данные ближе к истине, поскольку они четко коррелируются с показателями зернового производства в данном регионе (см.: Табл. 39). Возможно, что некоторый всплеск в развитии животноводства в конце 1820-х – начале 1830-х гг. исследовательница приняла за устойчивые тенденции в развитии животноводства.

В округах Киевской и Подольской губ., где из-за низкой насыщенности хозяйств как рабочим, так и продуктивным скотом, начальство пыталось всеми мерами ликвидировать этот недостаток, наблюдается значительный рост относительных показателей поголовья скота.

Динамика поголовья скота в округах пахотных солдат Новгородского и Старорусского уделов четко коррелируется с динамикой зернового производства, пик которого приходится на 1835-1845 гг. (сравни данные табл. 50 и табл. 40). Так, например, поголовье крупного рогатого скота имело тенденцию к устойчивому увеличению за указанный период почти в полтора раза. Аналогичные тенденции прослеживаются и в округах пахотных солдат Витебской и Могилевской губ., где относитель-

ные показатели поголовья скота несколько уступали показателям в округах Новгородской губ., что сказывалось на более низких показателях зернового производства.

К 1856 г., т.е. на момент ликвидации, в округах пахотных солдат на 100 дес. сенокосов приходилось 139 голов скота; на 100 десятин пашни приходилось 69 дес. сенокосов и 97 голов скота. По округам кавалерии эти показатели рассчитать очень трудно, поскольку волы содержались на подножном корму весьма длительный промежуток года, а пашня могла быстро превращаться в сенокосы и наоборот. Сравним полученные данные по округам пахотных солдат со средними показателями у других категорий крестьянства этого региона. По сведениям И.Д.Ковальченко, в 1850-е гг. в Новгородской губ. на 100 душ мужского пола крепостных приходилось 23,9 лошади и 47,5 голов рогатого скота; на 100 дес. пашни приходилось 36,1 дес. сенокосов и 55,6 голов скота⁶⁵³. Следовательно, обеспеченность пахотных солдат скотом, особенно продуктивным, была значительно выше, чем в крепостной деревне, что объясняется более благоприятным соотношением сельскохозяйственных угодий и более высоким хозяйственным потенциалом. По средним показателям поголовья скота на душу населения, согласно классификации, предложенной И.Д. Ковальченко, пахотные солдаты приближались к зажиточной группе помещичьих крестьян Северо-Запада России.

По сведениям Н.М. Дружинина, в государственной деревне Новгородской губ. на двор приходилось, в среднем, 1,38 лошадей и 3 коровы⁶⁵⁴. В округах пахотных солдат эти показатели соответствовали: 1,95 лошадей и 5,32 коров. В государственной деревне Харьковской губ. на двор приходилось 0,45 лошадей и 3,03 голов крупного рогатого скота⁶⁵⁵. В округах Украинских военных поселений эти показатели составляли: 1,26 лошадей и 5,35 крупного рогатого скота. В государственной деревне Херсонской губ. на душу мужского пола приходилось около 0,88 голов крупного рогатого скота⁶⁵⁶, а в округах Новороссийских военных поселений – 1,45 голов. В Киевской и

⁶⁵³ Ковальченко И.Д. К истории скотоводства в Европейской России в первой половине XIX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. – Сб. 4. – М., 1960. – С. 179-190.

⁶⁵⁴ Дружинин Н.М. Указ. соч. – Т. II. – С. 311.

⁶⁵⁵ Там же. – С. 406.

⁶⁵⁶ Там же. – С. 423.

Подольской губ. этот показатель в государственной деревне составлял от 0,90 до 1,07 голов на ревизскую душу⁶⁵⁷, в округах военных поселений этих губерний – 0,65 голов. В Витебской и Могилевской губ. эти показатели составляли, соответственно, 1,10 и 1,90.

Следовательно, обеспеченность военных поселян скотом, за исключением округов в Киевской и Подольской губ., а также пахотных солдат по сравнению с другими категориями крестьянства была в 1,5-2 раза выше. В совокупности с показателями уровня зернового производства приведенные данные позволяют отнести среднестатистического военного поселянина к группе крестьянства, приближающегося по своему имущественному положению к зажиточному не только помещицкому, но и государственному крестьянину.

Как и в земледелии, данные о наличии скота в различных группах хозяйства военных поселян и пахотных солдат свидетельствуют о его крайне неравномерном распределении. Если сравнивать данные по Новгородскому и Старорусскому уделам пахотных солдат (см.: Табл. 51 и табл. 52) о насыщенности хозяйств пахотных солдат крупным рогатым скотом, то окажется, что в первом из них основная масса хозяйств (46,3%) имели не более одной коровы. Четверть хозяйств имела по две коровы, остальные 27,2% хозяйств имели по три и более головы продуктивного скота.

Примерно такая же картина наблюдается и в разрезе отдельных округов. Исключение составляет лишь округ №1, в котором 58% хозяйств имели по две коровы; одну имели лишь 9,7%; не имели рогатого скота 2,4% хозяйств. В Старорусском уделе, где формирование округов происходило на базе крестьянских хозяйств, подворья с одной коровой составляли только 6,1%, с двумя – 13,4%. Остальные 80% хозяйств имели по три и более коровы. Хозяев, не имевших крупного рогатого скота, было менее одного процента.

Выборочные данные за несколько лет, даже учитывая коэффициент вариации, помогают проследить общую тенденцию в распределении рабочего скота по различным категориям хозяйств (см.: Табл. 53). За двадцать лет (1833-1855 гг.) доля безлошадных хозяйств не изменилась. Удвоилось количество однолошадных и во столько же раз сократилось количество

⁶⁵⁷ Там же. – С. 415.

двухлошадных хозяйств. В два раза возрос удельный вес зажиточной группы хозяйств (четыре и более лошади): с 10,0% до 24,0%.

Сходные тенденции прослеживаются и при группировке хозяйств по количеству у них крупного рогатого скота. Сопоставляя данные по видам скота, следует отметить, что процент хозяев, имевших более трех коров, был в несколько раз больше соответствующей доли хозяйств с четырьмя и более лошадьми, что, по мнению ряда исследователей, вообще характерно для крестьянского хозяйства данного периода, поскольку содержание коров обходилось значительно дешевле, чем лошади⁶⁵⁸. Хозяйства, в которых было не более двух коров, а в поселениях кавалерии – не более пары волов, принадлежали к бедной группе.

В округах 2-го резервного поселенного кавалерийского корпуса в начале 1830-х гг. богатые поселяне имели на одно хозяйство, в среднем, по 4 лошади, 14 волов и до 60 коров. В бедных хозяйствах лошадей не было, в наличии имелось не более пары волов и одной коровы. В округах 3-го резервного поселенного кавалерийского корпуса, за счет более развитого коневодства, в этот же период в зажиточных хозяйствах насчитывалось до 50 лошадей, 20 пар волов и 50 коров. В беднейших хозяйствах было по паре волов и одной корове. В округах Украинских военных поселений (бывший 2-ой резервный кавалерийский корпус) на 16 тыс. хозяйств насчитывалось 642 бедных, что составляло 4%; в Новороссийских поселениях (бывший 3-й резервный кавалерийский корпус) на 13 тыс. хозяйств таковых приходилось 1142 или 8,9%. После реорганизации округов численность бедных хозяйств заметно уменьшилась. Так, например, в первых четырех округах Украинских военных поселений в 1836 г. их насчитывалось 63, а в 1841 г. – только 20. Во вторых четырех округах этих поселений бедных хозяйств не было зарегистрировано. В округах Новороссийских поселений также наблюдается снижение доли бедных хозяйств, однако эта тенденция быстро сменяется их ростом и уже в 1842 г. по отчетной документации числилось 4862 бедных хозяйства, что составляло 16,5% их общей численности.

⁶⁵⁸ Розов Е.К., Виноградов В.А. Сельское хозяйство в Тверской и Новгородской деревне во второй половине XIX – начале XX вв. – Калинин, 1974. – С. 62.

Данные табл. 54 свидетельствуют о весьма значительной имущественной дифференциации в среде поселян-хозяев Херсонских военных поселений. Особенно отчетливо это прослеживается в округах Бугской уланской дивизии, где скотоводство было традиционным занятием местных жителей. Так, например, в 3-ем Бугском уланском полку самый богатый хозяин имел 45 лошадей, 25 пар волов, 65 голов продуктивного скота и 250 овец. Приведенные данные позволяют говорить о нарастающей в 1830-е – 1850-е гг. имущественной дифференциации в среде военных поселян и пахотных солдат, поскольку отчетливо прослеживается количественный рост полярных по зажиточности категорий. Уменьшается доля хозяев средней зажиточности, что не могло не сказаться на общих тенденциях развития сельскохозяйственного производства. Подобные явления характерны для ранних стадий развития капиталистических отношений в деревне, когда начинается массовое отчуждение производителя от средств производства.

Динамика животноводства по отдельным округам военных поселений и пахотных солдат (методика аналогична подсчетам душевых посевов и сборов) свидетельствует о значительной дисперсии основных показателей (см.: Табл. 55, табл. 56, табл. 57 и табл. 58). Более высокий уровень развития животноводства в 5-8 округах Украинских и 5-8 округах Новороссийских военных поселений соответствует более высокому уровню зернового производства в них (сравни с данными табл. 47 и табл. 48). В отличие от округов Новороссийских военных поселений, где основной тягловой силой были волы, в Украинских поселениях наряду с ними употреблялись в значительном количестве и лошади.

Исключение составляют 9-12 округа Новороссийских военных поселений, в которых упор традиционно делался на развитие животноводства, поскольку они дислоцировались в южных степных районах Херсонской губ. Поэтому низкие показатели зернового хозяйства компенсировались здесь более развитым животноводством. Подобная специализация позволяла поселянам-хозяевам этих округов в случае неурожая, продав часть лошадей, рогатого скота и овец, «недостающий хлеб покупать себе из соседственных Малороссийских или Польских провинций»⁶⁵⁹. В округах

⁶⁵⁹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 10. – Л. 740.

Киевской и Подольской губ. были более высокие показатели (относительно остальных округов кавалерии) поголовья лошадей, поскольку здесь они были основной тягловой силой. Низкая обеспеченность поселян этих округов скотом на момент вхождения в военное поселение вынуждало командование принимать чрезвычайные меры. Так, например, в 1840-1841 гг. для них было закуплено 7 тыс. волов на сумму 420 тыс. руб. ассигнациями, однако и после этой акции в округах насчитывалось не более 80% от средних показателей поголовья скота по округам кавалерии (см.: Табл. 55 и Табл. 56).

Данные о состоянии животноводства в отдельных округах пахотных солдат (см.: Табл. 57 и Табл. 58) также достаточно четко коррелируются с показателями зернового производства. В Новгородском уделе высокий уровень развития сельскохозяйственного производства в целом наблюдается в округе №6; в Старорусском – в округе №10 и №13. Исключение составляли округа №4, №5 и №14, где поселяне традиционно отдавали предпочтение развитию животноводства. Значительные расхождения между средними и скорректированными значениями свидетельствуют о высокой дифференциации в развитии этой отрасли сельскохозяйственного производства по отдельным округам.

Кроме указанным видов скота, в хозяйстве поселян были и другие виды животных и птицы. Прежде всего, это овцы, которых было особенно много в четырех последних округах Новороссийских военных поселений. Некоторые поселяне-хозяева пытались даже заводить мериносовых овец, однако из-за отсутствия необходимых навыков селекции и надлежащего ухода, они быстро вырождались в простых овец. На подворье поселян встречались козы, свиньи, всевозможная птица. Это позволяло им (особенно в округах кавалерии) употреблять мясную пищу не реже двух раз в неделю. Контроль за этой стороной хозяйства не был столь тщательным, как за состоянием рабочего и продуктивного скота, поэтому поселяне могли какую-то часть продукции животноводства употреблять в пищу, либо реализовывать на рынке.

Наряду с этим неоднократно в рапортах начальников округов и уделов указывалось, что «хозяева, имеющие по одной и по две коровы, имеют в течение двух третей года стол постный, т.е. питаются хлебом, картофелем, капустой и другими растениями, потому что две коровы, которых они более половины

зимы, по недостатку сена, кормят ржаной соломой, дают удой весьма скудный. Мясо же они имеют за своим столом весьма редко. Таковое скудное продовольствие в особенности вредно для детей, коим молочная пища необходима, ибо они, питаясь одними растительными и мучнистыми веществами, каковы хлеб, картофель и каши, подвергаются золотухе и бывают

вообще слабы, что должно иметь вредное влияние на здоровье их и в большом возрасте»⁶⁶⁰.

Необходимо отметить, что даже такая относительно высокая степень насыщенности хозяйств военных поселений и пахотных солдат скотом по сравнению с другими категориями крестьянства, не может быть признана достаточной для стабильного и динамичного развития сельскохозяйственного производства. Если принять, что одна лошадь может обслужить до четырех десятин посева⁶⁶¹, то у военных поселян этот показатель (учитывая и волов, четыре пары которых вспахивают десятину за два дня⁶⁶²) равнялся 5,2 дес., а у пахотных солдат – 3 дес. При этом необходимо учитывать, что рабочий скот здесь использовался гораздо интенсивнее, чем в хозяйствах других категорий крестьянства: обслуживание значительного воинского постоя, перевозка хлеба в запасные магазины, мельницы и склады Провиантского департамента, транспортировка леса и других строительных материалов и т.п.

Для качественного удобрения земли при трехпольном хозяйстве и при уровне агротехники в то время требовалось 5-6 голов скота в расчете на десятину пара⁶⁶³. У пахотных солдат этот показатель не превышал трех голов на десятину, однако был в два раза выше, чем в среднем по региону⁶⁶⁴. Это было в первую очередь связано с лучшей обеспеченностью пахотных солдат сенокосами, а также с административными мерами, принимаемыми командованием. Однако как и в случае с зерновым производством не приходится говорить об одинаковой кормовой

⁶⁶⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 5433. – Л. 1-3.

⁶⁶¹ Чайнов А. Организация сельского хозяйства. – М., 1925. – С. 116.

⁶⁶² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 140. – Л. 794.

⁶⁶³ Иордан К. Руководство к разведению рогатого скота, применяясь к хозяйственным условиям северных губерний России, особенно для Петербургской и ближайших к ней. – СПб., 1857. – С. 5.

⁶⁶⁴ Ковальченко И.Д. К истории скотоводства в Европейской России... – С. 199.

базе во всех округах. Так, например, в Новгородском уделе пахотных солдат сенокосов было значительно больше (за исключением округа №6), чем в Старорусском, где дефицит сена составлял около 1,5 млн. пудов в год⁶⁶⁵. И хотя в каждом хозяйстве данного удела накашивалось до 400 пуд. сена, однако ввиду большой насыщенности скотом, сена с надельных лугов было явно недостаточно. По нашим подсчетам, не хватало, в среднем, по 100-120 пуд. на хозяйство. Такой значительный расход сухих кормов был обусловлен длительностью стойлового периода содержания.

И если зажиточные пахотные солдаты имели возможность арендовать и покупать сенокосы, а также приобретать корма, то у бедных хозяев своего сена хватало только до середины зимы, поэтому они вынуждены были кормить скот соломой, что приводило к падению его продуктивности. Бескормица вызывала частые падежи скота, эпидемии и быстрое старение. Выше уже упоминалось о мерах командования по обеспечению поселян минимальной ветеринарной помощью, улучшению породы скота, увеличению площадей лугов, выдаче безвозвратных ссуд из заемного капитала. Однако ссуды, например, не могли в значительной степени повлиять на кардинальное изменение ситуации, поскольку их получали, в первую очередь, те хозяева, которые вовсе не имели скота.

В округах кавалерии, как уже упоминалось выше, вопрос удобрения почвы так остро не стоял, поскольку здесь преобладали высокоплодородные черноземы, а в случае необходимости эта проблема могла быть решена за счет скопления больших масс кавалерии. Кроме того, пашни и сенокосы здесь «по образу местного хозяйства не отделяются особо», т.е. в условиях залежного земледелия сенокосы превращались в пашню и наоборот⁶⁶⁶.

Архаичность перелоговой системы Южной Украины ярко описывает один из современников военных поселений, чьи записки относятся к концу 1820-х гг.: «В этом огромном степном крае, где 90 тыс. душ, приписанных к военным поселениям, занимались земледелием и скотоводством, хозяйство велось полностью инстинктивно и неправильно, что, согласно местным наречиям, называется диким или воровским хозяйством. Ни ма-

⁶⁶⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 5433. – Л. 2.

⁶⁶⁶ Дружинина Е.И. Указ. соч. – С. 53.

лейшего разделения полей, никаких отдельных сенокосов и пастбищ; пашут где угодно; засевают пока хорошие урожаи или даже посредственные, а потом оставляют этот участок, пока не отдохнет от обременительных посевов, что случается обычно в зависимости от размеров и урожайности, от 5 до нескольких лет»⁶⁶⁷.

При перелоговой системе участки земли, которые находились года три или четыре под паром, засевались последовательно просом, пшеницей, арнауткой, озимой рожью, а затем другими яровыми культурами; после чего поля запускались на три-четыре года под пар и использовались исключительно под выгоны⁶⁶⁸.

* * *

Таким образом, одной из основных причин относительно высокого уровня зернового производства в округах военных поселений и пахотных солдат была сравнительно высокая по тем временам обеспеченность их скотом, более передовая агротехника, а также более совершенная (в округах кавалерии) организация хозяйства. Что касается округов пахотных солдат, это объясняется лучшей, чем в соседних регионах, обеспеченностью сенокосами. Более совершенная структура организации хозяйства позволяла применять (путем административных мер) новые приемы агротехники, постепенно изживать такие архаичные формы земледелия, как перелог. По сведениям И.Д. Ковальченко, аналогичные процессы прослеживаются в помещичьей деревне, где владельцы применяли различные способы давления на крестьян, регулирования их хозяйственной деятельности с целью регулярного и полного сбора оброка. Система подобных мер стала особенно широко распространяться с конца 1820-х гг., т.е. с момента, когда повинности крестьян резко возросли и за ними стали накапливаться большие недоимки⁶⁶⁹.

Однако даже такой, относительно высокий уровень развития хозяйства военных поселян и пахотных солдат, нельзя признать достаточным для его динамичного развития и выполнения

⁶⁶⁷ Русский архив. – 1875. – Кн. 1. – С. 258-259.

⁶⁶⁸ Письмо помещика А.И.Шумана, прочитанное на заседание ВЭО в 1840 г. // Земледельческая газета. – 1840. – №4.

⁶⁶⁹ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... – С. 179.

всех, возложенных на него обязанностей. Положение, в определенной степени, усугублялось размыванием средней по зажиточности части поселян и пахотных солдат, хотя в условиях нарастания товарно-денежных отношений это был объективный и закономерный процесс. Попытки командования военных поселений по сглаживанию негативных процессов очевидных успехов не имели, как не удалось создать и значительную прослойку средних хозяйств.

Одной из причин нестабильного развития сельскохозяйственного производства, особенно в округах кавалерии, было отвлечение поселян на работы во время крупных войсковых маневров, производившихся, как правило, на базе этих округов. Достаточно хорошо осведомленный А.Х. Бенкендорф писал в сентябре 1842 г. военному министру А.И. Чернышеву: «... Да и самый кампанет не должен бы составляться в поселениях полков и дивизий с 1 августа по 1 сентября и корпусной по 15-е или 20-е число (сентября – К.Я.), потому что в сие время поселянами производится уборка хлеба, жатва и перевозка с полей, молотья и обсев полей озиминою. Во время этой суетливой работы перевозка теми же военными поселянами в места, назначенные для сбора войск: сена, фуража, пропитания, отопления и тяжести полковых, лишает уже способа произвести все полевые работы своевременно. Отчего делают на поле уже зрелый не снятым высыпается, посевы не делаются своевременно. Вот причина упадка хлебопашества в военных поселениях, не говоря уже о собственности поселян, которая много упала»⁶⁷⁰.

Не способствовали улучшению земледелия и частые эксперименты по укрупнению селений, когда удаленность полей от жилищ достигала 8-10 верст. При выводе поселенных войск из округов, как это, например, произошло при отправке Гренадерского корпуса на подавление польского восстания 1830-1831 гг., пахотные солдаты передали Провиантскому департаменту в 1833-1835 гг. порядка 29,5 тыс. четв. муки и 1,3 тыс. четв. овса, продолжая при этом уплачивать денежный оброк⁶⁷¹.

Однако и при этом уровень производства, а, следовательно, и уровень жизни в округах военных поселений и пахотных солдат был выше, чем у других категорий крестьянства. Хорошо это проиллюстрировано (даже учитывая некоторый пафос) в

⁶⁷⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 1789. – Л. 2.

⁶⁷¹ Там же. – Оп. 4. – Д. 5443. – Л. 15-16.

представлении товарища министра внутренних дел тайного советника Сенявина, составленного им после посещения в 1845 г. Витебской губ.: «Из всех сословий Витебской губернии одни лишь пахотные солдаты в Динабургском уезде в количестве около 13 тыс. обоего пола душ находятся в совершенном довольстве. Быт их резко отличается от прочих обывателей. И в нынешнее время, при самом затруднительном положении губернии, хозяйство их во всех отношениях исправно. Озимые и яровые поля, тщательно возделанные, обещают хороший урожай. В магазине есть хлебные запасы. Скота и лошадей у них довольно. В пищу они употребляют хлеб, хорошо испеченный и без примеси мякны, хотя это допускается в этом крае и в самые обильные годы»⁶⁷².

Оценивая динамику сельскохозяйственного производства в округах военных поселений и пахотных солдат за все время их существования, можно с уверенностью говорить о двойственных и противоречивых тенденциях в этом процессе. Пережив некоторый спад в «аракчеевский» период, сельскохозяйственное производство, по мере реформирования всей системы, развивается по нарастающей, а затем, достигнув апогея в 1835-1845 гг., начинает медленно регрессировать. Это было связано, в первую очередь, с тем, что административные меры воздействия на экономику военных поселений к этому времени исчерпали себя так же, как экстенсивный путь развития в целом. В середине XIX в. английский фермер в среднем получал доход с десятины до 600 руб. серебром, ростовские огородники – от 1000 до 2000 руб. серебром. При расходе на десятину 500-1000 руб. рентабельность такого хозяйства составляла до 100%⁶⁷³. Основной причиной таких высоких показателей было, прежде всего, применение передовых приемов агротехники, т.е. переход к интенсивным способам ведения хозяйства.

Одной из причин низкой рентабельности крестьянского хозяйства был недостаток времени для качественного выполнения тех или иных технологических операций. Так, например, хлеб обычно созревал одновременно на озимом и яровом клоне, вслед за этим сразу же наступало время вспашки обоих полей и «от свальной работы люди и животные изнемогали под бреме-

⁶⁷² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 4288. – Л. 22-22 об.

⁶⁷³ Там же. – Оп. 10. – Д. 422. – Л. 1-8.

нем одновременных огромных усилий»⁶⁷⁴. Уже в то время командование понимало необходимость перехода к многопольному плодосменному способу ведения хозяйства, в том числе и к углубленной вспашке: от 2,5 до необходимых 5-ти вершков (в Англии и Германии вспашка производилась до 6-8 вершков). Эти меры позволили бы вдвое сократить площади посевов, поскольку глубокая вспашка лучше предохраняет посевы от засухи и дождей. Однако в тех условиях все это было невыполнимо, поскольку требовало более совершенных орудий труда и освоения поселянами хотя бы азов сельскохозяйственной науки.

Ряд современников, анализируя развитие сельского хозяйства России первой половины XIX в., приходили к весьма парадоксальным выводам: «... русское земледелие в отношении к полеводству, луговоеводство, лесоводству не только отстало от иностранного, но еще, особливо крестьянское, сделалось в наш век несравненно скуднее хозяйства прошлого века. Крестьяне и помещики минувшего столетия были гораздо зажиточнее нынешних. В прошлом веке крестьяне позволяли проезжающим тратить у них сена и овса сколько угодно за ничтожную цену и охотно давали обед и ужин вовсе без платы»⁶⁷⁵.

Причина всего этого, по мнению автора записки, заключались в том, что в XVIII веке было меньше населения и душевые наделы были больше, излишки земель позволяли еще использовать «нови». Обильные сенокосы были хорошей базой для развития животноводства, которое давало основную массу органических удобрений. Неурожаи случались гораздо реже. Следовательно, в XVIII в. хозяйство еще могло развиваться по экстенсивному пути. К середине XIX в. эти возможности были исчерпаны. Поэтому в государственном масштабе начинается усиливаться пропаганда плодосменного хозяйства, насаждение которого, при том уровне грамотности, было возможно только сверху.

В связи с этим возьмем на себя смелость высказать предположение, что одним из побудительных мотивов реформы государственной деревни, разработанной и проведенной ведомством П.Д. Киселева, является исторический опыт строительства военнопоселянского хозяйства. Идея усиления административного контроля в государственной деревне могла быть заимствована

⁶⁷⁴ Там же. – Л. 9.

⁶⁷⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 442. – Л. 10.

из опыта создания хозяйственной структуры военных поселений, где эти методы, как мы убедились, сумели на некоторое время стабилизировать развитие сельскохозяйственного производства. Однако подобная практика «государственного феодализма» не имела исторической перспективы, поскольку оставалась в рамках феодального производства, которое не поддавалось трансформации паллиативными мерами.

Для того, чтобы завершить анализ модели военнопоселянского хозяйства и дать окончательную оценку уровню его рентабельности, необходимо рассмотреть и другие виды производственной деятельности военных поселян, в том числе и торговлю и промыслы.

§3. Промышленность и торговля

Начавшаяся специализация регионов страны, складывание единого рынка заставляли развивать товарное производство, обращать внимание на его несельскохозяйственные виды. Широкомасштабное строительство в некоторых округах военных поселений повлекли применение различных технических новинок. Несмотря на насаждаемую сверху авторкичность экономики, военные поселения объективно не могли быть не втянутыми в товарно-денежные отношения, не участвовать в тех или иных торговых операциях, тем самым разрушая натуральный характер хозяйства. Необходимо также учитывать и тот факт, что некоторые из этих тенденций наблюдались уже на территориях, отошедших затем под округа военных поселений.

Так накануне создания военных поселений в Новгородском и Старорусском уездах торговые обороты крестьян достигали 2,5 млн. руб. ассигнациями, из которых 2 млн. руб. приходилось на продажу льна. В Слободско-Украинской и Херсонской губ., в связи с близостью морских портов и насыщенностью водными транспортными артериями, также была развита торговля, в основном, продукцией сельскохозяйственного производства. Значительное распространение в крестьянской среде получило отходничество.

Длительное время руководство военными поселениями, как правило, эти факторы в расчет не принимало, поскольку ос-

новное внимание было сосредоточено на развитии сельскохозяйственных отраслей, служивших основой для снабжения войск продовольствием и фуражом. Торговля и промысловая деятельность поселян рассматривались как факторы, мешавшие выполнению главной задачи военных поселений. Такая политика особенно сказывалась на округах пехоты, где преобладала «аракчеевская» модель хозяйства, носившая, преимущественно, черты натурального хозяйства. Поощрялись лишь занятия теми ремеслами, которые были необходимы в повседневной жизни: кузнечное, сапожное, колесное и др., однако при этом поселяне-хозяева, «занимаясь мастерством, обязаны наравне с другими обрабатывать свою землю и исполнять все прочие обязанности»⁶⁷⁶.

Однако даже в «аракчеевский» период военные поселения не смогли полностью оторваться от формирующихся рыночных отношений. Развитие в них торговли и особенно промышленности шло двумя направлениями: с одной стороны, неземледельческие занятия самих поселян, с другой, создание и функционирование государственного промышленного сектора экономики военных поселений.

С целью максимального прикрепления поселян к земле, в августе 1822 г. были утверждены правила ведения торговли и промышленности, согласно которым вся ответственность и контроль за этой сферой деятельности возлагались на комитеты полковых управлений⁶⁷⁷. Разрешение на ведение торговых операций получали только те поселяне-хозяева, которые «содержат все свое семейство на собственном продовольствии», т.е. имели крепкое хозяйство. Отпускной билет, как правило, выдавался на два года, «при выдаче ему дозволения на третий год должно входить в рассмотрение: сделано ли им во время торговли или промышленности умножение скота или улучшение своего хозяйства, а ежели не сделано, то продолжение торговли и промышленности запрещается»⁶⁷⁸. Торговля и промышленность также не должны были, по возможности, отрываться от сельскохозяйственного производства, а существовать параллельно, поскольку поставка продовольствия в натуре для войск была главной задачей военных поселян. Процедура получения отпу-

⁶⁷⁶ Учреждение о военном поселении пехоты. – Ч. I. – §133-135.

⁶⁷⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 122. – Л. 160 об.-170.

⁶⁷⁸ Там же. – Л. 168.

ских билетов, а также свидетельств на право ведения торговли была длительной, поскольку прошения поселян должны были пройти все инстанции – от ротных и эскадронных командиров до начальника штаба отдельного Корпуса военных поселений.

Единственным неземледельческим занятием, которое поощрялось командованием, был коллективный подряд на поставку строительных материалов для округов, а также подряды на строительство государственных объектов. Это объясняется прежде всего тем, что большая часть заработанных таким образом средств шла на пополнение заемного капитала. Анализ ежемесячных отчетов о выдаче ссуд из этого капитала (до 1826 г.) свидетельствует, что поселяне чаще использовали их в апреле-мае и октябре-декабре месяцах, поэтому можно предположить, что значительная часть ссужаемых средств использовалась для ведения торговых операций, поскольку скот, как правило, закупался в летние месяцы, что было связано с его прогоном и обеспечением кормами.

Суммы, заработанные на подрядных работах, особенно коллективных, были весьма значительными. Так, например, за выполнение подряда на поставку булыжного камня для шоссейной дороги Петербург-Москва в 1821-1822 гг. поселяне гренадерского графа Аракчеева полка заработали около 660 тыс. руб.⁶⁷⁹ При этом они понесли и значительные убытки в виде накладных расходов на закупку сена (около 120 тыс. руб.) для лошадей, чтобы поддержать их в хорошей форме перед весенне-летними полевыми работами. Вырученные средства шли, как правило, на оплату аренды сенокосов, урожай с которых в значительных объемах поставлялся на рынки С.-Петербурга и Новгорода. Часть заработанных денег выдавалась на руки. Некоторые поселяне получали до 300-350 руб., особенно в тех случаях, когда они использовали на подрядных работах не одну, а несколько лошадей.

До 1825 г. подряды, которые заключались в округах, независимо от того – коллективные или индивидуальные – могли не обеспечиваться залоговыми суммами. В январе этого года поселяне получили право вступать в подряды без залогов и вне округов военных поселений, но только «на перевозку тяжестей» и только по разрешениям полковых комитетов. По указу 19 апреля 1828 г. поселяне могли допускаться к торгам и подрядам, ко-

⁶⁷⁹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 11-13.

торы производились казенными палатами, еще в двух случаях: на поставку дров и соломы. Другие виды подрядных работ считались «несвойственными занятиям военных поселян»⁶⁸⁰. В августе 1829 г. этот указ был дополнен положением, согласно которому поселяне получили право заключать подряды на поставку «съестных припасов и прочих принадлежностей для госпиталей своих полков», а также на стирку госпитального белья⁶⁸¹. Поселяне пехотных округов, в отличие от кавалерийских, редко брали в аренду мельницы или другие крупные «экономические заведения». Обычно арендовались мелкие лавки в штабах поселенных полков, перевозки на реках, ротные и полковые бани, рыбные ловли и т.п.

Во втором, «аракчеевском» периоде истории военных поселений резко сокращается количество торгующих поселян. Если в 1819 г. в округах пехоты их насчитывалось 1032, то в 1826 г. – только 284⁶⁸². В первые годы существования военных поселений некоторые хозяева, имевшие достаточное количество рабочего скота и рабочих рук в хозяйстве, могли в течение осенне-зимнего периода заработать до 300 и более рублей. Однако и здесь не обходилось без мелочной опеки, поскольку А.А. Аракчеев постоянно требовал «попечения господ батальонных командиров, чтобы значительные сии заработанные суммы не были военными поселянами израсходованы на предметы, внимания не заслуживающие, но употреблялись бы на то, что существенно составляет благосостояние каждого из хозяев»⁶⁸³.

Особенно пагубно сказалась политика А.А. Аракчеева на развитии льноводства, особенно в округах, расположенных в Старорусском уезде. Начальник отряда поселенных войск генерал-майор С.И. Маевский безуспешно пытался доказать ему преимущества и выгодность выращивания и торговли этой культурой, что позволяло безбедно существовать многим крестьянским семьям. Дело заключалось в том, что до создания военных поселений крестьяне продавали лен перекупщикам-бульням, которые, в свою очередь, сбывали его купцам оптом в крупных городах. Запрет на продажу леса перекупщикам вынуждал поселян отвозить его в г. Старую Руссу, где цены диктовали купцы и, кроме того, терялось время и изнурялся скот.

⁶⁸⁰ Там же. – Оп. 2. – Д. 167. – Л. 24-25.

⁶⁸¹ Там же. – Д. 1457. – Л. 21.

⁶⁸² Там же. – Оп. 1. – Д. 52. – Л. 468.

⁶⁸³ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 349. – Л. 616.

Цены на лен начали резко падать. Так, например, если в 1824 г. берковец (168,3 кг) льна-сырца стоил от 20 до 100 руб., а берковец трепанного – от 50 до 120 руб., то в 1826 г. лен-сырец стоил всего 14-25 руб., а трепанный – 20-40 руб.⁶⁸⁴

С.И.Маевский и комитет бригадных командиров его отряда полагали, что положение можно исправить, если «дозволить каждому из военных поселян полное право и совершенную свободу во всякое время и по собственному его усмотрению продавать свой лен или закупать оный у других на прежде существовавших между ими правилах». На полях отчета в этом месте А.А. Аракчеев отставил помету: «Совершенно не согласен и делаю замечание Комитету за фальшивое его положение»⁶⁸⁵.

Свое развернутое мнение по этому вопросу А.А. Аракчеев изложил в предписании С.И. Маевскому от 12 июля 1825 г.: «Все представляемые от учреждаемых комитетов положения должны быть такого рода, чтоб никогда не изменяли коренных правил военного поселения, напротив того, в означенном предположении вы, генерал, утверждали, дабы военных поселян-хозяев увольнять по их промышленности с мая по сентябрь месяц, не требуя даже их к инспекторскому смотру, чем самым вы желаете иметь в поселенных батальонах торговых людей, а не военных. Сие, кажется, совершенно противно намерениям Государя Императора, кои ясны по образу проводимых Его Величеством смотров в поселенных войсках, чему вы, генерал, сами были лично свидетелем»⁶⁸⁶. Однако большой поток просьб о разрешении заниматься торговлей заставил А.А. Аракчеева несколько смягчить правила 1822 года, разрешив рассматривать каждый конкретный случай на месте. Однако было уже поздно: сработала крестьянская здравая психология и посевы льна начали резко сокращаться. Если в 1824 г. поселяне продали льна на сумму 667.610 руб., то в 1826 г. – только на 172.767 руб.⁶⁸⁷ Торговля же предметами домашних промыслов (сукно, холст, глиняная и деревянная посуда) была у поселян незначительной.

Правительство Николая I, реформируя военные поселения на рубеже 20-х – 30-х гг., сняло ряд ограничений и расширило права поселян в области торговли и отходничества. Это не за-

⁶⁸⁴ Там же. – Д. 424. – Л. 388.

⁶⁸⁵ Там же. – Д. 341. – Л. 325 об.

⁶⁸⁶ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 341. – Л. 356 об.

⁶⁸⁷ Там же. – Д. 424. – Л. 315 об.-316, 350.

медлило сказаться на увеличении поселянского извоза и заключении подрядов на поставку сельскохозяйственных продуктов. Увеличилось количество прошений об открытии мельниц и кузниц. Большой поток просьб, особенно в округах кавалерии, вынудил И.И. Дибича издать в 1829 г. приказ, разрешавший поселянам беспошлинную торговлю вне округов военных поселений, который в 1830 г. был дополнен положением о праве поселян перекупать сельскохозяйственную продукцию для продажи на рынке⁶⁸⁸.

Оценивая состояние торгово-промышленной деятельности поселян в первые 15 лет существования военных поселений⁶⁸⁹, необходимо констатировать общий регресс по сравнению с периодом, предшествовавшим их созданию. Падение товарности большинства бывших крестьянских хозяйств вело к значительному сокращению торговых оборотов, что, в свою очередь, было следствием целенаправленной политики по ограничению несельскохозяйственных занятий поселян, которые якобы мешали реализации главных целей военных поселений. Запрещение торговать, как справедливо замечает В.А. Федоров, особенно крестьянскому хозяйству, втянутому уже в товарно-денежные отношения, отбрасывало его вспять⁶⁹⁰. Некоторый рост торговли начался после реформирования военных поселений и снятия ряда ограничений, после чего торговые обороты несколько возросли, но так и не смогли достичь уровня 1816-1817 гг.

В большей степени правительство уделяло внимание развитию государственного сектора экономики военных поселений, который должен был ускорить хозяйственное строительство округов. Так, например, для того, чтобы удовлетворить потребности округов 1-й гренадерской дивизии в пиломатериалах, в 1819 г. в округе гренадерского короля прусского полка на берегу р. Волхова был построен паровой лесопильный завод, сметной стоимостью 30 тыс. руб. Двигатель мощностью 60 л.с. и механизмы к нему были изготовлены по проекту обербергмейстера 5-го класса М.Е.Кларка на С.-Петербургском чугунолитейном заводе. Машина могла распиливать в сутки до 70 стволов. В штате

⁶⁸⁸ Там же. – Оп. 2. – Д. 167. – Л. 9-9 об., 28.

⁶⁸⁹ О развитии торговли в Херсонских поселениях кавалерии см. подробнее: Кандаурова Т.Н. Херсонские военные поселения. – Автореф. дис... канд. ист. наук. – М., 1990.

⁶⁹⁰ Федоров В.А. Борьба крестьян России... – С. 116.

завода числился 51 рабочий, набранные из 5-го военно-рабочего батальона, «вольных» мастеров было 5-6 человек⁶⁹¹.

Значительные объемы строительных работ, а также высокая рентабельность парового лесопильного завода предопределили постройку в 1822-1824 гг. в непосредственной близости от него второго, более мощного, завода, сметной стоимостью 122,8 тыс. руб.⁶⁹² Паровая машина, несколько большей мощности, чем на первом заводе, была приспособлена и для размола зерна. С пуском второго завода производство пиломатериалов увеличилось в два раза и достигло 180 тыс. досок в год. Однако основная их масса (до 70%) изготовлялась вручную. В 1830-1834 гг. в г. Старой Руссе был построен еще один лесопильный завод. Машина и механизмы для него были привезены с демонтированного первого лесопильного завода. Работали заводы в две смены, по 12 часов каждая. Использование мастеровых военно-рабочих батальонов предопределило дешевизну продукции: если на государственных предприятиях изготовление одной доски обходилось, в среднем, в 20 коп., то в военных поселениях – в пять раз дешевле.

Кроме паровых лесопильных заводов механические двигатели были установлены в прачечных и сушильных некоторых госпиталей поселенных гренадерских полков, на них также можно было производить размол зерна. Всевозможные механизмы применялись также для поднятия воды из колодцев, снабжавших госпиталь и здания полковых штабных комплексов.

Нереализованными остались проекты постройки пивоваренного завода и суконной фабрики. Расчеты показали, что в условиях военных поселений их эксплуатация была бы нерентабельной. Всевозможные мелкие мебельные и гончарные мастерские, кирпичные и черепичные заводы работали только для нужд округов. Себестоимость их продукции была в 4-5 раз ниже рыночной, за счет чего и создавалась «рентабельность» военных поселений. Низкая себестоимость продукции объяснялась, прежде всего, мизерной оплатой труда солдат, занятых на этих работах.

Таким образом, в округах пехоты наблюдается весьма противоречивый процесс развития неземледельческих видов производства. С одной стороны, идет сокращение объемов по-

⁶⁹¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 61. – Л. 647.

⁶⁹² Там же. – Д. 121. – Л. 64-68 об.

селянской торговли и промышленности, особенно до 1826-1827 гг., с другой, государство с целью удешевления строительных работ внедряет в округах новые, передовые по тем временам технологии, наличие которых не позволяет оценивать динамику хозяйственного развития, даже в «аракчеевский» период как сплошной регресс.

И еще об одном явлении социального плана. В производственный процесс начинает втягиваться армия, в результате чего, с одной стороны, создаются определенные материальные ценности, а, с другой, ухудшается положение рядового состава. Дело в том, что в русской армии существовала давняя традиция ежегодных отпусков солдат на 3-4 недели, во время которых они могли заработать определенные деньги, которые затем поступали в артельное пользование и шли, в основном, на улучшение рациона питания. Теперь такая традиция была нарушена и солдаты в военных поселениях обязаны были за мизерную плату работать на строительстве и мелиорации.

Округа кавалерии также создавались в регионах с традиционно развитыми промыслами и торговлей, которые играли значительную роль в хозяйственной жизни. Крестьяне и казаки продавали продукты своего труда как на месте перекупщикам, так и на крупных ярмарках. Теперь обо всех торговых операциях как в самих округах, так и за их пределами, поселяне должны были информировать комитеты полковых управлений. Правда, в неурожайные годы командование даже поощряло ведение торговли и занятия промыслами, поскольку поселяне на выроченные средства могли закупать хлеб и фураж⁶⁹³.

Следует также отметить и тот факт, что в отличие от округов пехоты, режим регламентации и ограничений здесь, в силу ряда обстоятельств, не так довлел над поселянами, что позволяло им более свободно распоряжаться как своим временем, так и излишками своей продукции. Только этим, как нам кажется, можно объяснить тот факт, что в округах кавалерии было значительно больше торгующих поселян; торговые же обороты некоторых из них достигали 25 тыс. руб., что вдвое превышало самые большие обороты в округах пехоты⁶⁹⁴. Наиболее развитыми были: оптовая продажа продукции животноводства, торговля рыбой, которую поселяне привозили с Дона или ловили в

⁶⁹³ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 140. – Л. 625.

⁶⁹⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 6993. – Л. 109-109 об.

Днепре и Буге. В хозяйствах, имевших достаточное количество рабочего скота, был развит извоз: транспортировка товаров на ярмарки, перевозка строительных (особенно, дефицитных лесных) материалов и т.п. В округах, расположенных на севере Херсонской губ., поселяне занимались товарным пчеловодством⁶⁹⁵. Из продукции животноводства наибольшим спросом на рынке пользовались: животное масло, сало, мясо, молоко, кожи и шерсть. Большим был также спрос на волов, поскольку на Слободжанщине и в Новороссии они использовались в качестве основной тягловой силы.

Особое место занимали выращивание и обработка конопли, из которой получали растительное масло и ткали холсты. Как и в округах пехоты, в окрестностях городов было развито огородничество и выращивание бахчевых культур на продажу. Степной характер территории округов, особенно в Херсонской губ., высокий уровень развития животноводства предопределили заготовку и продажу сена в значительных объемах.

Таким образом, характер многих промыслов и торговли поселян заключался в основном в обработке и продаже сельскохозяйственной продукции, произведенной в собственном хозяйстве.

Поскольку оно носило еще полупатриархальный характер, то объем товарной продукции, произведенный в нем, был невелик и шел в основном на содержание поселенных войск. Отсюда и небольшая по объемам торговля в среднем на каждое поселянское хозяйство. После введения общественной запашки в округах кавалерии поселяне смогли несколько увеличить товарность своих хозяйств. В уланских дивизиях поселяне продавали, в среднем, продукции на 200-400 руб. в год, в кирасирских – в два-два с половиной раза больше. Поселяне, занимавшиеся товарным производством и торговлей, выручали, в среднем, до 3 тыс. руб. в год⁶⁹⁶. Отдельные торгующие поселяне смогли накопить значительные капиталы: до 15-20 тыс. руб., но таких были единицы.

Общий объем торговых оборотов в округах кавалерии как в Херсонской, так и Слободско-Украинской губ., на данном этапе значительно превышал таковой в Новгородских поселениях. Так,

⁶⁹⁵ Там же. – Оп. 1. – Д. 327. – Л. 487, 530.

⁶⁹⁶ Там же. – Оп. 2. – Д. 6933. – Л. 110, 134, 163.

например, в 1831-1832 гг. в округах Херсонских поселений товарооборот только от реализации продукции земледелия составил почти 8 млн. руб.⁶⁹⁷ Крупными ярмарочными центрами были города, в которых располагались полковые и дивизионные штабы: Чугуев, Елисаветград, Вознесенск, Новомиргород, Новогеоргиевска и др.

Данные о торговых оборотах в Херсонских военных поселениях, приведенные в работе Т.Н.Кандауровой, на наш взгляд, значительно завышены. По ее подсчетам, средний доход крестьянского хозяйства в указанный период только от продажи хлеба составлял от 1112 до 1926 руб. Для этого необходимо было продать (на выбор): пшеницы 170 четв., овса – 255 четв., ячменя – 255 четв., гречихи – 148,7 четв.⁶⁹⁸ По нашим подсчетам (см.: Табл. 39), в 1825-1829 гг. в Новороссийских военных поселениях (3-й резервный поселенский кавалерийский корпус), в среднем, на человека собирали 6,18 четв. разного хлеба. Если принять, в среднем, одно крестьянское хозяйство, состоящим из 15 душ обоего пола⁶⁹⁹, то валовой сбор в нем не превышал 100 четв. хлеба. За вычетом на питание, корма скоту и посев товарного хлеба могло остаться около 40 четв., что было значительно меньше цифр, приведенных исследовательницей.

По данным Т.Н.Кандауровой, в округах 3-го резервного поселенного кавалерийского корпуса наиболее значительный объем торговли продукцией растениеводства наблюдался на территории 3-ей кирасирской дивизии. В 1831 г. в общем товарообороте по корпусу он составил 67,4%. Удельный вес уланских дивизий был примерно одинаковым: 15,97% – в 3-ей и 16,64% – в 4-й уланских дивизиях⁷⁰⁰. Такое соотношение в пользу 3-ей кирасирской дивизии обеспечивалось лучшей организацией хозяйственной структуры, которая позволяла получать больше товарной продукции.

Таким образом, в округах кавалерии до начала их коренной реорганизации промысловая деятельность и торговля военных поселян, по сравнению с округами пехоты, имели более значительные масштабы, поскольку здесь была создана более совершенная модель крестьянского хозяйства. В них, в основном, сохранились все направления хозяйственной деятельности,

⁶⁹⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 6970. – Л. 165.

⁶⁹⁸ Кандаурова Т.Н. Херсонские военные поселения... – С. 188.

⁶⁹⁹ Там же. – С. 328.

⁷⁰⁰ Там же. – С. 170.

которые существовали до создания военных поселений. Товарность этих хозяйств была значительно выше, следовательно, большей была и их ориентация на рынок. Постепенная либерализация режима военных поселений благоприятно сказалась на развитии неземледельческих видов занятий военных поселян; особенно это было заметно в округах кавалерии. Новый подъем промысловой деятельности и торговли наблюдается с началом последнего периода истории военных поселений, когда происходит окончательный отрыв поселенной части от действующей. Так, если в 1826 г. в округах Гренадерского корпуса действовало 7 ярмарок, годовой оборот которых составлял около 807 тыс. руб. серебром, то в 1850 г. в округах пахотных солдат было уже 13 ярмарок, а их торговые обороты составляли 1207 тыс. руб. серебром. В округах кавалерии в 1826 г. насчитывалось 115 ярмарок с оборотом 2219 тыс. руб. серебром, в 1850 г. – 171 ярмарка с оборотом 3706 тыс. руб. серебром⁷⁰¹.

В округах пахотных солдат оживление торговли имело свою специфику. Так, например, в 1834 г. ввиду большого скопления войск в округах Новгородского удела была разрешена постоянная торговля, но под строгим контролем, «дабы не было продажи вина». В округе №1 торговля производилась по средам и субботам, а в соседнем округе №2 – по вторникам и пятницам⁷⁰². Введение денежного оброка взамен натурального снабжения войск вынуждало пахотных солдат продавать часть прибавочного, а иногда и необходимого продукта, что, несомненно, стимулировало их торгово-промысловую деятельность.

Бедные хозяева не могли заниматься торговлей ввиду значительных сборов: за отпускной билет на срок более трех месяцев необходимо было заплатить 29 коп. серебром и 0,5% со всего торгового оборота; за сплав продуктов – 29 коп. серебром и 1,14 руб. за каждую барку. Данные табл. 59 свидетельствуют о быстром росте численности крупных торговцев в округах. Во многом это объясняется тем, что пахотные солдаты, в отличие от других категорий населения, были освобождены от уплаты гильдейских сборов, а также имели преимущества на торгах, проводившихся военным ведомством. Основную часть таких хозяев составляли перекупщики сельскохозяйственной продукции, где на первое место выходит

⁷⁰¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 917. – Л. 91 об.-92.

⁷⁰² Там же. – Оп. 2. – Д. 11080. – Л. 2.

овес. В ряде округов пахотных солдат степень товарности этой культуры достигала 30-40% валового сбора.

В этот же период начинает возрождаться и льноводство, что потребовало значительных расходов на покупку семян. Многие хозяева воспользовались ссудами из заемного капитала. Посева льна начали быстро расти. В 1834 г. его высевали уже 95,3% общего числа хозяев⁷⁰³. Наиболее значительные посевы льна отмечаются в 6-11 округах, которые непосредственно примыкали к территории Псковской губ., издавна считавшейся одним из центров выращивания этой культуры в России⁷⁰⁴ (см.: Табл. 60). Этот рост был напрямую связан с увеличением арендованных и покупных земель в данном регионе. Лен принадлежит к трудоемким культурам, требующим тщательной обработки и удобрения почвы, поэтому значительное количество засеваемых площадей было сосредоточено у зажиточных пахотных солдат, владевших собственными землями. Степень товарности льна уже в 1830-е гг. достигала 75%⁷⁰⁵.

По подсчетам А.С.Тургаева, суммы, выручаемые пахотными солдатами от продажи продуктов земледелия почти не изменились вплоть до начала 1850-х гг. и были близки к сумме взимавшегося оброка (около 350 тыс. руб. серебром)⁷⁰⁶. Он полагает, что эта сумма могла быть и больше, если бы пахотные солдаты имели возможность продавать свою продукцию на рынках С.-Петербурга или других крупных городов, чего они были лишены ввиду выполнения многочисленных натуральных повинностей, отнимавших много времени и сил. Позволим себе не согласиться с этим выводом, поскольку основная масса крестьян, как правило, имела дело с перекупщиками, которые зарабатывали на разности в ценах. А они были весьма значительными: если в С.-Петербурге четверть овса в 1844 г. стоила 14 руб., то в округах – всего 7 руб.⁷⁰⁷ Однако, в этом случае пахотные солдаты экономили на накладных расходах по транспортировке товаров, а также значительное количество времени.

⁷⁰³ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 10892. – Л. 202-203.

⁷⁰⁴ Дейч Г.М. Крестьянство Псковской губернии в конце XVIII и в первой половине XIX в. – Псков, 1957. – С. 5.

⁷⁰⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 4288. – Л. 7-10.

⁷⁰⁶ Тургаев А.С. Социально-экономическое положение пахотных солдат... – С. 130.

⁷⁰⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 4288. – Л. 7-10.

Нельзя не сказать и о том, что правительство и командование проводили своеобразную политику протекционизма с целью стимулирования торговли в среде поселян. Так, например, в 1822 г. А.А. Аракчеев предписал начальнику округов военных поселений в Могилевской губ. генерал-майору Яфимовичу, в связи с тем, что «некоторые поселяне входят в разные сделки с евреями, и через сие расстраивают свое хозяйство..., сделать распоряжение, чтобы евреи в округах военных поселений Полоцкого и Елецкого пехотных полков не только не жили и не занимались никакими промыслами, но ни под каким предлогом не были допускаемы и в селения, к округам военных поселений принадлежащим»⁷⁰⁸. Подобная практика продолжалась и при Николае I. В 1830 г. император, получив донесение о том, что «по округам военного поселения Гренадерского корпуса разъезжают под разными предлогами евреи, высочайше повелеть соизволил: всех евреев, находящихся в округах 1-й гренадерской дивизии, собрать в г. Новгороде, рассмотреть их бумаги и выслать каждого по принадлежности, запретив въезд в военные поселения»⁷⁰⁹.

Небезынтересным является и следующий факт: держатели лавок в полковых штабах имели преимущество перед поселянам в ведении розничной торговли. Такое положение, как отмечал Ф.К. фон Фрикен, служило «поводом содержателям сих лавок назначать произвольные цены и самые товары держать не надлежащей доброты, от чего, как жители округов, так и войска, в оных квартирующие, стесняются и на таковые злоупотребления содержателей были уже приносимы жалобы». В связи с этим, в 1834 г. было принято решение «отдавать в оброчное содержание только помещение в лавках, а не право на исключительную торговлю, взявших в оброк те лавки и не воспрещать посторонним промышленникам с дозволения окружного комитета производить торговлю съестными припасами и другими товарами»⁷¹⁰.

По итогам строевых смотров, больше всего пахотных солдат занималось торговлей в 5-ом и 6-ом округах Новгородского и в 9-ом округе Старорусского уделов. Основная причина заключалась в близости этих округов к городам Новгороду и Старой Руссе, а также в том, что через эти округа проходили

⁷⁰⁸ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 147. – Л. 629.

⁷⁰⁹ Там же. – Оп. 2. – Д. 1877. – Л. 1.

⁷¹⁰ Там же. – Д. 9279. – Л. 1-2.

важные водные и сухопутные транспортные пути. Из 549 торгующих пахотных солдат 229 имели торговые обороты от 50 до 200 руб. и все они проживали в округе №5. Остальные 46 торгующих пахотных солдат этого округа имели обороты от 1 до 20 тыс. руб.⁷¹¹ Столь значительное количество торгующих пахотных солдат в данном округе объясняется тем, что они были освобождены от уплаты оброка, поскольку не принимали участия в восстании военных поселян в 1831 г., а с. Медведь, являвшееся центром округа, было крупным торговым селом.

Немаловажное значение в округах пахотных солдат имела промысловая деятельность и, в первую очередь, рыбная ловля, которая, по мнению ряда исследователей, издавна носила здесь «промысловый характер с элементами кооперации (организация крестьян в артели)»⁷¹². Жители многих деревень, расположенных на берегах оз. Ильмень и р. Ловати, ввиду недостатка пахотных земель занимались преимущественно этим промыслом. Развитой была аренда рыбных ловель, которой пользовались, в основном, зажиточные пахотные солдаты. Отмечаются случаи, когда по вине арендаторов, ставивших запруды на малых речках и ручьях, вода долго не сходила с полей и происходило заболачивание сенокосов и выгонов.

В ряде округов были развиты промыслы, связанные с проводкой судов и извозом. Ф.Н.Родин отмечает участие бурлацких артелей, состоявших у пахотных солдат, в «гонке судов по рекам и каналам между Рыбинском и Петербургом»⁷¹³. Извоз был распространен в Новгородском уделе, через который пролегалли важные шоссейные дороги. В незначительной степени были развиты садоводство и пчеловодство.

Отходничество и в рассматриваемый период не очень поощрялось командованием, которое полагало, что «промыслы и заработки в пределах их округов в достаточном размере: значительными поставками лесных материалов, постройками казенных зданий, подвозками к пристаням разнородных продуктов для сплава в Петербург; промыслы и заработки за чертою окру-

⁷¹¹ Там же. – Д. 10892. – Л. 432.

⁷¹² Истомина Э.Г. К характеристике крестьянских промыслов Северо-Запада России второй половины XVIII в. (По материалам Новгородской губернии) // Труды Московского государственного историко-архивного института. – М., 1970. – Т. 28. – С. 325.

⁷¹³ Родин Ф.Н. Бурлачество в России. – М., 1975. – С. 130.

гов не всегда бывают успешными, а между тем пахотные солдаты, увлекаясь ими, отвыкают от своих семейств и земледельческого быта»⁷¹⁴. Нередкими были случаи, когда начальство обманывало пахотных солдат во время расчетов за выполненные подрядные работы. Так, например, в 1852 г. в Департамент военных поселений поступила жалоба пахотного солдата округа №5 Ивана Романова на командира округа полковника Гайли и производителя работ инженер-подполковника Крепыша. Суть дела заключалась в том, что Романов заключил договор с начальником округа на изготовление кирпича, заплатил задаток 120 рабочим, однако командование округа позже от подряда отказалось и не выплатило ему 770 руб. в виде неустойки. Подряд на эту работу был передан крестьянину Павлу Кирсанову, но поскольку последний не выполнил ее, а деньги были уже списаны, то «начальство посредством побоев и разных угроз заставило Романова и его поручителей безденежно возить дрова, выжигать, укладывать и развозить кирпич... Через такие неправильные и притесненные действия г.г. Гайли и Крепыш приобрели покупкою на имена своих жен: Гайли – крестьян и землю на сумму 16 тыс. руб., а Крепыш – крестьян и землю в Динабургском уезде ценою в 70 тыс. руб.»⁷¹⁵ Комиссия жалобу Ивана Романова «большой частью признала несправедливой», а офицеры отделались краткосрочными арестами с содержанием на гауптвахте.

Отношение к отходничеству в положительную сторону начинает изменяться к концу 1840-х гг. в связи с ростом недоимок. Пахотные солдаты стали чаще привлекаться к подрядам на различные работы в самих округах. Большое их количество работало на строительстве железной дороги Москва-С.-Петербург. В столице многие занимались кучерами, сторожами, лакеями и т.п., т.е. преобладал неквалифицированный отход. Исследователи отмечают случаи, когда пахотные солдаты работали на заводах С.-Петербурга: Александровском механическом, Нобеля, Томсона и др.⁷¹⁶ Военный министр, например, приказал продлить действие паспортов пахотных солдат-мастеровых, работавших на заводах, изготавливавших паровые двигатели для флота.

⁷¹⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 5137. – Л. 10.

⁷¹⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 1845. – Л. 1-7.

⁷¹⁶ Китанина Т.М. Указ. соч. – С. 152.

В 1842 г. высочайшим указом военным поселянам и пахотным солдатам было «предоставлено право вступать в казенные подряды и поставки вне округов с платежом гильдейских повинностей наравне с мещанами и крестьянами»⁷¹⁷. В 1848 г. они получили право записываться в купеческое сословие «с платою за выход по 1500 руб. с хозяина и особым взносом за детей и с обязательством учреждения нового хозяйства»⁷¹⁸. Военные поселяне и пахотные солдаты получили также право «приобретать недвижимое имущество вне округов на общих правилах, постановленных для сельских обывателей»⁷¹⁹.

В начале 1850-х гг. количество пахотных солдат, находящихся на заработках в С.-Петербурге, вырастает настолько, что Департамент военных поселений вынужден был поручить специальному чиновнику помогать им оформлять всевозможные бумаги, договора, судебные и прочие дела, поскольку большинство из них были неграмотными, из-за чего часто попадали в затруднительное положение. Но все-таки их численность была «гораздо менее числа удельных и казенных крестьян, проживающих здесь для торговли или другого какого-либо промысла»⁷²⁰.

По данным А.С. Тургаева, даже на рубеже 1850-х – 1860-х гг., т.е. после ликвидации военных поселений, количество выдаваемых пахотным солдатам паспортов было сравнительно невелико, а численность отходников не превышала 1-2% мужского населения округов. Исследователь также отмечает резкое возрастание их численности сразу после передачи округов в удельное ведомство. в целом, из-за порядков, существовавших в военных поселениях и округах пахотных солдат, отходничество здесь было развито гораздо слабее, чем в среде других категорий крестьянства и играло второстепенную роль в хозяйственной деятельности.

В округах кавалерии численность военных поселян, которые имели значительные торговые обороты, также была невелика. В 1832 г. в округах 2-й уланской дивизии торговлей занимались 257 человек и только у некоторых из них торговые обороты достигали 40-45 тыс. руб. ассигнациями. В округах 2-й кирасирской дивизии торговлей занималось еще меньшее коли-

⁷¹⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 375. – Л. 20.

⁷¹⁸ Там же. – Д. 917. – Л. 91 об.-92.

⁷¹⁹ Там же. – Д. 1406^а. – Л. 11.

⁷²⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 6524. – Л. 15.

чество поселян – 65 человек, а максимальные торговые обороты здесь составляли до 15 тыс. руб. Аналогичная картина наблюдалась в округах Херсонских военных поселений, где максимальные торговые обороты отдельных поселян не превышали 30 тыс. руб. ассигнациями⁷²¹. В округах Киевской и Подольской губерний всего 8 поселян-хозяев имели капиталы более одной тысячи рублей. В 1848 г. самый большой торговый оборот составлял здесь до 6,5 тыс. руб.⁷²²

В большей степени была развита мелкооптовая торговля продуктами хлебопашества и скотоводства, а годовые обороты ярмарок, которые существовали в округах кавалерии, были невелики (см.: Табл. 61). География движения товаров также не была обширной и ограничивалась прилегающими губерниями и крупными торговыми центрами. Наиболее значительными по торговым оборотам традиционно считались ярмарки на территории Чугуевского уланского полка, где в 1820-е гг. было семь ежегодных ярмарок. В округе Белгородского уланского полка существовало несколько ярмарок: в с. Артемьевском – 3, с. Юрченковом – 2, слободе Базалеевке – 2. В округах кирасирских полков 2-го резервного поселенного кавалерийского корпуса, в среднем, было по три ярмарки в год⁷²³. В основном же, движение товаров происходило в самих округах. Все это свидетельствует о недостаточности развития товарно-денежных отношений в округах кавалерии, где натуральные повинности поселян не позволяли быстро разрушить рамки натурального хозяйства.

На последнем этапе истории военных поселений роль государственного сектора экономики округов начинает падать. Если при А.А. Аракчееве наблюдается довольно широкое применение паровых и иных машин и механизмов, то в 1830-е – 1850-е гг. начинается свертывание этого процесса. Существенную роль в этом играли факторы субъективного характера. Наглядным примером этого является отзыв инспектора резервной кавалерии графа А.П. Никитина на работу генерал-майора Карелина о паровых машинах: «...по рассмотрении сего сочинения, не найдено в нем особенно полезного для введения и употребления по округам военных поселений кавалерии». Несколько иной точки зрения по данному вопросу придерживался началь-

⁷²¹ ЦГИАК Украины. – Ф. 1323. – Оп. 1. – Д. 274. – Л. 1-3 об.

⁷²² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 5226. – Л. 172-173.

⁷²³ ЦГИАК Украины. – Ф. 1353. – Оп. 1. – Д. 135. – Л. 19.

ник округов пахотных солдат генерал-майор Э.Д. фон дер Брюгген, который полагал, что паровые машины могут применяться в «местах лесистых, а в крестьянском быту она (машина – К.Я.) может быть доступна только целым общинам, а не единичным зажиточным поселянам... Вообще должно заметить, что для России, вероятно, еще не настала пора повсеместно пользоваться силою водяных паров по примеру прочих государств, особенно Англии и Франции, где они играют такую значительную роль в народной промышленности, и что наше Отечество может воспользоваться этим сильным движением только тогда, когда употребление онаго не будет сопряжено с напрасным и вознагражденным истреблением лесов, дарованных нам природою довольно щедро, но не везде и не в переизбытке, который бы можно было считать бесконечным и неистощимым»⁷²⁴.

Единственным исключением в этот период было устройство при военно-рабочем батальоне №3 (Новороссийские военные поселения) механической мастерской, где были созданы, а затем и внедрены в некоторых хозяйствах механические мельницы, приводимые в движение рабочим скотом⁷²⁵.

Обычной же была несколько иная практика. Так, например, при создании округов поселения в Киевской и Подольской губерниях было решено «из числа находящихся ныне в селениях военного ведомства хозяйственных заведений, как-то: конских и овчарных заводов, фабрик, винокуренных заводов и прочих экономических учреждений, оставить те только, кои приносят действительную пользу и принять надлежащие меры для приведения их в желаемое устройство, к вящему доходов приумножению»⁷²⁶. Большинство заводов – поташных, пивоваренных, мыловаренных и кожевенных – были ликвидированы «как не приносящие особой пользы»⁷²⁷. По мнению начальника округов генерал-майора Фохта, за период с 1832 по 1836 годы все эти заводы «пришли в состояние совершенной негодности и чтобы с осени (1837 г. – К.Я.) дать ход всем таковым заведениям, необходимо прежде исправить, многие же совершенно вновь построить»⁷²⁸.

⁷²⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 7792. – Л. 7-13.

⁷²⁵ ЦГИАК Украины. – Ф. 1316. – Оп. 1. – Д. 64. – Л. 60.

⁷²⁶ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 1748. – Л. 341.

⁷²⁷ Там же. – Д. 1777. – Л. 67.

⁷²⁸ ЦГИАК Украины. – Ф. 445. – Оп. 1. – Д. 2. – Л. 124.

Особенно мало было «экономических заведений» в округах пахотных солдат Витебской и Могилевской губ., которые были представлены, в основном, водяными мельницами. Военные поселяне этих округов, как неоднократно отмечалось командованием, «торговой промышленности не имеют, исключая малой продажи собственных изделий и льна, которые возят в г. Ригу»⁷²⁹. Такое слабое развитие торговли и промышленности, например, в округе Могилевской губ. военное начальство объяснялось тем, что «военные поселяне по отдаленности округа от торговых городов и больших проезжих дорог и по неизобильному состоянию сего края никакую промышленностью и торговлею не занимаются, кроме дозволяемого им в зимнее время вывоза по хозяйственным промыслам, выгоды от которых весьма малозначущи и едва ли вознаграждает труды их; свои же изделия военные поселяне сбывают в соседственных с округом городах и местечках»⁷³⁰.

Напротив, в округе поселенных рот Охтенского порохового завода, который располагался на окраинах С.-Петербурга, довольно успешно сдавались в аренду две крупные водяные мельницы (средняя плата до 19 тыс. руб. в год), несколько лавок, харчевни, пекарня и т.п., всего на сумму до 35 тыс. руб. ассигнациями⁷³¹. Военные поселяне-хозяева-ремесленники обычно продавали молоко «в соседственных охтенских казенных слободах и самой столице». В трех поселенных ротах торговало только два поселянина.

Неизученным остается вопрос об открытии и начале разработки в округах кавалерии месторождений каменного угля. Впервые уголь был обнаружен в 1825 г. близ слободы Кременной, однако, ввиду слабой мощности пластов, разработка этого месторождения не производилась. В 1831 г. были открыты залежи каменного угля в округе Серпуховского уланского полка (2-я уланская дивизия) близ села Петровское. В середине 1830-х гг. месторождение было обследовано и началась промышленная добыча угля. Это несколько помогло решить проблему обеспечения поселян и войск топливом, дефицит которого здесь был особенно ощутим. В это же время в округах пахотных солдат начинается систематиче-

⁷²⁹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 3643. – Л. 14.

⁷³⁰ Там же. – Д. 3646. – Л. 18.

⁷³¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 3643. – Л. 30.

ская разработка торфа, что позволило сберечь значительные массивы лесов.

В фонде Департамента военных поселений (РГВИА) сохранились материалы об участии округов военных поселений в первой Всероссийской сельскохозяйственной выставке, которая была организована Вольным экономическим обществом в 1850 г. К участию к выставке были допущены лица всех сословий и казенные заведения всех видов. Начальник округов пахотных солдат генерал-лейтенант Г.Ф. Пиллар фон Пильхау сообщил президенту ВЭО принцу П. Ольденбургскому, что «во введенных мне округах пахотных солдат таких предметов сельского хозяйства, которые заслуживают войти в состав выставки сельских произведений..., не имеется»⁷³². Напротив, округа кавалерии приняли довольно активное участие в выставке: были представлены модель молотильной машины, сделанной солдатами военно-рабочего батальона №3, модели веялок, зерноочисток, соломорезок и т.д., дубленые смушковые тулупы. Из продуктов растениеводства были выставлены: рожь (обыкновенная, сирийская, ваза, египетская), овес (арабский, обыкновенный, картофельный, китайский), ячмень (обыкновенный, гималайский). Экспонаты, представленные округами военных поселений, завоевали 15 серебряных медалей. Некоторые из них были отобраны для участия во всемирной выставке в Лондоне (первая половина 1851 г.). Медали и свидетельства Лондонской выставки получили: 5-й округ Украинских военных поселений за ячмень гималайский, 11-й округ Новороссийских военных поселений за ячмень шведский и рядовой 4-го округа военных поселений Киевской и Подольской губ. Тимофей Малюско за дубленый тулуп⁷³³.

В начале 1850-х гг. начинается сдача в длительную аренду паровых лесопильных заводов и незанятых земель. Так, например, в 1853 г. лесопильный и мукомольный завод в г. Старой Руссе был сдан в аренду на 12 лет старорусскому купцу Дьячкову за 600 руб. ежегодной платы. Тогда же паровой лесопильный завод, находившийся во 2-м округе пахотных солдат, а также Колмовская ветряная мельница, гончарный и известковый заводы, находившиеся в 3-ем округе были отданы в аренду на 12 лет отставному коллежскому асессору Жданееву «с платою за лесо-

⁷³² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 6485. – Л. 27.

⁷³³ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 6524. – Л. 2.

пильный завод по 2050 руб., Колмовскую мельницу – 160 руб., гончарный – 600 руб., известковый – 100 руб., всего 2810 руб. в год»⁷³⁴.

В среде руководства военными поселениями постепенно крепнет мысль, что в условиях развития товарно-денежных отношений государственная собственности на средства производства начинает тормозить их развитие. Еще в записке от 26 февраля 1827 г. князь И.В.Васильчиков отмечал: «Опыт во всех государствах неоспоримо доказал, что обширные заведения: фабрики, заводы и тому подобное в руках казны, при самом лучшем присмотре, никогда не процветали, но всегда обращались в убыток казне и во вред частной промышленности». Касаясь, в частности, конных заводов, он писал: «Подробное и внимательное рассмотрение устройства конских заводов в округах военного поселения кавалерии представило еще новое в истине сей удостоверение; оно показало, что заводы сии никак не могут вознаграждать издержки, на содержание их требующиеся, а что по сему уважению... не должны быть вновь учреждаемы»⁷³⁵.

Конные заводы округов кавалерии были важным звеном государственного сектора экономики военных поселений. Они начали создаваться на основе высочайшего указа от 9 декабря 1821 г.⁷³⁶ Согласно положения, в каждом таком заводе должно было состоять «коренного основания: 27 жеребцов и 345 кобыл, а во всех округах кавалерийской дивизии 108 жеребцов и 1380 кобыл». Если к ним добавить молодняк, то получится весьма внушительное поголовье, содержание которого легло на плечи военных поселян. Для заводов покупались лошади лучших пород, стоивших до 5 тыс. руб. ассигнациями. Ввиду малоземелья конные заводы были быстро ликвидированы в округах 2-й кирасирской дивизии⁷³⁷. Уже к 1826 г. заводы насчитывали 10 тыс. поголовья лошадей (см.: Табл. 62). Самые крупные из них находились в округах 2-й и Бугской уланских дивизий, где было сосредоточено до 70% всех заводских лошадей. Однако поголовья «ремонтных» лошадей, которое требовалось для пополнения строевого состава, как правило, не хватало; содержание их было

⁷³⁴ Там же. – Д. 8465. – Л. 22.

⁷³⁵ Там же. – Оп. 1. – Д. 407. – Л. 1111.

⁷³⁶ Там же. – Д. 151. – Л. 293. См. подробнее: Кандаурова Т.Н. Херсонские военные поселения... – С. 194-204.

⁷³⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 5600. – Л. 105.

очень дорогим, поэтому в январе 1844 г. было принято решение о ликвидации конных заводов.

В последнее десятилетие существования военных поселений кавалерии была предпринята попытка разведения тутовых деревьев и развития шелководства. Плантации занимали около 100 дес., на которых было высажено до 100 тыс. тутовых деревьев. За год производилось до 17 пудов шелка в коконах. В округах Киевской и Подольской губерний пытались наладить товарное пчеловодство.

В округах Украинских военных поселений в конце 1830-х – начале 1840-х гг. насчитывалось 3 воловьих парка, одна конно-рабочая команда, 31 водяная и 22 ветряных мельницы, 90 садов, 2 шелковичные плантации, один постоялый двор, 2 гостиницы, 16 лавок, 9 кирпичных, 7 известковых, 3 кафельно-черепичных завода⁷³⁸. В округах Киевской и Подольской губерний продолжали функционировать 4 пивоваренных, один поташный и один мыловаренный заводы. В новороссийских военных поселениях для распашки целинных земель было создано 2 воловьих парка; нужды строительства обслуживали 6 кирпичных и 2 известковых завода⁷³⁹. В 1830-е – 1840-е гг. все «экономические заведения», сдаваемые в аренду, а также эксплуатация пароходов (о них см. подробнее в следующем параграфе) давали в год до 200 тыс. руб. серебром дохода, что покрывало до 10% расходов по всем военным поселениям и округам пахотных солдат.

Наиболее распространенной была сдача земель в аренду в 1-4 округах пахотных солдат, излишних после наделения их жителей по установленной душевой норме 6,5 дес. Сдаваемые в аренду участки включали как пахотные, так и сенокосные земли. Динамика количества сдаваемых в аренду земель, а также арендной платы (см.: Табл. 63) свидетельствует о неуклонном их снижении, что было обусловлено невыгодностью краткосрочной аренды. По данным Департамента военных поселений, в 1836 г. было сдано в аренду на один год 15842 дес., на 3 года – 430 дес., на 10 лет – 131 дес. по цене за год аренды одной десятины: соответственно 3,47, 1,46 и 2,08 руб. Поэтому начальство неохотно соглашалось на отдачу земель в долгосрочную аренду,

⁷³⁸ Там же. – Оп. 4. – Д. 1147. – Л. 46-47.

⁷³⁹ Там же. – Л. 85.

поскольку падала ее цена⁷⁴⁰. Аренда земель в округах пахотных солдат носила, как правило, предпринимательский характер.

После создания военных поселений в Киевской и Подольской губерниях сумма оброчных платежей за счет винных откупов, акцизного и чиншевого сборов возросла до 450 тыс. руб. Значительная часть этой суммы шла на погашение долгов, лежащих на имениях, на базе которых здесь были созданы военные поселения.

В целом неземледельческие занятия военных поселян и пахотных солдат повторили ту же эволюцию, что и занятия сельскохозяйственным производством, т.е. наблюдается почти полная синхронность подъемов и спадов. К концу рассматриваемого периода в связи с падением производства основных видов сельскохозяйственной продукции и сокращением объемов промышленно-торговой деятельности наблюдается ухудшение материального положения военных поселян и пахотных солдат. Наиболее наглядно этот процесс иллюстрируется ростом их задолженности в запасные хлебные магазины (см.: Табл. 64). Наименьшими абсолютные и относительные хлебные долги были в Украинских военных поселениях, наибольшими – в округах Киевской и Подольской губерний, где они достигали 47% валовых сборов зерновых. Тенденция же постоянного нарастания долгов характерна для всех округов.

Показатели долгов пахотных солдат в 1850 г. (см.: Табл. 65) свидетельствуют, что в наиболее благополучных в экономическом отношении округах (№5, №6, №7, №9, №13) задолженность пахотных солдат в запасные магазины была незначительной. Так, например, доля долга в округе №6 от общих запасов составляла всего 5,4%, в то время, как в округе №3 – 65,9%. Аналогичная ситуация наблюдалась в округах Старорусского удела: доля долга в округе №7 составляла 17,1%, а в округе №11 – 56,7%. В целом, по Новгородскому уделу этот показатель составлял 24,8%, а по Старорусскому – почти в два раза больше – 40,2%. В благополучных округах большей была доля общих запасов в разрезе уделов: в округе №6 было сосредоточено 30,4% всех запасов хлеба по Новгородскому уделу, а в округе №9 – 13,9% запасов Старорусского удела.

По нашим подсчетам, долги в расчете на душу населения (см.: Табл. 66) в округах Новгородского удела составляли в том

⁷⁴⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 54. – Л. 30 об.

же 1850 г. 0,48 четв. всех хлебов, в Старорусском – 0,88 четв. В округах Витебской и Могилевской губерний они составляли, соответственно, 0,62 и 0,42 четв. Самыми большими были душевые долги в округе №1 – 1,28 четв. – Новгородского удела, самыми маленькими – 0,06 четв. – в округе №6. В округах Старорусского удела самые значительные долги наблюдаются в округе №11 – 1,20 четв., а самые маленькие – 0,28 четв. – в округе №7. Аналогичная картина прослеживается и в процентном соотношении душевых долгов к душевым сборам: в округе №1 они составляли 23,5%, в округе №6 – 0,6%, в округе №7 – 3,9%, в округе №12 – 30,6%.

Показатели хлебных долгов по отдельным округам поселений кавалерии в 1850 г. (см.: Табл. 67) свидетельствуют, что они также весьма репрезентативно отражают степень хозяйственного развития каждого из них. В наиболее благополучных – 5-8 округах Украинских военных поселений – их доля в общей массе долгов кавалерийских округов составляла 6,2%; еще меньшим был этот показатель был в 1-4 округах Новороссийских военных поселений. Напротив, в менее развитых в экономическом отношении округах Киевской и Подольской губерний эти долги составляли 40,1% всей совокупности долгов военных поселян. В целом же, общая масса долга от имеющихся в наличии запасов составляла 41,3%, что свидетельствует об ухудшении материального положения поселян.

Те же тенденции наблюдаются и в расчетах хлебных долгов на душу населения (см.: Табл. 68). Средний показатель в округах кавалерии – 0,78 четв. – был несколько большим аналогичного показателя в округах пахотных солдат (0,65 четв.). Если в кавалерийских округах душевые долги составляли 32,3% душевых сборов, то в округах пахотных солдат этот показатель был в три с лишним раза меньше – 9,3%. Самыми маленькими душевые долги были в первых четырех округах Новороссийских военных поселений – 0,20 четв., а самыми большими – в округах Киевской и Подольской губерний – 1,95 четв.

Еще одним свидетельством ухудшения материального положения пахотных солдат может служить рост задолженности по платежам оброка. Статистические данные свидетельствуют, что недоимки начались с 1843 г. в округах Витебской и Могилевской губерний, где сумма платежа составляла 17.956 руб., внесено же было 12.208 руб. После этого недоимки в этих округах стали систематическими и составляли 40-50% оброчных

платежей. Стабильно уплачивали оброк только пахотные солдаты Новгородского и округов №7 и №9 Старорусского уделов. В 1856 г. недоимки пахотных солдат составляли около 100 тыс. руб. или 1/3 суммы годового оброка (см.: Табл. 69). И в это время самыми незначительными были недоимки в округах №1-№3 (бывшие 1-6), составлявшие ранее Новгородский удел. В среднем, недоимки на каждую душу мужского пола составляли 1,77 руб. Самыми большими они были в округе №6 – 72,3% к общему окладу.

В период создания военных поселений на крестьянах, ставшими военными поселянами округов 1-й гренадерской дивизии (впоследствии – Новгородский удел пахотных солдат), числилось недоимок 37.866 руб. ассигнациями⁷⁴¹. Следовательно, за годы существования военных поселений и округов пахотных солдат недоимки в этом регионе значительно сократились. Это могло произойти как за счет повышения жизненного уровня населения, так и в связи с усилением административного контроля.

Динамика удельного веса хозяев в мужском населении округов военных поселений кавалерии и пахотных солдат (см.: Табл. 70) свидетельствует, что, если в округах Украинских военных поселений в промежутке между 1829 и 1854 годами он оставался на уровне 15,6%, а в Новороссийских поселениях вырос с 11,2% до 18,7%, то в округах пахотных солдат Новгородской губ. удельный вес пахотных солдат-хозяев сократился с 38,4% до 29,0%. Причем уменьшение происходит как в абсолютных, так и относительных цифрах. Напротив, происходит значительный рост численности не хозяев, которые платили незначительный оброк. Этот факт можно объяснить тем, что становиться хозяином с экономической точки зрения было невыгодно ввиду значительных сумм взимавшегося оброка. Вот почему к концу рассматриваемого периода наблюдается значительное увеличение многосемейных хозяйств в округах пахотных солдат, поскольку резко сократилось количество семейных разделов.

Следует также отметить, что подобная практика уплаты оброка (не с количества обрабатываемой земли, а с хозяина и не хозяина) была сопряжена со многими неудобствами для пахотных солдат, которые были вынуждены платить за одно и то же

⁷⁴¹ ЦГИАК Украины. – Ф. 1353. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 138.

количество земли в одном и том же округе в разные годы различные оброки. Так, например, в округе №1 пахотных солдат в 1845 г. плата за земельный участок в 6,5 дес. составляла 6,93, в 1846 г. – 7,04, в 1847 г. – 6,68, в 1850 г. – 7,39 руб. серебром. Аналогичная картина наблюдалась и по остальным округам, где плата за один участок, например, в Старорусском уделе в 1850 г. варьировалась от 6,03 в округе №9 до 7,24 руб. в округе №11 (см.: Табл. 71). Следовательно, наделение пахотных солдат одинаковыми по размерам участками земли не решало проблему уравнивания их в платеже оброка. Общая картина постепенного обнищания среднего по зажиточности слоя военных поселян наблюдается и в округах кавалерии⁷⁴².

Почему же столь стремительно растут недоимки, хотя резкого сокращения основных экономических показателей в округах поселения кавалерии и пахотных солдат не наблюдалось вплоть до их ликвидации? Причина, на наш взгляд, заключалась в следующем. Существовавшая, например, в округах пахотных солдат система обложения предусматривала уравнительную раскладку всей суммы оброка на число земельных участков площадью 6,5 дес. Но подобная уравнительность вовсе не означала равенства пахотных солдат в уплате оброка, поскольку не принимались во внимание ни качество угодий, ни их структура, которая значительно отличалась по округам. Не платили пахотные солдаты оброк с доходов от промысловой деятельности. Во владельческой деревне помещики старались привести оброчные платежи крестьян в соответствие со всеми их доходами, учесть, пусть и не в полной мере, хозяйственную самостоятельность крестьянского двора⁷⁴³.

В среде государственных крестьян в этот период также была предпринята попытка произвести правильную оценку земель и пересмотреть крестьянские платежи за надельную землю и промыслы⁷⁴⁴. Таким образом, зажиточные пахотные солдаты,

⁷⁴² Липовская Т.Д. К вопросу о демографических процессах в военных поселениях на Украине // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. – Материалы XX сессии Симпозиума по изучению проблем аграрной истории Восточной Европы. – М., 1984. – С. 149-153.

⁷⁴³ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... – С. 283; Рябков Г.Т. Оброки помещичьих крестьян Смоленской губ. в конце XVIII – первой половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. – Смоленск, 1972. – С. 174-176.

⁷⁴⁴ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне... – Т. 2. – С. 142-146.

получавшие в результате своей хозяйственной деятельности более высокие доходы, платили оброк сравнительно легко, т.к. относительно получаемого дохода он был в несколько раз меньше, чем у бедных, ограниченных в промысловой деятельности и имевших, как правило, худшие по качеству земли. Последние с большим трудом выплачивали необходимые суммы, даже при некотором их уменьшении. Год от года ситуация усугублялась, о чем свидетельствуют данные о недоимке оброка в округах пахотных солдат (см.: Табл. 69).

Завершая анализ всех составляющих хозяйственной деятельности военных поселян и пахотных солдат, попытаемся определить на примере среднестатистического хозяйства доходы от земледелия и сравнить их с некоторыми видами расходов. Такое сравнение кажется нам тем более корректным, поскольку командование округов основной упор в хозяйственной деятельности делало на развитие земледелия, в связи с чем промысловая сфера пахотных солдат, в частности, отходничество, особенно в отдаленных округах, была сильно ограничена. Отсутствие в наделах пахотных солдат лесных участков также лишало их части доходов. В таких условиях продукция хлебопашества должна была составлять, безусловно, преобладающую часть доходов их хозяйств, на что неоднократно указывалось в официальных отчетах: пахотные солдаты «не имеют, кроме хлебопашества, никакой другой промышленности»⁷⁴⁵.

Для получения наиболее достоверных средних показателей обратимся к данным об уровне зернового производства в двух округах пахотных солдат в последнее десятилетие их существования (см.: Табл. 72). Почему нами избраны 3-й (бывшие 5-й и 6-ой) и 6-ой (бывшие 10-й и 11-й) округа? В первом из них, расположенном к западу от оз. Ильмень, преобладали качественные почвы; во втором значительные территории были заболоченными. Представим некоторые статистические данные об этих округах: по численности населения они были примерно одинаковыми: в 3-ем округе проживало 27.919, а в 6-ом – 23.236 человек. Число дворов составляло, соответственно, 4187 и 3833. Освоенность территории, плотность населения в первом из них были выше. Население 3-го округа проживало в 95 населенных пунктах (в среднем, по 122 души мужского пола и 44 двора в каждом), а в 6-ом округе насчитывалось 267 населенных пунк-

⁷⁴⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 8109. – Л. 5-6.

тов (в среднем, по 39 душ мужского пола и 14 дворов в каждом)⁷⁴⁶.

Данные табл. 72 свидетельствуют, что благодаря высокой урожайности в 3-ем округе чистые сборы были почти в два раза выше. Это соответствует данным, которые мы получили, анализируя развитие земледелия в отдельных округах пахотных солдат (см.: Табл. 40). Основные хозяйственные показатели усредненного двора этих округов, представленные в табл. 73, свидетельствуют о равенстве большинства из них, за исключением чистых сборов. Размеры посевов (в четвертях) отличались незначительно.

В итоге, средний двор 3-го округа располагал 15,83 четв. ржи и 22,22 четв. яровых хлебов в год, а двор 6-го округа, соответственно, 8,43 и 13,86 четв. Считая по 8 пудов в четверти, получится 127 пуд. ржи, в среднем, на двор в 3-ем округе и 67 пуд. – в 6-ом. Подавляющую часть яровых хлебов составлял овес, поэтому примем все четверти за 5,4 пуда, вследствие чего выходит, что средний двор в 3-ем округе располагал 120 пудами ярового хлеба, а в 6-ом округе – 75 пудами в год⁷⁴⁷.

Теперь о личном потреблении. Исследователи неоднократно обращались к средним нормам потребления продуктов в крестьянском хозяйстве, используя при этом различную методику подсчетов и получая весьма разные данные. Некоторый итог изысканиям в данной области подведен в «Аграрной истории Северо-Запада России», авторы которой определяют потребности однолошадной семьи из 5 человек в 120 пуд. разных хлебов (по 20 пуд. на человека и 20 пуд. на хозяйственные нужды), допуская при этом и более низкую норму (15 пуд. на человека и 15 пуд. на хозяйственные нужды)⁷⁴⁸.

В нашем распоряжении имеются нормы, которыми пользовалось командование округов при расчетах необходимого для потребления пахотными солдатами хлеба в 1850-х годах⁷⁴⁹. Согласно этим расчетам, человеку старше семи лет требовалось в год 2,5 четв. озимого и 0,84 четв. ярового хлеба, а ребенку до семи лет, соответственно, 1,25 и 0,42 четв. Если учесть, что согласно статистике того периода, дети до семи лет составляли не более 25% населения, то, в среднем, на человека в год требова-

⁷⁴⁶ РГИА. – Ф. 515. – Оп. 13. – Д. 8320. – Л. 6-44; Оп. 15. – Д. 2236. – Л. 36-38.

⁷⁴⁷ Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская метрология. – М., 1965. – С. 204.

⁷⁴⁸ Аграрная история Северо-Запада России. – Т. 1. – Л., 1971. – С. 46-52.

⁷⁴⁹ РГВИА. – Ф. 397. – Оп. 6. – Д. 552. – Л. 28-32.

лось около 2,2 четв. (18 пуд.) ржи и около 0,75 четв. (4 пуда) ярового хлеба. Таким образом, общая норма потребления, применявшаяся военным руководством, составляла, в среднем, на человека 22 пуда всех хлебов в год и незначительно отличалась от данных, приведенных в «Аграрной истории Северо-Запада России». При этом, военное руководство имело в виду, что на хозяйственные нужды средний двор пахотных солдат затрачивал приблизительно 5 четв. (27 пуд.) овса в год. Следовательно, годовая потребность среднего двора в 3-ем округе составляла 105 пуд. ржи и 51 пуд ярового хлеба, а в 6-ом округе, следовательно 110 пуд. ржи и 47 пуд. ярового хлеба.

Для сравнения доходов от хлебопашества и основных средних расходов на двор воспользуемся ценами, приведенными Б.Н. Мироновым. По его сведениям, пуд ржи в Новгородской губ. в 1851-1866 гг. стоил, в среднем, 0,58 руб. серебром, пуд овса – 0,54 руб. серебром⁷⁵⁰. Соотношение доходов от хлебопашества и основных расходов (см.: Табл. 74) свидетельствуют, что итоги хозяйственной деятельности в 3-ем округе были гораздо лучшими, чем в 6-ом. Кроме того, обеспеченность хлебом в 3-ем округе, благодаря его выгодному географическому положению (близости от Новгорода и Старой Руссы, наличие транспортных путей) и возможности для получения дополнительного дохода от промысловой деятельности были значительно большими, чем в 6-ом округе.

Неудивительно поэтому, что все хозяева 3-го округа полностью уплачивали оброк, в то время как в 6-ом округе недоимки возрастали год от года. Сами пахотные солдаты объяснили это недостаточностью доходов от земледелия и почти полным отсутствием промысловой деятельности. Необходимо учитывать и тот факт, что был запрещен отход на промыслы недоимщикам, хотя им-то и был, прежде всего, необходим. Командование же округов усматривало основную причину недоимок в «лености и нерадении к хозяйству» и пыталось «воспитывать» пахотных солдат розгами и отдачей в рекруты.

Однако в связи с ростом недоимок, начальство вынуждено было предпринимать более эффективные меры для пополнения оброчных сумм, чем погашение их за счет средств из заемного

⁷⁵⁰ Миронов Б.Н. Движение хлебных цен на Севере и Северо-Западе России в 1796-1914 гг. // История крестьянства Северо-Запада России в XVII-XIX веках. – Л., 1983. – С. 161.

денежного капитала. Одним из таких способов являлась обязательная отправка недоимщиков на промыслы с обязательным отчетом во всех заработках⁷⁵¹. Многие пахотные солдаты принудительно работали на строительстве железной дороги Москва-С.-Петербург. Порой окружные комитеты сами заключали подряды на вырубку леса, отсыпку железнодорожного полотна и т.п., после выполнения которых расчет с пахотными солдатами даже не производился, а заработанные средства поступали в счет уплаты недоимок по оброчным платежам.

В 1853 г. директор Департамента военных поселений генерал-лейтенант Г.Ф.Пиллар фон Пильхау после осмотра округов пахотных солдат в рапорте на имя военного министра писал, в частности, о заслугах командира 6-го округа полковника Кена, командовавшего округом, «составленном из прежних двух округов, находившихся по местному положению в далеко скуднейшем противу прочих состоянии и постоянно имевших значительные недоимки оброка; благоразумными мерами сего штаб-офицера в настоящем году взыскано оброка и недоимок с генваря по 8 мая сего года 100 тыс. руб. серебром. Принимаемые к сему меры главнейше заключаются в отпуске пахотных солдат на заработки; внушении лично и через известных добрым хозяйством пахотных солдат заботливости к устранению излишней роскоши (?! – К.Я.) и предупреждении неправильной уклончивости от платежа оброка, избегая особых мер строгости»⁷⁵².

Подобные методы эксплуатации крестьян были достаточно широко распространены в первой половине XIX века и применялись, например, во владельческой деревне⁷⁵³. Необходимо отметить, что некоторые чиновники правильно уловили причину ухудшения материального положения крестьян и связывали это не с морально-этическими, а экономическими факторами. В середине 1840-х гг. вице-директор Департамента военных поселений полковник

⁷⁵¹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 7740. – Л. 2-3.

⁷⁵² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 7758. – Л. 2 об.-3.

⁷⁵³ Буганов В.И., Предтеченский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. – М., 1980. – С. 162; Ковальченко И.Д. Об особенностях работ по найму помещичьих крестьян России в первой половине XIX в. // Вопросы генезиса капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. – М., 1965. – С. 397-401; Янель З.К. О природе так называемого принудительного найма // История СССР. – 1965. – №4. – С. 76-86.

П.Д. Данилов отмечал, что во многих округах оброк, собираемый с пахотных солдат, «несоразмерен с предоставляемыми угодьями и лежащими на них обязанностями», вот почему «общее благосостояние пахотных солдат год от году скудеет»⁷⁵⁴.

Однако, неверно было бы называть единственной причиной общего упадка хозяйства пахотных солдат и накопления значительных недоимок в этот период только чрезмерную величину или несправедливость раскладки оброка. Так, например, размеры оброчных платежей пахотных солдат в расчете на десятину удобной земли уступали подобным показателям у других категорий крестьянства Новгородской губ. поэтому можно предположить, что причины упадка крылись также и в значительных натуральных повинностях и различных сборах, практиковавшихся в округах пахотных солдат. Напомним некоторые из них.

Основная и наиболее обременительная часть натуральных повинностей пахотных солдат была связана с обслуживанием расположенных в округах войск. Сюда включались: отпуск продовольствия в виде приварка для стоящего поста, доставка продовольствия из провиантских магазинов, предоставление подвод при движении войск⁷⁵⁵. С обеспечением воинского поста была связана и другая повинность – вывозка леса для квартирующих подразделений. Зачастую пахотные солдаты вынуждены были доставлять лес за десятки верст, поскольку участки под вырубку отводились далеко не в каждом округе. По подсчетам военного руководства, число подвод, необходимых на одну только вывозку лесных материалов, составляло ежегодно до 250 тыс. (в среднем – до 140 дней на хозяина)⁷⁵⁶. Поскольку эта повинность была связана со значительной эксплуатацией рабочего скота, пахотные солдаты правдами и неправдами старались купить лес во владельческих и казенных дачах, расположенных вблизи округов. Весьма частыми стали незаконные порубки в лесах военного ведомства, что приводило к росту штрафов.

К другим значительным повинностям необходимо отнести: пополнение запасных хлебных магазинов, долг в которые был также значительным (см.: Табл. 65), доставку хлеба в мага-

⁷⁵⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 4288. – Л. 1-2.

⁷⁵⁵ Там же. – Л. 2.

⁷⁵⁶ РГВИА. – Ф. 397. – Оп. 6. – Д. 335. – Л. 42; Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 4288. – Л. 3.

зины Провиантского департамента, протяженность пути до которых и обратно составляла 50-70 верст. За период с 1832 по 1856 гг. округа пахотных солдат поставили 5818 рекрутов, обмундирование которых стоило более 100 тыс. руб.⁷⁵⁷ Пахотные солдаты должны были поддерживать в исправности около 800 верст дорог, 739 мостов и 2 тыс. труг⁷⁵⁸. Общественными нарядами производилась постройка домов для погорельцев, вспашка полей заболевших пахотных солдат, а также перевозка их в лазареты.

Кроме того, пахотные солдаты платили дополнительные денежные сборы: подводную повинность по 39 коп. серебром с душевого участка, которая поступала на содержание общественных станций для разъездов членов окружных комитетов; на разъезды голов и сотских – от 15 до 24 коп. серебром; на содержание пожарных инструментов и лошадей. К началу 1850-х гг. все эти сборы составляли до 2,82 руб. серебром с душевого надела.

Таким образом, особенно отрицательно сказывалась на хозяйстве пахотных солдат та непомерно высокая доля повинностей, которая выполнялась в натуре. Именно она, по свидетельству самих военных начальников, отнимала у пахотных солдат значительную часть времени и сил, являясь причиной частых и значительных падежей скота, ухудшения обработки полей, ограниченности отхода и, как следствие, растущих недоимок по оброчным платежам и долгам⁷⁵⁹.

Конечно же подобная система сбора платежей и отбывания повинностей порождала злоупотребления, особенно среди голов и сотских. История военных поселений изобилует многочисленными примерами хищений материальных средств начальниками округов и другими офицерами. В начале 1840 г. генерал-лейтенант Ф.К. фон Фрикен своим приказом категорически запретил всем членам окружных комитетов иметь собственную запашку в округах, чтобы исключить возможность использования труда пахотных солдат⁷⁶⁰. Однако этот приказ весьма часто игнорировался. В 1841 г. пахотные солдаты округа №10 подали жалобу на командира округа майора Ходасевича, который построил дом их силами, имел большую запашку, об-

⁷⁵⁷ РГИА. – Ф. 515. – Оп. 15. – Д. 2236. – Л. 1200.

⁷⁵⁸ РГВИА. – Ф. 397. – Оп. 6. – Д. 335. – Л. 40-41.

⁷⁵⁹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 4288. – Л. 43.

⁷⁶⁰ Там же. – Ф. 397. – Оп. 6. – Д. 267. – Л. 1.

рабатываемую пахотными солдатами без оплаты. Он, по их словам, до того был склонен к взяткам, что «без этого к нему нет доступа»⁷⁶¹.

Мы не случайно уделили столько внимания анализу доходности хозяйств пахотных солдат. Как уже отмечалось выше, уровень земледелия здесь был выше, чем в округах кавалерии (см.: Табл. 45 и Табл. 47), что позволяет утверждать, что доходность на душу населения здесь была выше, тем более, что хозяйственной основой подавляющего числа округов поселения кавалерии было также сельскохозяйственное производство, а отходничество и торговля в них играли второстепенную роль, хотя в отдельные урожайные годы поселяне продавали значительное количество продукции земледелия и скотоводства. Так, например, в 1832-1833 гг. в округах 3-ей кирасирской дивизии было продано разного хлеба 448.706 четв., овощей на 115.598 руб., сена 1.997.650 пуд., а всего товаров на сумму 3.424.590 руб. или по 660 руб. на одно хозяйство⁷⁶². По нашим подсчетам, каждое поселянское хозяйство продавало, в среднем, продукции сельского хозяйства на сумму от 200 до 400 руб., а в некоторых полках 3-ей уланской дивизии (5-8 округа Новороссийских военных поселений) эта цифра достигала 1 тыс. руб. ассигнациями.

Совокупная стоимость реализованного продукта сельскохозяйственного производства в некоторых уланских полках, за счет более развитого животноводства, была на 40-50% больше, чем, в среднем, в округах пахотных солдат. Необходимо также учитывать, что южный климат способствовал успешному ведению садово-огородного сектора хозяйства, а близость к крупным портовым и торговым центрам делало их сбыт более надежным. Однако натуральные повинности военных поселян за счет общественной запашки были большими, а воинский постой в округах кавалерии (особенно в Херсонской губ.) был ничуть не меньше, чем в округах пахотных солдат.

Оценивая в целом состояние торговли, промышленности и отходничества в округах военных поселений и пахотных солдат в последний период их существования, необходимо отметить, что и в этих отраслях экономики обнаруживаются, в общем, те же тенденции, которые были характерны для экономики всей страны, пережившей кризис феодального способа производства.

⁷⁶¹ Там же. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 8244. – Л. 8.

⁷⁶² Там же. – Оп. 2. – Д. 6970. – Л. 289.

Даже после определенной либерализации системы военных поселений в 30-е гг., и несмотря на некоторые льготы, которые имели поселяне и пахотные солдаты в деле ведения торговли, экономическая несвобода и узость товарного производства сдерживали в них развитие производительных сил.

§4. Строительство и транспорт

Значительное место в экономике военных поселений занимали строительство и транспорт. В округах 1-й гренадерской дивизии, которая, как уже отмечалось выше, рассматривалась как эталон организации округов, развернулись широкомасштабные работы по возведению ротных поселков и полковых штабных комплексов. Из шести полностью построенных комплексов до нашего времени сохранились три: в селах Кричевицы, Новоселицы и Медведь и используются (1990-е гг.) для расквартирования военных подразделений. Очень жаль, что эти своеобразные памятники военной архитектуры первой половины XIX в. не охраняются государством, перестраиваются без учета их архитектурной специфики и в скором времени могут быть утрачены, как это произошло с остатками штабного комплекса поселенного гренадерского графа Аракчеева полка в деревне Селищи.

Поначалу широкомасштабное строительство велось также в округах Елецкого и Полоцкого пехотных полков, расположенных в Могилевской губ. В военных поселениях кавалерии также планировалось возведение эскадронных и полуэскадронных поселков, однако, приняв за основу модель крестьянского хозяйства, предложенную И.О. Виттом, правительство и командование военными поселениями отказались от этой идеи.

В округах пехоты впервые в истории российской армии была предпринята попытка дать войскам постоянные зимние квартиры вне крупных городов, т.е. перейти к казарменному расквартированию, одновременно привязав их к административной и хозяйственной структуре округов поселения. А.А. Аракчеев уделял вопросам строительства особое внимание. Как и Александр I, он любил строгое единообразие, четкость и ритмичность линий, регулярность в застройке. Именно в таком стиле была построена его усадьба в с. Грузино. Читая его пере-

писку с императором, нельзя не заметить, что к округам 1-й гренадерской дивизии он относился как к любимой игрушке императора, который ежегодно бывал в них, лично осматривал многие постройки, проводил инспекторские смотры отдельным полкам.

Прототипом ротных поселков послужила, по-видимому, застройка сел и деревень Грузинской вотчины А.А. Аракчеева, в проектировании которых принимал участие его личный архитектор И. Минут. Именно он создал в 1817-1818 гг. первые проекты домов-связей и штабных комплексов для поселенных рот⁷⁶³. Первоначально был разработан и утвержден проект дома-связи на два входа, рассчитанного на размещение в нем четырех семей поселян-хозяев и восьмерых постояльцев. Этот проект получил условное название «дома-связи с мезонином». Фундамент его выкладывался либо из булыжного камня, либо из кирпича, стены рубились из бревен, обшивались тесом и красились. Крыша перекрывалась листовым железом и также окрашивалась специальной краской в несколько слоев. Сметная стоимость одного такого дома составляла 4865 руб. ассигнациями⁷⁶⁴. Позади дома отстраивались хозяйственные строения: хлев для скота, сарай для инструментов, овин и т.п. Постройка 60-ти домов-связей, или одной поселенной роты, стоила 350 тыс. руб., а всего поселенного батальона – 1,4 млн. руб. М.И.Богданович, у которого многие современные авторы заимствуют разнообразные статистические сведения, ошибочно называет цифру 2,8 млн. руб.⁷⁶⁵

Дома отстраивались «гнездами», по два в каждом. Пространство между домами (их называли «малые прогалки») огораживались каменными заборами и использовались для сбора и хранения навоза. «Большие прогалки» – пространства между гнездами – огораживались «надолбами»⁷⁶⁶ и использовались под огороды и другие хозяйственные нужды. Перед фасадной частью домов отстраивалось шоссе, по одну сторону которого был проложен тротуар, а по другую – бульвар. Шоссе имело твердое покрытие и строилось по всем правилам дорожного строительства того времени. Для поселян проезд по шоссе был запрещен,

⁷⁶³ Новгородский сборник. – Вып. 5. – Ч. II. – Новгород, 1865. – С. 29.

⁷⁶⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 9 об.

⁷⁶⁵ Богданович М.И. История царствования императора Александра I... – Т. V. – С. 353.

⁷⁶⁶ Надолб, в данном случае – деревянная изгородь на каменных столбах.

исключение делалось только для верховых офицеров, а также для пассажирских и почтовых дилижансов. Для проезда поселян и прогона скота позади домов имела грунтовая дорога, от которой ответвлялись проезды к полям и выгонам.

В центре ротного поселка по особому проекту отстраивался ротный штаб, который включал ряд административных и хозяйственных построек: помещения для жительства непоселенных нижних чинов, запасные хлебные магазины, школу, часовню и т.д. Поскольку дома строились в одну линию (это делалось для того, чтобы приблизить их к полям), длина такого поселка составляла около двух верст. Фланги рот оформлялись в виде ворот особой конструкции. В ночное время улица освещалась, а также патрулировалась нарядами от ротных караулов. Надзор за производством работ в каждой поселенной роте возлагался на управляющего работами совместно с командиром того батальона, которому подчинялась данная рота⁷⁶⁷.

Несомненно, что для планировки ротных поселков были использованы традиционные схемы застройки русских деревень и сел. Однако их живописность, лиризм и уют, достигнутый искусным использованием природных условий и многообразием архитектурных деталей свободно выстроенных деревень, здесь был утрачен, поскольку главным началом в организации военных городков являлась казенная регулярность, жесткий ритм расположения домов, строгое их единообразие и однотипность вплоть до оформления крылец, оград и озеленения. Вот почему, по мнению известного советского архитектора В.И. Пилявского, творческое архитектурное вмешательство в организацию ротных поселков было исключено, поскольку все они были созданы по одной принятой схеме. Тем самым, здоровая в своей основе идея строительства типовых жилых домов и их группировка в поселения практикой аракчеевских поселений была дискредитирована⁷⁶⁸.

Подобный тип жилищ и такие регулярные поселки были неудобными для сельского быта, поскольку в них была большая скученность людей, а хозяйственные постройки не были рассчитаны на содержание в них значительного поголовья скота. При проектировании домов не учитывался фактор проживания в них

⁷⁶⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 176. – Л. 337 об.

⁷⁶⁸ Пилявский В.И. Новгородские военные поселения (Историко-архитектурный очерк) // Новгородский исторический сборник. – Новгород, 1959. – Вып. 9. – С. 125.

женатых поселян-постояльцев. Однако, санитарно-гигиенические условия здесь были значительно лучше, чем в большинстве крестьянских изб. Возникали сложности и при эксплуатации хозяйственных построек, которыми пользовались одновременно два хозяина. Только в 1827 г. было принято решение об их строительстве для каждого хозяина в отдельности⁷⁶⁹.

Растянутое расположение ротных поселков в значительной степени определялось мерами противопожарной безопасности, на которое в поселениях обращали особое внимание. При каждом ротном штабе находились «пожарные команды», сформированные из инвалидов полка, в распоряжении которых были специальные пожарные инструменты и лошади.

В 1822 г. пришлось отказаться от первоначального варианта дома-связи с мезонином, был разработан проект дома-связи в один этаж, сметная стоимость которого была несколько больше, однако в конструктивном отношении он был проще и функционально надежнее. Возрастала и трудоемкость при его возведении. Так, если для строительства связи с мезонином требовалось 1694 человеко-дня для мастеровых и 244 дня для разнорабочих, то для связи в один этаж требовалось, соответственно, 2562 и 322 человека-дня⁷⁷⁰.

После 1826 г., усвоив, наконец, что городской тип жилья мало приспособлен для сельского быта, командование военных поселений перешло к строительству домов для военных поселян «по крестьянскому образцу»⁷⁷¹. Гнездо по-прежнему состояло из двух домов, в одном из которых проживала семья поселянина-хозяина, в другом – их постояльцы. Площадь помещения, занимаемая каждой семьей, составляла порядка 25 кв. м. Строительство домов по такому проекту позволило сократить расходы по данной статье в каждом поселенном полку на 162 тыс. руб.

При создании поселений кавалерии также планировалось развернуть здесь массовое строительство. Это предусматривалось, прежде всего, «Проектом учреждения о военном поселении кавалерии», а также предлагалось И.О. Виттом при создании округов поселения Бугской уланской дивизии. В 1817 г. началось строительство дивизионной штаб-квартиры в г. Воз-

⁷⁶⁹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 169. – Л. 16.

⁷⁷⁰ Там же. – Оп. 1. – Д. 121. – Л. 218.

⁷⁷¹ Там же. – Оп. 2. – Д. 1462. – Л. 45.

несенске. Здесь же намечалось строительство жилых домов для военных поселян, которые представляли собой комплекс жилых и хозяйственных построек для поселянина-хозяина и его помощника⁷⁷². Началась активная заготовка строительных материалов, которая была сопряжена с большими трудностями в связи с отсутствием достаточного количества строевого леса и нехваткой рабочей силы. Правда, удалось наладить изготовление кирпича в самих поселениях, однако полностью собственными материалами поселения уланских и кирасирских дивизий себя не обеспечивали. Приходилось закупать в значительном количестве доски, бутовый камень, кирпич, известь и др. материалы.

Все эти трудности, а также стремление удешевить процесс создания военных поселений посредством опоры на уже сложившуюся хозяйственную структуру, предопределили в округах кавалерии ограничение масштабов строительства только самыми необходимыми зданиями и сооружениями: запасными хлебными магазинами, конными заводами, госпиталями, конюшнями, манежами и т.п.⁷⁷³ Для придания вида регулярности в поселениях кавалерии широко практиковался перенос домов «в одну линию, приведя, по возможности, в должную правильность улицы...»⁷⁷⁴ Вторые батальоны пехотных дивизий, которые обычно использовались на строительных работах, сюда не вводились в достаточном количестве, привлечение же поселян-хозяев и солдат действующих эскадронов к строительным работам сказалось бы, несомненно, на выполнении ими своих основных функций.

Предполагалось, что округа будут отстраиваться в определенной очередности, по мере окончания работ в одном из них. Выполнять работы в нескольких округах одновременно было очень сложным делом. Около 2/3 войск, задействованных на работах, как правило, было занято заготовкой и транспортировкой строительных материалов⁷⁷⁵. В округах пехоты для этого были специально сформированы конно-рабочие команды, а в округах кавалерии – воловые парки, снабжение которых фуражом было возложено на военных поселян⁷⁷⁶. По мере развертывания работ в июне 1823 г. был

⁷⁷² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 9. – Л. 21.

⁷⁷³ Там же. – Д. 39. – Л. 231.

⁷⁷⁴ Там же. – Л. 54-55.

⁷⁷⁵ Там же. – Оп. 3. – Д. 301. – Л. 13 об.

⁷⁷⁶ Там же. – Оп. 1. – Д. 88. – Л. 778-793.

подписан указ о формировании в каждой поселенной кавалерийской дивизии по одному военно-рабочему батальону⁷⁷⁷. В округах Херсонских военных поселений на работах было задействовано до 20 пехотных батальонов, в Слободско-Украинских поселениях на работах находились третьи батальоны 5-го пехотного корпуса и часть артиллерийских рот 5-й артиллерийской дивизии⁷⁷⁸. Согласно инструкции, работы продолжались 13 часов в сутки: с 4 часов 30 мин. до 11 часов и с 13 часов 30 мин. до 20 часов⁷⁷⁹.

Общее количество жилых домов, выстроенных, в основном, из кирпича-сырца, было незначительным и располагались они, как правило, рядом с полковыми штаб-квартирами. Так, например, в каждом округе 3-ей кирасирской дивизии было выстроено по 40 домов для военных поселян-хозяев, однако в них размещали на жительство холостых офицеров⁷⁸⁰. Неудачным оказался опыт возведения так называемых землебитных домов по методу «Пизе».

В округах поселений кавалерии, расположенных в Слободско-Украинской губ., также возводились только самые необходимые административные и хозяйственные постройки; жилье для поселян практически не строилось, поскольку ощущался острый недостаток строевых лесов.

В округах Полоцкого и Елецкого пехотных полков строились, в основном, жилые помещения и хозяйственные здания, полковые штабные комплексы здесь не возводились⁷⁸¹. В округах поселенных рот Охтенского порохового завода строительство кирпичных домов осуществлялось только для поселян-хлебопашцев, поселяне-мастеровые жили в собственных домах. Законодательством было определено, что «не должно быть в округах военного поселения никаких посторонних владений. Вследствие сего, всем служащим при заводе и отставным офицерам, равно и всем частным людям, иметь собственные дома на заводе воспрещено». Это положение распространялось и на другие округа. Всего к 1825 г. в военных поселениях было полностью выстроено: в округах пехоты – 14 рот и 3 капральства; в округах кавалерии – один эскадрон и одно капральство, «прочие

⁷⁷⁷ ПСЗ. – Т. XXXVIII. – №29580.

⁷⁷⁸ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 382. – Л. 30.

⁷⁷⁹ ЦГИАК Украины. – Ф. 1353. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 154.

⁷⁸⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 111. – Л. 157.

⁷⁸¹ Там же. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 215.

военные поселяне помещались в прежних их домах»⁷⁸². К 1832 г. в округах 4-ой уланской дивизии было построено еще 144 дома для поселян-хозяев, после чего подобные постройки в округах кавалерии не возводились.

Дороговизна возведения ротных поселков, а также необходимость коренной ломки землепользования в результате реформы 19 ноября 1826 г. заставили командование при поселении 2-ой гренадерской и гренадерской артиллерийских дивизий, как и в округах кавалерии, отказаться от строительства ротных поселков и перейти к созданию поселений капральствами и полукапральствами. Это достигалось, в основном, путем переноса домов поселян из мелких селений в более крупные. Вместе с тем, всякое индивидуальное строительство в округах без высочайшего разрешения, в том числе и в городах военных поселений, было запрещено.

По нашим наблюдениям, дома в Новгородской области до сих пор строятся на подклетьях, которые используются для хозяйственных нужд. Дома-связи возводились на фундаментах высотой всего до одного метра, что обуславливало наличие в них сырости и трудности в обогреве. Начальник штаба Гренадерского корпуса генерал-майор В.О.Гурко в рапорте на имя П.А.Клейнмихеля от 6 августа 1829 г. докладывал, что в 1-й поселенной роте Киевского гренадерского полка (д. Дубовицы) в пятнадцати гнездах из-за сырости осыпались фундаменты, покособились и почернели стены и все они требуют капитального ремонта⁷⁸³. Срок службы домов-связей был рассчитан на 40-50 лет, однако, выстроенные зачастую из сырого дерева и кирпича, отделанные внутри в осенне-зимний период, уже в 1830-е гг. некоторые из них были снесены ввиду ветхости.

Возведение ротных поселков началось с округа поселения гренадерского графа Аракчеева полка в 1817 г. Все четыре роты были выстроены к осени 1820 г. К 1825 г. были выстроены все роты в соседнем округе гренадерского короля Прусского полка. В округах гренадерских полков императора Австрийского и наследного принца Прусского строительство ротных полков продолжалось соответственно с 1820 по 1829 г. и с 1821 по 1830 г. В округе 1-го карабинерного полка, где строительство началось в 1820 г., к 1831 г. полностью были выстроены только две роты.

⁷⁸² Там же. – Д. 300. – Л. 489 об.

⁷⁸³ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 1372. – Л. 23.

В округе карабинерного Баркляя де Толли полка (бывший 2-й карабинерный) было возведено только несколько экспериментальных связей из кирпича. Таким образом, сроки строительства в четырех поселениях и фурштатской роте каждого из шести полков 1-й гренадерской дивизии постоянно увеличивались. В среднем, за год в Новгородских поселениях полностью отстраивалась одна рота⁷⁸⁴. В округах кавалерии полностью был отстроен только один эскадрон в Чугуевском уланском полку (2-я уланская дивизия).

В округах 2-й гренадерской и гренадерской артиллерийских дивизий, где отказались от массового строительства жилья, было принято решение построить по 10-15 домов в каждом полку. Исключение было сделано для округа Киевского гренадерского полка, который дислоцировался вблизи г. Старой Руссы, и где было построено 60 домов. Некоторые авторы утверждают, что в округах Старорусского отряда дома вообще не строились⁷⁸⁵, а П.П.Евстафьев связывает это с тем, что поселяне-раскольники, которых в этих округах было очень много, не хотели переходить на жительство в новые дома⁷⁸⁶. На самом деле, это была не уступка раскольникам, а чисто хозяйственная мера, связанная с дороговизной обустройства округов. Вместе со значительным сокращением объемов строительства жилья, было принято решение об отказе от возведения ротных штабных комплексов. Вместо них использовались либо крестьянские избы, либо дома-связи, построенные по «крестьянскому образцу».

На строительстве ротных поселков использовались военно-рабочие батальоны, сформированные из специально отобранных рекрутов. По штатному расписанию, в батальоне числилось 480 мастеровых 1-го и столько же 2-го классов⁷⁸⁷. В 1818 г. А.А. Аракчеев утвердил «Наставление для партионных офицеров» по отбору и препровождению рекрутов, владеющих основными строительными профессиями⁷⁸⁸. Первоначально приглашались вольные квалифицированные мастера, которые должны были ускорить работы, а также «приучить к таковому мастерству... казенных лю-

⁷⁸⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 54. – Л. 390.

⁷⁸⁵ Карцов П.П. О военных поселениях при графе Аракчееве // Русский вестник. – 1890. – №3. – С. 83.

⁷⁸⁶ Евстафьев П.П. Восстание военных поселян... – С. 106.

⁷⁸⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 7. – Л. 89.

⁷⁸⁸ Там же. – Д. 30. – Л. 506-511.

дей»⁷⁸⁹. Для командования это было вынужденной мерой, поскольку заработная плата вольного мастера достигала 200 руб. в месяц. На так называемых валовых, неквалифицированных работах использовался труд солдат пехотных и гренадерских полков, а также артиллерийских бригад гренадерской и полевой артиллерии. Работы продолжались, как правило, с мая по октябрь включительно, когда здание отстраивалось «вчерне». Отделочные работы производились военно-рабочими батальонами и артиллерийскими ротами круглогодично.

После полной застройки каждая рота принималась комитетом полкового управления и тогда же определялись основные дефекты, допущенные во время строительства. Для их устранения устанавливался, обычно, двухгодичный срок, после чего все ротные постройки поступали на так называемое «ремонтное содержание»⁷⁹⁰. Средства на ремонт выделялись большей частью из заемного капитала и частично из сумм военных поселений. Ремонтные работы производились либо поселянами, либо мастеровыми полуротами с оплатой за проделанную работу. Поскольку требования по содержанию домов, ротных строений и улиц в надлежащем виде были достаточно высокими, поселянам-хозяевам приходилось затрачивать на это значительное количество времени и средств.

В 1830 г. «Комитет о строениях» под председательством генерал-майора А.Я. Фабра продолжил уменьшить ремонтные суммы на каждую роту с 3,5 тыс. руб. до 1229 руб. и все издержки возложить на поселян-хозяев, за исключением окраски крыш. В результате, каждый из них должен был ежегодно вносить в счет ремонтных сумм по 3,5 руб., поскольку считалось, что эта повинность «незначительна в соразмерности дарованных им выгод»⁷⁹¹.

Командование военных поселений особую заботу проявляло о строительстве комплексов полковых штабов. Для разработки их проектов были привлечены известные архитекторы – В.П. Стасов, Л. Руско, Т. Дюбю, военные инженеры Л.Л. Карбоньер, А.Я. Фабр, Ф.И. Рерберг и другие. Впервые в практике строительства зданий и сооружений подобного типа был разработан типовой проект застройки целого комплекса,

⁷⁸⁹ Там же. – Д. 469. – Л. 147.

⁷⁹⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 176. – Л. 188-253.

⁷⁹¹ Там же. – Оп. 2. – Д. 847. – Л. 86.

включающего ряд административных, жилых и хозяйственных построек.

Полковой штаб представлял собой обширную группу кирпичных весьма выразительных и простых по архитектуре зданий, расположенных по периметру громадного прямоугольного плаца площадью 5 га (250 x 200 м). Центральным сооружением каждого такого комплекса было здание экзерциргауза с двумя боковыми флигелями и церковью. В инженерном плане строительство экзерциргауза представляло собой очень сложную задачу, поскольку его размеры составляли 151 x 34 м⁷⁹². Перекрытие было сконструировано А.Я. Фабром и состояло из кессонированных подвесных потолков. Здание церкви было максимально упрощено по своим конструктивным решениям. Единственным исключением являлась церковь в округе гренадерского графа Аракчеева полка (д. Селищи). Здесь она была больших размеров с трехпролетным базиликальным планом, пятью колонами и антами. Во время больших торжественных служб вместимость церкви могла увеличиваться за счет примыкавшего экзерциргауза, куда вели три двери.

Для написания иконостасов В.П. Статсов привлек известных художников того времени – С.А. Бессонова, А.Е. Яковлева, А.Е. Егорова и других. Работу художников курировал президент Академии художеств А.Н. Оленин. По мнению В.И. Пилявского, композиционное решение этих иконостасов не отличалось особой оригинальностью⁷⁹³.

Боковые флигели предназначались для размещения в них госпиталя и учебного (позже – резервного) батальона. Все это комбинированное сооружение, общей длиной 264 м, занимало короткий фас плаца. По периметру плаца отстраивались жилые дома для офицеров и командира полка, здание комитета полкового управления и кордегардия с башней. Такой типовой комплекс включал 9 зданий и центральное сооружение – экзерциргауз, на строительство которого отводилось четыре года⁷⁹⁴.

Быстрые темпы строительства, всемерная экономия диктовали авторам проектов необходимость поиска таких приемов архитектурной выразительности зданий, которые не требовали

⁷⁹² К примеру, здание Манежа (Центральный выставочный зал) в г. Москве имеет чуть большие размеры: 166 x 45 м.

⁷⁹³ Пилявский В.И. Указ. соч. – С. 134.

⁷⁹⁴ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 490. – Л. 44.

больших затрат и в то же время гарантировали необходимую «репрезентативность» застройки. Именно с этой целью архитекторы применили простые приемы, например, ложную аркатуру, контрастные цветовые решения строительных материалов (красный кирпич, белые детали архивольта, тяги), добиваясь выразительного облика зданий, созданных без особых затрат на отделку фасадов. Сметная стоимость одного такого штабного комплекса составляла 2,5 млн. руб. ассигнациями.

В поселениях кавалерии строились лишь отдельные крупные сооружения в местах расположения полковых и дивизионных штабов в городах Вознесенске, Чугуеве, Новомиргороде и др. Здания госпиталей, лазаретов и конных заводов отстраивались по особым проектам с использованием местных строительных материалов.

Так же, как и в случае с ротными поселками, первым начал возводиться штабной комплекс гренадерского графа Аракчеева полка в д. Селищи на правом высоком берегу реки Волхова. Планировочные и подготовительные работы были проведены в 1818 г., а строительство фундамента и стен эскерциргауза началось в июне 1819 г.⁷⁹⁵ Перекрытия для него выполнялись под руководством генерал-майора Л.Л. Карбоньера, который принимал участие в проектировании и строительстве Московского манежа. Производителем работ был назначен инженер-капитан К.Ф. Детлов, который руководил строительством этого комплекса вплоть до его окончания. Примечательно, что за эту работу ему было высочайше пожалован «пожизненный пенсион» в 2 тыс. руб., чего удостоивались немногие заслуженные генералы. Штабной комплекс гренадерского графа Аракчеева полка был закончен, в основном, к 1826 г. Во время Великой Отечественной войны здание эскерциргауза сильно пострадало и позже не восстанавливалось. Остальные сооружения были полностью уничтожены.

К 1828 г. был закончен штабной комплекс гренадерского короля Прусского полка (д. Муравьи), который располагался несколько выше по течению р. Волхова от штаба гренадерского графа Аракчеева полка. К настоящему времени он полностью разрушен и сохранились лишь некоторые фрагменты фундамента эскерциргауза и механической прачечной. Во время Великой Отечественной войны был полностью разрушен и не сохранился

⁷⁹⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 471. – Л. 484.

штабной комплекс карабинерного Баркляя де Толли полка в с. Коростынь.

В таком же архитектурном стиле, лишь с некоторыми вариациями размеров и расположения зданий, в 1822-1823 гг. были заложены и к началу 1830-х гг. окончены штабные комплексы, которые сохранились до нашего времени – гренадерского императора Австрийского (д. Кречевицы, производитель работ полковник Акерман) и гренадерского наследного принца Прусского (д. Новоселицы, производитель работ генерал-майор Волков) полков.

В 1823 г. началось строительство единого штабного комплекса для 1-го и 2-го карабинерных полков в с. Медведь. По своим масштабам он несколько превосходил подобные сооружения в округах гренадерских полков. Учитывая объемы строительных работ и сложность решения некоторых инженерных задач, начальником работ здесь был назначен бывший Директор работ в военных поселениях генерал-майор А.Я. Фабр⁷⁹⁶. Этот штабной комплекс сохранился частично и используется для расквартирования войск.

Единственный комплекс полкового штаба во 2-ой гренадерской дивизии начал возводиться в 1826 г. в г. Старой Руссе и предназначался для Киевского гренадерского полка. В связи с радикальными изменениями в проекте (главное здание расчленилось на отдельные сооружения), в 1827 г. был разобран уже готовый фундамент⁷⁹⁷. Комплекс был завершен в 1830-е гг. и до наших дней сохранилась лишь цокольная часть, по-видимому, экзерциргауза. В настоящее время здесь располагаются подсобные помещения механического завода.

В г. Старой Руссе также было построено здание дивизионного штаба (архитектор Шаттен), в котором сейчас находятся всевозможные городские учреждения, а также дом для дивизионного командира⁷⁹⁸. Здание штаба Гренадерского корпуса в г. Новгороде (располагалось на Торговой стороне) составляло в XIX в. одну из достопримечательностей города.

Кроме зданий центральной части застройки в полковой комплекс входили кирпичные здания конного завода и завода рогатого скота, полковых лавок, дом для мастеровой полуроты и

⁷⁹⁶ Там же. – Д. 151. – Л. 363.

⁷⁹⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 168. – Л. 18.

⁷⁹⁸ Там же. – Д. 191. – Л. 36.

т.п. Часть построек была из дерева – госпитальные службы, пожарные сараи, цейхгаузы и т.п. В комплекс входили также шоссированные дороги, бульвары, водопропускные и другие инженерные сооружения. Выбор и съемки местности для большинства построек производились под руководством свиты е.и.в. по квартирмейстерской части полковника Д.Т.Паренсова⁷⁹⁹. В связи с высокой степенью заболоченности местности и близостью к поверхности грунтовых вод на каждой из будущих строительных площадок производились значительные дренажные работы. Специфика расположения и функционирования зданий требовала развитой инфраструктуры подземных коммуникаций для стока воды и нечистот, а также вытягивания сырости из цокольных этажей. Утрата в настоящее время большей части этих коммуникаций приводит к порче и разрушению сохранившихся зданий.

Отдельные здания и сооружения принимались в ведение комитета полкового управления по мере завершения работ на них. Так же, как и при приемке ротных зданий, выявлялись дефекты и недостатки, устанавливались сроки их ликвидации. После этого они поступали «на ремонтное содержание», которое осуществлялось исключительно на средства военных поселений. Для проведения ремонтных работ в каждом полку формировалась мастеровая полурота. К 1831 г. они были сформированы только в округах графа Аракчеева и короля Прусского полков.

Из крупных построек, находившихся в ведении военных поселений и построенных в указанный период, необходимо также назвать «Путевой дворец», построенный по проекту В.П.Стасова в 1825-1828 гг. в с. Коростыне. Здание неплохо сохранилось (начало 1990-х гг.), включая и верхнюю деревянную часть, утрачены только боковые флигели. В этом доме особенно красива лоджия с чугунной изящной балюстрадой (выполнена по чертежам М.Е.Кларка в 1827 г. на С.-Петербургском чугунолитейном заводе) и мощными деревянными дорическими колоннами (высота – 3,5 м, толщина – 0,6 м), увенчанными деревянными капителями.

В 1824 г. в С.-Петербурге, на углу Литейного проспекта и Кирочной улицы (ныне – улица им. М.Е.Салтыкова-Щедрина) было построено здание штаба отдельного Корпуса военных поселений. Работами руководил инженер-подполковник кн.

⁷⁹⁹ Там же. – Оп. 1. – Д. 482. – Л. 298.

А.Н. Вадбольский, получивший за это орден св. Анны 2-ой степени. Хочется еще раз напомнить, что, к сожалению, все сохранившиеся здания, находившиеся в ведении военных поселений, до настоящего времени не взяты под охрану государства.

Большинство строительных материалов добывалось и изготавливалось в самих военных поселениях. На случай непредвиденных обстоятельств (плохая погода, отсутствие достаточного количества транспорта) ежегодно создавался их небольшой резерв. При строительстве штабных комплексов использовался только кирпич-железняк или, в крайнем случае, красный. В качестве раствора использовалась смесь гашеной извести и песка в пропорции 1:1. Известь добывалась в больших количествах в районе с. Свиноорды на р. Шелони⁸⁰⁰. Строительный лес заготавливался, большей частью, в лесных дачах, принадлежавших округам военных поселений и сплавлялся к местам строительства по рекам. Незначительная его часть вывозилась по зимнику конно-рабочими командами и военными поселенцами. Наибольший размах строительных работ приходится на так называемый «аракчеевский» период истории военных поселений. После 1827 г. темпы и объемы строительства значительно сокращаются. Это было связано с изменением курса правительства Николая I в отношении военных поселений, главной целью которого становится максимальное снижение затрат и быстрый перевод армейских подразделений на самообеспечение продовольствием и фуражом.

Значительные масштабы работ и заготовка строительных материалов потребовали радикального решения транспортных проблем. В 1819 г. был построен и поступил в эксплуатацию буксирный пароход «Военный поселенин», который мог одновременно проводить 2 бота или 4-6 семериков. Боты использовались для перевозки известковой плиты, а семерики – извести⁸⁰¹. Скорость судна с буксиром составляла по течению 9, а против течения – 6,5 верст в час. Грузоподъемность каждого бота составляла 817, а семерика – 210 бочек⁸⁰² (бочка – около 490 кг). Рейс от с. Свиноорда до д. Селищи и обратно с погрузкой и разгрузкой продолжался до 14 суток. Провод этих же судов

⁸⁰⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 469. – Л. 68.

⁸⁰¹ ЦГИАК Украины. – Ф. 1353. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 87.

⁸⁰² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 481. – Л. 358-359.

бечевой занимал 30-35 суток. Двигатель парохода состоял из двух машин номинальной мощностью 12,5 л. с. каждая.

Пароход и транспортные суда обслуживали две роты 5-го ластового экипажа Балтийского флота под командованием капитан-лейтенанта Измайлова⁸⁰³. Регулярная проводка судов началась в августе 1819 г. По сведениям Э.Г.Истоминой, в этом регионе пароходы, которые принадлежали бы государству или частным лицам, в первой половине XIX в. не эксплуатировались, а «Общество пароходства по Волхову» возникло только в 1857 г.⁸⁰⁴

Для быстрой и удобной погрузки судов на оз. Ильмень в районе д. Устрики в 1819 г. под руководством инженер-майора Ф.И. Рербера была построена пристань. Это было весьма сложное в инженерном отношении сооружение, имевшее внутренний рейд для предохранения судов от сильных штормов при северо-западных ветрах. Другая пристань находилась в 1,5 верстах от первой и состояла из наплавных понтонов, жестко соединенных друг с другом. Конструкция этой пристани была неудачной, поскольку частые осенние шторма разрушали крепления и разбрасывали плоты. Общая стоимость флотилии и пристаней составила 140,8 тыс. руб. ассигнациями⁸⁰⁵. Однако, эти значительные затраты были оправданы тем, что, например, стоимость кубической сажени плиты снижалась по сравнению с рыночной со 150 до 43 руб., а извести – с 95 до 32 коп. за полубочку⁸⁰⁶. Кроме того, на основании рескрипта на имя Д.А. Гурьева от 5 июля 1819 г., «... с тех строительных материалов, кои приготовлены солдатами в разных местах по Новгородскому уезду и с открытием навигации сплаваться будут по р. Волхову и р. Вишере в округах военных поселений 1-й гренадерской дивизии, взимание пошлины ... отменено»⁸⁰⁷.

Возьмем на себя смелость утверждать, что именно в Новгородских военных поселениях впервые в России была предпринята и реализована попытка организации регулярных пассажирских перевозок. С этой целью в 1824 г. был построен пассажирско-буксирный пароход «Волховский», который, начи-

⁸⁰³ Там же. – Д. 497. – Л. 208.

⁸⁰⁴ Истомина Э.Г. Водный транспорт России в дореформенный период. – М., 1991. – С. 41-62.

⁸⁰⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 469. – Л. 167.

⁸⁰⁶ Там же. – Л. 168.

⁸⁰⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 481. – Л. 82.

ная с навигации 1825 г., совершал регулярные рейсы от Новгорода вниз по Волхову до Новой Чудовской дороги и обратно. Расстояние в 70 верст он преодолевал вниз по течению за 10 часов, а обратно – за 11,5 часов. Двигатель парохода был построен на заводе Ч. Берда, который в 1817 г. получил привилегию на монопольное «применение паровых судов на 10 лет по всем крупнейшим судоходным рекам Европейской России»⁸⁰⁸. Он состоял из двух машин номинальной мощностью 75 л. с. каждая. Длина парохода (по палубе) составляла 30,5, ширина – 5,4 метра. Затраты на его строительство составили 83 тыс. руб. Команда парохода состояла из капитана, механика, унтер-офицера и десяти матросов. Кроме перевозки пассажиров, пароход мог буксировать 12-15 груженых «тихвинок». Высокая плата за проезд (для генералов и штаб-офицеров – 2,0, обер-офицеров – 1,60 руб. и нижних чинов – 80 коп.) давала довольно значительную ежегодную прибыль в 8-9 тыс. руб.⁸⁰⁹

В 1825-1826 гг. для военных поселений, расположенных в Старорусском уезде, было построено 20 семериков и 12 «тихвинских лодок» общей стоимостью 23 тыс. руб.⁸¹⁰ Тогда же для соединения водных путей 1-й и 2-й гренадерских дивизий (также на заводе Ч.Берда) был построен пассажирско-буксирный пароход «Ильменский», который курсировал от г. Старой Руссы (в мелководье – от д. Кривое Колено) до Новгорода и расстояние в 80 верст проплывал за 8 часов. Сделав пересадку в Новгороде, пассажир мог плыть дальше, вниз по течению Волхова, вплоть до округа графа Аракчеева полка.

Большое значение в округах военных поселений придавалось строительству и ремонту дорог с твердым покрытием и связанных с ними инженерных сооружений – мостов, водоводов, паромов и т.п. В 1820 г. было утверждено специальное «Положение о содержании в исправности дорог в округах военных поселений»⁸¹¹, согласно которому все внутренние дороги военных поселений разбивались на участки, за содержание в исправности каждого из которых отвечала конкретная рота или эскадрон. Персональная ответственность за состояние дорог в

⁸⁰⁸ Истомина Э.Г. Водный транспорт России в дореформенный период... – С. 47.

⁸⁰⁹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 186. – Л. 555.

⁸¹⁰ Там же. – Д. 407. – Л. 706.

⁸¹¹ Там же. – Д. 78. – Л. 14-44.

округе возлагалась на командира поселенного батальона или командира поселенных эскадронов.

Все ротные поселки 1-й гренадерской дивизии были соединены между собой шоссейными дорогами шириной 4 сажени. Все они были связаны с государственным шоссе Москва-Петербург. На особом контроле и положении находились так называемые «военные дороги», которые прокладывались по обеим сторонам бульвара и вели от главной магистрали к центру полкового штаба. Ширина их составляла 7 саж. и предназначались они только для пешего передвижения. Многие транспортные коммуникации в военных поселениях, особенно в округах пехоты, по своим технико-эксплуатационным данным приближались к лучшим европейским образцам того времени.

Наличие хороших дорог позволило наладить в округах 1-й гренадерской дивизии регулярные рейсы дилижансов для перевозки офицеров из одного округа в другой. Хуже обстояло дело с транспортными коммуникациями в округах 2-й гренадерской и гренадерской артиллерийских дивизий и, особенно, в округах кавалерии. Здесь, как правило, эксплуатировались старые тракты, которые не имели твердого покрытия. Так, например, через округа 2-го резервного поселенного кавалерийского корпуса (Слободско-Украинская губ.) проходили такие важные торговые пути, как: Харьков-Чугуев-Белгород, Воронеж-Новочеркасск-Ростов («Черкасский шлях»), Азов-Таганрог-Острожск («Гетьманский шлях») и другие⁸¹².

Значительное по своим масштабам строительство велось в военных поселениях только в период царствования императора Александра I, когда А.А. Аракчеев, увлекавшийся вопросами строительства и внедрения технических новинок, непосредственно опекал этот сектор экономики военных поселений. После 1826 г. объемы строительных работ значительно сокращаются и, в основном, достраиваются ранее начатые объекты. А в округе 2-ой саперной бригады (Могилевская губ.) с 1827 г. строительные работы были вообще прекращены⁸¹³. Отказ правительства Николая I от массового строительства во 2-ой гренадерской и гренадерской артиллерийских дивизиях, а также в округах кавалерии сделал округа 1-й гренадерской дивизии уникальными в

⁸¹² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 3643. – Л. 83.

⁸¹³ Там же. – Л. 17 об.-18.

плане строительства жилья и штабных комплексов, не имеющих аналогов в других военных поселениях.

При новом царствовании сроки строительства отдельных сооружений удлинняются в 2-3 раза, но при этом значительно улучшается качество. Регулярные отчисления на ремонт зданий и сооружений позволяли поддерживать их в хорошем состоянии долгие годы. Трудно поэтому согласиться с М.И. Богдановичем, который утверждал, что все, построенное в военных поселениях., «было изящной декорацией и не заключало в себе ничего существенного, ничего прочного»⁸¹⁴. Вместе с тем, строительство велось почти полностью вне производственной сферы и, следовательно, большинство зданий и сооружений, за исключением ряда дорог, средств транспорта и ряда паровых заводов, не могут быть отнесены к средствам производства, поскольку они выполняли социальную функцию по расквартированию войск. Кроме того, строительные работы отвлекали значительные силы поселая, поскольку они весьма часто привлекались к транспортировке материалов и инструментов.

Отказавшись от «классической» формы военных поселений и проведя их коренную реорганизацию в первой половине 1830-х гг., правительство Николая I вернулось к старой системе рекрутских наборов и постоянной повинности. В связи с этим на Департамент военных поселений были возложены обязанности не только поддерживать ранее построенные объекты и вводить новые в округах, но и курировать все строительные работы в армии, включая крепости. В связи с этим, предметом специального изучения может стать вопрос об участии корпуса инженеров военных поселений в застройке таких городов, как Москва, Киев, Новгород, Ярославль, Калуга, Харьков и ряда других. В городах военных поселений, а также в Новгороде были образованы специальные строительные комитеты, без разрешения которых «...ни частное, ни казенное строение в городе не может быть возведено вновь или старое исправлено...»⁸¹⁵

В 1830-е – 1850-е гг. крупномасштабное строительство в военных поселениях не велось. Все внимание в этой сфере было сосредоточено на своевременном ремонте зданий и сооружений.

⁸¹⁴ Богданович М.И. История царствования императора Александра III... – Т. V. – С. 366.

⁸¹⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 290.

Строительные материалы заготавливались по-прежнему хозяйственным способом, что позволяло экономить до 400 и более тысяч рублей серебром в год. В отдельные годы эта сумма была весьма значительной. Так, например, по нашим данным, в 1839 г. за счет эксплуатации дешевого труда солдат и военных поселян разница между рыночной стоимостью всех заготовленных материалов и инструментов и их себестоимостью составила 1,4 млн. руб. ассигнациями⁸¹⁶. По нашим подсчетам, только за период с 1836 по 1855 г. за счет этого было сэкономлено 5,2 млн. руб. серебром.

Наибольшее количество строительных материалов заготавливалось в Украинских военных поселениях и округах пахотных солдат. Широко использовались местные строительные материалы. Так, например, в округах 2-й кирасирской дивизии несколько манежей были выстроены из мелового камня. По свидетельству современников, они были достаточно прочными и весьма удобными в эксплуатации⁸¹⁷. В округах 2-й уланской дивизии в большом количестве добывался бутовый камень для закладки фундаментов. Немаловажным является и тот факт, что часть средств на ремонт зданий поступала от продажи хлеба, собранного с общественной запашки⁸¹⁸.

Продолжалась эксплуатация пассажирских и буксирных пароходов. В 1836 г. первая половина 5-го ластового экипажа, которая обслуживала суда военных поселений, была преобразована в четыре военно-рабочие роты, которые были выведены из подчинения Морскому министерству и переданы в ведение Департамента военных поселений⁸¹⁹. В состав флотилии в это время входили: 3 парохода, 6 ботов, 43 семерика и 17 перевозных лодок⁸²⁰.

После подавления восстания военных поселян в 1831 г. было принято решение об отселении пахотных солдат из занимаемых ими ротных поселков «на вновь отводимые места». Николай I, в основном, согласился с планом переселения, но потребовал, чтобы заново возводимые селения не были слишком маленькими (не менее 30 дворов) и располагались как можно ближе к Волхову. Казна помогла переселенцам

⁸¹⁶ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 202. – Л. 135-140.

⁸¹⁷ Там же. – Оп. 2. – Д. 1. – Л. 290; Д. 3643. – Л. 45.

⁸¹⁸ Там же. – Оп. 10. – Д. 54. – Л. 41-42.

⁸¹⁹ Там же. – Д. 1742. – Л. 115.

⁸²⁰ Там же. – Оп. 2. – Д. 10964. – Л. 12-13.

строительными материалами, но сама постройка домов и перевоз хозяйства осуществлялись за счет пахотных солдат⁸²¹. Дома «крестьянского образца» строились по единому плану и их возведение закончилось только к концу 1840-х гг. Старые дома-связи

в начале 1850-х гг. были полностью уничтожены, а пригодные строительные детали отданы пахотным солдатам. По данным Департамента военных поселений, к середине 1850-х гг. было перестроено селений: в округах пахотных солдат – 625, в округах кавалерии – 306.

Содержание в исправном состоянии зданий волостных управлений, а также дорог внутри округов осуществлялось из сумм заемного капитала. Материалы к местам строительства и ремонта доставлялись конно-рабочими командами и нарядами военных поселян и пахотных солдат. Новые дома в округах Новороссийских военных поселений с 1840-х гг. строились только для переселенцев из округов Киевской и Подольской губерний⁸²².

В военных поселениях большое внимание уделялось разведению и сохранению лесов, поскольку именно они являлись основным строительным материалом и топливом. Если в 1826 г. в округах поселений пехоты насчитывалось 213.756 дес. леса, а в округах кавалерии – 69.633 дес., то к 1850 г. за счет разведения и приобретения в округах пахотных солдат было 261.331 дес., а в округах кавалерии – 127.376 дес.⁸²³

Информация о военных поселениях, таким образом, сохранилась не только в многочисленных письменных источниках той эпохи, они также нашли отражение и в материальных объектах – зданиях и сооружениях, – которые частично сохранились до наших дней. Попытка создания регулярных военных жилых городков (ротных и эскадронных поселков) и штабных комплексов осуществлялась вне реформирования всей системы обеспечения армии постоянными местами расквартирования (казарменное положение), поэтому она была обречена на неудачу. Правительство и командование поселениями постоянно сбились на более дешевую постоянную повинность за счет

⁸²¹ Там же. – Оп. 4. – Д. 5236. – Л. 17 об.-18.

⁸²² РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 1795. – Л. 6-7.

⁸²³ Там же. – Д. 810. – Л. 89 об.

обывателей, которая позволяла экономить значительные средства.

Однако, даже то, что было сделано за 40 лет существования военных поселений в области строительства и транспорта, необходимо признать весьма существенным фактом и заслуживающим внимательного изучения. Ведь именно в области строительства в округах военных поселений в условиях государственно-феодальной собственности стали возможны элементы планирования производства, что позволяло возводить объекты в столь короткие сроки. Впервые на строительных работах были применены большие массы войск, что значительно их удешевило. Правильная организация ремонта и эксплуатации позволила сохранить некоторые здания штабных комплексов до наших дней.

* * *

Подводя итоги анализа хозяйственной структуры и давая общую оценку экономики военных поселений, необходимо отметить, что при всей автаркичности они не смогли остаться вне общей социально-экономической структуры государства. Именно в военных поселениях в значительной степени проявились черты государственного феодализма, в рамках которого осуществлялись специфические отношения между государством и военно-земледельческим сословием.

За время существования военных поселений модель поселянского хозяйства, которая в округах пехоты и кавалерии имела значительные отличия, неоднократно изменялась, что не могло не отразиться на динамике ее развития. Правительство, учитывая конкретную обстановку и накопленный опыт, стремясь в первую очередь решить задачу перевода как можно большего количества войск на самообеспечение продовольствием и фуражом, вынуждено было постоянно идти по пути либерализации экономических отношений в системе военных поселений. И хотя основные показатели экономической деятельности в военных поселениях и округах пахотных солдат, особенно на последнем этапе их истории, были выше, чем у остальных категорий крестьянства, все это достигалось чрезмерным напряжением сил, поскольку дополнительные повинности поселян и пахотных солдат были несравненно большими, чем у других категорий податного населения.

Специфика административной системы военных поселений заключалась в том, что она сочетала, с одной стороны, организацию разнообразной помощи военным поселенцам денежными и другими ссудами, внедрение передовой агротехники, способствующей интенсификации производственного процесса, а, с другой, всеохватывающий контроль, опеку над всеми сторонами жизни, которые сковывали экономическую инициативу, не позволяли раскрыть все потенциальные возможности данной модели хозяйства (в кавалерии – это не что иное, как коллективное хозяйство, основанное на родственных отношениях).

Более высокий исходный экономический уровень в округах кавалерии, а также отсутствие значительной структурной ломки хозяйства позволяли довольно быстро перейти на самообеспечение поселенных войск продовольствием и фуражом, которое, в большей или меньшей степени, осуществлялось вплоть до их ликвидации. Динамика данного процесса свидетельствует, что в неурожайные годы это была очень тяжелая обязанность, даже если осуществлялась помощь со стороны государства. Стимулирование экономической деятельности в округах кавалерии осуществлялось, как правило, за счет больших площадей наделных земель, а также широких возможностей для развития товарного животноводства. Пахотные солдаты, у которых натуральные повинности были заменены денежным оброком, были вынуждены искать дополнительные источники пополнения семейного бюджета, что значительно активизировало отходничество и мелкооптовую торговлю.

В результате имущественной дифференциации происходит ухудшение материального положения значительной массы военных поселенцев и пахотных солдат, что было неизбежно при развитии товарно-денежных отношений и первоначальном накоплении капитала. Тенденции к снижению уровня земледелия и общего ухудшения положения крестьянства, начиная с 1840-х гг., отмечаются и другими исследователями⁸²⁴. Эти тенденции в округах военных поселений и пахотных солдат иллюстрируются

⁸²⁴ Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство... – С. 381; Милов Л.В. Парадокс хлебных цен и характер аграрного рынка в России в XIX веке // История СССР. – 1974. – №1. – С. 58; Федоров В.А. Помещичьи крестьяне... – С. 116.

снижением насыщенности хозяйств скотом, падением душевых сборов хлебов, ростом всевозможных повинностей и недоимок.

Все эти факторы не только ограничивали рост производительных сил в военных поселениях, но и сдерживали развитие уже складывающегося мелкотоварного производства, которое в условиях режима военных поселений объективно не могло перерасти в капиталистическое. Следовательно, ликвидация военных поселений и округов пахотных солдат была предопределена несовместимостью существовавшего в них режима с намерениями Александра II, вынужденного считаться с объективным ходом исторического развития и все более решительно вставать на путь буржуазных преобразований.

Глава VI. ЛИКВИДАЦИЯ ОКРУГОВ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ И ПАХОТНЫХ СОЛДАТ

К середине XIX в. в округах военных поселений и пахотных солдат проживало около 800 тыс. душ обоего пола, которые находились под юрисдикцией Военного министерства. Находясь в крепостной зависимости от государства, военные поселяне и пахотные солдаты испытывали на себе значительно большее внеэкономическое принуждение, чем другие категории податного населения страны. Методы военного управления исчерпали себя, поскольку задачи военных поселений и их хозяйственная структура в середине 1850-х гг. существенно отличалась от первоначальных замыслов их создателей. Поэтому и было принято решение о ликвидации округов военных поселений и самого военно-земледельческого сословия. Начало этому процессу было положено еще в период правления Николая I.

В 1850 г. военные поселения на Кавказе – Ларское, Нальчикское, Железноводское и Грозненское – были причислены к Кавказскому линейному казачьему войску. Жители находив-

шихся в Закавказье Тифлисского и Шемахинского военных поселений в 1851 г. были обращены в сословие мещан, а Джелал-Оглинское, Гергерское и Привольское переданы в ведение Министерства государственных имуществ⁸²⁵. В пяти оставшихся в Закавказье военных поселениях проживало около 1,5 тыс. душ обоего пола (см.: Табл. 75).

Подводя итоги двадцатилетнему существованию военных поселений, наместник на Кавказе Н.Н.Муравьев (Карский) в отношении к военному министру Н.О.Сухозанету от 19 июля 1856 г. писал: «На опыте оказалось, что желая достигнуть одним учреждением двух разнородных предметов, мы не достигли военными поселениями ни одной из предположенных целей: поселения не только не оберегли границ и сообщений, но сами требовали войск для своей обороны и не только не могли достигнуть того благосостояния в земледелии, торговле и промышленности, которого от них ожидали и которое могло бы служить примером для туземцев, но едва только в состоянии были бедно существовать»⁸²⁶.

В июле 1857 г., рассмотрев предложения, подготовленные Кавказским комитетом, Александр II предписал оставшиеся в Закавказье военные поселения «передать в гражданское ведомство в заведование Экспедиции государственных имуществ за Кавказом»⁸²⁷. Поселяне, которые изъявили желание поступить на службу, зачислялись в войска с «зачетом двух лет, проведенных в поселении, за один год действительной службы»⁸²⁸. Все остальные поселяне получали права немецких колонистов; надзор за поселениями сохранялся в лице смотрителей. Бывшим поселянам были предоставлены льготы в приобретении имущества и устройства различных «экономических заведений», они были также освобождены «от податей и денежных повинностей на 8 лет». Вопрос о рекрутской повинности оставался открытым, поскольку она не существовала в Закавказском крае⁸²⁹.

Крымская война несколько задержала процесс ликвидации военных поселений, поскольку округа кавалерии были базой

⁸²⁵ Ячменихин К.М. Ликвидация военных поселений в России в конце 50-х – начале 60-х годов XIX столетия // Буржуазные реформы в России второй половины XIX века. – Воронеж, 1989. – С. 30.

⁸²⁶ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 8743. – Л. 1.

⁸²⁷ Там же. – Л. 72.

⁸²⁸ Там же. – Л. 74.

⁸²⁹ Там же. – Ф. 731. – Оп. 1. – Д. 43. – Л. 13.

Глава VI. ЛИКВИДАЦИЯ ОКРУГОВ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ И ПАХОТНЫХ СОЛДАТ снабжения действующих войск продовольствием и лошадьми. В 1856 г. правительство Александра I решило вернуться к данному вопросу и начать массовую ликвидацию округов военных поселений и пахотных солдат. Еще в 1849 г. при подготовке отчета по военным поселениям за период двадцатипятилетнего правления Николая I было отмечено, что «...сколь не казались эти виды (цели учреждения военных поселений – К.Я.) благотворительными, основание военных поселений на означенных началах не могло осуществиться. Последствия многих лет доказали, что два состояния – военное и земледельческое, по обширным обязанностям каждого, в одном лице соединить невозможно, и что преобразования, вводимые в управление поселен, были даже чужды обычаям и правам народным»⁸³⁰.

В августе 1856 г. военный министр Н.О. Сухозанет на основании распоряжения императора отдал приказ директору Департамента военных поселений генерал-лейтенанту А.И. Веригину разработать мероприятия по передаче округов пахотных солдат в ведение Министерства уделов. Предписывалось также передать сюда же капиталы этих округов и перевести недоимки оброка, взимаемого с пахотных солдат. Здания и сооружения, где были расквартированы войска, оставались в ведении Военного министерства. Город Старая Русса выводился из подчинения военному ведомству⁸³¹. Одновременно, в Министерстве уделов началась подготовка к приемке округов. С этой целью министр граф Л.А. Перовский командировал в округа пахотных солдат статского советника Неклюдова «для проведения предварительного обозрения помянутых округов ...»⁸³²

21 сентября 1856 г. высочайшим указом Правительствующему Сенату предписывалось: «Признав за благо передать округа пахотных солдат в Новгородской, Витебской и Могилевской губерниях в ведомство Министерства уделов, с устройством сих округов на общих основаниях устройства удельных имений, повелеваем привести эту меру в исполнение посредством министерств – Военного и Уделов»⁸³³. Обращает на себя внимание тот факт, что в прошлом в большинстве своем государственные крестьяне передавались не в Министерство государственных имуществ, а в Министерство уделов и

⁸³⁰ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 917. – Л. 26.

⁸³¹ Там же. – Оп. 4. – Д. 8821. – Л. 6.

⁸³² Там же. – Л. 22.

⁸³³ ПСЗ-2. – Т. 31. – №30970.

причислялись к категории крестьянства, правовое положение которой было несколько хуже. Отчасти этот факт можно объяснить идентичностью структур и функций местного управления в округах пахотных солдат и имениях удельного ведомства. Несомненно также, что этим актом преследовалась цель увеличить доходы царской фамилии. Небезынтересным является и тот факт, что объявление указа о предполагавшейся реформе было приурочено, в частности в Новгородской губ., к 44-ой годовщине Бородинского сражения и преподнесено в виде особой «монаршей милости»⁸³⁴. Таким образом, официальные мотивировки как учреждения военных поселений, так и их ликвидации были идентичными.

План перевода пахотных солдат в удельное ведомство заключался в следующем. Часть из них (11.600 душ м. п.), проживавших в Новгородском уезде, «по смежности с удельными крестьянами», передавалась в управление Новгородской удельной конторы. Для остальных 48.800 душ (в том числе 1296 бывших крестьян Коростынской и Бурегской удельных вотчин) учреждалась особая удельная контора в г. Старой Руссе. Пахотные солдаты Витебского и Могилевского округов, «из коих в первом числится 6200, а в другом 4400 душ, подчинялись, по примеру Гдовского Ея Величества имения, каждый отдельному управлению под заведывание особых чиновников»⁸³⁵. В указанных округах вместо волостей были образованы приказы, «соображаясь с местными удобствами».

Планом мероприятий предполагалось, что передача округов пахотных солдат будет производиться поэтапно, начиная с округов бывшего Новгородского удела. По мере приема округов в гражданское ведомство вводилась новая структура управления, производились выборы голов и других лиц сельского управления «на основании существующих в удельном ведомстве правил». Постепенно перестраивалась и хозяйственная структура, куда относились также всевозможные денежные платежи, исполнение натуральных повинностей, отпуск лесных материалов и т.п. Учитывалось также, что форсированный переход от одних порядков управления к другим может вызвать возмущение и беспорядки в округах. Источники свидетельствуют, что

⁸³⁴ РГИА. – Ф. 515. – Оп. 1. – Д. 67. – Л. 108-108 об.

⁸³⁵ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 8822. – Л. 1-4.

пахотные солдаты в целом одобрительно встретили известие о переводе их в удельное ведомство. Однако, это не означает, что их реакция была везде однозначной. Так, например, в некоторых селениях бывшего 1-го округа крестьяне отказывались обрабатывать вводимые здесь общественные поля, которые в удельных имениях представляли собой не что иное, как барскую запашку в помещичьих владениях⁸³⁶.

Передачей округов пахотных солдат в Министерство уделов руководил их последний начальник генерал-майор В.И.Филиппович. Принимал округа член Департамента уделов статский советник Неклюдов. Общее руководство и контроль осуществлял Департамент военных поселений. В феврале 1857 г. началась передача округов бывшего Новгородского, а в марте – Старорусского уделов, а также Витебской и Могилевской губерний. Находившиеся в ведении штаба округов пахотных солдат паровые лесопильные заводы (как уже отмечалось выше, они были переданы в аренду), несколько мастерских по изготовлению посуды и черепицы были переданы в удельное ведомство. Контракты на аренду аннулировались и их продукция должна была передаваться Инженерному департаменту для «казенных работ в бывших округах», где сохранялось большое количество зданий военного ведомства. Одновременно в Департамент уделов передавались императорские «путевые дворцы» в Новгороде, Старой Руссе, с. Коростыне, на лесопильном заводе в д. Росья и в с. Медведь, а также типография Департамента военных поселений⁸³⁷.

В июне 1857 г. штаб округов пахотных солдат был упразднен и все делопроизводство по их передаче сосредоточилось во Временном дежурстве, созданном специально для этих целей в Старой Руссе. Штаб- и обер-офицеры, служившие в округах, частично переводились в армейские подразделения «по роду оружия», частично оставались за штатом. Окончательная ликвидация округов пахотных солдат произошла в октябреноябре 1857 г. Таким образом, вся процедура передачи округов продлилась около девяти месяцев и была завершена в довольно короткие сроки. В декабре 1857 г. были ликвидированы Временное дежурство и Департамент военных поселений⁸³⁸.

⁸³⁶ Дружинин Н.М. Указ. соч. – Т. 2. – С. 540.

⁸³⁷ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 8822. – Л. 260.

⁸³⁸ ПСЗ-2. – Т. 32. – №32555.

Параллельно с ликвидацией округов пахотных солдат шла подготовка к упразднению военных поселений кавалерии. В августе 1856 г. генерал-адъютант граф К.К.Ламберт после инспекционной поездки по ряду округов Новороссийских военных поселений во всеподданнейшем докладе писал, что «... 200 тыс. ревизских душ на пространстве более 2 млн. десятин земли, за исключением вторых четырех округов Украинских военных поселений, отбывают поголовно трехдневную повинность и не могут вполне обеспечить продовольствие войск, квартирующих в военных поселениях. Эта цифра ясно указывает, что большая часть этой огромной рабочей силы теряется от дурного распоряжения и не употребляется по назначению, т.е. на хлебопашество. И действительно, самая значительная часть рук ... употребляемы была на постройки, вновь возводимые, на ремонтное существование существующих и на обеспечение множества других посторонних предметов. Это зло так вкоренилось и развилось в военных поселениях, что большая часть рабочего летнего времени теряется в бесконечных постройках, дальних перевозках леса и проч.»⁸³⁹

Главный недостаток сохранявшейся в округах системы обеспечения войск продовольствием К.К.Ламберт видел в том, что значительная часть обедневших поселян-хозяев не могла удовлетворительно содержать солдат действующих и резервных эскадронов, а также строевых и подъемных лошадей. В связи с этим он предложил следующую схему преобразования округов поселения кавалерии (заметим, что речь не идет об их ликвидации): 1. Отделить окончательно поселенную часть от строевой, т.е. вывести округа поселения из подчинения корпусным командирам; 2. Узаконить четко фиксированную норму продовольствия и фуража на каждого постояльца и его лошадь, которые должны были поставлять в натуре поселяне-хозяева; 3. Ограничить до минимума общественные работы.

Александр II внимательно ознакомился с докладом и распорядился: «...составить Комитет под председательством шефа жандармов генерал-адъютанта князя В.А. Долгорукова, которому все это дело близко известно, из генерал-адъютанта графа Ламберта и других лиц по его выбору»⁸⁴⁰. В сентябре 1856 г. на

⁸³⁹ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 8828. – Л. 4-5.

⁸⁴⁰ Там же. – Л. 4.

основании доклада К.К. Ламберта (от 26 августа 1856 г.) Департамент военных поселений разработал мероприятия по реорганизации военных поселений кавалерии. Император согласился с основными положениями, но внес существенную корректировку: «Согласен, но иметь в виду передачу всего управления сих поселений Министерству государственных имуществ»⁸⁴¹. После этого реформа поселений кавалерии предполагалась только как переходная и достаточно краткосрочная мера, чтобы «преобразовать округа ... с целью обратить поселян к свободному сельскому хозяйству, применяясь к прочим податным сословиям»⁸⁴².

В ноябре 1856 г. был образован Комитет по преобразованию военных поселений кавалерии под председательством князя В.А. Долгорукова в составе: графа К.К. Ламберта, инспектора резервной кавалерии генерал-лейтенанта В.Ф. фон-дер-Лауница, директора Департамента военных поселений генерал-лейтенанта А.И. Веригина и генерал-провиантмейстера, действительного статского советника Булгакова. С апреля 1857 г. в работе Комитета принимал участие министр государственных имуществ М.Н. Муравьев.

Параллельно происходило реформирование резервной кавалерии. На ее базе создавался ряд кавалерийских корпусов в составе двух кирасирских дивизий каждый, которые были непосредственно подчинены военному министру. Все прочие уланские и гусарские кавалерийские дивизии были подчинены командующим соответствующих пехотных корпусов⁸⁴³.

К лету 1857 г. Комитетом было составлено «Положение о новом устройстве военных поселений кавалерии», в основу которого были положены главные принципы всеподданнейшего доклада К.К. Ламберта. 4 июня последовал высочайший указ Правительствующему Сенату, которым это «Положение» было утверждено и военные поселения кавалерии переименовывались в Южные поселения. Этим же указом предписывалось «учредить распоряжением военного министра Временный распорядительный комитет по устройству Южных поселений... Комитету состоять до 1859 г. в личном заведывании военного министра, а с 1 января 1859 г. поступить в личное заведывание министра го-

⁸⁴¹ Там же. – Л. 8.

⁸⁴² Там же. – Оп. 10. – Д. 1590. – Л. 46.

⁸⁴³ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 8828. – Л. 10-11.

сударственных имуществ»⁸⁴⁴. Председателем Временного комитета был назначен К.К.Ламберт.

В период подготовки к преобразованию округов военных поселений в среде поселян Украинских военных поселений упорно циркулировали всевозможные слухи об изменении их правового статуса. В связи с этим, в марте 1857 г. военный министр предписал начальнику Украинских военных поселений генерал-лейтенанту А.Б.Энгельгардту «...внушить кому следует из военных поселян сих округов, что до объявления высочайшей воли о преобразовании военных поселений, никаких перемен в прежних порядках не допускается и обратить по случаю наступления весны строжайшее внимание на то, чтобы в подведомственных ему округах военных поселений приняты были самые энергичные меры к тщательному и полному обсеменению как казенных, так и принадлежащих поселянам полей...»⁸⁴⁵ Понимая, что подобные слухи могут распространяться и в других поселениях, военный министр направил аналогичные предписания начальникам округов Новороссийских военных поселений, а также Киевской и Подольской губерний.

Как только император утвердил «Положение о новом устройстве военных поселений кавалерии», оно было срочно направлено в округа для ознакомления с ним военных поселян. Причем, как и в случае с пахотными солдатами, оно преподносилось как «даруемое им монаршей милостью постепенное облегчение в исполнении ими государственных повинностей»⁸⁴⁶. Командованию военных поселений было предложено рассмотреть вопрос «о будущем устройстве или упразднении разных существующих в поселениях хозяйственных учреждений, как-то: а) сельских школ, б) школ церковного пения, в) земледельческих школ и ферм, г) школы шелководства, д) школы садоводства, е) фельдшерской школы, ж) училища повивального искусства, з) коновальских школ, и) учреждения общественных жеребцов и бугаев, к) племенных стад, л) пасек, м) шелковичных и табачных плантаций и н) механической мастерской со всеми имеющимися в поселениях молотильными и другими механиче-

⁸⁴⁴ Там же. – Оп. 10. – Д. 1660. – Л. 12-12 об.

⁸⁴⁵ Там же. – Оп. 4. – Д. 8828. – Л. 84.

⁸⁴⁶ ЦГИАК Украины. – Ф. 445. – Оп. 1. – Д. 207. – Л. 2-2 об.

Глава VI. ЛИКВИДАЦИЯ ОКРУГОВ ВОЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ И ПАХОТНЫХ СОЛДАТ
скими машинами»⁸⁴⁷. При этом предполагалось, что если посе-
ляне захотят оставить что-либо из перечисленного, то они
должны будут содержать это за собственный счет.

Во второй половине 1857 г. в поселениях начались выбо-
ры сельских управлений, которыми заменялись окружные коми-
теты. Определялись нормы наделения сельских обществ
податной землей, нарезались резервные земли, которые остава-
лись после наделения установленной нормой земельного надела
(5 дес. на ревизскую душу). Тогда же были отменены некоторые
виды общественных работ «по шелководству, мериносовым за-
водам, племенным стадам скота, фермам и т.д.», значительно
сокращались объемы строительных работ, «применяясь к тому
порядку, как это производится при квартировании их (войск –
К.Я.) в гражданском ведомстве; затем военно-рабочие батальо-
ны и роты, конно-рабочие команды и воловые парки, как тре-
бующие значительной издержки на содержание и помещение»,
были ликвидированы. Одновременно было принято решение
«ограничить и упростить самые поселянские постройки до такой
степени, дабы они ни в коем случае не могли служить обремене-
нием для хозяев»⁸⁴⁸. Округа поселенных рот Охтенского по-
рохового завода передавались в ведение Артиллерийского
департамента Военного министерства.

Процесс перехода Южных поселений в гражданское ве-
домство был разделен на «три срока» и завершился только в
1865 г. На первом этапе (1857 г.) поселяне освобождались от
вывозки строительных материалов, «но все прочие работы обя-
заны производить по-прежнему, трехдневным нарядом в неде-
лю, без всякого изменения, равно продовольствовать военных
постояльцев пайком и приварком по заведенному порядку». На
втором этапе (1858 г.) отменялись работы по общественной за-
пашке, которая передавалась в аренду желающим. Поселяне про-
должали сохранять за собой все имеющиеся у них на данный
момент надельные земли, но «обязаны, по назначению начальст-
ва, обмолачивать весь хранящийся в скирдах казенный хлеб, пе-
ремалывать потребное количество зерна на муку и крупу,
подвозить в полки провиант и фураж и исполнять все те работы,
которые необходимы для продовольствия войск из запасов посе-
лений. Постояльцам своим они обязаны давать приварок, но паек
постояльцы будут получать от казны». «Третий срок» начинался

⁸⁴⁷ Там же. – Л. 6 об.-7.

⁸⁴⁸ РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 1590. – Л. 46-46 об.

с 1 января 1859 г., когда поселяне освобождались от всех казенных работ и начинали пользоваться всеми правами государственных крестьян, «в замен трехдневных казенных работ, каждое сельское общество обязано... вносить, без всяких недоимок, денежную подушную и поземельную подать за каждую десятину пахотной и сенокосной поселянской земли...»⁸⁴⁹

На основании указа от 19 февраля 1865 г. бывшие пахотные солдаты были переведены из Министерства уделов в Министерство государственных имуществ⁸⁵⁰. В это же время происходит передача архивов округов военных поселений в ведение местного военного командования. Вот почему некоторая часть делопроизводственной документации, касающейся военных поселений, осела в архивах городов Киева, Харькова и Елисаветграда.

Таким образом, Александр II, продолжая политику своего отца и понимая архаичность системы военных поселений в изменившихся исторических условиях, начал форсированную ликвидацию полукрепостного военизированного крестьянства. Решение этого вопроса совпало с подготовкой крестьянской реформы и представляло собой проведение своеобразной переходной реформы, которая заменяла феодально-государственную систему на буржуазную, основанную на рыночных отношениях. Объективная необходимость этой реформы была, как нам кажется, доказана по ходу анализа социально-экономической истории военных поселений. Субъективный фактор, на наш взгляд, заключался в понимании Александром II необходимости форсированной ликвидации военных поселений как предтечи полной унификации крестьянского сословия.

⁸⁴⁹ ЦГИАК Украины. – Ф. 445. – Оп. 1. – Д. 207. – Л. 40-41.

⁸⁵⁰ ПСЗ-2. – Т. 40. – №41819.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В военных поселениях, просуществовавших почти столетия, отразилась вся сложность и противоречивость социально-экономических и политических процессов, происходивших в Российской империи в первой половине XIX века. На наш взгляд, невозможно дать однозначную оценку как самой идее военных поселений, так и результатам ее реализации. Нам представляется, что в результате проведенного анализа их административно-хозяйственной и социальной структуры на различных этапах существования, можно значительно скорректировать устоявшиеся в историографии концепции по данной проблеме.

Прежде всего, необходимо отказаться от одностороннего подхода к самой проблеме, который был и остается характерным как для сторонников, так и противников негативной оценки роли военных поселений в истории российского государства. Ошибочность концептуальных решений тех и других, как нам представляется, вытекает из поверхностного взгляда на данное историческое явление без попыток проникновения в его глубинные пласты. Проведенный анализ, как нам кажется, достаточно убедительно свидетельствует в пользу того, что содержание института военных поселений зачастую не соответствовало его форме.

Военные поселения задумывались как специфический государственный институт и их введение нужно рассматривать как серию мероприятий (пусть и паллиативных по своей сути), призванных сократить государственные расходы на армию, стабилизировать экономику страны; вначале частично, а затем окончательно ликвидировать рекрутские наборы, перевести

войска на казарменное содержание; путем создания зажиточного военно-земледельческого сословия расширить социальную базу самодержавия. Институт военных поселений, усиливая эксплуатацию крестьянства, превращавшегося в своеобразное военизированное сословие, позволял без значительных государственных ассигнований содержать значительные массы войск.

Являясь частью внутренней политики, направленной, в частности на милитаризацию всех сторон жизни государства и общества, характерной для периода правления Александра I и Николая I, оказывая определенное влияние на ее формирование, военные поселения, в свою очередь, не были статичным явлением, пережив довольно сложную эволюцию и пройдя в своем развитии ряд периодов. По сути, создание военных поселений являлось попыткой самодержавия решать новые проблемы, возникшие перед страной в первой половине XIX ст., старыми полufeодальными методами. Будучи специфической формой проявления государственного феодализма, они олицетворяли собой новую систему отношений между государством и крестьянами, превращенными в военно-земледельческое сословие.

Задуманные как некий анклав в государстве, в таком виде они просуществовали довольно короткий промежуток времени, совпадающий с тем периодом их истории, когда ими руководил А.А. Аракчеев. С воцарением Николая I военные поселения начинают постепенно терять свою автономию и в конце концов подчиняются общему армейскому командованию. Император и руководство поселений на их историческом опыте убеждаются в утопичности идеи соединения двух совершенно разнородных социальных функций – военной службы и сельскохозяйственного производства.

История военных поселений не завершается в начале 1830-х гг., как считает большинство исследователей. Они подвергаются серьезному реформированию и вступают в последний период своего существования, который до последнего времени не был изучен и по сути выпадал из контекста внутренней политики правительства Николая I. Для этого периода характерна постепенная эволюция правового положения военных поселян к статусу государственных, а пахотных солдат – к статусу удельных крестьян. Попытки сохранить и упрочить элементы милитаризации государства и общества приводят к значительному географическому расширению военных поселений. Четкое

представление об их социальной микроструктуре позволяет снять чрезвычайно распространенный в историографии и значительно гипертрофированный тезис о значительном удельном весе военных поселений в составе русской армии.

Каждому периоду истории военных поселений соответствовала своя модель организации поселянского хозяйства. Если у других категорий крестьянства она складывалась исторически, то в военных поселениях, где степень эксплуатации была выше, шел постоянный поиск наиболее оптимального использования рабочей силы, в том числе и в лице армии, которая в иных условиях находилась, как правило, вне сферы производства. При этом, ввиду разности подходов А.А. Аракчеева и И.О. Витта к этой проблеме, структуры поселянского хозяйства в округах пехоты и кавалерии значительно отличались. В первом и втором периодах истории военных поселений в округах пехоты господствовала так называемая «аракчеевская» модель, где ставка делалась на поселян-хозяев, рекрутируемых из солдат. Тем самым А.А. Аракчеев не хотел допустить превалирования сельского элемента над военным. В округах кавалерии хозяйственная структура округов формировалась на базе крестьянских и казацких хозяйств, что делало их более эффективными в деле снабжения действующих подразделений провиантом и фуражом. Через два десятилетия после начала их создания хозяйственная структура военных поселений возвратилась к исходной точке, доказав тем самым невозможность каких-либо радикальных вмешательств государства в экономику, тем более, в такую ее специфическую сферу, как сельское хозяйство, не принимая при этом коренных изменений отношений собственности.

Опираясь на полученные в ходе исследования данные, мы предлагаем пересмотреть тезис «военные поселения – худший вид крепостничества», поскольку он не отражает ни конкретные хронологические рамки, ни конкретный регион дислокации военных поселений. Во многом такая оценка этого исторического факта является следствием сугубо классового подхода к общественно-историческим процессам. Кроме того, уровень развития экономики военных поселений, как мы убедились, превосходил экономический уровень помещицкой, государственной и удельной деревни этого периода и соответствующих регионов. Это достигалось как созданием специфического управления и контроля, так и путем интенсификации труда поселян, в частности,

за счет внедрения ряда достижений сельскохозяйственной науки того времени. Следовательно, какие-то резервы у самодержавия и феодального способа производства в данный период еще оставались, и за счет этого продолжалось, хотя и замедленное, развитие производительных сил, что также подтверждается исследованиями Н.М. Дружинина, И.Д.Ковальченко, Л.В. Милова, В.А. Федорова, Л.Р. Горланова и ряда других историков.

Достаточно репрезентативная источниковая база исследования, особенно в плане наличия материалов статистического характера, позволила выстроить модель хозяйства военных поселений и округов пахотных солдат на разных уровнях (отдельное хозяйство, селение, округ, дивизия), проследить экономические процессы в динамике и сопоставить полученные данные с общими показателями уровня развития экономики страны в данный период. Выстроенные модели свидетельствуют об определенной сбалансированности экономики военных поселений, что позволило снизить, особенно в округах пахотных солдат, риск от неурожаев.

На последнем этапе истории военных поселений бывшие округа пехоты начинают обгонять по всем показателям округа кавалерии, поскольку в них произошла более глубокая рационализация хозяйственной структуры как по форме, так и по содержанию. Можно даже утверждать, что в округах пахотных солдат наметились пути интенсификации сельскохозяйственного производства. Но эти процессы, в силу сложившейся исторической действительности протекали не снизу, а сверху.

Во второй половине 1840-х – начале 1850-х гг. экономика военных поселений, как и экономика всей страны, начинает втягиваться в глубокий кризис, усугубившийся частыми неурожаями, эпидемиями и падежом скота, перенапряжением сил в период Крымской войны. Уплата значительного оброка пахотными солдатами, работа на общественной запашке в округах кавалерии с целью снабжения действующих частей продовольствием и фуражом, выполнение значительного объема общественных работ становились для военизированного крестьянства все более обременительными. Положение усугублялось объективным процессом имущественной дифференциации, приводившей к размыванию среднего по

зажиточности слоя крестьян-хозяев. На этой стадии развития идея военных поселений, по-видимому, полностью себя изжила.

Субъективный фактор достаточно быстрой и решительной ликвидации военных поселений и округов пахотных солдат заключался, прежде всего, в оценке проблемы императором Александром II, который осознал, хотя и не сразу, свою задачу в деле реформирования государства. Однако главная причина ликвидации этого своеобразного института самодержавия носила, преимущественно, объективный характер, поскольку в рамках военных поселений не существовало стимулов к постоянной интенсификации производственного процесса. Это, в свою очередь, было обусловлено, в первую очередь, неполной собственностью крестьян на средства производства и результаты своего труда. Диалектика рассматриваемых процессов заключалась также и в том, что развитие товарно-денежных отношений усиливало внеэкономическое принуждение, приводило к возрастанию уровня эксплуатации и ухудшению материального положения основной массы военных крестьян и пахотных солдат.

Пережив катастрофу Крымской войны и приступая к широкомасштабному реформированию социально-экономических отношений, в том числе и в области строительства армии нового образца, самодержавие приступило к подготовке реформ с наименее болезненной для себя акцией – ликвидации округов военных поселений и пахотных солдат. Поэтому события 1856-1857 гг., связанные с этой акцией, следует рассматривать как начало подготовки более радикальных реформ 60 – 70-х гг. XIX столетия.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

I. ИСТОЧНИКИ

A. Архивные

1. Российский государственный военно-исторический архив:

- ф. 1 Канцелярия Военного министерства.
- ф. 35 Канцелярия Главного штаба е.и.в.
- ф. 37 Канцелярия генерал-квартирмейстера Главного штаба.
- ф. 154 фонд А.А.Аракчеева.
- ф. 265 фонд В.В.Погодина.
- ф. 395 Инспекторский департамент.
- ф. 397 Управление округами пахотных солдат Новгородской, Витебской и Могилевской губерний.

ЯЧМЕНИХИН К.М.

- ф. 398 Управление и штабы округов военных поселений и пахотных солдат Новгородского удела.
- ф. 399 Управление и штабы округов военных поселений и пахотных солдат Старорусского удела.
- ф. 400 Главный штаб е.и.в.
- ф. 405 Департамент военных поселений.
- ф. 411 ВУА, коллекция «Военные поселения».
- ф. 412 ВУА, коллекция «Сведения о русских войсках, об их управлении и занятиях в мирное время (1639-1917 гг.)».
- ф. 414 ВУА, коллекция «Статистические, экономические, этнографические и военно-топографические сведения о Российской империи».
- ф. 489 Коллекция формулярных списков.
- ф. 731 Белоключинское военное поселение.
- ф. ВУА Военно-ученый архив.

2. Российский государственный исторический архив:

- ф. 379 Министерство финансов, Департамент государственных имуществ.
- ф. 571 Министерство финансов, Департамент разных податей и сборов.
- ф. 515 Министерство уделов, Главное управление уделов.
- ф. 651 фонд князей Васильчиковых.
- ф. 1285 Министерство внутренних дел, Департамент государственного хозяйства и публичных зданий.
- ф. 1286 Министерство внутренних дел, Департамент полиции исполнительной.
- ф. 1409 Первое отделение собственной е.и.в. Канцелярии.

3. Архив Санкт-Петербургского отделения института российской истории РАН:

- ф. 36 фонд Воронцовых.
- ф. 73 Коллекция А.С.Лаппо-Данилевского.
- ф. 238 Коллекция Н.П.Лихачева.

4. Центральный государственный исторический архив Украины (г. Киев):

- ф. 261 фонд Стороженко.
ф. 445 Управление Киево-Подольских военных поселений.
ф. 1314 7-й кавалерийский округ Украинского военного поселения.
ф. 1316 Управление Херсонских военных поселений.
ф. 1322 Штаб 2-го кавалерийского округа Украинских военных поселений.
ф. 1323 Штаб 6-го кавалерийского округа Украинских военных поселений.
ф. 1325 Штаб 1-го кавалерийского округа Украинских военных поселений.
ф. 1326 Штаб 8-го кавалерийского округа Украинских военных поселений.
ф. 1331 Управление 2-го округа Херсонских военных поселений.
ф. 1351 Штаб поселений кирасирской дивизии Украинских военных поселений.
ф. 1352 Штаб поселений уланской дивизии и вторых четырех округов Украинского военного поселения.
ф. 1353 Штаб 8-ми округов Украинского военного поселения.
ф. 1354 Штаб 3-го кавалерийского округа Украинского военного поселения.
ф. 1355 Штаб 4-го кавалерийского округа Украинского военного поселения.
ф. 1356 Штаб 5-го кавалерийского округа Украинского военного поселения.

5. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки

- ф. 471 фонд А.А.Аракчеева.

6. Российская Национальная библиотека. Рукописный отдел:

- ф. 29 фонд А.А.Аракчеева.
ф. 731 фонд М.М.Сперанского.
ф. 859 фонд Н.К.Шильдера.

7. Государственный архив Новгородской области:

- ф. 138 Канцелярия Новгородского губернатора.
- ф. 139 Новгородское губернское правление.
- ф. 567 Управление округами пахотных солдат Новгородской, Витебской и Могилевской губерний (г. Старая Русса).
- ф. 581 Грузинская вотчина А.А.Аракчеева.

8. Новгородский объединенный государственный музей-заповедник: фонд А.А.Аракчеева.

Б. Материалы законодательного характера

Образование Департамента военных поселений. – СПб., 1843. – 66 с.

Образование штаба отдельного Корпуса военных поселений. – СПб., 1821. – 158 с.

Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое. – СПб., 1830.

Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание второе. – СПб., 1830-1848.

Проект учреждения о военном поселении пехоты. – Ч. 1-3. – СПб., 1817.

Проект учреждения о военном поселении регулярной кавалерии. – Ч. 1-3. – СПб., 1817-1822.

Положение об Экономическом комитете военных поселений. – СПб., 1819. – 192 с.

Положение о поселенных фурштатских ротах для поселенных пехотных полков. – СПб., 1820. – 58 с.

Положение о полном составе поселенного пешего полка и его обязанностях. – СПб., 1826. – 39 с.

Положение о военном поселении регулярной кавалерии. – СПб., 1827. – 77 с.

Положение о поселенных фурштатских ротах для поселенных кавалерийских полков. – СПб., 1825. – 45 с.

Положение о денежных поручениях, делаемых при устройстве военных поселений и даче в них отчетов. – СПб., 1821. – 109 с.

Положение о церквях, священниках и их притче в округах военных поселений. – СПб., 1822. – 122 с.

Положение о ремонтном содержании строений полкового штаба. – СПб., 1823. – 96 с.

Положение о количестве материалов, какое назначать должно при составлении смет на постройку домов. – СПб., 1825. – 86 с.

Положение о преобразовании Департамента военных поселений Военного министерства. – СПб., 1835. – 117 с.

Положение о военном поселении пешей артиллерии. – СПб., 1826. – 16 с.

Правила о переходе коренных жителей в военные поселяне округа военного поселения пехоты. – СПб., 1820. – 64 с.

Правила составления общих годовых отчетов Экономическим комитетом военных поселений и ревизии оных. – СПб., 1821. – 129 с.

Правила о производстве работ в округах военных поселений 1-й гренадерской дивизии батальонами и ротами. – СПб., 1822. – 114 с.

Правила для отделений военных кантонистов. – СПб., 1824. – 112 с.

Приказы Главного над военными поселениями начальника графа Аракчеева по корпусу поселенных войск. – СПб., 1818-1821.

Правила на определение пособий военным поселянам из заемного денежного капитала. – Б.М. – 1819. – 18 с.

Правила о нижних чинах, которые будут уволены от службы из поселенных полков по выслугам лет и отправляться на жительство в губернии. – СПб., 1827. – 10 с.

Положение о заемном денежном капитале военных поселений. – СПб., 1822. – 39 с.

Положение о корпусе инженеров военных поселений. – СПб., 1831. – 16 с.

Положение о помощниках военных поселян-хозяев в округах военных поселений пехоты. – СПб., 1830. – 6 с.

Положение о присоединении к военным поселянам детей, прижитых ими до поступления на службу. – СПб., 1824. – 8 с.

Положение о военном поселении на Кавказе. – СПб., 1839. – 81 с.

ЯЧМЕНИХИН К.М.

Постепенный переход коренных жителей в военное состояние. – СПб., 1817. – 7 с.

Россия. Законы и Постановления. Устав Рекрутский. – СПб., 1831. – 401 с.

Разные постановления. – СПб., 1819. – 110 с.

Рескрипты и записки Государя Императора Павла I к графу Аракчееву. – Б.М., 1821.

Руководство к учреждению школ для кантонистов среднего возраста по методе взаимного обучения и к управлению оными. – СПб., 1819. – 94 с.

Свод военных постановлений. – Кн. 1-24. – СПб., 1838-1914.

Сборник исторических материалов, извлеченных из Собственной е.и.в. канцелярии. – Вып. V. – СПб., 1892. – 336 с.

Управление войсками отдельного Корпуса военных поселений в дивизиях и отрядах. – СПб., 1822. – 76 с.

Учреждения для управления большой действующей армии. – Ч. I-II. – СПб., 1815.

В. Опубликованные статистические материалы

Атлас статистический округов Новороссийского военного поселения 1844 г. – Б.М. и Б.Г. – 53 л.

Атлас статистический округов Украинского военного поселения 1845. – Б.М. и Б.Г. – 49 с.

Атлас строениям в полковом штабе и в поселенных ротах грендерского Его Величества Короля Прусского полка с приложением карты всего округа и планов расположения полкового штаба и поселенных рот. – СПб., 1829.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. – Т. XI. – Ч. I. Херсонская губерния / Сост. Генерального штаба капитан Рогачев и штабс-капитаны фон Витте и Пестов. – СПб., 1849.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. – Т. XI. – Ч. 4. Екатеринославская губерния / Сост. Генерального штаба штабс-капитан Драчевский. – СПб., 1850.

Военно-статистический сборник. Статистические труды И.Ф.Штукенберга. – Т. 1-2. – СПб., 1858-1860.

Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. – Т. 1-25. – СПб., 1859-1868.

- Материалы для истории военных поселений. – Б.М. и Б.Г. – 56 с.
 Отчет по военным поселениям за 1822 г. – СПб., 1823. – 257 с.
 Отчет по военным поселениям за 1823 г. – СПб., 1824. – 247 с.
 Отчет по военным поселениям за 1824 г. – СПб., 1825. – 153 с.
 Отчет по военным поселениям за 1825 г. – СПб., 1826. – 112 с.
 Сборник статистических сведений по России. – Кн. III. – СПб., 1858.
 Сведения об удобствах квартирного размещения всех родов войск в пределах Российской империи и квартирные карты. – Екатеринославская губерния. – СПб., 1837.
 Сведения об удобствах квартирного размещения всех родов войск в пределах Российской империи и квартирные карты. – Херсонская губерния. – СПб., 1838.
 Списки существующих в Российской империи ярмарок. – СПб., 1834.
 Список генералам, штаб и обер-офицерам всей Российской армии с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. – СПб., 1831. – 1052 с.
 Хозяйственно-статистический атлас Европейской России, изданный Департаментом сельского хозяйства Министерства государственных имуществ. – Изд. 2-е. – СПб., 1852.
 Хроника Российской императорской армии, составленная по Высочайшему повелению. – Ч. 1-7. – СПб., 1852.

Г. Источники личного происхождения

- Александров Г.Н. Очерки моей жизни // Русский архив. – 1904. – Кн. 3. – С. 474-517.
 Аракчеевщина // Русская старина. – 1872. – Т. 6. – С. 591-596.
 Афанасьев-Чужбинский А.С. Поездка в Южную Россию. – Ч. 1. – СПб., 1861.
 Батеньков Г.С. Данные. Повесть о собственной жизни // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг. / Под ред. Ю.Г.Оксмана. – Т. 2. – М., 1933. – С. 88-112.
 Батеньков Г.С. Сочинения и письма. – Т. 1. – Иркутск, 1989.
 Батеньков Г.С. Характеристика графа А.А.Аракчеева и М.М.Сперанского (Из показаний Батенькова) // Письма глав-

ЯЧМЕНИХИН К.М.

нейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807 по 1829 г.) / Под ред. Н.Дубровина. – СПб., 1883. – С. 463-464.

Бенкендорф А.Х. Записки // Русская старина. – 1896. – С. 87-88.

Брадке Е.Ф. Автобиографическая записка // Русский архив. – 1875. – Кн. 1. – №1. – С. 13-53; №3. – С. 257-294.

Бунт военных поселян в 1831 г. Рассказы и воспоминания очевидцев. – СПб., 1870. – 282 с.

Великий князь Павел Петрович. Переписка его с графом Петром Ивановичем Паниным 1778-1778 // Русская старина. – 1822. – Кн. 1-3. – С. 403-418; 739-764.

Вигель Ф.Ф. Записки. – Ч. 1-3. – М., 1892.

Виллие Я.В. Дневник лейб-медика баронета Я.В.Виллие 1825 г. – СПб., 1892. – 14 с.

Военные поселения при графе Витте. Из воспоминаний очевидца // Древняя и новая Россия. – СПб., 1880. – Т. 17. – №5. – С. 497-509.

Воспоминания Н.И.Шенига об Аракчееве // Русский архив. – 1880. – №2. – С. 321-325.

Восстание декабристов. – Т. 10. – М., 1953. – С. 188-268.

Всеподданнейшие донесения Государю Императору главнокомандующего 1-й армией генерал-фельдмаршала князя Барклая де Толли // Военный сборник. – 1861. – Т. 19. – С. 331-363.

Всеподданнейшее письмо графа Аракчеева к императору Николаю Павловичу // Русский архив. – 1866. – С. 1049-1052.

Вяземский П.А. Моя исповедь // Полное собрание сочинений. – СПб., 1879. – Т. 2.

Герцен А.И. Былое и думы. – М., 1979.

Глинка М.И. Записки / Под ред., со вступительной статьей и примечаниями А.Н.Римского-Корсакова. – М.-Л., 1930. – 568 с.

Глинка С.Н. Записки Сергея Николаевича Глинки. – СПб., 1895. – 384 с.

Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. – М., 1987. – 381 с.

Греч Н.И. Записки о моей жизни. – М., 1990.

Гриббе А.К. Новгородские военные поселения // Русская старина. – 1885. – №1. – С. 127-152.

Гриббе А.К. Холерный бунт в Новгородских военных поселениях в 1831 г. // Русская старина. – 1876. – №11. – С. 513-536.

Давыдов Д.В. Записки Дениса Васильевича Давыдова, в России цензурою не пропущенные. – Лондон, 1863. – 155 с.

Дельви́г А.И. Мои воспоминания. – Т. 1-4. – М., 1912-1913.

Демидов А.И. Путешествие в Южную Россию и Крым чрез Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. – М., 1853. – С. 380-382; 393-397.

Детлов К.К. Инженер-генерал-майор К.Ф.Детлов. Очерк жизни и деятельности // Русская старина. – 1885. – №1. – С. 205-231.

Дирин А. Нападение военных поселян на село Петровское // Русская старина. – 1870. – №1. – С. 601-603.

Дмитриев И.И. Взгляд на мою жизнь. Записки действительного тайного советника И.И.Дмитриева в 3-х частях. – М., 1866. – 315 с.

Дубельт Л.В. Заметки генерал-лейтенанта Л.В.Дубельта // Голос минувшего. – 1913. – №3. – С. 127-171.

Европеус И.В. Воспоминания Европеуса о службе в военных поселениях и об отношении к графу Аракчееву // Русская старина. – 1872. – №9. – С. 225-242; №11. – С. 547-558.

Жиркевич И. Записки // Русская старина. – 1874. – Т. IX. – С. 207-244; Т. X. – С. 633-666; Т. XI. – С. 411-450, 642-664; 1875. – Т. XIII. – С. 554-580; 1876. – Т. XVI. – С. 627-628; Т. XVII. – С. 127-144; 251-266, 771-786; 1878. – Т. XXII. – С. 401-422; Т. XXIII. – С. 33-54.

Записки А.П.Ермолова. 1798-1826 гг. / Сост., подгот. текста, вступ. ст., коммент. В.А.Федорова. – М., 1991. – 463 с.

Заикин В. Бунт военных поселян в 1831 г. // Заря. – 1869. – №9. – С. 102-152.

Зубов П.А. Эпизод из бунта военных поселян в 1831 г. // Русская старина. – 1870. – №6. – С. 601-603.

Из записок сенатора А.Я.Стороженка. Военные поселения кавалерии в Херсонской и Екатеринославской губерниях // Киевская старина. – 1884. – Т. X. – №11. – С. 447-477.

Из переписки Аракчеева с родственниками, друзьями, деловые письма 1805-1833 // Вестник Европы. – 1870. – Т. IV. – С. 467-502; Т. V. – С. 87-126.

Кавердяев Н. Из воспоминаний о бунте военных поселян // Русская старина. – 1885. – Т. 45. – С. 153-156.

Каневский Я. Эпизод из бунта военных поселян в 1831 г. // Исторический вестник. – 1887. – Т. XXVII. – С. 682-689.

ЯЧМЕНИХИН К.М.

Карцов П.П. Из прошлого. Личные и служебные воспоминания П.Карцова: 1830-1876. – СПб., Б.Г. – 632 с.

Кретчмер М.А. Воспоминания // Исторический вестник. – 1888. – №3. – С. 631-653; №4. – С. 125-141; №5. – С. 361-380.

Крымов М.А. Отрывки из воспоминаний офицера Новгородского поселения // Военный сборник. – 1862. – Т. 24. – С. 437-444.

Де-Кюстин А. Николаевская Россия. – М., 1989.

Де-Кюстин А.Ф. Николаевская эпоха. Воспоминания французского путешественника. – М., 1910. – 163 с.

Ламанский А. Граф Аракчеев накануне войны 1812 г. Письмо его к брату Петру Аракчееву // Русская старина. – 1874. – Т. 10. – С. 190-192.

Лашков Н.А. Завещательное распоряжение графа А.А.Аракчеева, собственноручно написанное на листах напрестольного Евангелия // Русская старина. – 1910. – №9. – С. 491-498.

Лорер Н.И. Записки декабриста. – М., 1983. – 448 с.

Лукинский В. Бунт в военных поселениях в 1831 г. // Русская старина. – 1879. – №8. – С. 731-738.

Маевский С.И. Мой век или история генерала Сергея Ивановича Маевского (1779-1848 гг.) // Русская старина. – 1873. – №8. – С. 125-167; №9. – С. 253-305; №10. – С. 427-464; №11. – С. 754-781.

Матвеев Н.Е. Бунт в Старой Руссе в 1831 г. // Русский архив. – 1879. – Т. 25. – С. 389-398.

Мармон О.Ф. Путешествие маршала Мармона, герцога Раугузского в Венгрию, Трансильванию, Южную Россию, по Крыму и берегам Азовского моря в Константинополь, некоторые части Малой Азии, Сирию, Палестину и Египет. – Т. 1-4. – М., 1838-1840.

Мартос А.И. Записки // Русский архив. – 1893. – Кн. 2. – №7. – С. 385-386; №8. – С. 449-542.

Мемуары декабристов (Северное общество) / Под ред. В.А.Федорова. – М., 1981.

Михайловский-Данилевский А.И. Из воспоминаний // Русский вестник. – 1889. – №2; 1890. – №9, №10; Исторический вестник. – 1890. – №10; 1892. – №№5-8; Русская старина. – 1893. – №7, №8; 1897. – №№6-8; 11; 1898. – №6, №12; 1900. – №6, №9, №12.

Мнение Великого Князя Александра Павловича об Аракчееве в 1799 г. // Русская старина. – 1871. – Т. 3. – С. 68-70.

- Можайский И. Времена военных поселений // Исторический вестник. – 1886. – Т. 25. – С. 358-364.
- Мордвинов Н.С. О новом образе комплектования войск армии. Записка от 17 января 1811 г. // Архив графов Мордвиновых. – Т. IV. – СПб., 1902. – С. 38-50.
- Морошкин М.Я. Бунт военных поселян в 1831 г. // Русская старина. – 1870. – №3. – С. 281-291.
- Мысли генерал-лейтенанта Дибича о предполагаемом поселении войск // Военный сборник. – 1861. – Т. 19. – С. 363-372.
- Об уменьшении срока службы нижним чинам. Проект тайного советника Обрескова 1808 г. // Русская старина. – 1874. – Т. IX. – С. 245-251.
- Павлов П. Воспоминания очевидца о бунте военных поселян в 1831 г. // Исторический вестник. – 1894. – №3. – С. 738-787.
- Панаев Н.И. Новгородское возмущение в 1831 г. Записки очевидца полковника Панаева, временного начальника возмущения. – Лейпциг, 1874. – 88 с.
- Переписка Аракчеева с митрополитом Платоном в 1803 г. // Русский архив. – 1877. – Т. III. – С. 406-410.
- Письма А.А.Аракчеева П.И.Сумарокову 1812-1816 // Чтения ОИДР. – 1862. – Т. III. – С. 134-151.
- Письма А.А.Аракчеева А.П.Ермолову // Чтения ОИДР. – 1862. – Т. IV. – С. 216-220.
- Письма генерала от артиллерии П.И.Мелиссино графу Аракчееву 1787-1797 // Русская старина. – 1872. – Т. VIII. – С. 975-978.
- Письма А.А.Аракчеева Г.И.Лисаневичу // Киевская старина. – 1884. – Т. 10. – № 12. – С. 673-692.
- Письма Бухмейера к Аракчееву 1816-1817 гг. // Новгородский сборник. – 1866. – Кн. 5. – С. 27-60.
- Письма Лонгинова к графу Воронцову // Русский архив. – 1912. – Кн. 7. – С. 484-485; 364-365.
- Письма главнейших деятелей в царствования императора Александра I (с 1807 по 1829 гг.) / Под ред. Н.Дубровина. – СПб., 1883. – С. 168-446.
- Письма императрицы Елизаветы Алексеевны // Русский архив. – 1910. – №3. – С. 441-442.
- Поддубный И. Воспоминания // Исторический вестник. – 1883. – Т. 13. – С. 332-344.
- Половцев Ф.А. Из воспоминаний. 1859-1861 гг. // Исторический вестник. – 1907. – №10, №11.

- Радзиковский И.Ф. Эпизод из бунта военных поселян в 1831 г. // Исторический вестник. – 1888. – Т. XXXIV. – С. 434-447.
- Рассказы бывших военных поселян о графе Аракчееве // Русская старина. – 1887. – Т. 55. – С. 631-665.
- Рудыковский А.П. Устройство военных поселений // Русская старина. – 1873. – Т. 8. – С. 594-596.
- Рунич Д.П. Записки // Русское обозрение. – 1890. – №9. – С. 235-238.
- Связев И.И. Воспоминания // Русская старина. – 1871. – Т. II. – С. 549-561.
- Серяков Н. Моя трудовая жизнь // Русская старина. – 1875. – №9. – С. 164-173.
- Сон в Грузии. Письмо к графу Аракчееву М.Л.Магницкого // Русский архив. – 1863. – С. 930-937.
- Столыпин Д.А. Об упразднении военных поселений (Из личных воспоминаний) // Русский архив. – 1874. – Кн. 1. – С. 765-772.
- Тарасов Д.К. Воспоминания моей жизни // Русская старина. – 1871. – Т. 4. – С. 644.
- Трубецкой С.П. Записки // Мемуары декабристов. – М., 1981.
- Тургенев Н.И. Дневники 1816-1824 гг. // Архив братьев Тургеневых. – Пг., 1921. – Вып. 5.
- Тырков А. Из аракеевской переписки // Вестник Европы. – 1870. – №8. – С. 467-502; №9. – С. 87-126.
- Ушаков Н.Ф. Холерный бунт в Старой Руссе в 1831 г. // Русская старина. – 1871. – №1. – С. 145-162.
- Фонвизин М.А. Записки фон-Визина, очевидца смутных времен царствования Павла I, Александра I и Николая I. – Лейпциг, 1859. – 478 с.
- Шениг Н.И. Воспоминания // Русский архив. – 1880. – Т. 3. – С. 267-325; 1881. – Т. 1. – С. 238-244.
- Щербатов М.М. Мысли о поселении войска // Щербатов М.М. Незданные сочинения. – М., 1935. – С. 64-83.
- Эйлер А.Х. Записки // Русский архив. – 1880. – Кн. 2. – С. 333-399.
- Ярош С.А. Доктор Иван Тимофеевич Богородский – один из жертв бунта военных поселян в 1831 г. // Русская старина. – 1886. – №3. – С. 581-586.

Д. Справочная литература

Аракчеев А.А. // Военная энциклопедия. – Т. 2. – СПб., 1911. – С. 628-644.

Краткие журналы Высочайшим рескриптам на имя Главного над военными поселениями начальника. – СПб., 1822.

Оглавление книг, заключающих в себе проекты, учреждения и разные положения о военном поселении. – СПб., 1825. – 94 с.

Мордвинов И.П. Граф Алексей Андреевич Аракчеев. Библиографический указатель литературы о нем. – Новгород, 1893.

II. ЛИТЕРАТУРА

Александров Г.Н. Заметки о бывших военных поселения // Русский архив. – 1873. – Кн. 2. – Ст. 1716-1722.

Алексеев Г. Александр I. Его личность, правление и интимная жизнь. – Лондон, 1908. – 57 с.

Алянский Ю. Злополучный архив // А.Б.В. снимает маску. – М., 1980. – С. 29-55.

Аракчеев и Шумский // Русская старина. – 1878. – №1. – С. 248-264.

Ашукин Н. Николай Палкин. Как жилось солдатам и крестьянам во времена Николая Первого // Красная Новь. – 1924. – №192.

Багалій-Татарінова О.Д. Нариси з історії військових поселень на Україні // Науковий збірник Харківської науково-дослідчої катедри історії української культури. – Харків, 1927. – №5. – С. 93-152.

Багалій-Татарінова О.Д. Нариси з історії військових поселень на Україні. Проект військових поселень Аракчеєва 1817 р. // Наукові записки науково-дослідчої катедри історії української культури. – Харків, 1927. – №6. – С. 131-143.

Багалій-Татарінова О.Д. Нариси з історії військових поселень на Україні // Ювілейний збірник на пошану академіка Д.І.Багалія. – Київ, 1927. – С. 849-865.

Багалій-Татарінова О.Д. Французькі дипломати про військові поселення в Росії // Науковий збірник Харківської науково-дослідчої кафедри історії української культури. – Харків, 1927. – №5. – С. 113-132.

Баиов А.К. Записки по истории военного искусства в России. Эпоха Александра I. – СПб., 1906. – 156 с.

Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. – М., 1973. – 615 с.

Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. – М., 1974. – 360 с.

Блашков Ю.А. К истории возникновения военных поселений // Актуальные проблемы общественных и естественных наук. Научная конференция молодых ученых, посвященная 60-летию университета. – Тезисы докладов. – Минск, 1981. – С. 26-27.

Блашков Ю.А. Социальное и экономическое положение пахотных солдат Витебской и Могилевской губерний (30 – 50-е годы XIX в.) // Роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества. – Минск, 1984. – С. 78-86.

Богданов Л.П. Русская армия в 1812 г. Организация, управление, вооружение. – М., 1979. – 192 с.

Богданов Л.П. Военные поселения // Вопросы истории. – 1980. – №2. – С. 178-183.

Богданов Л.П. Военные поселения в России. – М., 1992. – 88 с.

Богданович М.И. История царствования императора Александра I и России в его время. – Т. V-VI. – СПб., 1868-1872.

Богданович П. Аракчеев. Граф и Барон Российской империи (1769-1834). – Буэнос-Айрес, 1956. – 138 с.

Богословский Н.Г. Аракчеевщина. – СПб., 1882. – 152 с.

Борисов В. Сельскохозяйственные и экономические очерки Херсонской губернии // Труды Императорского Вольного Экономического общества. – СПб., 1878. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 65-74; Вып. 2. – С. 144-159.

Бычков Г.Н. Опыт подворного исследования экономического положения и хозяйства крестьян в трех волостях Новгородского уезда. – Новгород, 1882.

Валк С. Поселения военные // Энциклопедический словарь братьев Гранат. – Т. 33. – СПб., 1915. – С. 105-112.

Верещагин Г.А. Материалы по истории бунтов в военных поселениях при Александре I // Дела и дни. – 1922. – Кн. 3. – С. 148-165.

Вержицкий В.Г. Революционное движение в Русской армии (с 1826 по 1859 гг.). – М., 1964. – 323 с.

Витвер И. Военные поселения // Большая советская энциклопедия. – Изд. 1-е. – М., 1928. – Т. 12. – Ст. 327-330.

Витвер И. Аракчеев // Большая советская энциклопедия. – Изд. 1-е. – М., 1926. – Т. 3. – Ст. 231-233.

Вешняков В.И. Крестьяне-собственники в России. – СПб., 1858.

Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. – Ч. 10-11. – СПб., 1900.

Вите Ю. О сельском хозяйстве в Херсонской, Таврической и Екатеринославской губерниях // Журнал Министерства государственных имуществ. – СПб., 1844. – Ч. XIII. – С. 58-75; 101-122.

Врангель Н., Маковский С., Трубников А. Аракчеев и искусство // Старые годы. – 1908. – Т. VII-IX. – С. 439-471.

Вяземский, кн. По поводу записок графа Зенфта // Русский архив. – 1876. – Кн. 1. – С. 464-480.

Гакстгаузен А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. – Т. 1. – М., 1870. – С. 490.

Галактионов И.А. Император Александр I и его царствование. – Ч. I-II. – СПб., 1877-1879.

Герасимова Ю.И. Архив А.А.Аракчеева // Записки Отдела рукописей ГБЛ. – М., 1980. – Вып. 41. – С. 56-80.

Гессен С.Я. Солдатские волнения в начале XIX века. – М., 1929. – 118 с.

Гессен С.Я. Холерные бунты. – М., 1932. – 64 с.

Гессен С.Я. Аракчеевская барщина. – М., 1934. – 116 с.

Гессен С.Я., Евстафьев П.П. Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 г. Рецензия // Исторический сборник. – Т. 3. – Л., 1934. – С. 362-364.

Глебов П. Слово об Аракчееве // Военный сборник. – 1861. – №6. – С. 455-466.

ЯЧМЕНИХИН К.М.

Голобуцький В.О. Економічна історія Української РСР: Дожовтневий період. – Київ, 1970.

Горланов Л.Р. Удельные крестьяне России. – Смоленск, 1986. – 108 с.

Горланов Л.Р. Землевладение и феодальные повинности удельных крестьян в Нечерноземной полосе России (1797-1863 гг.) // Землевладение и повинности феодально-зависимых крестьян нечерноземной полосы (XVI – первая половина XIX в.). – Смоленск, 1982.

Горланов Л.Р. Кризис феодально-крепостнической системы в удельных имениях России // Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России. – Владимир, 1984. – С. 54-97.

Граф Аракчеев в 1812-1834 гг. // Русская старина. – 1882. – Т. 36. – С. 181-196.

Греч Н.И. Биография императора Александра I. – СПб., 1835. – 61 с.

Гриценко Н.П. Удельные крестьяне Среднего Поволжья. – Грозный, 1959.

Гуржій І.О. Розвиток товарного виробництва і торгівлі на Україні

(з кінця XVIII ст. до 1861 р.). – К., 1962.

Гуржій І.О. Україна в системі всеросійського ринку. – К., 1968.

Давыдов Б.Б. М.М.Сперанский о военных поселениях в России (По материалам ЦГВИА СССР) // Советские архивы. – 1988. – №4. – С. 88.

Давыдов Б.Б. Документы ЦГВИА СССР о путешествии маршала О.Ф.Мармона по военным поселениям // Советские архивы. – 1989. – №6. – С. 79-80.

Давыдов Б.Б. Декабристы и военные поселения // Декабристские чтения. – Вып. II. – Киев, 1989. – С. 22-24.

Давыдов Б.Б. Рецензия Ф.В.Булгарина на брошюру М.М.Сперанского «О военных поселениях» // Советские архивы. – 1990. – №3. – С. 79.

Долгоруков А. Новгородские дворяне и военные поселения // Русская старина. – 1873. – Т. 8. – С. 411-414.

Дризен Н.В. Последние годы жизни графа Аракчеева // Исторический вестник. – 1904. – Т. 97. – №9. – С. 867-876.

Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. – Т. 2. – М., 1958.

Дружинина Е.И. Южная Украина. 1800-1825 гг. – М., 1970. – 331 с.

Дружинина Е.И. Южная Украина в период кризиса феодализма 1825-1860. – М., 1981. – 214 с.

Евстафьев П.П. Восстание военных поселян Новгородской губернии в 1831 г. – М., 1934. – 253 с.

Евстафьев П.П. К столетию восстания военных поселян // Каторга и ссылка. – 1931. – Кн. 10. – С. 41-48.

Евстафьев П.П. Восстания военных поселян в 1817-1831 годах. – М., 1935.

Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (Первая половина XIX в.). – М., 1981. – 252 с.

Жекулин В.С. Историческая география ландшафтов. – Новгород, 1972.

Жекулин В.С. Историческая география: предмет и метод. – Л., 1982.

Журавский Д.П. Статистическое обозрение расходов на военные потребности с 1711 по 1825 г. – СПб., 1859. – 228 с.

Журавский Д.П. Историческое обозрение военно-сухопутного управления с 1825-1850 гг. – СПб., 1850. – С. 155-162.

Зайцев К.И. Очерки истории самоуправления государственных крестьян. – СПб., 1912. – 204 с.

Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856-1861. – М., 1984.

Иванов П.А. Обозрение состава и устройства регулярной русской кавалерии от Петра Великого до наших дней. – СПб., 1864. – 317 с.

Иконников В.С. Опыт русской историографии. – Киев, 1892. – Т. 1. – Кн. 2. – С. 1176-1177.

Истомина Э.Г. Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX в. – М., 1982. – 277 с.

Истомина Э.Г. Границы, население, города Новгородской губернии (1727-1917). – Л., 1972.

Истомина Э.Г. Водный транспорт России в дореформенный период. – М., 1991.

Историческое обозрение военно-сухопутного управления 1825-1850. – СПб., 1850. – С. 155-162.

Исторический опыт деятельности Военного управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича (1855-1880 гг.). – Т. 1-6. – СПб., 1879-1881.

Исторический очерк Новгородского графа Аракчеева кадетского корпуса и Нижегородской военной гимназии 1834-1884 генерал-лейтенанта Карцова. – СПб., 1884.

Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в. (По материалам ревизий). – М., 1971.

Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1710-1858 гг.). – М., 1976. – 307 с.

Кайгородов В. Аракчеевщина. – М., 1912. – 96 с.

Каменев К.И. Историческое описание Охтенского порохового завода. – Т. 1. – СПб., 1891.

Кандаурова Т.Н. Военные поселения в России 1810-1857 гг. (Проекты и их реализация) // Вестник Моск. ун-та. – 1990. – №1. – С. 61-71.

Кандаурова Т.Н., Давыдов Б.Б. Военные поселения в оценке современников // Вестник Моск. ун-та. – 1992. – №2. – С. 44-55.

Кандаурова Т.Н. Рациональные основы развития сельскохозяйственного производства в округах военных поселений // Аграрные технологии в России IX-XX вв. Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Арзамас, 1999. – С. 152-163.

Кандаурова Т.Н. Формирование состоятельных хозяйств на основе военнопоселенной организации // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе. Материалы XXVII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Вологда, 2001. – С. 143-156.

Кандаурова Т.Н. Система землепользования в округах военных поселений кавалерии в XIX в. // Землевладение и землепользование в России (социально-правовые аспекты). Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Калуга, 2003. – С. 139-149.

Карцов П. О военных поселениях при графе Аракчееве // Русский вестник. – 1890. – Кн. 3. – №2. – С. 139-171; №3. – С. 82-113; №4. – С. 75-121.

Карышев Д.А. Драма на Волхове // Исторический вестник. – 1889. – Т. XI. – С. 316-341.

Кашенко С.Г. Крестьянские наделы в Старорусском уезде Новгородской губернии в период реформы 1861 г. // История крестьянства

Северо-Запада России в XVIII-XIX в. – Л., 1983.

Кеппен П.И. Предварительные сведения о числе жителей в России по губерниям и уездам в 1851 г. – СПб., 1854.

Кеппен П.И. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г. – СПб., 1857. – 298 с.

Кизеветтер А.А. Аракчеев // Русская мысль. – 1910. – №11. – С. 42-72; №12. – С. 1-31.

Кизеветтер А.А. Император Александр I и Аракчеев // Исторические очерки. – М., 1912. – С. 287-401.

Китанина Т.М. Рабочие С.-Петербурга 1800-1861 гг. – Л., 1991.

Ковальченко И.Д. Динамика уровня земледельческого производства России в первой половине XIX в. // История СССР. – 1959. – №1. – С. 18-36.

Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX в. – М., 1967.

Ковальченко И.Д. Об особенностях работы по найму помещичьих крестьян России в первой половине XIX в. // Вопросы генезиса капитализма в промышленности и сельском хозяйстве. – 1965. – С. 397-401.

Ковальченко И.Д., Милов Л.В. О принципах исследования процесса формирования всероссийского аграрного рынка (XVIII-XX вв.) // История СССР. – 1969. – №9. – С. 3-21.

Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок XVIII – нач. XX в. – М., 1974.

Константинов Н.А. Аракчеевщина // История в средней школе. – 1934. – №3. – С. 12-25.

Константинов Н.А. Школьная система военных поселений // Советская педагогика. – 1938. – №6. – С. 34-42.

Копанев А.И. Население Петербурга в первой половине XIX в. – М.-Л., 1957. – 115 с.

Корнилов А.А. Курс истории России XIX. – Ч. I. – М., 1912. – 283 с.

Корнилов А.А. Очерки по истории общественного движения и крестьянского дела в России. – СПб., 1905. – 473 с.

Кункль А.А. Аракчеевщина. – М., 1929. – 63 с.

Лазанская Т.И. Государственные крестьяне Украины в период кризиса феодально-крепостнической системы. – К., 1989.

Лакруа П. История жизни и царствования Николая I, Императора Всероссийского. – Т. I. – М., 1872. – 178 с.

Лалин В.В. Военные расходы России в XIX. // Проблемы социально-экономической истории России (к 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Романова). – СПб., 1991. – С. 148-160.

Левинтов Н. Военные поселения в России XIX в. // Исторический журнал. – 1940.– №6. – С. 115-124.

Липовская Т.Д. Годовые отчеты Департамента военных поселений как источник по социально-экономической истории военных поселений // Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории. – Днепропетровск, 1983. – С. 112-120.

Липовская Т.Д. К вопросу о демографических процессах в военных поселениях на Украине // Социально-демографические аспекты развития производительных сил деревни. – XX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. – М., 1984. – С. 149-153.

Липовская Т.Д. К вопросу о социально-политическом положении военных поселений на Украине // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР. (Социально-политическое развитие деревни). – XIX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. – М., 1982. – С. 168-171.

Липовская Т.Д. Классификация источников по истории военных поселений на Украине // Проблемы применения количественных методов анализа и классификации источников по отечественной истории. – Днепропетровск, 1988. – С. 102-106.

Липовская Т.Д. Социально-экономическое и правовое положение военных поселений на Украине 1817-1857 гг. – Днепропетровск, 1982. – 83 с.

Липовская Т.Д. Освещение классово-борьбы в военных поселениях в русской периодической печати второй половины XIX – начала XX веков // *Историографические и источниковедческие проблемы отечественной истории.* – Днепропетровск, 1984. – С. 64-71.

Липовская Т.Д. Участие военных поселян в торговой и промышленной жизни городов (на материалах Украинского военного поселения) // *Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии.* – XXII сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. – М., 1989. – С. 137-139.

Лобачевский В. Бугское казачество и военные поселения // *Киевская старина.* – 1887. – №12. – С. 591-626.

Львов Г.В. Исторический взгляд на происхождение кантонистов и заведений, в которых они воспитываются. – СПб., 1856.

Лыкошин А.С. Военные поселения // *Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем.* – Т. 2. – М., 1911. – С. 86-106.

Лыкошин А.С. Военные поселения // *Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона.* – Т. 24 а. – СПб., 1898. – С. 633-672.

Ляхов А.Н. Основные черты социальных и экономических отношений в России в эпоху императора Александра I (Опыт определения общего абриса народно-хозяйственного целого). – М., 1912. – 170 с.

Мальцев Н.А. Военные поселения в России XIX века // *Военно-исторический журнал.* – 1992. – №12. – С. 2-7.

Марахов Г.И. Социально-политическая борьба на Украине в 20-40-х гг. XIX века. – Киев, 1979.

Мельгунов С.П. Правительство и общество после войны // *Отечественная война и русское общество.* – Т. VII. – М., 1912.

Милов Л.В. Исследование об «Экономических примечаниях к генеральному межеванию» (К истории русского крестьянства и сельского хозяйства второй половины XVIII в.). – М., 1965.

Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX в. – Саратов, 1982. – 290 с.

Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX. – М., 1989. – 240 с.

Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. – М., 1990. – 237 с.

Мионов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. – Л., 1981. – 259 с.

Мионов Б.Н. Движение хлебных цен на Севере и Северо-Западе России в 1796-1914 гг. // История крестьянства Северо-Запада России в XVII-XIX веках. – Л., 1983.

Мирошников И.Я. Военные поселения в планах декабристов // Военно-исторический журнал. – 1977. – №1. – С. 97-99.

Мірошніков І.Я. Повстання військових поселенців Серпухівського уланського полку в Слобідсько-Українській губернії 1829 р. // Учені записки Харківського державного університету ім. О.М.Горького. – Вип. XI. – Труды історичного факультету. – Т. 2. – Харків, 1952. – С. 105-115.

Михеев З.С. История русской армии. – Вып. IV. Переходная эпоха (1815-1856). – М., 1911. – 264 с.

Можайский И.П. Легенды о графе Аракчееве // Исторический вестник. – 1885. – №7. – С. 211-214.

Мурашова Н.В. Архитектурный ансамбль усадьбы Грузино – произведение Ф.И.Демерцова // Панорама искусств. – М., 1986. – С. 198-230.

Н.Д.Н. Общий обзор преобразований по части устройства вооруженных сил России с 1856 по 1860 г. // Военный сборник. – 1861. – Т. 17. – №1. – С. 3-48.

Никитин В.Н. Многострадальные. – СПб., 1872. – 255 с.

Никитин В.Н. На детской каторге. – Л., 1926.

Николай Михайлович, вел. кн. Император Александр I. Опыт исторического исследования. – 2-е изд. – Пг., 1914. – 772 с.

Никольский В.П. Внутренний быт и состояние русской армии к концу царствования императора Александра I // История русской армии и флота. – Вып. V. – М., 1911. – С. 92-145.

Никольский С. Аракчеевская премия // Русская старина. – 1910. – №1. – С. 74-80.

Нилова О.Е. Некоторые проблемы общественного сознания русского крестьянства в новейших советских исследованиях по I-й половине XIX в. // Историографические и исторические проблемы русской культуры. – М., 1982. – С. 5-21.

Нифонтов А.С. Зерновое производство России во второй половине XIX века: По материалам ежегодной статистики урожаев Европейской России. – М., 1974.

Нифонтов А.С. Задачи изучения промышленного переворота в России // Из истории экономической и общественной жизни России. Сборник статей, посвященных 90-летию акад. Н.М.Дружинина. – М., 1976.

Носович С.И. Крестьянская реформа в Новгородской губернии. – СПб., 1899.

Обвинение графа Аракчеева в государственном преступлении // Русская старина. – 1900. – Т. 101. – №3. – С. 87-94.

Окунь С.Б. История СССР. Лекции. – Ч. 2. – Л., 1978.

Орлов Е. Бунт военных поселян в 1831 г. // Русский вестник. – 1897. – №7. – С. 122-143; №9. – С. 80-99; №11. – С. 137-161; №12. – С. 87-118; 1899. – №10. – С. 501-516; №11. – С. 89-103; №12. – С. 647-664.

Основные категории крестьянства в период позднего феодализма (XVIII – пер. пол. XIX в.). – Межвузовский сборник научных трудов. – Смоленск, 1985.

Охтинский химический комбинат (1715-1965). Очерки, документы, воспоминания. – Л., 1965.

Павлович В. Екатеринославская губерния. – СПб., 1862.

Памятная книжка Новгородской губернии за 1860 г. – Новгород, 1862.

Пассек В. Историко-статистическое описание Харьковской губернии. – СПб., 1836.

Переход от феодализма к капитализму в России. – Материалы Всесоюзной дискуссии в июне 1965 г. – М., 1969.

Петров А.Н. Устройство и управление военными поселениями в России // Граф Аракчеев и военные поселения. – СПб., 1871. – С. 87-193.

Петрович Н. Принудительное переселение бобылецких крестьян // Архив и исторический труд в России. – Кн. 11-12. – Пг., 1924.

Пилявский В.И. Новгородские военные поселения (историко-архитектурный очерк) // Новгородский исторический сборник. – Новгород, 1959. – Вып. 9. – С. 119-154.

Пилявский В.И. Стасов. Архитектор. – Л., 1963.

Писарев А. Собор Святого Апостола Андрея Первозванного (в с. Грузине) // Сын Отечества. – 1816. – №11. – С. 161-168.

Пирошков Н.В. Генерал-лейтенант Эмме // Русская старина. – 1874. – №3. – С. 565-566.

Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России. (По неизданным документам). – М., 1909. – 340 с.

Пишчевич А.С. Бугские казаки и украинские уланы // Киевская старина. – 1886. – Т. XIV. – С. 387-394.

Платон И.С. Аракчеевщина (Грузинские драмы). Историческая драма. – М., 1926.

Покровский М.Н. Александр I // История России в XIX в. – Т. I. – Ч. I. – М., 1907. – С. 31-66.

Полиевктов М.А. Николай I. Биография и обзор царствования. – М., 1918. – 392 с.

Полиевктов М.А. Император Николай I. – СПб., 1914. – 165 с.

Полиевктов М.А. Николай I. – М., 1918.

Полная энциклопедия русского сельского хозяйства и соприкасающихся с ним наук. – Т. 4. – Вып. I. – СПб., 1901.

Полянский М. Верный верноподданный // Памятная книжка Новгородской губернии на 1901 г. – Новгород, 1901. – С. 3-12.

Попов Н. Военные поселения сербов в Австрии и России // Вестник Европы. – 1876. – Т. III. – №6. – С. 584-614.

Постников И.Н. Граф А.А.Аракчеев по сохранившимся в Бежецке воспоминаниям. – Тверь, 1913.

Потоцкий П. История гвардейской артиллерии. – СПб., 1896.

Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории России в первой четверти XIX в. – М.-Л., 1957. – 456 с.

Предтеченский А.В. Декабристы и военные поселения // Ученые записки Горьковского государственного университета. – Вып. 72. – 1964. – Т. I. – С. 135-153.

Предтеченский А.В. Брошюра М.М.Сперанского «О военных поселениях» // Труды ЛОИИ АН СССР. – Вып. 7. – 1964. – С. 263-270.

Пресняков А.Е. Апогей самодержавия. Николай I. – Л., 1925. – 97 с.

Пресняков А.Е. Александр I. – Пг., 1924. – 188 с.

Прокофьев Е.А. Военные взгляды декабристов. – М., 1953. – 175 с.

Прокофьева Л.С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. – Л., 1981.

Пупарев А.Г. Убийство любовницы графа Аракчеева Натальи Шумской (Минкиной) // Русская старина. – 1871. – №9. – С. 262-294.

Пулята Н.В. Обзорение жизни и царствования императора Александра I // Деятнадцатый век. – Кн. I. – 1872. – С. 426-494.

Пулята Н.В. Еще несколько слов о военных поселениях // Русский архив. – 1874. – №4. – Ст. 1042-1047.

Пушкарев И.И. Краткое историко-статистическое описание С.-Петербургской губернии. – СПб., 1845.

Пыляев М.И. Аракчеевские времена // Родина. – 1899. – №6. – С. 214-228; №7. – С. 234-260; №8. – С. 292-302.

Ратч В.Ф. Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве // Военный сборник. – 1861. – №5. – С. 92-134.

Рахматуллин М.А. К дискуссии об абсолютизме в России // История СССР. – 1972. – №4. – С. 65-88.

Рахматуллин М.А. Солдаты в крестьянском движении 20-х годов XIX в. // Вопросы военной истории России XVIII – первой половины XIX в. – М., 1969.

Рахматуллин М.А. К вопросу об уровне общественного сознания крестьянства в России // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. – Смоленск, 1972.

Редигер А.Ф. Комплектование и устройство вооруженных сил. – СПб., 1900. – 576 с.

Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении. – Т. 2. – М., 1920.

Розов Е.К., Виноградов В.А. Сельское хозяйство в Тверской и Новгородской деревне во второй половине XIX – начале XX в. – Калинин, 1974.

Розов Е.К. Кризис крепостнической системы хозяйства в России во второй четверти XIX в. (По материалам Тверской и Новго-

родской губерний) // Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России. – Владимир, 1984. – С. 108-119.

Розов Е.К. Крестьяне и крестьянское хозяйство Тверской и Новгородской губерний в середине XIX – начале XX вв. – Калинин, 1974.

Рудыковский А. Сведения о бугских казаках // Киевская старина. – 1882. – №11. – С. 389-391.

Рудыковский А.П. Устройство военных поселений // Русская старина. – 1873. – №10. – С. 594-596.

Русская армия и флот. – Вып. V. – М., 1911.

Русская военная сила. История развития военного дела от начала Руси до нашего времени / Под ред. А.Н.Петрова. – Изд. 2-е. – Т. II. – М., 1897.

Русские портреты. – СПб., 1905.

Рындзюнский П.Г. К изучению динамики численности крепостного населения в дореформенной России // История СССР. – 1983. – №1. – С. 18-32.

Рындзюнский П.Г. Вымирало ли крепостное крестьянство перед реформой 1861 г.? // Вопросы истории. – 1967. – №7. – С. 54-70.

Рябков Г.Т. К вопросу о производственном прогрессе в крестьянском хозяйстве Смоленской губернии периода кризиса феодально-крепостнической системы // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. – Смоленск, 1972.

Рянский Л.М. К вопросу «о вымирании» крепостного крестьянства в период кризиса феодализма // Кризис феодально-крепостнических отношений в сельском хозяйстве России. – Владимир, 1984. – С. 127-137.

Савичев Н.П. Чугуевское восстание // Военно-исторический журнал. – 1969. – №11. – С. 100-104.

Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. – Т. I-II. – СПб., 1888.

Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. – СПб., 1909. – 694 с.

Семенов А. Статистические сведения о мануфактурной промышленности в России. – СПб., 1857.

Сироткин В.Г. Финансово-экономические последствия наполеоновских войн и Россия в 1814-1824 гг. // История СССР. – 1974. – №4. – С. 46-62.

Скальковский А. Опыт статистического описания Новороссийского края. – Ч. I-II. – Одесса. – 1850-1853.

Скальковский А. Еще о бугских казаках // Киевская старина. – 1882. – Т. IV. – №12. – С. 598-620.

Скальковский А.А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края 1738-1823. – Ч. II. – Одесса, 1838.

Слезский А.Г. Бунт военных поселян в холеру 1831 г. // Исторический вестник. – 1893. – №8. – С. 390-402.

Слезский А.Г. Бунт военных поселян в холеру 1831 г. по неизданным конфирмациям. – Новгород, 1894. – 225 с.

Слезский А.Г. Первый поселенный начальник о бывших военных поселениях // Русская старина. – 1905. – №11. – С. 387-394.

Словский Н.Г. Рассказы о былом. Времена военных поселений. приложение к Новгородскому сборнику. – Новгород, 1865.

Советов А.В. Избранные сочинения. – М., 1950.

Соловьев С.М. Император Александр Первый. Политика-дипломатия. – СПб., 1877. – 563 с.

Сорокин Ю.А. Павел I // Вопросы истории. – 1989. – №11. – С. 46-69.

Сперанский М.М. О военных поселениях. – СПб., 1825. – 32 с.

100 лет Казанского порохового завода. – СПб., 1888.

100 лет Шостинского порохового завода. – СПб., 1871.

Столыпин Д. Об упразднении военных поселений // Русский архив. – 1874. – №25. – С. 766.

Стродс Х.П. Климат, почва и сельское хозяйство в Латвии (конец XVIII – первая половина XIX в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1970 г. – Рига, 1977.

Струков Д. Аракчеев граф Алексей Андреевич. – СПб., 1894. – 28 с.

Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. – 2-е изд. – Т. 1-2. – СПб., 1911.

Тенгоборский Л. О производительных силах России. – Ч. 2. – М., 1857.

ЯЧМЕНИХИН К.М.

Теплицкий В.П. Реформа 1861 року і аграрні відносини на Україні. – К., 1959.

Тройницкий А.Г. О числе крепостных людей в России. – СПб., 1858. – 38 с.

Тройницкий А.Г. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. Статистическое исследование. – СПб., 1861. – 93 с.

Тургаев А.С. Об урожайности хлебов в округах пахотных солдат Новгородской губернии (1832-1862 гг.) // Вестник Ленинград. ун-та. – 1984. – Вып. 4. – №20. – С. 100-103.

Тургаев А.С. Наделы пахотных солдат Новгородской губернии в предреформенный период // Северо-Запад в аграрной истории России. – Калининград, 1986. – С. 122-126.

Убийство Н.Шумской (по подлинному официальному делу) // Русская старина. – 1871. – Т. 4. – №9. – С. 262-294.

Уманец Ф.М. Александр и Сперанский. Историческая монография. – СПб., 1910. – 171 с.

Устрялов Н.Г. Историческое обозрение царствования Государя Императора Николая I. – СПб., 1847. – 175 с.

Ушаков Н.Ф. Холерный бунт в Старой Руссе в 1831 г. // Русская старина. – 1874. – №9. – С. 185-212.

Фабрициус И.Г. Военные поселения // Столетие Военного министерства. 1802-1902. – Т. VII. – Ч. I. – Кн. IV. – СПб., 1902. – С. 497-598.

Федоров А.В. Общественно-политическое движение в русской армии 50 – 70-х гг. XIX в. – М., 1958. – 231 с.

Федоров В.А. Борьба крестьян России против военных поселений (1810-1818) // Вопросы истории. – 1952. – №11. – С. 112-124.

Федоров В.А. Восстание военных поселян в Чугуеве в 1819 г. // Исторические записки. – М., 1955. – Т. 42. – С. 305-324.

Федоров В.А. Восстание новгородских военных поселений в 1831 г. // Преподавание истории в школе. – 1956. – №5. – С. 26-32.

Федоров В.А. Солдатское движение накануне восстания декабристов // Из истории общественного движения и международных отношений. – М., 1957. – С. 359-371.

Федоров В.А. Солдатское движение в годы декабристов. – М., 1963. – 207 с.

Федоров В.А. Помещичьи крестьяне Центрально-промышленного района России концы XVIII – первой половины XIX в. – М., 1974.

Федоров В.А. Материалы о восстании военных поселян в Чугуеве в 1819 г. в ЦГВИА СССР // Проблемы истории русского общественного движения и исторические науки. – М., 1981. – С. 5-13.

Федоров В.А. «Своей судьбой гордимся мы...» – М., 1988. – 300 с.

Федоров В.А. Александр I // Вопросы истории. – 1990. – №1. – С. 50-72.

Фёдоров В.П. Аракчеев в приказах его по военным поселениям. По поводу 100-летия устройства поселений. – СПб., 1911. – Оттиск из журнала «Русская старина». – С. 549-570.

Федосов И.А. Революционное движение в России во второй четверти XIX в. – М., 1958.

Фези К.К. Быт и нравы русской армии после 1812 г. – СПб., 1912.

Филиппов А.Н. Император Николай I и Сперанский. – Юрьев, 1897.

Филоретова Л.М. Южное общество декабристов и военные поселения // Декабристские чтения. – Вып. 2. – Киев, 1989. – С. 119-122.

Фирсов Н. Император Александр I и его душевная драма. Историко-психологический этюд. – СПб.-М., 1910. – 53 с.

Хіоні І.А. До історії заселення Побужжя (Бузьке козацьке військо 1769-1817 рр.) // Український історичний журнал. – 1965. – №8. – С. 126-128.

Хиони И.А. К вопросу о происхождении и социальном составе бугского казачества // Записки Одесского археологического общества. – Т. II. – Одесса, 1967. – С. 288-291.

Хіоні І.А. До питання про господарську діяльність бузьких козаків у XVIII ст. // Український історичний журнал. – 1973. – №2. – С. 77-81.

ЯЧМЕНИХИН К.М.

Чернов С.Н. Из истории солдатских настроений в начале 20-х годов // Бунт декабристов. – Л., 1926.

Чириков С.А. Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М.М.Сперанского. – М., 1989.

Чижова-Ореус Н.Н. Обзор личного архива А.В.Предтеченского // Археографический ежегодник за 1973 г. – М., 1974. – С. 255-257.

Чистов В.Н. Русские народные социально-утопические легенды XVIII-XIX в. – М., 1967.

Чугунов А. Исторический обзор мер правительства к развитию земледелия в России. – СПб., 1858.

Шелехов Д.О. О настоящем положении сельского хозяйства в России. – СПб., 1840.

Шелехов Д. О настоящем положении сельского хозяйства в России и причинах прошлогодних неурожаев. – СПб., 1842.

Шереметьев С.Д. Семейство Апрелевых. – СПб., 1898.

Шильдер Н.К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. – Т. IV. – СПб., 1898. – 653 с.

Шильдер Н.К. Император Павел Первый. Историко-биографический очерк. – СПб., 1901.

Шильдер Н.К. Император Николай Первый, его жизнь и царствование. – СПб., 1903.

Шиман В.М. Император Николай Павлович // Русский архив. – 1902. – №3. – С. 459-475.

Шиман Т. Александр Первый. – СПб., 1911. – 157 с.

Шипов С.П. О государственном устройстве в России. – М., 1870. – 259 с.

Ширяев Н. Аракчеевское поместье // Русская старина. – 1893. – Т. 79. – С. 408-412.

Шмидт А. Херсонская губерния. – Ч. II. – СПб., 1863.

Штейнгель В.В. Настольный хронологический указатель постановлений, относящихся до устройства военно-сухопутных сил России с 1550 до 1890. – СПб., 1890. – С. 119-121, 140-142.

Штрайх С.Я. Брожение в армии при Александре I. – Пг., 1922. – 48 с.

- Шумигорский Е.С. Император Павел I. Жизнь и царствование. – СПб., 1907. – 214 с.
- Щебальский П.Г. Военные поселения и граф Аракчеев // Русский вестник. – 1871. – №10. – С. 485-536.
- Щербатов М.М. Мнение о поселенных войсках // М.М.Щербатов Неизданные сочинения. – М., 1935. – 213 с.
- Щепетильников В.В. Комплектование войск в царствование императора Александра I // Столетие военного министерства 1802-1902. – Т. IV. – Ч. 1. – Кн. 1. – СПб., 1902. – С. 93-119.
- Щепетильников В.В. Комплектование войск в царствование императора Николая I // Столетие военного министерства 1802-1902. – Т. IV. – Ч. 2. – Кн. 1. – СПб., 1907. – С. 43-56.
- Языков А.П. Воспоминания о селе Грузине – имении графа Аракчеева в 1826 г. // Русский архив. – 1869. – №9. – С. 1462-1484.
- Яковкина Н.И. О реорганизации помещичьего хозяйства в начале XIX века // Вопросы истории России XIX – начала XX в. – Л., 1983.
- Якушкин В.Е. Сперанский и Аракчеев. – М., 1916.
- Янель З.К. Перспективы комплексного изучения кризиса феодально-крепостнической системы хозяйства России XIX в. // Советская историография аграрной истории СССР (до 1917 г.). – Кишинев, 1978. – С. 78-85.
- Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. – Изд. 2-е. – СПб., 1881.
- Яцевич А.Г. Крепостные в Петербурге. – Л., 1933. – 103 с.
- Яцунский В.К. Социально-экономическая история России XVIII-XIX вв. – Избранные труды. – М., 1973.
- Ячменихин К.М. Военные поселения в русской дореволюционной и советской историографии // Вестник Моск. ун-та. – 1985. – №3. – С. 63-71.
- Ячменихин К.М. Ликвидация военных поселений в России в конце 50 – начале 60-х годов XIX столетия // Буржуазные реформы в России второй половины XIX века. – Воронеж, 1988. – С. 26-36.
- Ячменихин К.М. Структура Новгородских военных поселений и их управление в 1818-1831 гг. // История СССР. – 1989. – №1. – С. 90-102.

ЯЧМЕНИХИН К.М.

Ячменихин К.М. Численный состав и структура Новгородских военных поселений в 1816-1831 гг. // Новгородский исторический сборник. – Л., 1989. – С. 149-161.

Ячменихин К.М. Военные поселения на Кавказе в 30 – 50-е годы XIX в. // Вестник Моск. ун-та. – 1991. – №4. – С. 18-28.

Ячменихин К.М. Алексей Андреевич Аракчеев // Вопросы истории. – 1991. – №12. – С. 37-50.

Ячменихин К.М. Финансирование и бюджет военных поселений в России // Вестник Моск. ун-та. – 1993. – №2. – С. 35-44.

Ячменихин К.М. Военные поселения в планах правительства Александра I // Северо-Запад в аграрной истории России. – Калининград, 1994. – С. 23-31.

Ячменихин К.М. Экономический потенциал военных поселений в России // Вопросы истории. – 1997. – №2. – С. 34-48.

Ячменіхін К.М. Реформування військових поселень в Росії наприкінці 20-х – у 30-ті рр. XIX ст. // Україна і Росія в панорамі століть: Збірник наукових праць на пошану професора К.М.Ячменіхіна. – Чернігів, 1998. – С. 12-20.

Ячменихин К.М. Основные периоды истории военных поселений в России // П.А.Зайончковский 1904-1983 гг.: Статьи, публикации и воспоминания о нем. – М.: РОСПЭН, 1998. – С. 430-441.

Ячменихин К.М. Аграрная культура в округах военных поселений и пахотных солдат // Аграрные технологии в России IX-XX вв. Материалы XXV сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной

Европы. – Арзамас, 1999. – С. 140-152.

Ячменихин К.М. Основные этапы развития хозяйственной структуры военных поселений в России // Особенности российского земледелия и проблемы расселения. Материалы XXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Тамбов, 2000. – С. 131-141.

Ячменіхін К.М. Запровадження військових поселення як спроба модернізації Російської дійсності // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету імені Т.Г.Шевченка. – Вип. 15. – Серія: Історичні науки. – №1. – 2002. – С. 14-16.

Ячменіхін В., Ячменіхін К. Проект утворення військових поселень на Лівобережній Україні у 50-х рр. XIX ст. // Сіверянський літопис. – 2002. – №3. – С. 50-54.

Ячменихин К.М. Особенности землепользования и землевладения в округах военных поселений и пахотных солдат в первой половине XIX в. // Землевладение и землепользование в России (Социально-правовые аспекты). Материалы XXVIII сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. – Калуга, 2003. – С. 130-139.

Ячменіхін К.М. Військові поселення в планах уряду Миколи I // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. – Випуск 27. – Серія: Історичні науки. – №2. – 2004. – С. 45-51.

Литература на иностранных языках

Curtiss G. The Russian Army under Nicolas 1. – Ourham, 1965.

Egron A.C. Vie d'Alexander 1er empereur de Russie. – Paris, 1826. – 415 s.

Lincoln W.B. Nicolas 1: Emperor a autocrat off all the Russias. – London, 1978. – 424 p.

Lyll R. An accaunt of the Organization, Administration and Present State of the Military Colonies in Russia. – London, 1824. – 65 p.

Lyll R. Die russischen militar colonien ihre Einrichtung Verwaltung und gegenwartige heit. – Leipzig, 1824. – 51 s.

Lyll R. Notice sur l'organization, l'administration et l'etat present des colonies militaires de la Russia adec un appendice. – Paris. – 1825. – 63 s.

Jenkins M. Arakcheev. Grand Vizier of the Russian Empire. A Biography. – New-York, Diall press. – 1969. – 317 p.

Oliver D. Alexander 1er prince des illusions. – Paris, 1973. – 380 s.

Paleologue M. Alexander 1er un tzar enigmatique. – Paris, 1973. – 310 s.

Pidoll K. Des colonies militaires de la Russie comparees aux confins militaires de l'Autriche. – Paris, 1874. – 214 s.

Pinter W. Mc. Kenzie. Russian economic policy under Nicolas 1. – Ithaca, Cornell univ press, 1967. – 391 p.

Rabbe A. Histoire d' Alexander 1er empereur de tautes Russies et de principaux evenements de son regne. – Paris, 1826.

Raëff M. Michael Speransky. Statesman of Imperial Russia. – 2-nd Rev. Ed. – The Hague, 1969. – 390 p.

Rappoport A.S. The curse of the Romanovs. A study of the lives and the reigns of two tsars Paul 1 and Alexander 1 of Russia. – London, 1907. – 424 p.

Rain P. Un tzar edeologue Alexander 1er (1777-1825). – Paris, 1913. – 460 s.

Riasanovsky N.V. Nicolas 1 and official nationality in Russia. – Los-Angeles, 1959. – 296 p.

Riasanovsky N.V. A parting of ways. Government and the educated public in Russia (1801-1855). – Oxford, Clarendon press, 1976. – 323 p.

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Таблица 1

Численность населения округов 1-й гренадерской дивизии
к концу 1818 г.¹

Категории жителей	В поселенных батальонах полков						Итого
	Гренадерских				Карабинер- ных		
	Императора австрийского	Короля прусского	Наследного принца прусского	Графа Арак- чева	1-го	2-го	
Штаб-офицеры	1	1	1	1	1	1	7
Обер-офицеры	17	17	13	14	13	13	87
Унтер-офицеры	79	60	43	73	78	80	413
Музыканты	19	20	14	19	19	19	110
Рядовые	754	808	776	920	782	770	4810
Нестроевые	38	38	37	34	34	34	215
Итого	908	944	884	1061	927	918	5642
Коренные жители:							
мужск. п.	1739	1452	1324	703	1571	1518	8307
женск. п.	1932	1577	1506	842	1625	1984	9466
Итого	3671	3029	2830	1545	3196	3205	17773
Всего население округов	4579	3973	3714	2606	4123	4420	23415

¹ Таблица составлена на основании данных строевых записок по поселенным батальонам 1-й гренад. див. (РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 10-11).

Таблица 2

**Численность народонаселения округов 1-й гренадерской дивизии
к 1 января 1825 г.¹**

Категории жителей	В поселенных батальонах полков						Округ поселения саперного батальона	Итого
	Гренадерских				Карабинерных			
	Императора ав- стрийского	Короля прусского	Наследного принца прусского	Графа Аракчьева	1-го	2-го		
Мужчины	2647	2556	2732	2951	2672	2643	475	16676
Женщины	1974	1632	2398	2124	2343	2427	385	13283
Итого	4621	4188	5130	5075	5015	5070	860	29959

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 328. Сведения к годовому отчету по военным поселениям за 1824 г.

Дислокация поселенных войск (без фуштатских рот) к 1826 г.

Род войск, подразделение	Губерния	Поселенных батальонов и эскадр.	Резервн. эскадронов	Действующих бат. и эскадр.	Итого
Пехота					
1-я гренад. дивизия	Новгородская	6	–	12	18
2-я гренад. дивизия	Новгородская	6	–	–	6
3-я гренад. дивизия	Новгородская	6	–	–	6
Елецкий и Полоцкий полки	Могилевская	2	–	–	2
Итого		20	–	12	32
Артиллерия					
Охтенский пороховой завод	С.-Петербургская	3 роты			3 роты
Кавалерия					
Бугская уланская дивизия	Херсонская	12	12	24	48
3-я уланская дивизия	Херсонская	12	12	24	48
3-я кирасирская дивизия	Херсонская Екатеринославская	12	12	–	24
2-я уланская дивизия	Слободско- Украинская	12	12	24	48
2-я кирасирская дивизия	Слободско- Украинская	12	12	–	24
Итого		60	60	72	192

Таблица 4

**Динамика численности населения военных поселений
в 1824-1830 гг.¹**

К 1 января Округ поселения	1825 г.	1826 г.	1827 г.	1828 г.	1829 г.	1830 г.	1831 г.
Кирасир. дивизий							
Второй	–	46460	54861	64446	66073	103748	101524
Третьей	–	71862	73956	81998	83092	85100	83924
Уланских дивизий							
Второй	57788	50835	52339	52624	57883	78634	77807
Третьей	47503	51645	54198	65103	65581	67819	72529
Бугской	29055	28769	30516	48020	47977	64524	64097
Гренадер. дивизий							
Первой	29957	32325	30309	42093	49011	50438	53278
Второй и артиллер.	–	91744	82194	82207	90977	94840	98646
Саперных бригад							
Первой	9376	9476	9755	9890	12168	12602	12654
Второй	–	–	–	–	10173	10649	10636
Охтенского порох. завода	1149	1364	1401	1467	1675	2621	2611
Итого	169828	374480	389529	437494	484610	570975	577706

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 3636. – Л. 181-191 об.

Таблица 5

**Численность населения городов военных поселений
в 1826 и 1850 гг.¹**

Города	В 1826 г.	В 1850 г.
Военные:		
1. Старая Русса	6056	8069
2. Умань	8000	7735
3. Елисаветград	9766	13428
Заштатные:		
1. Чугуев	6624	6377
2. Вознесенск	1540	3300
3. Ольвиополь	1608	1859
4. Новогеоргиевск	2514	2856
5. Новомиргород	4203	2669
Итого	40311	46293

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 917. – Л. 85 об.

Численность военных поселян на Кавказе в 1841 г.¹

№ п/п	Поселения	Военных поселян- хозяев	Их жен	Детей		Итого
				м.п.	ж.п.	
1	2	3	4	5	6	7
А	В отдельных селениях на Военно-Грузинской дороге:					
1	Котляревское	79	72	75	74	300
2	Александровское	99	118	115	154	486
3	Николаевское	137	130	168	164	599
4	Ларское	13	14	5	5	37
	<i>В Тифлисском уезде:</i>					
5	Елисаветинское	14	12	16	21	63
	<i>В Александропольском уезде:</i>					
6	Привольное	13	10	22	15	60
7	Джелал-Оглинское	21	19	13	11	61
8	Гергерское	31	30	23	25	109
	Итого	407	405	437	469	1718
Б	При штаб-квартирах на Кавказской линии:					
9	Нальчикское (Кабардин- ский егерский полк)	48	49	37	34	168
10	Грозненское (Куринский егерский полк)	145	147	163	120	575
11	Владикавказское (Кавказский линейный батальон №5)	79	80	99	85	343

1	2	3	4	5	6	7
12	В Закавказье: Белоклочинское (Мингрельский егерский полк)	141	142	154	127	564
13	Манглиское (Эриванский карабинерный полк)	55	52	72	62	241
14	Царскоколодецкое (Тифлисский егерский полк)	79	80	69	71	299
15	Озургетское (Грузинский линейный батальон №1)	5	5	3	2	15
16	Тифлиское (Грузинский линейный батальон №18)	12	12	8	10	42
17	Шемахинское (Грузинский линейный батальон №7)	3	3	2	–	8
	Итого	567	570	607	511	2255
	Всего	974	975	1044	980	3973

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 3690. – Л. 2. Отчет о военных поселениях на Кавказе за 1841 г.

Численность женатых нижних чинов и их семей при штаб-квартирах отдельного Кавказского корпуса в 1841 г.¹

Род войск	Нижних чинов	Их жен	Детей		Итого
			м.п.	ж.п.	
В кавалерии	33	33	22	24	112
В артиллерии	44	44	30	33	151
В пехоте:					
в полках	1041	1038	582	563	3224
в линейных батальонах	786	786	489	476	2537
Итого	1904	1901	1123	1096	6024

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 3690. – Л. 4.

Таблица 8

Данные о посевах, сборах и урожайности зерновых в военных поселениях на Кавказе в 1849 г. (в четв.)¹

Поселение	Пшеницы			Ржи			Ячменя		
	Посеяно	Собрано	Урожайность (в самах)	Посеяно	Собрано	Урожайность (в самах)	Посеяно	Собрано	Урожайность (в самах)
Железноводское	32	100	3,1	17	19	1,1	8	2	-
Нальчикское	138	1190	8,6	51	588	11,5	5	51	10,2
Джелал-Оглинское	14	97	6,9	7	64	9,1	-	-	-
Гергерское	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Манглинское	161	892	5,5	2	24	12,0	-	-	-
Елисаветинское	54	329	6,1	6	60	10,0	-	-	-
Белоключицкое	460	2709	5,9	3	10	3,3	11	87	7,9
Царско-колодецкое	170	1358	8,0	-	-	-	70	430	6,1
Привольное	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Итого	1029	6675	6,5	86	765	8,9	94	570	6,1

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 6642. – Л. 9. Отчет по Кавказским военным поселениям за 1849 г.

Поземельный состав военных поселений на Кавказе и их обеспеченность скотом в 1849 г.¹

	Количество хозяев	Душ м.п.	Следует земли (дес.)	Имеется земли	Скота в наличии		
					Лошадей	Волов (пар)	Коров
Железноводское	30	84	1680	1096	17	44	293
Грозненское	149	339	6780	^{xx}	191	–	59
Нальчикское	57	147	2940	1418	25	148	526
Ларское^{xxx}	10	12	240	518	7	–	43
Елисаветинское	17	52	780	2234	13	70	108
Джелал-Оглинское и Гергерское	150	397	5955	4362	64	411	1026
Привольное	91	238	3570	2540	76	345	920
Манглиское	68	212	3180	3688	87	214	490
Белоключинское	135	327	4905	3687	25	303	391
Царскоколодецкое	39	88	1320	1423	19	111	315
Лагодехское	28	74	1110	Сведения отсутствуют			
Тифлиское	45	86	Не выделяется	2	17	–	41
Шемахинское	39	63		108	6	30	50
Итого	868	2119	32450	24157	547	1676	4362

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 6642. – Л. 2, 5-5 об., 7 об.

^{xx} Земли в Грозненском поселении достаточно, но она не обрабатывается из-за частых набегов горцев.

^{xxx} В Ларском поселении грунт каменистый и малопригоден для хлебопашества.

Численность поселян-хозяев и их помощников в Херсонских военных поселениях в 1830 г.¹

Дивизии	Хозяев	В т.ч. из коренных жителей	Хозяев из кор. жителей в %%	Помощников хозяев	В т.ч. из кор. жителей	Помощников из кор. жителей в %%
3-я кирасирская	5209	4638	89,0	5877	5397	91,8
3-я уланская	3853	3403	88,3	4729	4658	98,5
Бугская уланская	3196	2851	89,2	3789	3495	92,2
Итого	12258	10892	88,9	14395	13550	94,1

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 3636. – Л. 178-179.

Таблица 11

Численный состав русской армии в 1822 г. (Без поселенных войск)¹

Состав войск	Численность	В % к общему составу
Рядовой состав:		
1. Строевые войска двух армий и отдельных корпусов	594000	59,4
2. Казаки	55000	5,5
3. Нестроевые	68500	6,8
4. Денщики	45000	4,5
5. Кантонисты	44000	4,4
6. Музыканты и барабанщики	22500	2,2
7. Гарнизонная артиллерия	15500	1,5
8. Внутренняя стража, гарнизонные и инвалидные роты и команды	126000	12,6
9. Рабочие батальоны, мастеровые роты	30000	3,0
Итого	1000500	100,0
Офицерский состав:		
10. Генералы	604	
11. Штаб и обер-офицеры	30000	
Всего	1031104	

Строевой состав военных поселений в 1825 г.¹

Поселения	В строю
1. Новгородские	32329
2. Херсонские	60705
3. Слободско-Украинские	33175
4. Могилевские	2716
5. Охтенского порохового завода	1202
Итого	130127

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 596, 619.**Численность основных категорий военных поселян в 1829 г.¹**

Категории поселян	Количество	В %% к общему количеству
Нижние чины действующих и резервных батальонов и эскадронов	77456	14,2
Поселяне-хозяева: из солдат	7915	1,5
из коренных жителей	36859	6,8
Помощники хозяев: из солдат	970	0,03
из коренных жителей	19967	3,7
Непоселенные чины	1019	0,03
Кантонисты: старшего возраста	11324	2,1
среднего возраста	28971	5,3
младшего возраста	75783	13,9
негодных к строю	1150	0,04
Инвалиды: служащие	33320	6,1
неслужащие	32859	6,0
Жены и вдовы	118334	21,8
Дети женского пола	116956	21,5
Итого	543853	100,0

Таблица 14

**Численность основных категорий
военных поселян и пахотных солдат в 1855 г.¹**

Категории населения	Военных поселян	Пахотных солдат	Всего	В %% к общей численности
Хозяева	53558	20559	74117	9,6
Нехозяева (помощники)	69627	19257	88884	11,5
Кантонисты	6245	681	6926	0,9
Дети мужского пола	146808	27280	174088	22,6
Непоселенные нижние чины и инвалиды	25150	4044	28889	3,7
Жены и вдовы	148434	39122	187556	24,3
Дети женского пола	148300	42820	191120	24,8
Духовенство	3018	947	3965	0,5
Разночинцы (отставные и бессрочноотпускные)	14578	1140	15718	2,0
Итого	615413	155850	771263	100,0

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 1497. – Л. 38-39.

Таблица 15

**Динамика численности побегов поселян и солдат
Новгородских военных поселений в 1824-1831 гг.¹**

Год	В поселенных батальонах	Поселян-хозяев в %	В действующих и резервных батальонах	В войсках, находящихся на работах	Итого
1824	–	–	37	нет данных	37
1825	41	2	66	нет данных	107
1826	29	1	21	82	132
1827	21	1	44	122	187
1828	7	0,5	91	57	155
1829	19	1	75	392	467
1830	19	0,5	79	420	538
1831	62	4	136	676	874

¹ Таблица составлена на основании данных месячных рапортов и донесений командиров отрядов и дивизионных начальников, отчетов о строевых и инспекторских смотрах по Новгородским военным посе-

Таблица 16

Динамика численности кантонистов военно-учебных заведений, подчиненных штабу военных поселений в 1823-1831 гг.¹

Год	Кантонистов в военно-учебных заведениях	Выпущено в войска	Умерло^x
1823	65577	Нет данных	2436
1824	65715	Нет данных	2423
1825	62574	3469	2080
1826	63118	1853	нет данных
1827	58187	3480	1812
1828	95679	6183	2085
1829	98058	6340	2394
1830	107792	3921	716
1831	116859	4082	694

¹ Таблица составлена на основании годовых отчетов по военным поселениям и военно-учебным заведениям (РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 247, 407; Оп. 2. – Д. 155, 771, 1469, 1960, 3636, 6933).

^x Смертность показана только по непосредственно состоявшим в военно-учебных заведениях.

Численность поселян-хозяев в округах кавалерии в 1845 г.¹

Округа	Хозяев 1-го разряда		Хозяев 2-го разряда		Всего
	Численность	% от общей численности	Численность	% от общей численности	
1	2	3	4	5	6
Украинские военные поселения:					
№1	1433	59,3	982	40,7	2415
№2	1912	77,0	570	23,0	2482
№3	1356	54,7	1121	45,3	2477
№4	1606	54,8	873	35,2	2479
Итого	6307	64,0	3546	36,0	9853
№5	1516	99,2	12	0,8	1528
№6	1318	83,1	268	16,9	1586
№7	1479	98,8	18	0,2	1497
№8	1522	96,8	51	3,2	1573
Итого	5835	94,4	349	5,6	6184
Всего по Украинским военным поселениям	12142	75,7	3895	24,3	16037
Новороссийские военные поселения:					
№1	1130	43,5	1466	56,5	2596
№2	1248	43,9	1592	56,1	2840
№3	1315	45,3	1586	54,7	2901
№4	1504	46,3	1631	53,7	3035
Итого	5097	44,8	6275	55,2	11372
№5	1119	46,8	1271	53,2	2390
№6	1007	46,4	1163	53,6	2170
№7	918	44,8	1132	55,2	2050
№8	1181	53,2	1037	46,8	2218
Итого	4225	47,9	4603	52,1	8828

1	2	3	4	5	6
№9	798	21,5	2908	78,5	3706
№10	1525	48,7	1608	51,3	3133
№11	1268	41,3	1800	58,7	3068
№12	1134	40,2	1686	59,8	2820
Итого	4725	37,1	8002	62,9	12727
Всего по Новороссийским военным поселениям	14047	42,7	18880	57,3	32927
Военные поселения Киевской и Подольской губерний:					
№1	1209	49,9	1213	50,1	2422
№2	936	50,0	936	50,0	1872
№3	936	50,0	936	50,0	1872
№4	936	50,0	936	50,0	1872
№5	756	47,2	847	52,8	1603
Итого	4773	49,5	4867	50,5	9640

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 631. – Л. 67.

**Демографическая ситуация в округах военных поселений
и пахотных солдат в 1845 г.¹**

Округа	К 1 января всех жителей	В течение 1845 г.				
		Родилось		Умерло		% прироста
		м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.	
Военных поселений:						
Украинские						
№1-4	111925	3020	2840	2192	2075	1,4
№5-8	89442	2519	2418	1779	1643	1,7
Новороссийские						0,2
№1-4	94715	1138	1324	1151	1083	0,6
№5-8	75990	1288	1142	1061	936	1,1
№9-12	89849	1620	1450	1094	1004	
Киевской и Подольской губерний						
№1-5	91693	2329	1385	1415	1432	0,9
Итого	553614	11914	10559	8629	8173	1,0
Пахотных солдат:						
Новгородского удела	39881	859	726	740	783	0,2
Старорусского удела	89004	1365	1189	1368	1262	-0,1
Витебской губ.	13783	256	217	290	234	-0,4
Могилевской губ.	10091	234	223	272	288	-1,0
Итого	152759	2714	2355	2669	2567	-0,2
Всего	406373	14628	12914	11298	10740	0,8

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 5146. – Л. 6, 11.

**Демографическая ситуация в округах военных поселений
и пахотных солдат в 1856 г.¹**

Округа	К 1 января всех жителей	В течение 1856 г.					% при- роста
		Родилось		Умерло			
		м.п.	ж.п.	м.п.	ж.п.		
Военных поселений:							
Новороссийские							
№1-4	98345	2130	1948	1629	1514	1,0	
№5-8	83216	1905	1632	1370	1017	1,4	
№9-12	94421	2425	1655	1775	1346	1,0	
Киевской и Подольской губерний	99721	1986	1653	1532	1263	0,8	
Итого	375703	8446	6888	6306	5140	1,0	
Пахотных солдат:							
Новгородской губернии	128947	2176	1961	1775	1806	0,4	
Витебской губ.	13536	248	271	294	322	-0,7	
Могилевской губ.	9482	251	228	165	175	1,5	
Итого	151965	2677	2460	2234	2303	0,4	
Всего	527668	11123	9348	8540	7443	0,8	

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 8937. – Л. 3-7 об.
(Данные по Украинским военным поселениям нами не разысканы).

**Численность населения округов военных поселений
и пахотных солдат в 1839 г.¹**

Округа	Мужского пола	Женского пола	Всего
Военных поселений:			
Украинские (8 округов)	94088	97580	191668
Новороссийские (12 округов)	121935	116500	238435
Киевской и Подольской губерний (5 округов)	55039	56583	111622
Охтенского порохового завода	1842	983	2825
Пахотных солдат:			
Новгородской губ. (14 окр.)	60102	65075	125177
Витебской губ.	6010	6434	12444
Могилевской губ.	4619	4722	9341
Итого	343635	347877	691512

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 2248. – Л. 2-2 а.

**Национальный состав населения округов военных поселений
в начале 1830-х годов¹**

Округа	Проживающие национальности	Вероисповедания
1-й саперной бригады	Русские, латыши	Православное, униатское, католическое, старообрядческое
2-й саперной бригады	Русские, белорусы, украинцы, латыши, эстонцы	Православное, униатское, католическое, лютеранское
Охтенского порохового завода	Русские, украинцы	Православное
2-го резервного кав. корпуса	Украинцы, русские, татары, евреи	Православное, старообрядческое, ислам, иудаизм
3-го резервного кав. корпуса	Украинцы, русские, молдаване, сербы, болгары, евреи, цыгане	Православное, старообрядческое, иудаизм
Киевской и Подольской губерний	Украинцы, русские, молдаване, цыгане, евреи	Православное, униатское, старообрядческое, иудаизм
Гренадерского корпуса	Русские, украинцы, белорусы, немцы, евреи	Православное, католическое, лютеранское, старообрядческое, иудаизм

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 3643; Оп. 4. – Д. 6010.

Численность народонаселения округов военных поселений в 1854 г.

Категории населения	Округов военных поселений				Итого
	Новороссийских	Украинских	Киевской и Подольской губ.	Охтенского порохового завода	
1	2	3	4	5	6
1. Генералы, штаб и обер-офицеры	1068	926	353	–	2347
2. Нижние чины действующих подразделений	14375	12148	8161	–	34684
3. Их жены	3154	2441	387	–	5982
4. Их дети: м.п. ж.п.	1351 1456	1673 2033	265 377	– –	3289 3866
5. Нижние чины военно-рабочих батальонов и других команд нестроевых войск	7472	6393	3097	931	17893
6. Их жены	2483	3374	1286	–	7143
7. Их дети: м.п. ж.п.	1316 2207	2929 3379	338 882	252 –	4835 6468
8. Неслужащие инвалиды	2464	3026	519	–	6009
9. Отставные нижние чины	1333	90	116	–	1539
10. Бессрочно-отпускные	2378	1091	295	302	4066
11. Солдатские дети, находящиеся на воспитании	450	127	240	–	817
12. Дети бессрочно-отпускных и отставных	368	99	14	–	481
13. Кантонисты	4591	2887	1382	260	9120

1	2	3	4	5	6
14. Военные поселяне:					
1-го разряда	9717	11210	5207	322	26456
2-го разряда	16934	4693	4715	–	26342
15. Нехозяева	30333	22363	12937	25	65658
16. Дети военных поселян: м.п.	62082	47468	23801	–	133351
17. Жены военных поселян, вдовы и дети ж.п.	122408	86820	50209	981	260418
18. Духовенство:					
м.п.	908	222	511	3	1644
ж.п.	893	208	482	7	1590
Гражданского ведомства					
19. Разночинцы:					
м.п.	543	350	494	–	1387
ж.п.	567	335	612	–	1514
20. Купечество:					
м.п.	366	69	293	–	728
ж.п.	315	61	404	–	780
21. Мещане:					
м.п.	3385	285	5830	–	9500
ж.п.	3258	241	6816	–	10315
Всего	298175	216981	130023	3083	648262

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 1461. – Л. 1–35 об.

Численность народонаселения округов пахотных солдат в 1854 г.¹

Категории населения	Новгородского удела	Старорусского удела	Витебской и Могилевской губ.	Итого
1. Генералы, штаб и обер-офицеры	70	83	45	198
2. Священнослужители	35	118	8	191
3. Повивальные бабки	6	7	1	14
4. Нижние чины	166	3046	1919	5131
5. Пахотные солдаты: хозяева, нехозяева и малолетки	17283	39699	10938	67920
6. Колонисты	302	–	–	302
7. Отставные нижние чины	325	250	29	604
Жены:				
8. Генералов, штаб и обер-офицеров	44	65	28	137
9. Священнослужителей	19	34	6	59
10. Нижних чинов и вдовы	2489	7173	1450	11112
11. Пахотных солдат	7047	15986	3908	26941
12. Колонистов	140	–	–	140
13. Отставных нижних чинов	227	144	17	388
Дети:				
14. Генералов, штаб и обер-офицеров:				
м.п.	43	73	23	139
ж.п.	73	92	35	200
15. Священнослужителей:				
м.п.	25	39	7	71
ж.п.	27	71	10	108
16. Нижних чинов:				
м.п.	502	2125	580	3207
ж.п.	1329	4205	1109	6643
17. Пахотных солдат:				
м.п.	–	–	–	–
ж.п.	8268	20501	5757	34526
18. Колонистов:				
м.п.	–	–	–	–
ж.п.	304	–	–	304
19. Отставных нижних чинов:				
м.п.	122	98	13	233
ж.п.	161	164	24	349
Всего	39007	94003	25907	158917

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 1461. – Л. 20–24.

Динамика численности народонаселения в округах военных поселений и пахотных солдат в 1825–1855 гг.¹

Поселения. Годы	Мужского пола	Женского пола	Итого	%% прироста
1	2	3	4	5
Украинские				
1825	55808	41487	97295	–
1830	88090	91241	179331	84,3
1835	88881	94251	183132	2,1
1840	94554	98565	193119	5,5
1845	99366	102289	202055	4,6
1850	97967	96967	194957	–3,5
1855	103899	103463	207362	6,4
Прирост за весь период				113,0
Новороссийские				
1825	87073	62203	152276	–
1830	116702	103848	220550	44,8
1835	118940	111676	230616	4,6
1840	122022	119803	241825	4,9
1845	140415	134793	275208	13,8
1850	140188	126641	266829	–3,1
1855	147582	143388	290970	9,0
Прирост за весь период				91,0
Киевской и Подольской губерний				
1825	–	–	–	–
1840	52369	48684	101053	–
1845	50312	49814	100126	–1,0
1850	51762	52327	104089	4,0
1855	56989	56343	113332	8,9
Прирост за весь период				12,2
Новгородские				
1825	58583	55485	114069	–
1830	80544	70324	150868	32,3
1835	58851	64675	123509	–18,2
1840	59929	63584	123513	нет
1845	62457	68511	130968	6,0
1850	60985	68075	129060	–1,5
1855	61420	70729	132149	2,4
Прирост за весь период				15,9

1	2	3	4	5
Витебской и Могилевской губерний				
1825	5498	4234	9732	–
1830	12474	10816	23290	139,3
1835	13770	10022	23792	2,2
1840	11892	11225	23117	–2,9
1845	11833	11538	23371	1,1
1850	11773	11790	23563	0,8
1855	11456	12245	23701	0,5
Прирост за весь период				143,5
Охтенского порохового завода				
1825	755	609	1364	–
1830	1765	846	2611	91,4
1835	1657	1038	2695	3,2
1840	1666	1020	2686	нет
1845	1835	1050	2885	7,4
1850	2068	1111	3179	10,2
1855	2482	1267	3749	17,9
Прирост за весь период				174,8
По всем поселениям				
1825	207717	166763	374480	–
1830	299534	278172	577706	54,3
1835	282099	282644	564743	–2,2
1840	342432	345881	688313	21,9
1845	366218	368395	734613	6,7
1850	364743	356934	721677	–8,8
1855	383828	387435	771263	6,9
Прирост за весь период				106,0

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 407; Оп. 2. – Д. 155, 771, 3636, 6933, 6970; Оп. 4. – Д. 6758, 8189, 8465; Оп. 10. – Д. 16, 35, 155, 202, 251, 313, 375, 435, 517, 598, 654, 810, 916, 1114, 1195, 1406^a, 1497, 1590.

Динамика численности поселян-хозяев и нехозяев в округах военных поселений и пахотных солдат в 1829–1854 гг.¹

Поселения. Периоды	Хозяев (тыс.)	В %% к м.п.	Нехозяев (тыс.)	В %% к м.п.
Украинские				
1829–1834	13,4	15,8	13,3	15,6
1835–1839	16,0	17,4	17,3	18,9
1840–1844	16,0	16,7	20,9	21,8
1845–1849	15,8	15,8	23,3	23,4
1850–1854	15,9	15,6	22,4	22,1
Новороссийские				
1829–1834	12,9	11,2	16,1	13,9
1835–1839	25,4	21,4	17,9	15,0
1840–1844	30,5	22,7	25,1	18,6
1845–1849	31,2	21,9	27,9	19,7
1850–1854	27,0	18,7	31,2	21,6
Киевской и Подольской губерний				
1840–1844	9,2	18,4	11,3	22,6
1845–1849	9,7	19,1	12,9	25,4
1850–1854	10,0	18,4	13,3	24,6
Охтенского порохового завода	В абсолютных цифрах			
1829–1834	378	21,4	–	–
1835–1839	348	20,3	33	1,6
1840–1844	340	19,1	38	2,1
1845–1849	336	18,2	35	1,9
1850–1854	318	15,3	33	1,6
Новгородской губернии				
1829–1834	22,5	38,4	9,6	16,7
1835–1839	19,6	33,2	10,3	17,4
1840–1844	19,7	32,3	12,9	21,0
1845–1849	19,1	31,4	14,8	24,4
1850–1854	18,3	29,0	16,2	26,3
Витебской и Могилевской губерний				
1829–1834	3,7	29,2	1,9	14,4
1835–1839	3,6	29,7	1,8	15,0
1840–1844	3,5	29,4	2,3	19,3
1845–1849	3,2	27,8	2,7	22,9
1850–1854	3,2	27,1	2,8	23,9

¹ Составлено по: см. источники к табл. 24.

**Динамика расходной части бюджета военных поселений
в 1820–1831 гг.¹**

Годы	Статьи расхода (в рублях)								Итого
	штатные расходы	в % от общей суммы	высочайше утвержденные	в %%	строительство	в %%	возврат	в %%	
1820	167139	5,8	460814	16,0	1987059	68,9	267953	9,3	2882965
1821	91265	3,6	512548	20,1	1704950	66,9	238390	9,4	2547153
1822	134320	3,5	890127	23,5	2343297	61,8	424000	11,2	3792343
1823	132170	4,4	742858	24,8	2040083	67,9	87720	2,9	3002831
1824	109720	4,4	336780	13,4	2021717	80,8	49200	2,0	2517417
1825	171430	4,7	947110	26,2	2422476	67,1	72531	2,0	3613547
1826	184180	4,4	1082665	25,9	2755684	66,1	150337	3,6	4172866
1827	181410	7,1	565817	21,8	1801396	69,5	41586	1,6	2590209
1828	181960	7,9	455073	19,7	1666192	72,0	9868	0,4	2313093
1829	183220	9,0	542712	26,5	1257971	61,5	60891	3,0	2044794
1831	269780	19,2	438240	31,3	656470	46,8	38334	2,7	1402824
Всего	1806594	5,9	6974744	22,6	20657295	66,8	1440909	4,7	30879542

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 504. – Оп. 1. – Д. 211, 149, 192, 266, 349, 428; Оп. 2. – Д. 308, 964, 1635, 4063. Данные за 1830 год нами не обнаружены.

**Динамика ассигнований по отдельным военным поселениям
в 1822–1832 гг.¹**

Годы	Новгородские		Херсонские		Слободско– Украинские		По всем военным поселе- ниям
	руб.	в %%	руб.	в %%	руб.	в %%	
1822	2297686	60,6	930382	24,5	257781	6,8	37922343
1823	1745302	58,1	636758	21,2	230047	7,7	3002831
1824	1959245	69,8	291294	10,4	246160	8,8	2517417
1825	2741607	75,9	292421	8,1	303584	8,4	3613547
1826	2871624	68,8	415327	9,9	508685	12,2	4172866
1827	2110162	81,5	213110	8,2	213619	8,2	2590209
1828	1986675	86,0	117403	5,1	166496	7,2	2313093
1829	1668360	81,6	178426	8,7	144955	7,1	2044794
1830	Данные не обнаружены		143713	7,6	252844	13,4	1883750
1831	978921	69,8	135275	9,6	228822	16,3	1402824
1832	1426388	71,7	146760	7,4	320075	16,1	1987469

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 192, 266, 349, 428; Оп. 2. – Д. 308, 964, 1635, 2110, 4063, 7395.

Динамика капиталов военных поселений¹

Годы	Виды капиталов						Итого
	на устройство поселений	на устройство батальонов военных кантонистов	вспомогательный	конских заводов (в округах кавалерии)	церковный	мелочные	
1822	13004123	–	1022810	2135706	–	425953	16588592
1823	13048948	–	944599	3484417	–	161429	17639393
1824	15170109	304159	2020249	2745935	162894	486420	20889766
1825	15337027	354176	3651924	3023550	169648	549001	23305326
1826	17945975	2519262	3782910	3437473	267928	275538	28229086
1827	20014903	2500221	4230723	3856102	287785	321602	31211336
1828	20109110	3624157	4546307	4224194	343029	416789	33263586
1829	20160657	4092728	4714622	4348888	452513	650709	34420117
1830	22262227	4572526	4028049	4584072	468620	740828	36656322
1831	22187160	5075919	4009757	5227571	477994	201866	37180267

¹ Составлено по: см. источники к табл. 27.

Таблица 29

Стоимость (в руб. ассигнациями) некоторых видов собственности военных поселений¹

Вид собственности	1824 г.	1826 г.	1827 г.	1829 г.
Конные заводы	1093500	2740500	2545250	1594000
Запасные и вспомогательные хлебные магазины	1147148	2178074	2952722	3268571
Земельные угодья	Нет данных	1303251	1355736	1371415
Итого	2240648	6221825	6853708	6233986

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 242, 404, 407; Оп. 2. – Д. 155, 771, 1463, 1469.

Стоимость продовольствия и фуража, произведенных в округах военных поселений в 1821–1831 гг.¹

Годы	Количество пайков («дачи»)	Их стоимость^x (руб.)
1821	33167	2033797
1822	48256	3189919
1823	нет данных	3179447
1824	57645	3257375
1825	98114	3465217
1826	110840	3548138
1827	130575	4570794
1828	нет данных	5874798
1829	222856	7437064
1830	240827	7972736
1831	251387	9034115
Итого		53563400

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 247, 407; Оп. 2. – Д. 155, 771, 1469, 1758, 6933.

^x Стоимость одной «дачи» колебалась в зависимости от конъюнктуры хлебного рынка в различные годы и в различных регионах.

**Динамика приходной части бюджета военных поселений
в 30 – 50-е гг. (руб. серебром)¹**

Годы	Прямые				Косвенные				Всего
	Оброк с пахотных солдат	Оброчные статьи в округах	За продажу питей	Итого	От различных государственных учреждений	Процент по суду	Мелочные	Итого	
1837	1093625	167363	715489	1976477	Нет данных			2132294	4108771
1838	1220115	168474	1038989	2427578	796940	337020	48342	1182302	3609880
1839	1219129	185505	1170500	2575134	821817	407017	64295	1293133	3818267
1840	347867	57100	334428	741009	219377	91258	24314	334900	1075909
1841	347588	57972	352170	757730	66265	95570	33493	195331	953061
1844	382148	176466	634141	1192755	–	156389	80399	236788	1429543
1845	348874	78676	614042	1041592	–	204720	328224	532944	1574536
1846	349015	46359	473792	869166	751283	101806	57213	159019	1779469
1847	341983	90908	566299	999190	400000	105194	111579	616733	1615963
1848	344645	86660	573786	1005091	–	106026	122667	228693	1233788
1851	338164	124110	554000	1016274	201094	8909	4735	214738	1231012
1852	336523	92661	645665	1074849	–	90340	7537	97877	1172726
1854	332969	96760	645665	1075394	–	83286	186872	270158	1345522
1855	327382	108158	583545	1019085	–	104274	14502	118776	1137861
1856	321958	110206	583345	1015509	–	108386	28440	136826	1152335

¹ Составлено по: см. источники к табл. 24.

**Динамика расходов (в руб.) по Департаменту военных поселений
в 30 – 50-е гг.¹**

Годы. Округа	Штатные	%%	Высоч. утвержд.	%%	Строит. работы	%%	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8
1834							
Общие расходы	138730	13,5	846775	82,4	40000	3,9	1027853
Новгород. уд.	29910	3,1	427185	43,6	522560	53,3	979655
Старорусск. уд.	28330	9,3	143860	47,2	132400	43,5	304590
1-я и 2-я сап. бригады	3920	5,7	22760	33,3	41615	61,0	68295
1-й рез. кав. корпус	19830	4,4	110315	24,5	320390	71,7	450535
2-й рез. кав. корпус	29110	9,1	74440	23,3	215935	67,6	319485
Сводный рез. кав. корпус	2250	0,8	42510	15,6	228010	83,6	272770
Охтенский пор. завод	–	–	8020	72,8	3000	27,2	11020
Итого	252080	7,5	1675865	48,5	1503910	43,9	3434203
1836							
Общие расходы	541520	55,5	94425	9,7	340000	34,8	975945
Новгород. уд.	16830	1,8	292630	29,9	670000	68,4	979460
Старорусск. уд.	15330	4,8	160805	51,0	140000	44,2	316135
1-я и 2-я сап. бригады	5740	17,3	17859	54,1	9455	28,6	33090
1-й рез. кав. корпус	20330	7,8	118575	45,3	122945	47,0	261850
2-й рез. кав. корпус	29110	11,8	70115	28,4	147920	59,9	247145
Сводный рез. кав. корпус	2250	1,0	38660	17,0	187155	82,0	228065
Охтенский пор. завод	–	–	8250	23,0	27700	77,0	35950

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Продолжение табл. 32.

1	2	3	4	5	6	7	8
Итого	631110	20,5	801355	26,0	1645175	53,5	3077640
1838							
Общие расходы	596950	60,0	104180	10,5	292980	29,5	994110
Новгород. уд.	132845	12,8	247805	23,8	659950	63,4	1040600
Старорусск. уд.	141075	38,2	34780	9,4	193350	52,4	369205
Витебск. и Могил. губ.	23190	35,8	–	–	41645	64,2	64835
Украинские военные пос.	123595	42,4	15675	5,4	151986	52,2	291256
Новоросс. военные пос.:							
окр. №1–8	90905	42,0	10430	4,8	115230	53,2	216565
окр. №9–12	27110	51,1	1250	2,4	24635	46,5	52995
Охтенский пор. Завод	4095	21,1	–	–	15325	78,9	19420
Итого	1139765	37,4	414120	13,6	1494901	49,0	3048986
1840 ^x							
Общие расходы	190131	84,3	28351	12,6	7000	3,1	225482
Новгород. уд.	38622	15,2	82488	32,4	133564	52,4	254674
Старорусск. уд.	43177	38,6	15507	13,9	53238	47,5	111922
Витебск. и Могил. губ.	7556	46,2	–	–	8804	53,8	16360
Украинские воен. пос.	28821	53,6	5619	10,5	19303	35,9	53743
Новоросс. военные пос.							
окр. №1–8	28364	70,4	11922	29,6	–	–	40286
окр. №9–12	7792	94,8	424	5,2	–	–	8216
Охтенск. пор. завод	1320	10,5	–	–	11233	89,5	12553
Итого	345783	47,8	144311	20,0	233142	32,2	723236
1842							
Общие расходы	187312	82,7	29237	12,9	10000	4,4	226549
Новгород. уд.	27349	12,8	91649	42,9	94464	44,3	213462
Старорусск. уд.	35347	42,5	24530	29,5	23249	28,0	83126

1	2	3	4	5	6	7	8
Витебск. и Могил. губ.	3947	32,1	2851	23,2	5488	44,2	12286
Украинские военные пос.	13173	21,0	17496	28,0	31822	51,0	62491
Новоросс. военные пос.:							
окр. №1–8	27852	34,5	9353	11,6	43637	53,9	80942
окр. №9–12	6309	22,0	3660	12,8	18729	65,2	28698
Охтенск. пор. завод	1064	9,0	255	2,2	10498	88,8	11817
Итого	302455	42,0	179033	24,9	237887	33,1	719375
1852							
Общие расходы	147536	77,1	37762	19,7	6050	3,2	191348
Округа пахотн. солдат	83910	15,9	94881	18,0	349244	66,1	528035
Штаб инспект. рез. кав.	14828	100,0	–	–	–	–	14828
Украинские воен. пос.	11585	17,4	24648	37,0	30366	45,6	66599
Новоросс. военные пос.:							
окр. №1–8	15609	16,6	48777	51,7	29912	31,7	94298
окр. №9–12	3616	7,3	19288	39,2	26309	53,5	49213
Киевской и Подольской губ.	61821	46,2	48710	36,4	23382	17,4	133913
Охтенск. пор. завод	1684	10,3	22	0,1	14577	89,6	16283
Прочие расходы	91544	–	–	–	–	–	91544
Итого	432133	36,4	274088	23,1	479840	40,5	1186061

¹ Составлено по: см. источники к табл. 24.

^x Начиная с 1840 г., все расчеты производились в руб. серебром (соотношение к руб. ассигнациями – 1:3,5).

**Поземельный состав 2-й кирасирской дивизии в 1827 г.
(в десятинах)¹**

Округ полка	Уезд	Душ м.п.	Всего земли	В т.ч. сенокосов	Лесов
Екатерино-славского	Купянский	6377	51878	5000	500
Глуховского	Купянский	6010	53153	8000	1376
Астраханского	Старобельский	6235	66331	10000	820
Псковского	Изюмский	6503	53706	4000	4967
Итого		25125	225068	27000	7663

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 1467. – Л. 12

Распределение общественных и наделных земель в округах поселения кавалерии в начале 40–х годов (дес. на хозяйство)¹

Округа	Общественные			Наделные			Лес
	Пашня	Сенокос	Итого	Пашня	Сенокос	Итого	
Украинские							
№1	6,8	3,8	10,6	13,9	8,6	22,5	1,0
№2	6,6	3,6	9,9	13,5	7,9	21,4	5,4
№3	6,7	3,7	10,4	13,5	8,4	21,9	1,0
№4	6,7	3,7	10,4	13,5	9,3	22,8	1,5
В среднем	6,7	3,7	10,4	13,6	8,6	22,2	2,2
№5	–	5,0	5,0	21,3	3,4	24,7	3,4
№6	–	6,0	6,0	22,2	5,4	27,6	6,6
№7	–	5,1	5,1	21,5	4,7	26,2	4,1
№8	–	5,0	5,0	21,3	2,7	24,0	2,9
В среднем	–	5,3	5,3	21,6	4,1	25,7	4,3
Новороссийские							
№1	4,8	2,4	7,2	11,2	4,4	15,6	2,1
№2	6,9	2,7	9,6	14,2	6,2	20,4	0,2
№3	6,8	2,7	9,5	14,6	6,2	20,8	0,3
№4	6,5	2,5	9,0	13,0	5,7	18,7	0,2
В среднем	6,3	2,6	8,9	13,2	5,6	18,8	0,7
№5	6,9	3,2	10,1	13,5	5,8	19,3	0,1
№6	7,5	3,5	11,0	15,7	6,6	22,3	0,6
№7	8,0	3,8	11,8	15,9	6,8	22,7	0,9
№8	5,6	2,9	8,5	10,7	6,2	16,9	0,6
В среднем	7,0	3,4	10,4	14,0	6,3	20,3	0,6
№9	5,4	5,2	10,6	21,6	9,3	30,9	–
№10	5,8	7,0	12,8	22,4	8,8	31,2	–
№11	5,9	4,4	10,3	21,7	7,4	29,1	–
№12	5,3	4,2	9,5	20,6	8,2	28,8	–
В среднем	5,6	5,2	10,8	21,6	8,4	30,0	–
Киевской и Подольской губерний							
№1	4,5	2,4	6,9	12,3	5,0	17,3	3,1
№2	4,5	2,4	6,9	12,3	5,0	17,3	1,6
№3	4,5	2,4	6,9	12,3	5,0	17,3	6,8
№4	4,5	2,4	6,9	12,3	5,0	17,3	6,1
№5	4,1	2,2	6,3	11,2	4,6	15,8	6,5
В среднем	4,4	2,4	6,8	12,2	4,9	17,1	4,8

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 631. – Л. 74–74 об.

Наделные земли (в дес.) пахотных солдат в начале 40–х гг.¹

Округ №	Количество хозяев	Всего земли			На одно хозяйство		
		пахотной	сенокосной	всего	пахотной	сенокосной	всего
1	358	2694	3884	6578	7,5	10,8	18,3
2	354	2127	4117	6244	6,0	11,6	17,6
3	528	3807	5023	8830	7,2	9,5	16,7
4	636	2469	8882	11351	3,9	14,0	17,9
5	2090	12416	22509	34925	5,9	10,8	16,7
6	2148	18989	21175	40164	8,8	9,9	18,7
7	1823	14309	20681	34990	7,8	11,3	19,1
8	1851	18584	16891	35476	10,0	9,1	19,1
9	1841	18507	19870	38377	10,0	10,8	20,8
10	1835	14909	18254	33163	8,1	9,9	18,0
11	1861	14968	20153	35121	8,0	10,8	18,8
12	1757	13361	21006	34367	7,6	12,0	19,6
13	1428	9262	15748	25010	6,5	11,0	17,5
14	1203	7319	15155	22474	6,1	12,6	18,7
В среднем					7,4	11,0	18,4

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 631. – Л. 80–81 об.

Надельные земли (в дес.) пахотных солдат в 1855 г.¹

Округ №	Платящих оброк ^x		Участков земли по 6,5 дес.	В среднем на одно хозяйство	
	хозяев	нехозяев		участков	земли
1	757	790	1969	2,60	16,9
2	974	904	2342	2,40	15,6
3	2072	2095	6682	3,22	20,5
4	3091	3961	9474	3,06	19,9
5	3431	3993	10090	2,94	19,1
6	3085	7106	9765	3,16	20,5
7	2354	5032	6593	2,80	18,2
Витебской губ.	1808	2101	5929	3,28	21,3
Могилевской губ.	1343	1105	4329	3,22	19,3
Итого	18915	27087	57173	2,96	19,2

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 10. – Д. 631. – Л. 90–91 об.

^x В том числе: колонистов–хозяев в округе №1 – 32, в округе №2 – 63; колонистов–нехозяев в округе №1 – 47, в округе №2 – 123.

Таблица 37

Покупные земли пахотных солдат на 1856 г. (в дес.)¹

Округ №	Владения								В %% к надельной земле
	1	2	3	4	5	6	7	8	
1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
2	–	–	–	–	–	–	–	–	–
3	601	35	936	54	196	11	1733	100	2,3
4	–	–	631	56	494	44	1125	100	1,7
5	–	–	894	15	4926	85	5820	100	7,9
6	6	–	3441	57	2550	43	5991	100	8,6
7	1193	36	1051	32	1026	32	3270	100	6,9
Итого	1794	10	6953	39	9192	51	17939	100	5,4

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 11. – Д. 1293; РГИА. – Ф. 515. – Оп. 66. – Д. 976.

Распределение земель в округах военных поселений и пахотных солдат в начале 30-х гг. (в дес.)¹

Округа	Земли							
	общее количество	в %	удобной	в %	под лесом	в %	неудобной	в %
2-й кирас. див.	471648	14,4	394210	83,6	17140	3,6	60298	12,8
2-й уланск. див.	348605	10,7	251430	72,2	69191	19,8	27984	8,0
3-й кирас. див.	409111	12,5	368534	90,1	29669	7,3	10908	2,6
3-й уланск. див.	310432	9,5	296943	95,6	4763	1,5	8726	2,8
4-й уланск. див.	522081	16,0	522073	100	8	—	—	—
1-й и 2-й саперных бригад	117975	3,6	80200	68,0	28675	24,3	9100	7,7
Охтенского порохового завода	14152	0,4	5130	36,2	8518	60,2	504	3,6
Новгородского удела	438400	13,4	266400	60,8	146900	33,5	25100	5,7
Старорусск. удела	635300	19,4	493300	77,6	72000	11,4	70000	11,0
Итого	3267704	100,0	2678220	82,0	376864	11,5	212620	6,5

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 6933. – Л. 298.

**Динамика посевов, сборов (в четвертях) и урожайности (в «самах»)
зерновых на душу населения в военных поселениях кавалерии¹**

Округа. Периоды ^x	Посевы			Сборы			Урожайность	
	озимые	яровые	всего	озимые	яровые	всего	озимые	яровые
Украинские								
При создании	0,28	0,70	0,98	1,57	2,45	4,02	5,6	3,5
1825–1829	0,38	0,51	0,89	1,93	1,31	3,24	5,1	2,6
1830–1834	0,42	0,48	0,90	1,64	2,15	3,79	4,0	4,5
1835–1839	0,51	0,62	1,13	2,29	3,91	6,20	4,5	6,3
1840–1844	0,49	0,76	1,25	2,63	4,40	7,03	5,4	5,8
1845–1849	0,45	0,78	1,23	2,19	3,89	6,08	4,9	5,0
1850–1854	0,44	0,82	1,26	2,14	4,69	6,83	4,8	5,6
В среднем	0,45	0,66	1,11	2,14	3,39	5,53	4,8	5,0
Новороссийские								
При создании	1,00	1,30	2,30	6,00	8,45	14,45	6,0	6,5
1825–1829	0,58	0,54	1,12	3,65	2,53	6,18	6,3	4,7
1830–1834	0,49	0,55	1,04	1,52	1,96	3,48	3,2	3,6
1835–1839	0,44	0,75	1,19	1,83	4,30	6,13	4,2	5,7
1840–1844	0,47	0,78	1,25	1,85	2,76	4,61	3,9	3,5
1845–1849	0,49	0,69	1,18	1,76	1,95	3,71	3,6	2,8
1850–1854	0,42	0,73	1,15	1,76	2,59	4,35	4,2	3,5
В среднем	0,48	0,67	1,15	2,06	2,68	4,74	4,2	4,0
Киевской и Подольской губ.								
1840–1844	0,33	0,30	0,63	1,88	1,19	3,07	5,7	4,0
1845–1849	0,39	0,34	0,73	2,29	1,40	3,69	5,9	4,1
1850–1854	0,43	0,54	0,97	2,44	2,30	4,74	5,7	4,3
В среднем	0,38	0,39	0,78	2,20	1,63	3,83	5,8	4,1

¹ Составлено по: см. источники к табл. 24.

^x При подсчете средних значений брались данные только за период существования военных поселений.

Динамика посевов, сборов (в четвертях) и урожайности (в «самах»)

зерновых на душу населения в округах военных поселений пехоты и пахотных солдат¹

Округа. Периоды ^x	Посевы			Сборы			Урожайность	
	озимые	яровые	всего	озимые	яровые	всего	озимые	яровые
Новгородской губернии								
При создании	0,35	0,80	1,20	1,60	2,45	4,05	5,0	3,0
1825–1829	0,39	0,85	1,24	1,41	1,75	3,16	3,5	2,2
1830–1834	0,44	1,03	1,47	1,98	2,97	4,95	4,5	2,9
1835–1839	0,46	1,19	1,65	2,76	5,08	7,84	6,0	4,3
1840–1844	0,46	1,22	1,68	2,74	5,10	7,84	6,0	4,2
1845–1849	0,48	1,18	1,66	2,52	4,64	7,16	5,3	3,9
1850–1854	0,49	1,14	1,63	2,26	3,47	5,73	4,6	3,0
В среднем	0,45	1,10	1,55	2,28	3,83	6,11	5,0	3,4
Витебской и Могилевской губ.								
При создании	0,34	0,60	0,94	1,50	2,35	3,85	4,5	2,5
1825–1829	0,39	0,55	1,04	1,12	1,10	2,22	2,9	2,0
1830–1834	0,33	0,81	1,14	0,94	2,17	3,11	2,8	2,7
1835–1839	0,45	0,62	1,07	2,11	2,80	4,91	4,7	4,5
1840–1844	0,49	0,53	1,02	2,00	2,43	4,43	4,1	4,6
1845–1849	0,48	0,69	1,17	1,81	2,39	4,52	3,8	3,5
1850–1854	0,45	0,75	1,20	1,76	2,27	4,03	3,9	3,0
В среднем	0,43	0,68	1,11	1,62	2,25	3,87	3,7	3,4

¹ Составлено по: см. источники к табл. 24.

^x При подсчете средних значений брались данные только за период существования военных поселений и округов пахотных солдат.

Структура посевов в округах пахотных солдат в 1848 г. (в четвертях)¹

Культуры	Округа								Итого	в %%
	Новгородского удела	в %%	Старорусского удела	в %%	Витебской губернии	в %%	Могилевской губернии	в %%		
Озимые: рожь	16920	22,9	42127	23,6	6304	31,7	4576	28,0	69927	24,2
Яровые: рожь	–	–	–	–	11	0,05	170	1,0	181	0,06
пшеница	–	–	–	–	78	0,4	103	0,6	182	0,06
ячмень	1519	2,1	3714	2,1	1731	8,7	1177	7,2	8141	2,8
овес	39405	53,3	104841	58,8	5050	25,4	5218	32,0	154514	53,6
горох	1049	1,4	2577	1,4	1025	5,1	372	2,3	5023	1,7
просо	–	–	–	–	–	–	5	–	5	–
гречиха	–	–	–	–	110	0,5	408	2,5	518	0,2
бобы	–	–	28	0,02	242	1,2	–	–	270	0,1
карто- фель	13890	18,8	19343	10,9	4622	23,2	3446	21,1	41301	14,3
лен	1145	1,5	5355	3,0	693	3,5	520	3,2	7713	2,7
пенька	–	–	200	0,1	18	0,09	330	2,0	548	0,2
Итого	73928	100	178185	100	19884	100	16325	100	288322	100

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 6398. – Л. 17–17 об.

**Структура посевов в округах Херсонских военных поселений
в 1832 г. (в четв.)¹**

Дивизии	Рожь	Пшеница	Рожь	Пшеница	Овес	Ячмень	Просо	Гречиха	Всего
3-я кирасир- ская в %%	21630 25,4	4397 5,2	312 0,4	15272 17,9	17175 20,15	17968 21,1	3155 3,7	5219 6,2	85232 100
3-я уланская в %%	17490 25,4	7432 10,8	– –	11316 16,4	16736 24,3	9808 14,2	3105 4,5	2973 4,3	69000 100
Бугская уланская в %%	15695 24,9	9000 14,2	77 0,1	10324 16,3	11869 18,7	3840 6,1	1776 2,8	10752 16,9	63256 100
Дивизии в %%	54815 25,2	20829 9,6	389 0,2	36912 17,0	45780 21,1	31616 14,5	8037 3,7	19044 8,8	217422 100

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 6970. – Л. 23–23 об.

Соотношение урожайных и неурожайных лет в 30 – 50-е гг. в округах военных поселений и пахотных солдат¹

Округа	1832–1841 гг.				1842–1851 гг.			
	менее сам–2,5	в т.ч. менее сам– 2	сам–2,5 – сам–4,5	более сам–4,5	менее сам–2,5	в т.ч. менее сам– 2	сам–2,5 – сам–4,5	более сам–4,5
Украинские	2	–	2	6	2	1	1	7
Новороссийские	5	3	1	4	2	1	7	1
Киевской и Подольской губ.	–	–	–	–	–	–	3	7
Новгородской губ.	–	–	4	6	–	–	3	7
Витебской и Могилевской губ.	2	–	5	3	1	–	8	1

¹ Составлено по: см. источники к табл. 24.

Урожайность зерновых культур в Старорусском уделе пахотных солдат в 1842 г. (в «самах»)¹

Округ	Волость	Урожайность ржи					Урожайность овса				
		лучшая	средняя	худшая	сред. по вол.	сред. по окр.	лучшая	средняя	худшая	сред. по вол.	сред. по окр.
№7	1	10,0	8,5	6,0	8,5	7,8	6,1	5,0	4,1	5,0	4,6
	2	8,0	7,3	5,3	7,0		5,8	5,5	5,3	5,5	
	3	10,5	7,5	5,8	7,8		5,0	4,5	4,0	4,2	
	4	9,5	8,0	6,5	8,0		4,2	3,5	2,6	3,5	
№8	1	8,5	5,0	3,3	5,7	6,1	7,7	5,7	4,6	6,2	6,2
	2	10,0	6,0	3,7	6,2		7,5	6,3	4,4	6,5	
	3	9,0	5,3	3,5	5,5		7,0	6,0	4,3	6,0	
	4	10,0	6,0	4,0	6,5		8,0	7,0	4,8	7,0	
№9	1	6,5	5,0	3,5	5,3	5,3	7,0	5,0	4,5	6,0	5,7
	2	7,5	5,5	3,2	5,4		7,0	5,5	4,0	5,8	
	3	8,0	6,5	2,2	6,2		7,0	5,5	4,5	5,9	
	4	7,0	5,5	3,0	5,0		7,0	5,5	4,5	5,9	
№10	1	9,0	7,2	7,0	8,0	6,0	5,0	4,5	4,0	4,5	3,9
	2	7,0	5,0	4,0	5,3		5,0	4,3	3,2	4,0	
	3	7,0	6,0	4,5	5,8		3,5	3,0	2,5	3,0	
	4	6,0	5,0	4,5	5,3		4,5	4,0	3,5	4,0	
№11	1	6,0	5,5	3,5	5,0	5,6	4,5	4,0	3,2	3,8	4,4
	2	6,0	5,3	3,7	5,0		5,5	5,0	4,5	5,0	
	3	7,0	5,0	3,7	5,3		5,3	4,8	4,3	4,8	
	4	8,3	7,3	5,5	7,0		5,0	4,0	3,2	4,1	
№12	1	8,0	6,5	4,0	6,5	6,1	4,5	4,0	3,5	4,2	3,8
	2	8,3	5,5	3,0	6,2		4,0	3,5	3,0	3,7	
	3	7,5	5,7	4,0	6,6		4,0	3,5	3,0	3,7	
	4	7,5	6,5	4,5	6,5		4,5	4,0	3,0	3,9	
№13	1	8,8	7,8	7,0	8,2	7,8	3,3	2,8	2,3	2,7	3,3
	2	9,8	8,3	8,0	9,0		3,1	2,8	2,8	2,7	
	3	8,5	7,5	5,8	8,0		3,5	3,3	3,0	3,2	
	4	8,3	7,0	5,8	7,3		4,8	4,1	3,3	4,4	
№14	1	8,8	7,5	6,7	6,7	7,7	3,8	3,3	3,0	3,3	3,2
	2	9,4	8,3	7,3	9,0		3,5	3,3	3,0	3,5	
	3	10,3	8,3	6,5	9,7		3,5	2,8	2,5	3,3	
	4	7,0	6,5	5,5	6,3		3,6	3,0	2,8	3,5	
Средний урожай по уделу					6,6					4,4	

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 3990. – Л. 12 об.–14.

Динамика душевых посевов, сборов (в четв.) и урожайности (в «самах») в округах пахотных солдат в 1835–1855 гг.¹

Округа	Озимых			Яровых		
	посеяно	собрано	урожайность	посеяно	собрано	урожайность
1	2	3	4	5	6	7
1835 г.						
Новгородского удела:						
№1	0,40	3,25	8,2	1,44	5,10	3,5
№2	0,31	1,84	5,9	0,92	2,79	3,0
№3	0,42	1,62	3,9	1,21	4,05	3,3
№4	0,31	1,54	5,0	0,82	2,67	3,3
№5	0,39	1,58	4,1	0,88	2,91	3,3
№6	0,55	2,81	5,1	1,20	4,96	4,1
В среднем	0,40	2,11	5,3	1,08	3,75	3,5
С коррекцией	0,38	1,96	5,0	1,05	3,68	3,3
Старорусского удела:						
№7	0,35	2,49	7,1	1,12	2,91	2,6
№8	0,54	3,07	5,7	1,22	2,95	2,4
№9	0,41	2,74	6,7	1,11	2,83	2,5
№10	0,50	3,06	6,1	1,21	2,83	2,3
№11	0,48	2,82	5,9	1,20	3,05	2,5
№12	0,55	2,96	5,4	1,13	1,92	1,7
№13	0,46	3,55	7,7	1,43	3,52	2,5
№14	0,37	2,50	6,8	1,09	2,80	2,6
В среднем	0,46	2,90	6,3	1,19	2,85	2,4
С коррекцией	0,46	2,86	6,4	1,17	2,90	2,5
По всем округам	0,43	2,51	5,8	1,13	3,30	3,0
С коррекцией	0,42	2,41	5,7	1,11	3,29	2,9
1842 г.						
Новгородского удела:						
№1	0,38	2,52	6,7	1,42	4,97	3,5
№2	0,33	2,22	6,7	0,93	3,79	4,1
№3	0,35	2,12	6,0	0,86	4,35	5,0
№4	0,27	1,86	6,8	0,79	4,10	5,2
№5	0,41	2,99	7,2	0,92	4,75	5,2
№6	0,52	3,56	6,9	1,13	6,48	5,7
В среднем	0,38	2,54	6,7	1,01	4,74	4,8
С коррекцией	0,37	2,46	6,8	0,96	4,54	4,9

Продолжение табл. 45

СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

1	2	3	4	5	6	7
Старорусского удела:						
№7	0,45	3,54	7,8	1,22	6,22	5,1
№8	0,57	3,45	6,0	1,36	8,88	6,5
№9	0,45	2,49	5,5	1,11	6,74	6,1
№10	0,53	3,20	6,0	1,43	5,73	4,0
№11	0,45	2,49	5,5	1,16	5,07	4,4
№12	0,50	3,20	6,4	1,16	4,55	3,9
№13	0,52	4,18	8,0	1,54	5,12	3,3
№14	0,40	3,14	7,9	1,26	4,47	3,5
В среднем	0,48	3,21	6,6	1,28	5,85	4,6
С коррекцией	0,48	3,17	6,6	1,27	5,57	4,5
По всем округам	0,43	2,88	6,7	1,15	5,30	4,7
С коррекцией	0,43	2,82	6,7	1,12	5,06	4,7
1849 г.						
Новгородского удела:						
№1	0,31	1,99	6,4	1,18	5,87	5,0
№2	0,26	2,06	8,1	0,84	4,25	5,0
№3	0,28	2,60	9,2	0,97	6,69	6,9
№4	0,26	2,16	8,4	0,70	3,54	5,0
№5	0,46	3,03	6,5	0,88	3,83	4,3
№6	0,59	4,35	7,3	1,22	7,20	5,9
В среднем	0,36	2,70	7,6	0,97	5,23	5,4
С коррекцией	0,33	2,46	7,6	0,98	5,16	5,2
Старорусского удела:						
№7	0,49	3,25	6,7	1,17	5,04	4,3
№8	0,63	3,86	6,1	1,46	6,96	4,8
№9	0,48	3,24	6,7	1,06	5,35	5,1
№10	0,51	3,26	6,4	1,41	6,57	4,7
№11	0,48	2,54	5,3	1,44	4,46	3,9
№12	0,50	2,49	5,0	1,27	4,39	3,4
№13	0,49	1,29	2,7	3,06	4,90	1,6
№14	0,42	2,65	6,2	1,19	5,26	4,4
В среднем	0,50	2,81	5,6	1,47	5,37	4,0
С коррекцией	0,49	2,91	5,9	1,27	5,26	4,3
По всем округам	0,43	2,75	6,6	1,22	5,30	4,7
С коррекцией	0,41	2,70	6,7	1,13	5,21	4,8

1	2	3	4	5	6	7
1855 г.						
№1	0,33	1,48	4,5	0,87	3,25	3,7
№2	0,26	1,52	5,8	0,73	2,23	3,0
№3	0,55	2,63	4,7	1,14	5,02	4,4
В среднем	0,38	1,88	5,0	0,91	3,50	3,7
№4	0,47	2,10	4,4	1,15	2,57	2,2
№5	0,55	2,19	4,0	1,38	3,83	2,8
№6	0,50	1,74	3,5	0,96	2,21	2,3
№7	0,46	2,52	5,5	1,28	3,60	2,8
В среднем	0,50	2,14	4,4	1,19	3,05	2,5
По всем округам	0,44	2,01	4,7	1,05	3,28	3,1

¹ Составлено по: см. источники к табл. 24.

**Перевод данных табл. 45 в %% относительно скорректированных
средних значений**

Округа	Озимых			Яровых		
	посеяно	собрано	урожайность	посеяно	собрано	урожайность
1	2	3	4	5	5	7
1835 г.						
Новгородского удела:						
№1	105	166	164	137	139	106
№2	82	94	118	88	76	91
№3	111	83	78	115	110	100
№4	82	79	100	78	73	100
№5	103	81	82	84	79	100
№6	145	143	102	114	135	124
Старорусского удела:						
№7	76	87	111	96	100	104
№8	117	107	89	104	102	96
№9	89	96	105	95	98	100
№10	109	107	95	103	98	92
№11	104	99	92	103	105	100
№12	120	103	84	97	66	68
№13	100	124	120	122	121	100
№14	80	87	106	93	97	104
1842 г.						
Новгородского удела:						
№1	103	102	99	148	109	71
№2	89	90	99	97	83	94
№3	95	86	88	90	96	102
№4	73	76	100	82	90	106
№5	111	122	106	117	105	106
№6	141	145	101	118	143	116
Старорусского удела:						
№7	94	112	118	96	112	111
№8	119	109	91	107	159	144
№9	94	78	83	87	121	135
№10	110	101	91	113	103	89
№11	94	79	83	91	91	98
№12	104	101	97	91	82	87
№13	108	132	121	121	92	73
№14	83	99	118	99	80	74

1	2	3	4	5	6	7
1849 г.						
Новгородского удела:						
№1	94	91	84	120	114	96
№2	79	84	107	86	82	96
№3	85	106	121	99	130	133
№4	79	88	111	71	69	96
№5	139	123	86	90	74	83
№6	179	177	96	124	139	113
Старорусского удела:						
№7	100	112	114	92	96	100
№8	129	133	103	115	132	112
№9	98	111	114	83	102	119
№10	104	112	108	111	125	109
№11	98	87	90	90	85	91
№12	102	86	85	100	83	79
№13	100	44	46	241	93	37
№14	86	91	105	98	100	102
1855 г.						
№1	87	79	90	96	93	100
№2	68	81	116	80	64	81
№3	145	140	94	125	143	119
№4	94	98	100	97	84	88
№5	110	102	91	116	126	112
№6	100	81	79	81	72	92
№7	92	118	125	108	118	112

Динамика душевых посевов, сборов (в четв.) и урожайности (в «самах») в округах кавалерии в 1835–1855 гг.¹

Округа	Озимых			Яровых		
	посеяно	собрано	урожайность	посеяно	собрано	урожайность
1	2	3	4	5	6	7
1835 г.						
Украинские:						
№1, 2, 3, 4	0,48	1,94	4,1	0,44	1,61	3,6
№5, 6, 7, 8	0,48	1,90	4,0	0,57	1,70	3,0
Новороссийские:						
№1, 2, 3, 4	0,38	2,92	7,6	0,69	4,24	6,1
№5, 6, 7, 8	0,49	4,09	8,3	0,84	5,68	6,8
№9, 10, 11, 12	0,43	3,09	7,2	0,34	2,11	6,1
В среднем	0,45	2,79	6,2	0,58	3,07	5,1
С коррекцией	0,46	2,65	6,3	0,57	2,68	5,3
1842 г.						
Украинские:						
№1, 2, 3, 4	0,64	3,11	4,9	0,68	3,45	5,1
№5, 6, 7, 8	0,51	4,45	8,7	0,75	6,09	6,7
Новороссийские:						
№1, 2, 3, 4	0,38	1,59	4,1	0,87	1,86	2,1
№5, 6, 7, 8	0,45	2,51	5,6	0,98	2,63	2,7
№9, 10, 11, 12	0,58	1,76	3,0	0,55	1,08	2,0
Киевской и Подольской губ.	0,36	2,56	7,1	0,30	1,09	3,6
В среднем	0,49	2,66	5,6	0,69	2,53	3,7
С коррекцией	0,48	2,49	5,4	0,71	2,26	3,4
1849 г.						
Украинские:						
№1, 2, 3, 4	0,41	1,65	3,5	0,99	2,22	2,3
№5, 6, 7, 8	0,55	2,85	5,2	0,60	2,96	4,9
Новороссийские:						
№1, 2, 3, 4	0,46	2,20	4,8	0,75	1,89	2,5
№5, 6, 7, 8	0,60	3,59	5,9	0,82	4,28	5,2
№9, 10, 11, 12	0,45	2,02	4,5	0,67	1,81	2,7

1	2	3	4	5	6	7
Киевской и Подольской губ.	0,40	3,28	8,4	0,35	2,10	6,0
В среднем	0,48	2,60	5,4	0,70	2,54	3,9
С коррекцией	0,47	2,59	5,1	0,71	2,29	3,8
1855 г.						
Украинские:						
№1, 2, 3, 4	0,36	0,51	1,4	0,84	0,83	не возвр.
№5, 6, 7, 8	0,49	0,47	не возвр.	0,58	1,40	2,4
Новороссийские:						
№1, 2, 3, 4	0,26	0,43	1,6	0,65	0,51	не возвр.
№5, 6, 7, 8	0,36	0,66	1,8	0,76	1,30	1,7
№9, 10, 11, 12	0,45	0,61	1,4	0,69	0,65	не возвр.
Киевской и Подольской губ.	0,42	1,39	3,3	0,57	1,35	2,4
В среднем	0,39	0,68	1,6	0,68	1,01	1,3
С коррекцией	0,40	0,56	1,6	0,67	1,03	1,3

¹ Составлено по: см. источники к табл. 24.

**Перевод данных табл. 47 в %% относительно скорректированных
средних значений**

Округа	Озимых			Яровых		
	посеяно	собрано	урожай- ность	посеяно	собрано	урожай- ность
1835 г.						
Украинские:						
№1, 2, 3, 4	104	73	65	77	60	68
№5, 6, 7, 8	104	72	63	100	63	57
Новороссийские:						
№1, 2, 3, 4	83	110	121	121	158	115
№5, 6, 7, 8	107	154	132	147	212	128
№9, 10, 11, 12	93	117	114	60	79	115
1842 г.						
Украинские:						
№1, 2, 3, 4	133	125	91	96	153	150
№5, 6, 7, 8	106	179	161	106	225	197
Новороссийские:						
№1, 2, 3, 4	79	64	76	122	82	62
№5, 6, 7, 8	94	101	104	138	116	79
№9, 10, 11, 12	121	71	56	77	48	59
Киевской и Подольской губ.	75	103	131	42	48	106
1849 г.						
Украинские:						
№1, 2, 3, 4	87	64	69	139	86	60
№5, 6, 7, 8	117	110	102	84	129	129
Новороссийские:						
№1, 2, 3, 4	98	85	94	106	82	66
№5, 6, 7, 8	128	137	116	115	187	137
№9, 10, 11, 12	96	78	88	90	79	71
Киевской и Подольской губ.	85	127	165	49	92	158
1855 г.						
Украинские:						
№1, 2, 3, 4	90	91	88	125	81	—
№5, 6, 7, 8	123	84	—	81	111	143
Новороссийские:						
№1, 2, 3, 4	65	77	100	97	50	—
№5, 6, 7, 8	90	118	112	113	126	154
№9, 10, 11, 12	113	109	87	103	63	—
Киевской и Подольской губ.	105	248	206	85	131	218

**Динамика животноводства (в расчете на 100 душ м.п.)
в округах поселения кавалерии¹**

Поселения. Периоды	Лошадей	Волов	Коров
Украинские			
При создании	19,3	73,2	95,4
1825–1829	14,2	57,5	81,9
1830–1834	17,5	70,2	89,7
1835–1839	16,1	63,6	70,2
1840–1844	17,5	65,3	83,6
1845–1849	18,6	63,4	82,4
1850–1854	17,6	54,2	69,0
Новороссийские			
При создании	33,8	104,5	153,5
1825–1829	20,5	86,2	124,4
1830–1834	18,6	81,1	123,5
1835–1839	16,0	72,6	107,2
1840–1844	13,9	65,9	112,2
1845–1849	13,1	62,8	100,9
1850–1854	11,2	55,5	87,8
Киевской и Подольской губерний			
1840–1844	12,3	49,1	46,8
1845–1849	18,4	50,8	59,6
1850–1854	20,0	50,5	64,9

¹ Составлено по: см. источники к табл. 24.

**Динамика животноводства (в расчете на 100 душ м.п.)
в округах поселения пехоты и пахотных солдат¹**

Округа. Годы	Лошадей	Коров
Новгородской губ.		
При создании	59,3	130,4
1825–1829	53,8	123,1
1830–1834	65,1	128,6
1835–1839	64,1	154,8
1840–1844	61,8	135,9
1845–1849	57,2	148,5
1850–1854	59,4	178,6
Витебской и Могилевской губ.		
При создании	37,3	80,4
1825–1829	35,4	72,6
1830–1834	45,6	105,6
1835–1839	54,5	139,0
1840–1844	53,9	137,8
1845–1849	50,9	152,1
1850–1854	48,6	190,2

¹ Составлено по: см. источники к табл. 24.

**Насыщенность хозяйств пахотных солдат Новгородского уезда
крупным рогатым скотом в 1833 г.**

Количество рогатого скота	Округа												Итого	
	№1		№2		№3		№4		№5		№6			
	хозяев	%%												
10	–	–	–	–	–	–	1	0,2	–	–	–	–	1	–
9	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
8	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1	–
7	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	39	2,0	39	0,7
6	–	–	–	–	–	–	1	0,2	2	–	36	1,8	39	0,7
5	6	1,9	–	–	1	0,2	2	0,3	21	1,0	46	2,3	76	1,3
4	21	6,6	3	1,0	96	18,5	13	2,2	91	4,4	138	7,1	362	6,3
3	76	23,8	33	10,9	151	29,1	23	3,8	467	23,0	303	15,4	1053	18,2
2	185	58,0	86	28,5	99	19,1	96	16,0	437	21,1	488	24,8	1391	24,1
1	31	9,7	169	56,0	158	30,4	446	74,3	1052	50,8	817	41,6	2673	46,3
Не имеют скота	–	–	11	3,6	14	2,7	18	3,0	–	–	98	5,0	141	2,4
Итого	319	100	302	100	519	100	600	100	2070	100	1966	100	5776	100

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 8931. – Л. 5 об.–6.

**Насыщенность хозяйств пахотных солдат Старорусского уезда
крупным рогатым скотом в 1833 г.¹**

Количество ро- гатого скота	Округа																Итого	
	№7		№8		№9		№10		№11		№12		№13		№14			
	хоз.	%/о	хоз.	%/о														
15	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–
13	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–
12	1	–	8	0,4	–	–	1	–	29	1,0	–	–	–	–	7	0,6	36	0,3
11	1	–	8	0,4	16	0,9	1	–	25	1,3	–	–	–	–	4	0,3	55	0,4
10	4	0,2	11	0,6	33	1,8	8	0,4	41	21,2	23	1,3	–	–	53	4,3	173	1,3
9	3	0,2	24	1,3	57	3,1	28	1,5	54	2,9	67	3,7	–	–	31	2,5	264	1,9
8	16	0,9	60	3,2	120	6,5	59	3,2	177	9,4	151	8,3	–	–	80	6,5	663	4,8
7	35	1,9	170	9,1	173	9,4	103	5,5	330	17,6	166	9,1	28	1,9	72	5,8	1077	7,8
6	61	3,3	236	12,7	217	11,8	222	11,9	272	14,5	284	15,6	47	3,3	180	14,8	1519	11,0
5	160	8,6	389	20,9	313	17,0	300	19,3	491	26,2	271	14,9	93	6,4	285	23,1	2362	17,1
4	247	13,3	726	39,0	471	25,6	612	32,9	431	23,0	342	18,8	201	13,9	254	20,6	3284	23,8
3	302	16,3	158	8,5	225	12,2	237	12,7	27	1,4	269	14,8	236	16,4	162	13,1	1616	13,6
2	481	16,0	50	2,7	99	5,4	178	9,6	7	0,4	237	13,0	702	18,7	91	7,4	1845	13,4
1	523	28,3	17	0,9	93	5,1	51	2,7	1	–	12	0,7	135	9,4	15	1,2	847	6,1
Не имеют скота	17	0,9	3	0,2	21	1,1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	42	0,3
Итого	1851	100	1860	100	1862	100	1875	100	1822	100	1442	100	1235	100	1235	100	13785	100

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 8931. – Л. 5 об.–6.

**Распределение скота между основными группами пахотных солдат
в
30 – 50-е гг. (в %%)¹**

Годы	Без- лошадные		Одно- лошадные		Двух- лошадные		С 3-мя лошадьми		С 4-мя лошадьми	
	хозяев	у них лошадей	хозяев	у них лошадей	хозяев	у них лошадей	хозяев	у них лошадей	хозяев	у них лошадей
1833	1,0	–	18,7	9,2	61,5	60,1	14,1	20,7	4,7	10,0
1850	2,2	–	35,5	18,7	42,5	44,5	12,4	19,6	7,4	17,2
1855	1,0	–	37,2	17,6	36,2	34,1	17,2	24,3	8,4	24,0
Годы	Не имевших скота		С одной коровой		С двумя коровами		С тремя коровами		С четырьмя и более	
	хозяев	у них скота	хозяев	у них скота	хозяев	у них скота	хозяев	у них скота	хозяев	у них скота
1833	0,9	–	18,0	4,8	16,5	8,7	13,6	10,8	51,0	75,7
1850	1,4	–	9,6	1,8	16,3	5,9	18,6	10,0	54,1	82,4
1855	2,2	–	10,2	1,7	13,7	4,5	13,7	6,8	60,2	37,0

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 397. – Оп. 6. – Д. 100. – Л. 5–9; Оп. 7. – Д. 237. – Л. 48, 128.

Распределение скота между основными группами военных поселян Херсонской губ. во второй половине 1820–х гг.¹

Дивизии, полки	В хозяйстве самого богатого поселянина				В хозяйстве самого бедного поселянина			
	лошадей	воллов	коров	овец	лошадей	воллов	коров	овец
3-я уланская дивизия								
1-й украинский уланский полк	3	8	15	400	1	4	3	–
2-й –/– –/–	10	10	24	240	1	4	7	10
3-й –/– –/–	4	8	20	100	–	4	4	–
4-й –/– –/–	2	12	5	20	1	4	3	–
Бугская уланская дивизия								
1-й бугский уланский полк	20	8	42	330	–	3	4	–
2-й –/– –/–	4	8	15	100	–	3	4	–
3-й –/– –/–	45	25	65	240	2	4	6	8
4-й –/– –/–	24	12	30	750	1	6	4	–
3-я кирасирская дивизия								
Орденский	2	24	25	–	1	4	6	–
Стародубский	3	26	12	85	1	4	4	15
Малороссийский	6	10	27	600	–	4	4	4
Новгородский	3	16	35	90	1	4	2	50

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 339. – Л. 503–504 об.

**Динамика животноводства (в расчете на 100 душ м.п.)
в округах поселения кавалерии в 30 – 50-х гг.¹**

Округа	Лошадей	Волов	Коров
1	2	3	4
1835 г.			
Украинские:			
№1, 2, 3, 4	4,6	30,6	19,1
№5, 6, 7, 8	11,6	31,0	45,0
Новороссийские:			
№1, 2, 3, 4	7,1	34,8	39,9
№5, 6, 7, 8	9,1	38,2	46,0
№9, 10, 11, 12	8,9	40,9	66,6
В среднем	8,3	35,1	43,3
С коррекцией	8,4	34,7	43,6
1842 г.			
Украинские:			
№1, 2, 3, 4	6,1	34,0	29,7
№5, 6, 7, 8	12,0	31,1	56,9
Новороссийские:			
№1, 2, 3, 4	5,9	31,8	51,4
№5, 6, 7, 8	6,8	30,4	48,4
№9, 10, 11, 12	8,3	38,1	74,0
Киевской и Подольской губерний	5,6	24,6	22,0
В среднем	7,5	31,7	47,1
С коррекцией	6,8	31,8	46,6
1849 г.			
Украинские:			
№1, 2, 3, 4	6,6	31,0	33,4
№5, 6, 7, 8	10,8	26,1	38,3
Новороссийские:			
№1, 2, 3, 4	4,0	26,7	47,6
№5, 6, 7, 8	7,0	27,4	41,5
№9, 10, 11, 12	8,3	30,2	61,7
Киевской и Подольской губерний	10,2	25,3	32,8
В среднем	7,8	27,8	42,5
С коррекцией	8,0	27,6	40,2

1	2	3	4
1855 г.			
Украинские:			
№1, 2, 3, 4	7,2	28,5	34,3
№5, 6, 7, 8	11,8	23,3	39,4
Новороссийские:			
№1, 2, 3, 4	4,2	27,2	51,1
№5, 6, 7, 8	6,7	26,6	44,3
№9, 10, 11, 12	6,1	29,7	47,4
Киевской и Подольской губерний	9,9	24,2	33,3
В среднем	7,7	26,6	41,6
С коррекцией	7,5	26,6	41,3

¹ Составлено по: см. источники к табл. 24.

Перевод данных табл. 55 в %% относительно скорректированных средних значений

Округа	Лошадей	Волов	Коров
1835 г.			
Украинские:			
№1, 2, 3, 4	55	88	44
№5, 6, 7, 8	138	89	103
Новороссийские:			
№1, 2, 3, 4	84	100	91
№5, 6, 7, 8	108	110	105
№9, 10, 11, 12	106	118	153
1842 г.			
Украинские:			
№1, 2, 3, 4	90	107	64
№5, 6, 7, 8	176	98	122
Новороссийские:			
№1, 2, 3, 4	87	100	110
№5, 6, 7, 8	100	96	104
№9, 10, 11, 12	122	120	159
Киевской и Подольской губерний	82	77	47
1849 г.			
Украинские:			
№1, 2, 3, 4	83	112	83
№5, 6, 7, 8	135	95	95
Новороссийские:			
№1, 2, 3, 4	50	97	118
№5, 6, 7, 8	88	99	103
№9, 10, 11, 12	104	109	153
Киевской и Подольской губерний	128	92	82
1855 г.			
Украинские:			
№1, 2, 3, 4	96	107	83
№5, 6, 7, 8	157	88	95
Новороссийские:			
№1, 2, 3, 4	59	102	124
№5, 6, 7, 8	89	100	107
№9, 10, 11, 12	81	112	115
Киевской и Подольской губерний	134	91	81

Динамика животноводства (в расчете на 100 душ м.п.) в округах пахотных солдат в 30 – 50-е гг.¹

Округа	Лошадей	Коров
1	2	3
1835 г.		
Новгородского удела:		
№1	21,2	43,9
№2	11,5	21,9
№3	14,8	38,6
№4	24,0	41,9
№5	21,6	45,3
№6	28,5	40,3
В среднем	21,1	38,6
С коррекцией	21,6	41,2
Старорусского удела:		
№7	33,4	44,2
№8	33,3	71,4
№9	25,7	62,0
№10	39,5	76,7
№11	31,7	92,4
№12	28,6	73,9
№13	39,4	50,8
№14	44,5	97,0
В среднем	34,5	71,7
С коррекцией	34,3	71,7
По всем округам:		
в среднем	27,8	54,8
с коррекцией	28,0	56,2
1842 г.		
Новгородского удела:		
№1	20,8	45,2
№2	15,5	33,0
№3	15,8	36,1
№4	23,8	59,0
№5	28,1	49,8
№6	27,3	44,2
В среднем	21,9	44,6
С коррекцией	21,9	43,8
Старорусского удела:		
№7	31,6	56,9
№8	32,6	75,0
№9	23,7	66,1
№10	36,6	76,4
№11	26,1	80,8
№12	27,1	70,7

1	2	3
№13	36,3	66,5
№14	43,0	90,1
В среднем	32,1	72,8
С коррекцией	31,7	72,6
По всем округам:		
в среднем	27,0	58,7
с коррекцией	26,8	58,2
1849 г.		
Новгородского удела:		
№1	20,1	43,2
№2	17,2	40,1
№3	18,3	47,1
№4	22,6	58,2
№5	24,9	68,8
№6	29,8	84,3
В среднем	22,2	57,0
С коррекцией	21,5	54,3
Старорусского удела:		
№7	28,6	77,0
№8	33,4	90,0
№9	24,4	51,9
№10	30,2	89,9
№11	21,8	105,5
№12	28,1	86,7
№13	31,2	103,0
№14	39,4	107,8
В среднем	29,6	89,0
С коррекцией	29,3	92,0
По всем округам:		
в среднем	25,9	73,0
с коррекцией	25,4	73,2
1855 г.		
Новгородской губ.:		
№1	14,3	41,5
№2	20,4	63,9
№3	27,7	67,5
В среднем	20,9	57,3
№4	30,6	97,2
№5	26,9	64,6
№6	23,2	94,2
№7	35,0	99,9
В среднем	28,9	89,0

¹ Составлено по: см. источники к табл. 24.

Перевод данных табл. 57 в %% относительно скорректированных средних значений

Округа	Лошадей	Коров
1	2	3
1835 г.		
Новгородского удела:		
№1	98	106
№2	53	53
№3	69	94
№4	111	102
№5	123	110
№6	132	98
Старорусского удела:		
№7	97	62
№8	97	100
№9	75	87
№10	115	108
№11	92	130
№12	83	104
№13	115	71
№14	130	136
1842 г.		
Новгородского удела:		
№1	95	105
№2	71	75
№3	72	82
№4	109	135
№5	128	114
№6	125	101
Старорусского удела:		
№7	100	75
№8	103	103
№9	75	91
№10	115	105
№11	82	111
№12	85	97
№13	114	92
№14	136	124

1	2	3
1849 г.		
Новгородского удела:		
№1	93	80
№2	80	74
№3	85	87
№4	105	107
№5	116	127
№6	139	155
Старорусского удела:		
№7	98	84
№8	114	98
№9	83	56
№10	103	98
№11	74	115
№12	96	94
№13	106	112
№14	134	117
1855 г.		
Новгородской губ.:		
№1	68	69
№2	98	111
№3	134	119
№4	105	109
№5	93	73
№6	80	106
№7	121	112

**Динамика численности пахотных солдат, занимающихся торговлей
в 30 – 40-х гг.¹**

Годы	Занимается торговлей	В том числе имеют капиталы (руб. серебром)				
		до 500	от 500 до 1000	от 1000 до 5000	от 5000 до 10000	более 10000
1836	504	450	30	14	2	3
1840	1000	590	207	171	18	14
1845	711	395	120	139	37	20
1849	796	422	81	188	62	43

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 447. – Л. 40; Д. 2783. – Л. 44; Д. 4807. – Л. 132. – Д. 6365. – Л. 135. Показатели включают и суммы, заработанные на подрядных работах.

Таблица 60

Посевы льна в округах пахотных солдат (в четвертях)¹

Округ	В 1834 г.			В 1850 г.		
	всего	в %% по всем округам	на душу населения	всего	в %% по всем округам	на душу населения
№1	32	0,9	0,11	48	0,9	0,14
№2	31	0,9	0,08	43	0,8	0,09
№3	39	1,2	0,08	52	1,0	0,12
№4	43	1,3	0,09	71	1,3	0,13
№5	247	7,3	0,17	253	4,7	0,17
№6	345	10,2	0,20	546	10,1	0,31
№7	257	7,6	0,18	417	7,7	0,27
№8	485	14,3	0,32	423	7,9	0,27
№9	469	13,9	0,32	1558	28,9	1,03
№10	482	14,2	0,35	752	14,0	0,54
№11	359	10,6	0,25	544	10,1	0,36
№12	255	7,5	0,18	268	5,0	0,19
№13	187	5,5	0,18	213	4,0	0,19
№14	156	4,6	0,18	195	3,6	0,21
Итого	3387	100,0	0,22	5387	100,0	0,33

ЯЧМЕНИХИН К.М.

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 397. – Оп. 6. – Д. 105. – Л. 5–86; Оп. 7. – Д. 237. – Л. 52, 131; Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 477. – Л. 44; Д. 6758. – Л. 129.

Основные показатели ярмарочной торговли в округах 2-го резервного поселенного кавалерийского корпуса в 1830–1831 гг.¹

Округ поселения полка	Количество ярмарок	Годовой оборот в тыс. руб.	Продаются товары	Продажа за пределы округа: губернии и го-рода
2-й уланской дивизии				
Белгородского	34	91	Рогатый скот, кожи, соль, рыба, бакалея	Сл.–Украинская, Курская, Екатеринославская, земли Донских казаков
Чугуевского	3 Базары 2 раза в нед.	300	Сало, фрукты, тканые пояса, скот	Харьков
Борисоглебского	5	50	Скот, соль, рыба	–
Серпуховского	5	50	Скот, соль, рыба, бакалея, деготь, конская сбруя, изделия из металла	Харьков
2-й кирасирской дивизии				
Екатеринославского	16	70	Хлеб, рогатый скот, овцы, мед	–
Его Высочества Великого Князя Михаила Павловича	18	85	Рогатый скот, овцы, хлеб, деготь, мед	Екатеринославская, Курская, земли Донских казаков
Астраханского	11	24	Хлеб, рогатый скот, овцы, мед	–
Псковского	16	60	Хлеб, скот, мед	Сл.–Украинская, Курская, Екатеринославская

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 3643. – Л. 68–69 об.

Поголовье лошадей в конных заводах кавалерийских округов к 1 января 1826 г.¹

Поголовье лошадей	Слободско–Украинские поселения		Херсонские военные поселения			Итого
	1-я кирасирская	2-я уланская	2-я кирасирская	3-я уланская	Бугская уланская	
Коренное основание:						
жеребцов	80	58	114	49	107	408
кобыл	822	709	1297	537	1338	4703
Итого	902	767	1396	586	1445	5111
Заводский приплод:						
четырёхлеток	–	6	517	–	379	902
трехлеток	–	38	626	31	420	1115
двухлеток	79	125	454	35	402	1095
годовиков	162	268	581	267	522	1800
Итого	241	437	2178	333	1723	4912
Всего	1143	1204	3589	919	3168	10023

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 1. – Д. 407. – Л. 549.

**Динамика арендуемых земель в округах пахотных солдат
в 30 – 40-е гг.¹**

Год	Количество земли (дес.)	Арендная плата (руб. серебром)	Цена за десятину
1832	14567	17370	1,19
1833	18146	11479	0,63
1834	15011	8574	0,57
1835	19408	10438	0,54
1836	17648	16256	0,82
1837	10993	11107	1,01
1838	12319	9678	0,79
1839	11220	8926	0,79
1840	10548	7728	0,73
1842	11726	7332	0,63
1843	10524	8126	0,77

¹ Составлено по: см. источники к табл. 24.

Динамика хлебных долгов в округах военных поселений и пахотных солдат в расчете на душу населения (в четвертях)¹

Годы. Поселения	Озимые	Яровые	Всего	В %% к валовому сбору
Украинские				
1835–1839	0,12	0,02	0,14	4,9
1840–1844	0,01	нет	0,01	0,2
1845–1849	0,12	нет	0,12	4,3
1850–1855	0,29	0,02	0,31	6,1
Новороссийские				
1835–1839	0,27	0,01	0,28	4,5
1840–1844	0,49	0,22	0,71	18,5
1845–1849	0,44	0,19	0,63	20,3
1850–1855	0,43	0,32	0,75	18,7
Киевской и Подольской губерний				
1840–1844	0,50	0,54	1,04	30,6
1845–1849	1,01	0,62	1,63	47,2
1850–1855	1,00	0,69	1,69	39,8
Новгородской губернии				
1835–1839	0,33	0,44	0,77	10,0
1840–1844	0,42	0,82	1,24	16,0
1845–1849	0,44	0,39	0,83	14,0
1850–1855	0,44	0,48	0,92	15,6
Витебской и Могилевской губерний				
1835–1839	0,76	0,31	1,07	23,8
1840–1844	0,89	0,42	1,31	30,1
1845–1849	0,82	0,28	1,10	30,1
1850–1855	0,53	0,20	0,73	19,3

¹ Составлено по: см. источники к табл. 24.

Хлебные долги в округах пахотных солдат в 1850 г. (в четвертях)¹

Удел. Округ	Состоит разного хлеба				
	в запасе	в долгу	% долга от запасов округа	% от общего долга удела	% от общих запасов
Новгородский					
№1	7430	3550	47,8	28,3	14,7
№2	5805	1253	21,6	10,0	11,5
№3	5054	3329	65,9	26,5	10,0
№4	5713	2493	43,6	19,9	11,3
№5	11219	1082	9,6	8,6	22,3
№6	15363	834	5,4	6,7	30,4
Итого	50584	12541	24,8	100,0	100,0
Старорусский					
№7	20428	3487	17,1	4,7	11,0
№8	26500	8761	33,1	11,7	14,3
№9	25885	8020	31,0	10,8	13,9
№10	26154	12226	46,7	16,4	14,1
№11	25996	14729	56,7	19,7	14,0
№12	23489	13489	57,4	18,1	12,7
№13	20117	7589	37,7	10,2	10,8
№14	16976	6277	37,0	8,4	9,1
Итого	185545	74578	40,2	100,0	100,0
Витебской губ.	26268	8450	32,1	–	–
Могилевской губ.	12895	4250	33,0	–	–
По всем округам	275292	99829	36,3	–	–

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 6758. – Л. 128, 129, 131.

**Душевые хлебные долги (в четв.) в округах
пахотных солдат в 1850 г.¹**

Удел. Округ	Ржи		Овса		Итого		В % к валло- вому сбору
	в запасе	в долгу	в запасе	в долгу	в запасе	в долгу	
Новгородский							
№1	1,18	0,57	1,50	0,71	2,68	1,28	23,5
№2	0,75	0,12	0,75	0,21	1,50	0,33	7,2
№3	0,58	0,32	0,82	0,60	1,40	0,92	19,1
№4	0,62	0,28	0,68	0,28	1,30	0,56	10,6
№5	0,40	0,06	0,55	0,04	0,95	0,10	1,8
№6	0,46	0,06	0,63	нет	1,09	0,06	0,6
В среднем	0,67	0,25	0,82	0,31	1,49	0,56	4,6
С коррекцией	0,60	0,20	0,72	0,28	1,32	0,48	–
Старорусский							
№7	0,46	0,21	1,20	0,07	1,66	0,28	3,9
№8	0,82	0,52	1,29	0,18	2,11	0,70	6,7
№9	0,81	0,35	1,33	0,31	2,14	0,66	7,6
№10	1,00	0,52	1,35	0,58	2,35	1,10	14,3
№11	0,93	0,61	1,20	0,59	2,13	1,20	19,9
№12	0,89	0,65	1,15	0,52	2,04	1,17	30,6
№13	0,88	0,43	1,32	0,40	2,20	0,83	11,5
№14	0,89	0,44	1,35	0,39	2,24	0,83	11,7
В среднем	0,84	0,47	1,27	0,38	2,11	0,85	11,1
С коррекцией	0,89	0,48	1,28	0,40	2,17	0,88	–
Витебской губ.	1,42	0,56	0,51	0,06	1,93	0,62	10,9
Могилевской губ.	0,79	0,35	0,50	0,07	1,29	0,42	7,9
По всем округам	0,80	0,38	1,00	0,27	1,80	0,65	9,3

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 6758. – Л. 129, 130, 131.

**Хлебные долги в округах военных поселений кавалерии в 1850 г.
(в четв.)¹**

Округа	Состоит разного хлеба				
	в запасе	в долгу	% долга от запасов окр.	% от общего долга	% от общих запасов
Украинские					
№1, 2, 3, 4	146977	70771	48,2	14,0	10,8
№5, 6, 7, 8	89631	31385	35,0	6,2	6,6
Новороссийские					
№1, 2, 3, 4	113797	19193	16,9	3,8	8,4
№5, 6, 7, 8	289351	61938	21,4	12,2	21,4
№9, 10, 11, 12	282881	119753	42,3	23,7	20,9
Киевской и Подольской губ.	432148	202689	46,9	40,1	31,9
Итого	1354785	505729	41,3	100,0	100,0

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 6758. – Л. 192, 193, 196.

**Душевые хлебные долги в округах военных поселений кавалерии
(в четв.) в 1850 г.¹**

Округа	Ржи		Овса		Итого		В % к валовому сбору
	в запасе	в долгу	в запасе	в долгу	в запасе	в долгу	
Украинские							
№1, 2, 3, 4	0,79	0,60	0,59	0,06	1,38	0,66	18,6
№5, 6, 7, 8	0,78	0,33	0,24	0,03	1,02	0,36	14,7
Новороссийские							
№1, 2, 3, 4	0,64	0,16	0,54	0,04	1,18	0,20	9,2
№5, 6, 7, 8	1,52	0,51	2,24	0,30	3,76	0,81	27,6
№9, 10, 11, 12	1,26	0,90	1,76	0,39	3,02	1,29	66,8
Киевской и Подольской губ.	1,97	1,33	2,18	0,62	4,14	1,95	68,1
В среднем	1,16	0,64	1,26	0,24	2,42	0,88	34,2
С коррекцией	1,09	0,59	1,27	0,20	2,34	0,78	32,3

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 6758. – Л. 192, 193, 195, 196.

Таблица 69

**Недоимки оброка в округах пахотных солдат Новгородской губернии
в 1856 г. (руб. серебром)¹**

Округ	Душ м.п. обязанных платежом	Годовой оклад оброка	Недоимки		
			всего	в % к общему окладу	на душу м.п.
№1	2676	13598	222	1,6	0,08
№2	3250	16596	136	0,8	0,04
№3	5950	37464	507	1,4	0,09
№4	10426	57179	11077	19,4	1,06
№5	11197	64797	26409	40,8	2,36
№6	10128	56698	40988	72,3	4,05
№7	7221	42532	20417	48,0	2,83
Итого	56347	288864	99756	34,5	1,77

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 8572. – Л. 2; Д. 8856. – Л. 1–2; Д. 8758. – Л. 35.

Динамика численности хозяев и нехозяев в округах военных поселений кавалерии и пахотных солдат (тыс.)¹

Поселения. Годы	Хозяев	В %% к мужскому населению	Нехозяев	В %% к мужскому населению
Украинские				
1829–1834	13,4	15,8	13,3	16,6
1835–1839	16,0	17,4	17,3	18,9
1840–1844	16,0	16,7	20,9	21,8
1845–1849	15,8	15,8	23,3	23,4
1850–1854	15,9	15,6	22,4	22,1
Новороссийские				
1829–1834	12,9	11,2	16,1	13,9
1835–1839	25,4	21,4	17,9	15,0
1840–1844	30,5	22,7	25,1	18,6
1845–1849	31,2	21,9	27,9	19,7
1850–1854	27,0	18,7	31,2	21,6
Киевской и Подольской губ.				
1840–1844	9,2	18,4	11,3	22,6
1845–1849	9,7	19,1	12,9	25,4
1850–1854	10,0	18,4	13,3	24,6
Округа пахотных солдат:				
Новгородской губ.				
1829–1834	22,5	38,4	9,6	16,7
1835–1839	19,6	33,2	10,3	17,4
1840–1844	19,7	32,3	12,9	21,0
1845–1849	19,1	31,4	14,8	24,4
1850–1854	18,3	29,0	16,2	26,3
Витебской и Могилевской губ.				
1829–1834	3,7	29,2	1,9	14,4
1835–1839	3,6	29,7	1,8	15,0
1840–1844	3,5	29,4	2,3	19,3
1845–1849	3,2	27,8	2,7	22,9
1850–1854	3,2	27,1	2,8	23,9

¹ Составлено по: см. источники к табл. 24.

**Раскладка оброка в округах пахотных солдат
Старорусского удела в 1850 г.¹**

Округ	Обязанных платежом оброка		Сумма оброка (руб. серебром)			Душевых участков земли	Плата за участок
	хозяев	других лиц от 15 до 60 лет	с хозяев	с остальных	всего		
№7	1582	1652	27115	2362	29477	4855	6,07
№8	1801	1791	30869	2561	33430	4875	6,86
№9	1701	1860	29155	2659	31814	5274	6,03
№10	1627	1581	27886	2260	30146	4333	6,96
№11	1711	1772	29326	2533	31859	4403	7,24
№12	1622	1719	27801	2458	30259	4827	6,27
№13	1328	1164	22761	1664	24425	3659	6,68
№14	1114	1008	19093	1441	20534	3053	6,73
Итого	12486	12547	214010	17942	231954	35279	6,57

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 399. – Оп. 5. – Д. 245. – Л. 14–65.

Таблица 72

**Среднегодовые показатели уровня развития земледелия
в 3–м и 6–м округах пахотных солдат в 1847–1856 гг.¹**

Округ	Посев в четвертях			Урожайность в «самах»		Чистые сборы в четвертях		
	озимых	яровых	всего	озимых	яровых	озимых	яровых	всего
№3	14193	29339	43532	5,67	4,17	66254	93003	159257
№6	11527	25179	36706	3,80	3,11	32277	53242	85519

ЯЧМЕНИХИН К.М.

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 6027, 6758, 7162, 8189, 8758.

**Основные хозяйственные показатели среднего двора
в 3–м и 6–м округах пахотных солдат в середине 1850–х гг.¹**

Основные показатели	3–й округ	6–й округ
Душ обоего пола	6,0	6,1
Душ мужского пола	2,8	2,7
Пашни (десятин)	7,1	7,0
Сенокосов (десятин)	11,0	10,3
Скота (голов):		
лошадей	1,9	1,6
крупного рогатого	5,0	5,9
мелкого	2,6	1,9
Посевы (четвертей):		
озимые	3,39	3,01
яровые	7,01	6,57
Чистые сборы зерна (четв.):		
озимые	15,83	8,43
яровые	22,22	13,86

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 6027, 6758, 7162, 8189, 8758.

Таблица 74

**Соотношение доходов от хлебопашества и основных расходов
среднего двора в 3–м и 6–м округах пахотных солдат¹**

Виды доходов и расходов	3–й округ		6–й округ	
	пуд. хлеба	руб. серебром	пуд. хлеба	руб. серебром
Доходы от хлебопашества:				
Чистые сборы хлебов:				
озимых	127	67,31	67	35,51
яровых	120	64,80	75	40,50
Итого	247	132,11	142	76,01
Расходы на личные потребности и хозяйственные нужды:				
озимых	108	57,24	110	58,30
яровых	51	27,54	47	25,38
Итого	159	84,78	157	83,68
Оброчные платежи		15,87		14,79
Сальдо		+31,46		– 22,46

¹ Составлено по: см. источники к табл. 73.

**Численность жителей военных поселений
Закавказского края в 1855 г.¹**

Поселение	Количество хозяйств	Количество душ		
		мужского пола	женского пола	итого
Елисаветинское	15	50	76	126
Манглиское	57	196	197	393
Белоключинское	105	324	299	623
Царскоколодецкое	25	68	76	144
Лагодехское	41	98	77	175
Итого	243	736	725	1461

¹ Составлено по: РГВИА. – Ф. 405. – Оп. 4. – Д. 8696. – Л. 2–2 об.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Адлерберг В.А. 89

Акерман, полковник 109, 300

Александр I, император (Александр Павлович, великий князь) 5, 8, 12, 14, 15, 18, 22, 23, 28, 32, 35, 36, 40, 42, 43, 49, 50, 51, 53, 61, 63, 65, 66, 81, 95, 96, 98, 121, 125-131, 138, 146, 149, 154-156, 158, 159, 170, 186, 192-194, 229, 305, 312, 321

Александр Николаевич, великий князь (Александр II, император) 29, 312, 316, 319, 323

Александров Г.Н. 12, 331, 336

Алексеев Ф. 63

Аммосов Н.А. 115

Ананьев В.А. 7, 21

Анисимов И. 224

Аракчеев А.А. 8, 12, 15, 18, 23, 26-28, 32, 33, 38, 39, 40, 41, 43, 44, 46, 47-49, 51, 54-58, 60-66, 95, 96, 98, 99, 103-107, 110, 113, 120-138, 143, 146-148, 150-153, 157, 159, 164, 170, 188, 189, 190, 192, 193, 196, 207, 209, 220, 228, 229, 247, 248, 262-264, 270, 275, 291, 297, 305, 321, 322

Арсеньев К.И. 29

Арцибашева Е. 225

Бабичев, поручик 90

Багaley Д.И. 16

Багaley-Татаринова О.Д. 16, 46, 48, 336, 337

Багратион П.И. 129

Базанкур, подполковник 165

Балашов А.Д. 131

Барклай де Толли М.Б. 32, 47, 127, 129, 131, 331

Батеньков Г.С. 71, 98, 107, 133, 331

Бенкендорф А.Х. 183, 184, 257, 331

- Берд Ч. 304
Бескровный Л.Г. 18, 59, 63, 149, 337
Бессонов С.А. 299
Бехерахт, статский советник 236
Блашков Ю.А. 9, 19, 337
Богданов Л.П. 7, 9, 21, 63, 64, 188, 337
Богданович М.И. 8-10, 27, 48, 53, 63, 64, 198, 291, 306, 337
Богданович П. 337
Богословский Н.Н. (Словский) 34, 121, 337
Боханов А.Н. 10, 11
Брадке Е.Ф. фон 33, 210, 331
Брюгген Э.Д. фон 275
Брюллов А.П. 115
Буганов В.И. 287
Буксгевден Ф.Ф. 46
Булгаков, действительный статский советник 316
Булгарин Ф.В. 34
Бухмейер Ф.Е. 41, 98, 104, 107
Бычков Г.Н. 207, 337
Вадбольский А.Н. 115, 302
Васильев И. 165
Васильчиков И.В. 47, 48, 157, 160, 278
Васютинский 179
Веригин А. 225
Веригин А.И. 313, 316
Вигель Ф.Ф. 331
Виллие Я.В. 331
Винценгероде Ф.Ф. 39
Висковатов А.В. 106, 338
Витлицкая Е.А. 122
Витт И.О. 41, 55, 58-61, 72, 82, 96, 105, 109, 110, 118, 134, 135, 143, 157, 159, 211, 228, 229, 291, 294, 322
Волков, генерал-майор 300
Волконский П.М. 32, 51
Воронцов М.С. 93, 94
Врангель Н. 121, 338
Вяземский П.А. 121, 331
Вязмитинов С.К. 127
Гайли, полковник 272, 273
Гакстгаузен А. 48, 338

ЯЧМЕНИХИН К.М.

- Герасимова Ю.И. 28, 338
Герцен А.И. 332
Герштенцвейг А.Д. 182
Гессен С.Я. 16, 17, 338
Глинка М.И. 332
Глинка С.Н. 332
Глинка Ф.Н. 332
Голицын А.Н. 130
Головин Е.А. 85, 86, 90
Горланов Л.Р. 6, 117, 175, 220, 221, 227, 238, 241, 242, 322, 339
Греч Н.И. 332, 339
Гриббе А.К. 32, 33, 332
Григорьев Д. 165
Гуржий И.А. 17, 208, 233, 239, 242, 339
Гурко В.О. 296
Гурьев Д.А. 190, 303
Давыдов Б.Б. 6, 11, 21, 32, 34, 47, 99, 339
Давыдов Д.В. 32, 48, 332
Данилов П.Д. 117, 167, 287
Дейч Г.М. 270
Дельвиг А.И. 332
Демидов А.И. 332
Детлов К.Ф. 300, 332
Дженкинс М. (Jenkins M.) 23, 355
Дзерожинский 165
Дибич И.И. 32, 47, 68, 110-113, 157-159, 190, 264
Дмитриев И.И. 332
Довнар-Запольский М.В. 8
Долгоруков В.А. 80, 316
Дружинин Н.М. 220, 238, 241, 250, 283, 314, 322, 339
Дружинина Е.И. 241, 255, 339
Дубровин Н. 32
Дударов К. 89
Дьячков, купец 278
Дюбю Т. 298
Дятлов В.А. 6
Европеус И.В. 332
Евстафьев П.П. 16, 17, 44-46, 57, 67, 166, 297, 339
Егоров А.Е. 299
Екатерина II, императрица 125, 126

- Еккельн Ф.Ф. 72
Ермолов А.П. 41, 43, 48, 81, 332
Ешин, генерал-майор 134
Жекулин В.С. 52, 226, 227, 340
Жданеев, коллежский асессор 278
Заикин Н. 33, 332
Захаржевский Я.В. 167
Захарова Л.Г. 6, 340
Зубов П.А. 33, 332
Иванов Ф. 165
Измайлов, капитан-лейтенант 303
Истомина Э.Г. 52, 272, 303, 304, 340
Иордан К. 254
Карбоньер Л.Л. 30, 104, 133, 298, 300
Каблуков П.И. 118
Кабузан В.М. 155, 341
Кандаурова Т.Н. 6, 9, 20, 21, 32, 45, 47, 97, 99, 140, 162, 198-200, 230, 249, 264, 268, 278, 341
Кандыба Д.Ф. 54
Канкрин Е.Ф. 45, 48, 73, 190, 194
Кантакузин Н.Р. 55
Каменцева Е.И. 285
Карпов Ф. 165
Карцов П.П. 8, 9, 12-14, 27, 53, 297, 333, 341
Кашенко С.С. 221, 341
Кеппен П.И. 30, 341
Кизеветтер А.А. 8, 9, 121, 128, 130, 342
Кириллов Е. 225
Кирсанов П. 273
Киселев П.Д. 217, 259
Киселева С. 217
Китанина Т.М. 273, 342
Киянская О.И. 42
Кларк М.Е. 115, 133, 265, 302
Клейнмихель П.А. 41, 64, 82, 99, 105, 110, 112-115, 157-159, 182, 296
Кнорринг Б.Ф. 129
Княжнин Б.Я. 56, 104
Ковальченко И.Д. 221, 227, 234, 237-242, 249, 250, 254, 256, 283, 287, 310, 322, 342

ЯЧМЕНИХИН К.М.

Козодавлев О.П. 39
Комиссаренко А.И. 6
Кононов Я. 165
Корнилов В.А. 37
Корсаков Г.И. 122
Корф М.А. 47, 99
Корф Н.И. 176, 213
Кочубей В.П. 48
Красовский, подполковник 99
Крепыш, инженер-подполковник 272, 273
Кропотов Д.А. 8
Кункль А.А. 16, 342
Куртис Г. (Curtiss G.) 22, 23, 355
Кюстин А. де 48, 333
Лавров Н.И. 38
Лазанская Т.И. 239, 342
Лайелль Р. (Lyll R.) 15, 355
Ламберт К.К. 315-317
Лапин В.В. 36, 342
Лауниц В.Ф. фон 316
Левинтов Н. 18, 57, 142, 343
Линкольн В.Б. (Lincoln W.B.) 22, 23, 355
Липовская Т.Д. 9, 10, 19, 20, 45, 47, 53, 67, 144, 283, 343
Лисаневич Г.И. 55, 59, 209
Лопухин П.П. 48
Лукинский В. 33
Лыкошин А.С. 12, 13, 344
Маевский С.И. 27, 32, 41, 61, 63, 158, 263, 333
Маковский С. 121, 338
Мальцев Н.А. 21, 344
Мармон О.Ф. 48, 333
Мартос А.И. 33, 333
Мартос И.П. 33
Матвеев К. 165
Матвеев Н. 33
Мевес, генерал-майор 109
Мелиссино П.И. 122-124
Меллер-Закомельский П.И. 54, 65
Мельгунов С.П. 8, 344
Меркулов Е. 165

- Милов Л.В. 221, 310, 322, 342, 344
Минут И. 291
Мироненко С.В. 6, 35, 36, 53, 63, 188, 344
Миронов Б.Н. 286, 344
Мирошников И.Я. 41, 344
Михайлов А. 224
Михайловский-Данилевский А.И. 129, 131, 334
Михеев З.С. 8, 344
Мордвинов И.П. 121
Мордвинов Н.С. 45
Морошкин М.Я. 33
Муравьев М.Н. 316
Муравьев Н.Н. 53
Муравьев (Карский) Н.Н. 312
Насекин Ф.Л. 39, 40, 52, 134
Неклюдов, статский советник 313
Никитин А.П. 71, 236, 275
Никитин В.Н. 34, 80, 345
Николай I, император 5, 8, 14, 19, 23, 28, 29, 49, 66-68, 73, 80-83, 89, 91, 96, 99, 109-111, 137, 148, 157-159, 169, 193, 194, 264, 302, 305, 307, 321
Николай Михайлович, великий князь 9, 14, 22, 345
Никольский В.П. 12, 345
Нифонтов А.С. 238, 240, 242, 243, 345
Новосильцев Н.Н. 95
Ноинский, помещик 166
Носович С.И. 232, 345
Обольянинов А. 216
Окунь С.Б. 17, 53, 63, 345
Оленин А.Н. 299
Оливье Д. (Oliver D.) 23, 355
Орлов Е. 14, 345
Орлова-Чесменская А.А. 72, 216
Павел I, император (Павел Петрович, великий князь) 41-43, 124-126, 137
Палеолог М. (Paleologue M.) 23, 355
Панфилов К. 165
Паренсов Д.Т. 301
Парусов А.И. 104
Паскевич И.Ф. 82

ЯЧМЕНИХИН К.М.

- Паулуччи Ф.О. 32
Персидский А.И. 41, 46, 115
Перовский Л.А. 313
Пестель П.И. 42
Петр I, император 15
Петров А.Н. 8, 9, 12, 13, 140, 346
Петровский, надворный советник 99
Пиллар фон Пильхау Г.Ф. 202, 203, 277, 286
Пилявский В.И. 31, 292, 299, 346
Пинтер В. Мак-Кензи (Pinter W. Mc. Kenzie) 23, 355
Плещеев, действительный камергер 216
Погодин В.В. 28, 36
Полукетов П.А. 71
Потоцкие, князья 76
Потоцкий П. 124, 347
Предтеченский А.А. 287
Предтеченский А.В. 11, 12, 18, 47, 99, 152, 347
Примаченко Ю.М. 6
Пулята Н.В. 12, 347
Пушкин А.С. 121
Раббе А. (Rabbe A.) 16, 355
Раев М. (Raeff M.) 23, 355
Раппопорт А. (Rapport A.) 23, 355
Ратч В.Ф. 43, 122, 123, 347
Рен П. (Rain P.) 22, 355
Репнин, генерал-адъютант 82
Рерберг Ф.И. 115, 298, 303
Ржевусский В. 76
Родин Ф.Н. 272
Родионов Г. 54, 228
Розен Г.В. 82-84, 89, 96
Розенмейер, майор 166
Розов Е.К. 251, 348
Романов И. 272, 273
Руденко М. 179
Румянцев Н.П. 32
Румянцев П.Н. 48
Русанов Н. 45, 46
Руско Л. 104, 133, 298
Рябков Г.Т. 225, 233, 348

- Рязановский Н. (Riasanovsky N.) 22, 355
Сабаньский А. 76
Садовникова М.В. 17, 166
Салтыков Н.И. 123, 130
Самбурский И.Ф. 41, 46, 47, 98, 99, 106, 115, 158
Сапега Е. 79
Семевский В.И. 8, 349
Семенов И. 179
Серван Ж. 12, 45
Сиверс Е.К. 47, 107
Сироткин В.Г. 36, 349
Скальковский В. 235, 349
Слезкинский А.Г. 14, 349
Скобелев И.Н. 74
Советов А.В. 220, 349
Соколов, подпоручик 166
Соломенная Т.В. 220
Сперанский М.М. 11, 23, 27, 32, 34, 35, 41, 47, 95, 98, 99, 128, 130-133, 216, 349
Стасов В.П. 115, 133, 298, 299, 302
Стороженко А.Я. 28
Стродс Х.П. 228, 350
Сухозанет Н.О. 312, 313
Сытенко, военный советник 99
Тимофеев Т. 165
Тихонов Ю.А. 287
Толстой П.А. 82, 113, 114, 167, 168
Тон К.А. 115
Тройницкий А. 211, 350
Трощинский И.Е. 58
Трубников А. 121, 338
Тургаев А.С. 20, 221, 270, 273, 350
Тургенев, полковник 51
Тутолмин И.А. 45
Уваров С.С. 45
Устюгов Н.В. 285
Фабр А.Я. 31, 107, 298, 300
Фабрициус И.Г. 31, 350
Федоров Б. 63

ЯЧМЕНИХИН К.М.

Федоров В.А. 6, 12, 17, 54, 131, 134, 225, 242, 264, 310, 322, 350, 351

Филиппович В.И. 314

Фохт, генерал-майор 77, 276

Фрикен Ф.К. фон 104, 117, 164, 174, 176, 182, 213, 232, 234, 271, 289

Фурье Ш. 15

Хилков С.А. 118

Ходасевич, майор 289

Храповицкий А.В. 32

Цвилинев, генерал-лейтенант 50, 51

Цез, помещик 166

Чарторыйский А. 76

Чаянов А. 254

Чернышов А.И. 77, 93, 174, 182, 183, 257

Чугунов А. 231, 352

Шарнхорст Г.-И.Д. 12, 44

Шаховской И.Л. 73, 109, 167, 168

Шениг Н.И. 121, 331

Шильдер Н.К. 8-10, 12, 14, 27, 28, 32, 45, 130, 198, 352

Шиман Т. 22, 352

Шишков А.С. 131

Штауберт, архитектор 115

Штрайх С.Я. 16, 352

Шувалов П.А. 129

Шуман А.И. 256

Щебальский П.Г. 8, 9, 15, 53, 352

Щепетильников В.А. 8, 47, 63, 64, 353

Щербатов М.М. 42, 352

Щеховской, майор 182

Эгрон А. (Egron А.С.) 16, 355

Эйлер А.Х. 33, 71, 108, 113, 114, 335

Энгельгардт А.Б. 317

Яковлев А.Е. 299

Якушкин В.Е. 121, 127, 353

Янель З.К. 287, 353

Янсон Ю. 212, 353

Яфимович, генерал-майор 132, 270

Ячменихин В.К. 21, 80, 140, 153, 169

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава I. Литература и источники о военных поселениях	7
Література.....	7
Источники	24
Глава II. Создание и развитие системы поселенных войск	35
§1. Мотивы и цели создания. Поиски формы	35
§2. Основные периоды истории военных поселений.....	50
§3. Военные поселения на Кавказе	81
Глава III. Административная структура	97
§1. Законодательная база и органы управления	97
§2. А.Аракчеев и военные поселения	121
Глава IV. Социальный облик военного поселянина.....	139
§1. Социальный статус военного поселянина в царствование Александра I.....	139
§2. Реформирование военных поселений. Социальный статус военных поселян и пахотных солдат в 1830-е – 1850-е годы	156
Глава V. Экономика военных поселений	187
§1. Финансирование и бюджет поселенной системы.....	187
§2. Сельскохозяйственное производство.....	207
§3. Промышленность и торговля.....	260
§4. Строительство и транспорт.....	290
Глава VI. Ликвидация округов военных поселений и пахотных солдат	311
Заключение.....	320
Источники и литература	325
Статистические материалы.....	356
Указатель имен	434

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЯЧМЕНИХИН КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВИЧ

Технический редактор

О.Климова

Дизайн обложки

В.Лозовой

Верстка и макетирование

О.Климова

Компьютерный набор

Ю.Примаченко

Ячменихин К.М.

Я 95 **Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия.** – Чернигов: «Сіверянська думка», 2006. – 444 с.

ISBN 966-7743-49-7

В монографии доктора исторических наук К.М. Ячменихина анализируются причины создания военных поселений в России, особенности их функционирования. Особенное внимание уделяется социальной, административной и хозяйственной структуре этого уникального государственного института первой половины XIX в.

Книга предназначена для специалистов-историков, студентов и преподавателей гуманитарных специальностей, для читателей, интересующихся российской историей.

ББК 51-541

УДК 94(47)''18'': 338.245

Підписано до друку 24.07.06. Формат 60x84 1/16.

Папір офсетний. Друк на різнографі.

Ум. друк арк. 25,81. Обл.-вид. 2,19.

Наклад 500 прим. Зам. №170.

Редакційно-видавничий відділ ЧДПУ імені Т.Г.Шевченка.

14013, вул. Гетьмана Полуботка, 53, к. 208.
Тел. 65-17-99.